

2592.

Вейгаица 0

დარიცხვით	№	_____
მისაღებად	№	_____
დასრულებული	№	2606
სრულად	№	3076
სრულად	№	2592

Александровичу

355.48/2

Отъ автора

КОВУЛЕТСКІЙ

ОТРЯДЪ

ВЪ МИНУВШУЮ ВОЙНУ.

999.612
309W

1877—1878 гг.

Трудъ Бориса Ковулетскаго

Воспоминанія офицера.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.

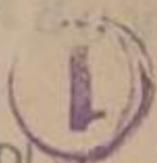
Типографія Департамента Удѣловъ, Москва, № 36,

1885.

საქართველოში

Военная история

355.486(470) + 94(470) 1877-1878

Дозволено цензурой, С.-Петербургъ, 12-го апреля 1885 г.

საქართველოში

ქ. შაველიძის სახ. სპეც.
საბიბლიოთეკო
სამსახურში
აქტივობა

КОБУЛЕТСКИЙ ОТРЯДЪ

ВЪ МИНУВЩУЮ ВОЙНУ 1877—1878 ГГ.

(Воспоминаніе офицера).

I.

Четыре мѣсяца въ Гуріи наканунѣ войны.

Путь изъ Тифлиса въ Гурію.—Озургетъ.—Дожди.—Наводненіе.—Князь Григорій Давидовичъ Гуріель.—Подготовка театра военныхъ дѣйствій.—Расположеніе отряда въ Гуріи.—Знадѣйскій укрѣпленный лагерь и укрѣпленія г. Озургетъ.—Позиціонныя орудія.—Исторія комплектованія и формированія озургетской мѣстной батареи.—Условія лагерной стоянки войскъ на г. Эвадіо.—Путешествіе на чолокскій постъ и посѣщеніе Ази-пашы Тавдгеридзе.—Бесѣда съ пашой.—Бытъ турецкой Гуріи.—Обученіе озургетской мѣстной батареи.—Объѣздъ войскъ отряда августѣйшимъ главнокомандующимъ.—Великій Князь Михаилъ Николаевичъ въ Николаевскій и Озургетскій.—Береговая дорога.—Николаевскъ.—Постъ нашъ и турецкій.—Дорога изъ Николаевска въ Озургетъ.—Занокъ и поселеніе Вашари.—Сосредоточеніе въ Озургетскій войскъ отряда.—Составъ артилеріи въ 11-ю апрѣля.—Ночь съ 11-го на 12-е апрѣля.—Послѣднія приготовленія.—Утро 12-го апрѣля.—Молебствіе.—Походъ въ Турцію.

Слухи о предстоящей войнѣ съ Турціей къ осени 1876 года превратились въ приготовленія. Кавказская армія на всемъ протяженіи границъ нашихъ съ Анатоліей сосредоточивалась въ трехъ главныхъ пунктахъ, различныхъ по своей природѣ, жителямъ, климату и характеру предстоящихъ военныхъ дѣйствій, а именно: въ Эривани, въ Александрополѣ и наконецъ въ бассейнѣ Ріона, въ Древней Колхидѣ.

Судьба назначила мнѣ послѣдній пунктъ, и я получилъ назначеніе вести орудія на вооруженіе города Озургетъ, этого отдаленнаго пункта нашихъ владѣній на Западномъ Кавказѣ.

Мнѣ предстояло во время войны завѣдывать вооруженіемъ этого города, для чего я и долженъ былъ доставить восемь орудій.

Простившись со всеми близкими сердцу и кончивъ несложное свое снаряженіе, состоявшее главнымъ образомъ во въѣчныхъ сундукахъ, исправномъ сѣдлѣ и тепломъ сюртукѣ, я, въ концѣ декабря, выѣхалъ изъ Тифлиса и въ началѣ января былъ уже на мѣстѣ, пройдя до

ст. Самтреди по желѣзной дорогѣ, а даѣе по шоссе до самыхъ Озургетъ.

Дорога отъ Самтреди до Озургетъ весьма интересна; здѣсь уже господствуетъ природа при Ріонскаго края. Эта природа поражаетъ и очаровываетъ путника даѣе зимой: чувствуешь какую то необычайную мягкость воздуха, которая пѣжитъ въ то время, какъ взоръ наслаждается видомъ равнины, которая недаромъ называется «вѣчно-зеленѣющей».

Этотъ вѣчно-зеленый характеръ пейзажа даютъ Ріонской долины неузнающія растенія, которыя по склонамъ окрестныхъ горъ образуютъ иногда пѣзлы заросли: рододендры, мирты, лавры, плющи, кипарисы и хвой соперничаютъ другъ передъ другомъ свѣжестью красокъ; другія же лиственные деревья, хотя и оголены отъ листьевъ, но за то перевиты темными прядями плюща.

Направо и налево отъ дороги большіе участки полей и садовъ. Наистрѣлу то и дѣло показываются стройныя фигуры туземныхъ жителей въ ихъ живописныхъ костюмахъ. Жители края по благородному типу лица невольно наводятъ на мысль, что въ этой картвельской расѣ находится большая примѣсь италянкой и греческой крови; недаромъ все побережье древности было усѣяно греческими и италянскими колоніями.

На восьмой верстѣ отъ Самтреди находится мѣстечко Орпиръ, раскинувшееся у самаго берега Ріона, населенное спонцами и знаменитое классическими лихорадками: рассказываютъ, что лихорадки трясуть здѣсь даѣе куръ.

У Орпиръ я переправлялся по новому, только что открытому мосту на каюкахъ. Вотъ и древній Фазиъ, на которомъ когда то существовало пароходство. Широкой, свѣтлой дентой бѣжитъ онъ въ зеленыхъ берегахъ, замыкаясь по ту сторону красивой панорамой Чахатаурскихъ горъ, а за ними рисуются свѣжій хребты Аджаріа. За Ріономъ дорога подымается въ гору на Чахатаурскій перевалъ и спускается къ мѣстечку Нагомари.

Въ Нагомари и навѣстилъ офицеровъ батареи, тамъ стоявшей.

Чины батареи стояли въ пазухахъ и, въ ожиданіи обѣщанныхъ бараконъ, проклинали край съ его сыростью и лихорадками и далеко не раздѣляли моихъ восторговъ: «ложивете и во всемъ этомъ разочаруетесь, убрдан они меня».

Въ Озургетъ пѣхалъ я почти незамѣтно; задолго до города начались поля и сады, изъ которыхъ мѣстами выглядывали домики; дальше домики стали показываться чаще, еще дальше они начали

превращаться въ лавки и магазины и обратиться наконецъ въ сплошную улицу; это была городская базарь. Направо и налево отъ базара, мѣсто значительно выше, какъ бы берега рѣки, русло которой образуетъ базарная улица (*).

Направо на возвышеніи чернѣется четырехъ-этажная казарма мѣстнаго баталіона, Ермоловской еще постройки, пережившая и временное турецкое пребываніе въ Озургетахъ въ прошлую войну. Направо же находится и главная городская площадь, застроенная домами мѣстной интеллигенціи и вліятельныхъ особъ города, преимущественно князей Гуріелей. На той же площади находятся двѣ церкви: русская военная и гурійская, обѣ православныя, но въ гурійской богослуженіе отправляется на туземномъ языкѣ.

Облачившись въ форму, я пустился на поиски начальника отряда генералъ-маіора Цытолица, командира 2-й бригады 41-й пѣхотной дивизіи. Мнѣ сказали, что онъ обѣдаетъ у кордоннаго начальника, полковника князя Григорія Давидовича Гуріеля. Домъ князя Гуріеля находился на горѣ и былъ видѣнъ отовсюду; дорога къ нему идетъ между садами; видъ съ горы, на которой находился домъ, чудесный. Прямо передъ домою группа высотъ Экадіо, гдѣ устраивался барачный лагерь отряда; лѣвѣе г. Экадіо долина р. Бауджи, отдѣляющая городъ отъ высотъ.

Долина Бауджи замыкается горами, и эти горы уже Турція... Взойдя на балконъ, я увидалъ черезъ окна длинный обѣденный столъ и большое общество.

Я приказалъ о себѣ доложить, дождался генерала, представился ему и представилъ свѣдѣніе объ артилеріи, мною доставленной и назначенной на вооруженіе города. По уходѣ генерала Цытолица, я уже думалъ идти назадъ и началъ было спускаться внизъ, когда ко мнѣ на балконъ вышелъ полковникъ съ сѣдой бородой, съ необычайно пріятными и симпатичными чертами лица и, открывъ двери, пригласилъ меня войти: «прошу зайти и закутить», прибавилъ онъ радушно. Я догадался, что это долженъ былъ быть хозяинъ дома, мѣстный гурійскій князь, начальникъ кордонной линіи нашей, князь Григорій Давидовичъ Гуріель, о которомъ еще въ Тифлисѣ слышалъ много хорошаго.

Отличный обѣдъ, состоявшій на половину изъ блюдъ мѣстной кухни, съ прекраснымъ мѣстнымъ бѣдно-розовымъ виномъ, былъ мнѣ совсѣмъ кстати.

(* Мѣсто, званое базаромъ, и было прежде русломъ рѣки Бауджи, отведенное недавно самими жителями по вѣтому направленію.

Обыдающее общество состояло изъ начальника отряда генерал-майора Цытовича, родного брата хозяина, князя Левана Гуріея (также генерал-майора русской службы), командира 1-го плавучаго плынаго баталіона полковника Козелкова, князя Цулукидзе, гурійскаго поміщика, многимъ другихъ родственниковъ князя, мѣстныхъ князей и двухъ военныхъ инженероу, штабъ-капитановъ Баргера и Герасимова, жившихъ въ домѣ князя и занятыхъ устройствомъ барачнаго лагера, сообщениями въ край и укрѣпленіями, воздвигаемыми на г. Экадіо и въ самыхъ Озургетахъ.

По окончаніи обыда хозяинъ дома пригласилъ меня къ нему переселиться и жить у него, пока моя служба меня удерживаетъ въ Озургетахъ: «комнатъ много, выбирайте любую!» Я охотно переселился изъ духана, а къ вечеру окончательно устроился въ предложенной комнатѣ.

На третій день моего приѣзда, погода измѣнилась къ худшему и пошелъ дождь, липшій потому почти два мѣсяца непрерывно. Какъ Озургеты, такъ и окрестности приняли некрасивый видъ: вездѣ грязь, вода, сырость. Съ переменной погоды начались и мои разочарованія въ прелести жизни въ Гуріи; эти непрерывные дожди, казалось, могутъ свести человѣка съ ума. Далеко дошло разъ до наводненія и вся нижняя часть города была затоплена хлынувшей водой; по шоссе вода шла на 1½ аршина высоты; всѣ рѣчки вышли изъ своихъ береговъ и шумѣли. Причина наводненія нижней части города была очень простая; отъ непрерывныхъ сильныхъ дождей, въ Бауджѣ была такая прибыль воды, что часть ея направила по своему старому руслу, размывъ прегражденія. Вечера я проводилъ въ обществѣ князя Григорія Давидовича.

Если у кого лицо есть зеркало души, такъ это безспорно у князя Григорія: глубоко симпатичная, почтенная и благородная наружность его отражала на себѣ его гуманную и рыцарскую душу. Любовь къ ближнему, широкое гостеприимство, снисходительность къ людямъ и ихъ недостаткамъ, уваженіе къ наукамъ, страсть къ чтенію, не смотря на свои преклонные годы, отсутствіе всякаго честолюбія, ничтожныя заботы о своемъ собственномъ благоустройствѣ и благополучіи, — вотъ отличительныя черты этого «не нашего времени» человѣка. Въ своемъ огромномъ домѣ онъ занималъ одну комнату, ничѣмъ не убранную, ничего — кромѣ самаго необходимаго, всего того, что помѣстится въ палаткѣ походнаго человѣка. Въ край между гурійцами и турками онъ пользовался огромнымъ уваженіемъ и особенно любимъ былъ простымъ народомъ. Полъ жизни провелъ

онъ въ походахъ и разбѣдѣ по кордону. Князь любилъ также вспомнить старину, рассказывать о прошлой кампаніи, въ которой игралъ видную роль и за которую, между прочими наградами, получилъ Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ. Этотъ орденъ покойный Государь самъ повѣсилъ ему на грудь.

Вотъ какъ было это дѣло, которое ояъ мнѣ рассказывать съ особымъ благоговѣніемъ къ покойному Государю: «я вѣрю въ сны», говорилъ князь; «это было наканунѣ Нягонтскаго дѣла: я вадремнулъ и во снѣ увидѣлъ Государя, который со мной говорилъ». «Слѣдующій день былъ славный для русскаго оружія; мы разбили турокъ на голову, и я, вмѣстѣ съ другими, былъ посланъ въ С.-Петербургъ представить Государю Императору».

«Сонъ сбылся на яву: я увидѣлъ Государя, который ласково со мной говорилъ, благодарилъ меня за то, что я хорошо говорилъ по русски, и, снявъ съ военнаго министра орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ, самъ повѣсилъ его мнѣ на грудь».

При князѣ состояло въ услуженіи нѣсколько преданныхъ ему турійцевъ, украшенныхъ знаками отличія военнаго ордена, завѣдывавшихъ различными отраслями его хозяйства и бывшихъ неизмѣнными спутниками его странствованія: то по кордону напрямки черезъ горы, то по турецкой Гуріи, куда онъ сопровождалъ лицъ, назначаемыхъ отъ нашего правительства. Лица эти передвѣзались, а онъ безнаказанно совершалъ эти походы (повѣдки въ мундирѣ русскаго полковника и вездѣ, въ самыхъ антирусскихъ мѣстностяхъ бышаго лавианскаго санджака, его встрѣчали съ почетомъ и довѣріемъ.

Январь мѣсяцъ всецѣло былъ поглощенъ дѣятельными приготовлениями, которыя для ріонскаго отряда заключались частью въ сосредоточеніи отряда въ Озургетахъ и его окрестностяхъ, какъ восточной базы будущихъ операций нашихъ въ Лавианскомъ санджакѣ, частью въ укрѣпленіи высотъ, окружающихъ городъ, и другихъ пунктовъ, лежащихъ на пути наступленія изъ Турціи на Озургеты и въ устройствѣ на высотахъ Эладіо укрѣпленнаго барачнаго лагеря.

Не смотря на проливные дожди и соединенныя съ ними послѣдствія, фортификаціонныя и инженерныя работы, руководимыя двумя инженерными офицерами, моими сожителями въ домѣ князя Григорія, шли своимъ чередомъ: укрѣпленія росли и оцвѣтались, частные дома приспособлялись къ госпиталямъ и складамъ боевыхъ и жизненныхъ припасовъ; черезъ рѣчку Бзудну, отдѣляющую Озургеты отъ высотъ Эладіо, перекинуть солидный на устояхъ мостъ и отъ него проводились грунтовыя дороги до барачнаго лагеря.

Въ описываемую эпоху отрядъ былъ сосредоточенъ на границѣ Турціи и главнымъ образомъ въ Озургетахъ, а именно: баталіонъ александропольцевъ, 2-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, 1-й пѣхотный владивостокскій баталіонъ, Гурійская пѣшая дружина, восемь орудій 1-й батареи 41-й артиллерійской бригады и восемь позиционныхъ орудій, мною доставленныхъ и въ моемъ вѣдѣніи находившихся, въ Озургетахъ. Остальные три баталіона александропольцевъ и конный паркъ были расположены въ Николаевскѣ; Ленкоранскій пѣхотный полкъ при восьми орудіяхъ 2-й батареи 19-й артиллерійской бригады—въ мѣстечкѣ Нагомари; Кутанскій конно-прегуларный полкъ и 2-й кавказскій саперный баталіонъ—въ мѣстечкѣ Оршари.

Части отряда, стоявшія въ самыхъ Озургетахъ, въ среднѣ января были переведены въ общій укрѣпленный и барачный лагерь на высотахъ Экадіо, командующихъ Озургетами и ихъ окрестностями и находившихся на узлѣ путей въ Турцію. Такое положеніе высотъ ясно указывало на ихъ стратегическое значеніе, вотъ почему уже въ январѣ 1877 года на высотахъ находился родъ укрѣпленного барачнаго лагеря (1).

Укрѣпленія лагеря и города состояли въ слѣдующемъ: впереди барачнаго лагеря лежеть на четыре орудія и для пѣхоты; на самой возвышенной точкѣ высота Экадіо укрѣпленіе на четыре орудія; внизу въ долинѣ рѣчки Бауджи, у такъ называемаго казачьяго поста, гдѣ отходила ближайшая къ пограничному Чолоку дорога, редуть на четыре орудія и для пѣхоты. Редуть этотъ, расположенный на именованности, въ одной верстѣ разстоянія отъ подошвы Экадіо, составлялъ крайній правый флангъ укрѣпленной позиціи. У провіантскаго магазина, расположеннаго на возвышенной площадкѣ на краю дороги, что на правомъ флангѣ укрѣпленной позиціи, укрѣпленіе на два орудія и, кромѣ того, непосредственно въ самомъ городѣ, на краю его, обращенномъ къ дорогамъ, ведущимъ изъ Турціи, на высотѣ, въ саду дома князя Григорія Гуріева, было насыпано укрѣпленіе на два орудія. Укрѣпленіе это обстрѣивало доступы къ мосту черезъ рѣчку Бауджу, самый мостъ, а также фланкировало подступы къ редуту на казачьемъ посту. Фруктовый и виноградный садъ князя Гуріева, примыкавшій непосредственно къ дому, съ батареею на од-

(1) Высоты Экадіо отъ Чолона всего въ трехъ-верстахъ, но это только по направленію на ближайшій пограничный постъ Чоловскій; по направленію же на другіе пограничные посты разстояніе это больше, а именно: до Боганьскаго поста 12 верстъ и до Дельскаго 22; но во всякомъ случаѣ дорога къ этимъ постамъ пролегалъ по гребню Экадіо, отходящему къ юго-западу.

номъ концѣ и обрамленной траншеею, имѣлъ видъ чрезвычайно оригинальный.

На описанныхъ батареяхъ, орудій, назначенныхъ на ихъ вооруженіе, нигдѣ не стояло; батареи эти могли быть заняты только по тревогѣ, смотря по обстоятельствамъ и согласно направленію наступленія турокъ. Пока же все восемь стальныхъ 4-хъ-фунтовыхъ крупновскихъ пушекъ, названныхъ въ приказахъ по гурийскому (или ріонскому) отряду—позиционными орудіями, стояли общими наркомъ въ Озургетахъ. Къ нимъ назначены восемь наводчиковъ и четыре фейерверкера отъ батарей 41-й бригады; прислуга же отъ 161-го Александропольскаго пѣхотнаго полка.

Зима въ Гурии въ описываемое время была болѣе, чѣмъ неприглядна: Хотя пѣхотный каваларіи страны и избавлялъ ее на все зимнее время отъ сильныхъ холодовъ, но зато непрерывные дожди; смѣнявшіеся изрѣдка снѣгомъ, отсутствие солнца по цѣлымъ мѣсяцамъ, сырость и послѣдствія всего этого, лихорадки.— все это составляло всегда особенность стоянки войскъ въ Гурии. Барачный лагерь на г. Экадіо, въ 2—3 верстахъ всего отъ Озургетъ и въ столькихъ же отъ турецкой границы, представлялъ зимой мѣсто почти недоступное по грязнымъ и тонкимъ къ нему дорогамъ. Орудія и лошади батарей располагались въ невылазной грязи; лошади стояли, кромѣ того, на открытомъ воздухѣ и были подвержены всѣмъ переменамъ погоды. Конюшани, безпрестанно мѣнявшіе свои мѣста, утопали въ грязи; все это способствовало развитію мокрецовъ. Немислимо было производство какого либо ученія или проѣздки; путешествія лошадей на водоной представляло сложную операцію.

Не лучше было и положеніе пѣхоты на Экадійскихъ высотахъ, (одинъ баталіонъ 161-го Александропольскаго, 2-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, пластуновскій баталіонъ и Гурийская пѣшая дружина). Тѣ же причины мѣшали ученіямъ и нагоняли страшную тоску.

Фуражное довольствіе въ Гурии имѣетъ также свои особенности: отсутствіе сѣна, ячменя и овса. Казалось бы, чѣмъ же тогда довольствоваться лошадей? Сѣно замѣняетъ «чала», стебли проса и болѣе грубая чала—стебли кукурузы. Чала — пища безусловно хорошая; здоровая и лошади ѣдятъ ее охотно. Зерновой фуражъ состоитъ изъ кукурузы, которую какъ русскіе лошади, такъ червохоры, донцы, кабардинцы и карабахи, за немногими исключеніями, ѣдятъ неохотно; въ молотомъ видѣ она идетъ лучше (1).

(1) Въслѣдствіе, по переходѣ границъ, интенданство доставляло ячмень, овесъ и сѣно; доставка производилась изъ Одессы, Керчи и Таганрога.

Такимъ образомъ, заменила столбика отряда, сосредоточеннаго въ Озургетахъ, представляла цѣлый рядъ лишеній.

Хорошіе дни были очень рѣдки, но если они выпадали, то ими уже пользовались вполне. Въ одинъ изъ такихъ рѣдкихъ дней мнѣ удалось побывать за границей и познакомиться съ Али-нашею Тавдгеридзе, при помощи нѣкоего «Пирана Беридзе».

Пиранъ Беридзе былъ въ числѣ лицъ, окружавшихъ князя Григорія Гуріеда; гуріецъ по происхожденію, имѣвшій многочисленную родню въ Чурукъ-Су (Нижніе Кобулеты, на берегу моря), самъ онъ былъ православный и служилъ русскому правительству. Онъ извѣдывалъ вдоль и поперекъ весь бывший Лавиستانскій санджакъ и турецкую Гурію, побывалъ и въ Аджаріи, и въ дикой, неизвѣстной Мацхетѣ, а потому прекрасно зналъ территорію бассейна Чорока. Онъ носилъ форму прапорщика милиціи и имѣлъ всѣ четыре знака отличія Военнаго ордена. Незначный на видъ, съ какимъ-то скрипящимъ голосомъ, въ неизмѣнной бѣлой черкескѣ, это былъ человѣкъ драгоценный въ дорогѣ и въ походѣ. Онъ былъ уже очень не молодъ, но, въ походѣ и на лошади, не уступалъ и 20-ти-лѣтнему юношѣ. Словомъ это былъ одинъ изъ тѣхъ типовъ, которые образуются на порубежной границѣ нашихъ владѣній съ Азіей.

И вотъ въ одинъ изъ февральскихъ дней, когда строе небо временно не проливалось на землю обычныхъ дождей, я увидѣлъ Пирана, съ которымъ уже успѣлъ познакомиться, куда-то собиравшагося и хлопотавшаго около своей маленькой бѣленькой лошадики.

— «Куда это, Пиранъ?»

— «Къ Али-пашѣ, на Чолокскій постъ; не хочешь-ли со мной? Онъ всѣмъ говорилъ ты.»

— «Мы скоро вернемся, съѣздамъ на полчаса и сейчасъ же назадъ».

Предложеніе Пирана было болѣе чѣмъ заманчиво.

Мысль ступить на турецкую землю, увидѣть нашу, тины турецкихъ солдатъ и ихъ бытъ, и видѣть все это налануи военныхъ дѣйствій, до того подстрекнула меня, что я рѣшился поѣхать съ нимъ, тѣмъ болѣе, что отъ Озургетъ до чолокского поста было всего около семи верстъ.

Черезъ 10 минутъ, вдвоємъ съ Пираномъ, мы уже подвигались рысью по дорогѣ на Чолокскій постъ. Мы подъѣхали незаметно къ берегу мутнаго, покрытаго зарослями Чолока и свернувъ налѣво, очутились у небольшого досчатаго домика, бывшаго нашимъ рус-

скимъ Чолокскимъ постомъ; подбѣжаннѣй пластуны взяли нашихъ лошадей и мы вошли въ домикъ.

Комнаты этого домика имѣли плачевный видъ, да и весь домикъ былъ похожъ на балаганчикъ, только что сколоченный предприимчивымъ отряднымъ маркитантомъ: отовсюду дуло, сквозило и дило. Мѣсто кругомъ было гнилое и сырое и очевидно провести зиму на кордонѣ было далеко не весело.

Пластуны занимали кордонъ только съ зямы 1876 года и установили нѣкоторый на немъ порядокъ; по словамъ жителей и особенно гурійскихъ помѣщиковъ, прекратились разбои и конокрадство.

Съ Чолокского поста къ намъ присоединился офицеръ пластуновъ, пославшій казака предупредить начальника турецкаго поста о прибытіи гостей.

Турецкій офицеръ, начальникъ поста, по словамъ офицера-пластуна, былъ простой, добродушный турокъ, съ которымъ онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Теперь уже втроемъ, въ сопровожденіи пластунскаго урядника и трехъ казаковъ, мы перебрались въ бродъ черезъ жалкій, но историческій ручей Чолокъ. Вода едва доходила лошадямъ до копытъ; казаки же перешли его пѣшими.

Начавшій моросить дождь и туманъ мѣшали различать окрестности, хотя прямо передъ нами и нѣсколько влѣво вырисовывалась зеленая и высокая масса горы Джиханджиря. Между тѣмъ на возвышеніи показался и турецкій домикъ съ красной черепичной крышей; у дома стоялъ часовой въ синемъ мундирѣ и фескѣ и сдѣлалъ на караулъ. У входа же стояла толпа любопытныхъ солдатъ и башибузуковъ, изъ которыхъ большинство приложило правую руку къ голови. Лошадь мою принялъ урядникъ; пластуны все были съ ружьями.

На крыльцо, или вѣрнѣе галлерею, вышелъ къ намъ на встрѣчу офицеръ, начальникъ поста, и, подавъ мнѣ дружески руку, ввелъ черезъ коридоръ въ комнату, гдѣ возсѣдалъ именитый Али-паша Тавгеридзе. Обстановка комнаты состояла изъ двухъ тахтъ (дивановъ) покрытыхъ коврами и примыкавшихъ къ двумъ противоположнымъ стѣнамъ; въ стѣнѣ противъ входа, между двумя тахтами, помѣщался каминъ, и яркое пламя большого горѣвшаго огня согрѣвало комнату. У входа въ комнату стояли двое часовыхъ: одинъ низамъ, другой башибузукъ — кобулетецъ, т. е. прегулярный воинъ, соответствовавшій нашему гурійскому милиционеру.

Когда я вошелъ въ комнату, съ тахты всталъ ко мнѣ на встрѣчу

Али-паша и Пиранъ насъ взаимно другъ другу представлялъ; меня онъ представлялъ, какъ офицера, завѣдывающаго вооруженіемъ г. Озургеть.

Въ своемъ длинномъ сюртукѣ и фуражкѣ съ большими козырькомъ, я произвелъ, въроатно, впечатлѣніе «не простаго поручика». Али-паша Таадгеридзе, по происхожденію грузинъ-гуріецъ, по магометанинъ и пашой сдѣланъ какъ мѣстный бекъ, какъ человекъ въ край вліятельный и какъ крупный собственникъ. Онъ средняго роста, коренасто сложенъ, съ загорѣлымъ, грубымъ, разбойничьимъ лицомъ; когда онъ смѣется, то обнаруживаетъ верхніе передніе зубы, что придаетъ ему окончательно хищное выраженіе. Одѣтъ онъ былъ въ темно-голубую венгерку, подбитую и отороченную жѣломъ, синий жилетъ, большіе сапоги, нашей формы и нашего фасона, въроатно произведеніе нашего солдата сапожника въ Ахалцихѣ или въ Озургетяхъ, и въ темно-малиновую феску.

Еще дорогой, Пиранъ мнѣ рассказывалъ, что въ край онъ пользуется славой крупнаго разбойника и конокрада; впрочемъ разбой и конокрадство—самый основной и популярный промыселъ въ край. Относительно вина, какъ говоритъ Пиранъ, онъ не былъ точнымъ исполнителемъ велѣній Магомета, но зато его гаремъ отвѣчалъ всѣмъ требованіямъ корана. Между тѣмъ начался разговоръ, Пиранъ служилъ переводчикомъ. Разговоръ вертѣлся главнымъ образомъ на томъ: быть или не быть войнѣ?.. Я отвѣчалъ загадками и говорилъ, что можетъ и не будетъ; паша-же увѣрялъ, что будетъ непременно, причемъ старался мнѣ выслѣять свое важное служебное положеніе. Я-же зналъ, что на самомъ дѣлѣ Али-паша командовалъ всею милиціей, какъ чурукъ-суйскій мѣстный бекъ; эту милицію онъ-же и собиралъ по приказанію турецкаго правительства. Затѣмъ разговоръ перешелъ на дальнострѣльность нашихъ орудій.

— «Далеко-ли бьютъ ваши орудія?» переспрашивалъ меня Пиранъ.

— «Бьютъ и на 7, и на 8 верстѣ», отвѣчалъ я.

— «А у васъ на 9 и на 10», передавалъ Пиранъ, причемъ самъ паша и окружающіе самодовольно улыбались.

Узнавъ отъ Пирана, что я живу у князя Григорія Гуріела, онъ обратился ко мнѣ съ похвалами князю: «О хорошій человекъ! правдивый, честный, мудрый!.. Такого другаго нѣтъ у васъ, ни у васъ!..» и онъ просилъ меня засвидѣтельствовать ему свое глубокое уваженіе и преданность.

Между разговорами намъ принесли винтовку Снайдера, которой вооружены баша-бузукы—кобулетцы (они вооружены были отчасти и

Мартини-Пибоди и магазинными, но ни тѣхъ, ни другихъ мѣ не показали). Винтовка была хорошо содержана, смазана и въ исправномъ видѣ. Я взялъ у пастуна берданку и хвалился напей. Между тѣмъ, въ дальнѣйшемъ разговорѣ, Али-паша началъ меня утѣрять, «что если война будетъ, то онъ скоро появится въ Кутаисѣ». Я засмѣялся; засмѣялись всѣ присутствующіе и самъ паша чувствовалъ, что онъ добродушно шутитъ. «Впрочемъ на все воля Аллаха», прибавилъ онъ. Во все время нашей бесѣды, въ двери высовывались головы любовитныхъ солдатъ и баша-бузуковъ, которые наполнили коридоръ и жались въ дверяхъ.

Видя, что дождь временно пересталъ, я сталъ собираться въ обратный путь; паша-же убедительно просилъ меня побѣхать съ нимъ сейчасъ-же въ Кобудоты, гдѣ у него свой домъ, и погостить у него. Какъ ни заманчиво было предложеніе, но я, боясь ответственности, отказался. Мы простились очень дружелюбно и на обратномъ пути къ намъ долженъ былъ присоединиться посланный паша; паша, желая порисоваться передо мной своимъ богатствомъ, отсыпалъ ему двѣ пригоршни серебряной монеты. Этотъ «посланный» паша былъ также грузинъ-магометанинъ съ типичнымъ кобулетскимъ профилемъ и съ гордой осанкой. Костюмъ его былъ такой-же, какъ и нашихъ гурійцевъ, только цвѣта преобладали голубые или синіе, тогда какъ наши гурійцы носятъ все черное; но тотъ-же поносъ, тѣ же безчисленные подвязки на поносѣ различныхъ походныхъ принадлежностей, до кожного, вышитого серебромъ походнаго стивана включительно, тотъ-же башлыкъ, только ярво-желтаго цвѣта, и тоже ужьне завязать его живописно вокругъ своей головы.

Оказалось, что посланный имѣлъ большую родню въ нашей Гуріи; ѣхалъ онъ на добромъ конѣ съ красивымъ турецкимъ сѣдломъ. Мы сѣли на лошадей, толпа любовитныхъ насъ окружала; на галерею вышелъ и самъ паша и началъ хвалить мою лошадь, но я, избѣжавъ восточнаго обычая поднести ее ему въ даръ, побѣхалъ обратно (*). Когда я вернулся, то за обѣдомъ князь Григорій Давидовичъ сообщалъ мнѣ массу подробностей о бытѣ турцахъ гурійцевъ. На всѣ мои сожалѣнія, что такой молодецъ народъ, чисто грузинъ-

(* Во время винушей кампаніи Али-паша командовалъ правымъ флангомъ на укрѣпленной позиціи Кларже, Дегъа и Цхасджиръ, которую мы неудачно штурмовали 11-го іюня 1877 года. Съ высоты Самеба и на разѣ въ трубу смотрѣлъ на его палатку, которую онъ разбивалъ на видномъ и открытомъ мѣстѣ, и хотя было ясно, по разбѣтрамъ шатра, что онъ принадлежитъ намъ, но дальность и значительное командованіе дѣлала этотъ отчетливо видимый шатеръ недоступнымъ для нашихъ орудій.

скаго происхожденія, могъ оторваться отъ православія, князь сообщалъ, «что послѣднее время и языкъ грузинскій энергично вытѣсняется турецкимъ. И какъ странно, что въ Аджарѣ, Чурукъ-Су, (Кобуаеты) и Гуріи, населенныхъ сплошь чистымъ грузинскимъ (Картули) племенемъ, не имѣется буквально ни одного турка, а между тѣмъ турецкій языкъ, случайно занесенный сюда какъ-бы по-нѣтріемъ, угрожаетъ существованію грузинскаго языка».

Фактъ этотъ конечно объясняется вліяніемъ религіи. Здѣшніе музлы, особенно эфендіи, подготовляемые въ главныхъ городахъ Турціи, ревниво слѣдятъ, чтобы обряды, омовенія и молитвы совершались со всей строгостью, чтобы по пятницамъ всѣ были въ джамкахъ и мечетахъ. При каждой мечети имѣется школа, наполненная мальчиками; они учатся по турецки, заучиваютъ коранъ. Вотъ какимъ путемъ, по мнѣнію князя, турецкій языкъ прививается такъ легко. При всемъ томъ, мѣстные жители, по словамъ князя, относятся со страхомъ къ развалинамъ храмовъ, обращаются къ старымъ своимъ образамъ съ молитвой за своихъ больныхъ, приносятъ въ жертву барановъ, куръ, ставятъ восковыя свѣчи и т. д. Они рассказываютъ, гдѣ и въ честь какого святаго была церковь, кто и въ какого рода былъ послѣдній священникъ, куда перевезены ихъ образы и т. п.

Что касается Али-пашы, то князь сообщалъ, что турки ему не вполне довѣряютъ и за нимъ слѣдятъ, вотъ почему мое путешествіе могло показаться подозрительнымъ. По мнѣнію князя, Али-паша носитъ въ себѣ всѣ привычки жители этой въ сущности дикой и независимой страны, не любитъ, не боится турецкаго правительства и, въ случаѣ нашего успѣха, онъ тоже и къ намъ перейдетъ.

Между тѣмъ лишеніямъ отряда долженъ былъ наступить конецъ; приближалась весна, которую съ нетерпѣніемъ ожидали и турки, условия стоянки которыхъ были тѣ же самыя. Становилось теплѣе, дождей выпадало менѣе, солнце стало показываться чаще и Гурія предстала мало-по-малу въ своемъ лучшемъ нарядѣ—весеннемъ.

Весна въ Гуріи бесспорно восхитительна!.. Воздухъ напоенъ запахомъ фіалокъ, растущихъ въ колоссальномъ изобиліи повсюду. Высоты Экадіо одѣлись роскошной, тропической зеленью... Въ садахъ зацвѣтъ миндаль и персикъ. Забыты тяжелые дни и безконечные дожди. Русскій человекъ не злопамятенъ и барачный лагерь огласился хорами пѣсенниковъ. Гурійцы также заткнули свои оригинальныя пѣсни. Началась занятія, ученія и пробади. Теперь можно было заняться «позиціонной артилеріею», съ которой вѣсной произошла

цѣлый рядъ метаморфозъ, пока она не явилась въ готовомъ видѣ, съ обученной прислугой, съ обученными ѣдовыми и т. д.

Еще въ февралѣ мѣсяцѣ состоялось распоряженіе о придачѣ этимъ «позиционнымъ орудіямъ» конскаго состава, а именно: для запряжки орудій, ящиковъ и фургоновъ въ распоряженіе завѣдывающаго ими были переданы обозныя лошади 163-го Ленкоранскаго пѣхотнаго полка при обозныхъ вестрѣвыхъ того-же полка, которые должны были находиться къ лошадамъ въ тѣхъ-же условіяхъ, какъ и ѣдовые артилерій. Конскій составъ былъ весьма доброкачественный. Въ этому времени эти восемь позиционныхъ орудій стали называться въ приказахъ войскъ при Рювскаго края «*Озургетской мѣстной батареею*».

Къ началу военныхъ дѣйствій озургетская мѣстная батарея, послѣ непрерывныхъ занятій и обученій, была совершенно подготовлена къ дѣйствию; кромѣ восьми специальныхъ наводчиковъ, назначенныхъ изъ батареи 41-й бригады, выбрано еще восемь человѣкъ изъ назначенныхъ изъ пѣхоты (съ лучшимъ зрѣніемъ), которые были основательно ознакомлены съ обязанностями наводчиковъ.

Весь успѣхъ былъ основанъ главнымъ образомъ на общей любви къ дѣлу, и обстоятельство это въ связи съ исключительностью положенія, хорошими весенними днями, не занятыми ни караульной службой, ни хозяйственными заботами, ни канцеляріей, ни цейхгаузами, ни смотрами и т. п., дало возможность достигъ прекраснаго результата. Нижніе чины пѣхоты, а именно: александропольцы—какъ строевые (прислуга), ленкоранцы—какъ ѣдовые, съ большою охотой занимались всякими упражненіями при орудіяхъ и вообще артилерійскими занятіями и чрезвычайно гордились своимъ новымъ «*артилерійскимъ положеніемъ*». Конныя ученія съ надбой холостыми зарядами были для нихъ просто наслажденіемъ. Командующій войсками, всегда любовавшійся щеголеватымъ видомъ парка, здоровался съ ними не иначе, какъ «здорово, артилеристы».

Уже ранней весной было рѣшено, на случай внезапнаго объявленія войны, не занимать укрѣпленія этими орудіями сейчасъ-же, а смотря по обстоятельствамъ и по ходу дѣйствій, для чего необходимо было выбрать заранѣе кратчайшіе пути до различныхъ укрѣпленій и привести въ полную готовность фургоны для подъема 96-ти ящиковъ, въ которыхъ хранилась сверхкомплектная часть сврядовъ.

Нездѣл не остановиться на фактѣ образованія такой батареи, такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ весьма интересенъ, полезенъ и поучителенъ, показывая, какъ въ военное время, утилизируя имѣющіеся сред-

ства и приближаясь къ обстоятельствамъ, увеличиваются бѣснныя средства. Конечно, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что въ данномъ случаѣ перевозочныя средства явились элементомъ постояннымъ, хотя и случайнымъ, только потому, что поля имѣли ключный обозъ, состоявшій изъ опредѣленнаго количества червадарскихъ лошадей (*), но во всякомъ случаѣ, какъ мы это увидимъ далѣе, при оборонительномъ характерѣ дѣйствій и при ничтожныхъ передвиженіяхъ, совершаемыхъ частями въ районѣ театра войны, въ отрядѣ пребывало огромное число лошадей, совершенно даромъ бывшихъ казенное сѣно, и широкая утилизация ихъ являлась дѣломъ совершенно справедливымъ.

Къ этому времени войска при Рионскаго края посѣтилъ Его Императорское Высочество Августѣйшій главнокомандующій, выѣхавшій изъ Поти верхомъ по береговой дорогѣ на Николаевскъ. Здѣсь Его Высочество изволилъ смотрѣть александровольцевъ, которые истрѣтили Великаго Князя на позиціяхъ, занятыхъ какъ-бы по тревогѣ, на случай внезапнаго нападешя туроку со всѣхъ сторонъ, и главнымъ образомъ съ моря, со стороны потійской дороги. Отсюда Августѣйшій главнокомандующій верхомъ же изволилъ прослѣдовать по убійственной дорогѣ въ Озургеты. Его Высочество сопровождали: начальникъ артиллеріи арміи генералъ-лейтенантъ Софіано, начальникъ штаба арміи генералъ-маіоръ Павловъ, генералъ Рербергъ и свита.

Въ Озургетахъ Его Высочество изволилъ посѣтить барачный лагерь, гдѣ, обойдя всѣ барачныя помѣщенія, Великій Князь ознакомился съ лагернымъ бытомъ войскъ на высотахъ Энадіо, причемъ въ лагерь и изъ лагеря Его Высочество слѣдовалъ по различнымъ дорогамъ, проложеннымъ военными инженерами.

На другой день Его Высочество изволилъ произвести смотръ войскамъ, какъ екадійскаго лагеря, такъ и расположеннымъ въ Озургетахъ, а именно: 1-му баталіону Александровольскаго полка, Озургетскому мѣстному баталіону, 2-му Вавказскому стрѣлковому баталіону, 1-му пѣшему Пластунскому баталіону, 1-й Гурійской пѣшей дружинѣ и 1-й батареѣ 41-й артиллерійской бригады, итого 5-ти баталіонамъ и 8-ми орудіямъ. Войска были выстроены за Озургетами у шоссе на Орири, на большой ровной полянѣ. Его Высочество остался доволенъ видомъ войскъ. Пѣхота была пяти видовъ: линейная, мѣстная войска, стрѣлки, пластуны и милиція, всѣхъ по баталіону.

Отсюда, прямо послѣ смотра, Великій Князь прослѣдовалъ въ мѣс.

(*) Александровольцы передали своихъ обозныхъ лошадей подъ повозками полунаряжъ (науучковныя повозки), а денкоранды подъ озургетскую мѣстную батарею.

Нагомара, гдѣ Его Высочествомъ были осмотрѣны Леникоранскій полкъ и 2-я батарея 19-й артилерійской бригады; также были осмотрѣны и барачныя ихъ помѣщенія. Погода установилась окончательно; тепло увеличивалось и съ необычайной силой развивалась богатая флора при-Ріонскаго края, которая заслуживаетъ, чтобы о ней сказать два слова.

Чего только нѣтъ въ этихъ роскошныхъ лѣсахъ, рощахъ и садахъ?.. Рядомъ съ орѣхомъ торчатъ павлонія, тутъ-же рай-тополь, липа, кипарисъ, фиговое дерево съ своими красивыми листьями, и душистая бѣлая акація, и широколиственная бигонія, и замѣчательная шелковная акація съ розовыми кистевидными цвѣтами. Виноградъ растетъ съ удивительной силой, особенно по лѣсамъ, и стволъ лозы, толщиной до $\frac{1}{2}$ аршина въ отрубѣ, явленіе не рѣдкое. Въ самыхъ-же Озургетахъ лоза стелется, гдѣ захочетъ: съ подорожъ по деревьямъ, по забору, по крышѣ. Но истинную красоту при-Ріонскихъ садовъ составляютъ широколиственная бигонія и павлонія, которыя растутъ здѣсь съ такою силой, что въ одно лѣто выгоняютъ саженныя вѣтви и даютъ тѣнь, рѣшительно непроницаемую для солнца, благодаря величинѣ своихъ листьевъ (необычайно широкихъ), изъ которыхъ самый крупный не уложится ни въ какой гербарій.

Въ нѣкоторыхъ садахъ есть два вида магноліи, дерева съ большими бѣлыми душистыми цвѣтами, грецкій орѣшникъ, шелковица (тутовое дерево) и чинаръ. Между зелеными шатрами этихъ лиственныхъ деревьевъ чаще всего встрѣчается острый конусъ мрачнаго кипариса, весьма здѣсь распространеннаго, или нѣсколько видовъ туйи, не исключая и итальянскихъ ципій. Изъ всего этого видно, что въ край нѣтъ большой разницы между садами и лѣсомъ, между тѣмъ въ лѣсахъ при-Ріонскихъ есть и рѣдкости, напр. *Озелъ-коча*, которая растетъ только здѣсь и даетъ драгоценный матеріалъ, красноватаго цвѣта, для столярныхъ работъ; солдаты мастеровые называютъ его — *нстой дерево*. Кавказская пихта въ верховьяхъ Ріона представляетъ цѣлый лѣсъ въ 13 верстъ ширины, а въ Гуріи есть множество итальянскаго ледра, чрезвычайно смолистаго.

Въ садахъ есть растения и болѣе рѣдкія, очевидно удачно акклиматизировавшіяся: такъ, напримѣръ, здѣсь растетъ и масличное дерево, и камфарное, и пробковое, которое акклиматизировалось какъ нельзя лучше. Затѣмъ въ Гуріи растетъ, цвѣтетъ и даетъ сѣмена настоящее китайское чайное дерево, подлинность котораго засвидѣтельствована академикомъ Рунрехтомъ (1).

(1) Баркайс. «Очерки природы Гуріи», Записки Кавказскаго отдѣла Императорскаго географическаго общества.

Полное право на название «вѣчно-зеленѣющей» даютъ Ріонской равнинѣ тѣ неувыдающія растенія, которыя по склонамъ окрестныхъ горъ и по низу надъ Ріономъ образуютъ иногда цѣлыя заросли: адішніе рододендры, мирты, лавры обыкновенныя и лавровишніа, различные плющи, даже благовонныя, потомъ кусты колючаго надуба, затѣмъ самшитъ, или такъ называемое пальмовое дерево и другія. Не говоря уже о хвойныхъ, кипарисахъ и туи.

Особенности адішнихъ подлѣсьевъ состоятъ въ томъ, что они состоятъ изъ цѣлыхъ, непролазныхъ зарослей, изъ рододендровъ, азалей и дикаго жасмина, что болѣе всего очаровываетъ прѣзжаго, не привыкшаго къ такой пышной растительности. Въ такой природѣ и въ чудное весеннее время, когда выдается свободный отъ службы день, а того лучше и праздникъ, прѣзжему не сидится дома. Въ такіе дни офицеры отряда предпринимали пикники въ чудныя окрестности и въ монастыри, а иногда устраивались увеселенія и въ барачномъ лагерѣ.

Получивъ приглашеніе одного помѣщика, князя Іосифа Накашидзе, прѣхать къ нему въ деревню—по-обѣдать, я, воспользовавшись теплымъ весеннимъ апрѣльскимъ днемъ и взявъ съ собою проводника, двинулся напрямки черезъ горы въ деревню князя Накашидзе, находившуюся всего въ 5-ти верстахъ отъ берега моря.

Дорога была изъ живописныхъ и интересныхъ, но не изъ удобныхъ; съ горы на гору, съ холма на холмъ, мѣстами то лѣсомъ, то безконечными садами и полями, пробирались мы впередъ. Воздухъ былъ напоенъ весеннимъ ароматомъ. Нѣсколько разъ съ высотъ любовался я необозримымъ видомъ зеленѣющей Гуріи, замыкавшей на дальнемъ горизонтѣ синей полоской моря. День былъ праздничный; прѣзжая около деревень или даже отдѣльныхъ хуторовъ, мы заставляли непремѣнно толпу народа въ пестрыхъ костюмахъ, собравшуюся для «томаша». Изъ садовъ и деревень неслись звуки бубна и мѣрное хлопанье въ ладоши, отбивавшихъ тактъ или лезгинки, или воинственнаго гурійскаго танца. Меня поразила дорогой масса церковей, то каменныхъ, то деревянныхъ, то просто часовенъ или развалинъ какой-нибудь башенки, украшенной крестомъ и видимо не покинутой благочестивымъ народомъ. Прѣзжая эту сторону поперекъ—къ морю, я невольно вспомнилъ рассказъ князя Григорія Давидовича о нашествіи турокъ въ прошлую кампанію на Гурію (они дошли до Орниръ) и о той страшной расправѣ, которую производили гурійцы надъ попадавшимися имъ турками; характеръ мѣстности, отвѣга жителей сдѣлали скоро дальнѣй-

шее пребывание турокъ въ Гуріи невыносимымъ. Гурійцы буквально на нихъ охотились какъ на звѣря, устраивая засады, стрѣла съ дробинь и пр. Турки не выходили изъ лагерей и самые лагери устраивались съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей. Во многихъ гурійскихъ пѣсняхъ, воспѣвающихъ подвиги нашихъ войскъ, совместно съ ихъ дружинами, въ восточную войну 1853—1856 годовъ, сюжетами служатъ, кромѣ двухъ большихъ сраженій при Чолокѣ и Нигонти, масса отдѣльныхъ подвиговъ.

Дорога наша начала между тѣмъ больше спускаться, чѣмъ подыматься, изъ чего я заключилъ, что мы переезжали черезъ горы; наконецъ на протяженіи версты пошла совсѣмъ ровно, имѣя по обѣ стороны поля и сады. Передъ выглянувшимъ домомъ хозяина былъ широкій дворъ, или вѣрнѣе зеленая лужайка, ковромъ доходящая до самаго дома; посреди этой лужайки сидѣли разлѣсившя куны гигантскаго орѣха и чинара.

Общество приглашенныхъ княземъ Накашиде офицеровъ, расположеннаго въ Николаевскій Александропольскаго полка, было уже давно въ сборѣ и сидѣло на галерей, выходившей изъ садъ и на дворъ. Черезъ $\frac{1}{2}$ часа мы сѣли обѣдать.

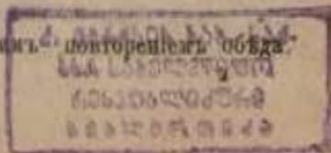
Послѣ обѣда князь пригласилъ насъ полюбоваться «томашей», а если кому желательно, то и принять въ ней участіе.

Большинство его поселенъ было собрано на лужайкѣ, въ полуверстѣ отъ дома, и вотъ тамъ то начались характерныя танцы: была и невѣроятная деглянка, былъ и воинственный гурійскій танецъ, въ самой Гуріи называемый турецкихъ, такъ какъ онъ занесенъ изъ Турецкой Гуріи.

Танецъ этотъ, въ которомъ принимаютъ участіе одни мужчины, сопровождается пѣніемъ. Изъ пѣсень, которыя всѣ гурійцы поютъ на особый манеръ, имъ свойственный, одна отличается особой воинственностью и содержитъ въ себѣ описаніе Нигонтскаго дѣла, гдѣ былъ убитъ Гасанъ-паша и голова его, отрубленная гурійцами, выставлена на шесть; и теперь, когда пѣлась эта пѣсня, одинъ изъ пѣсенниковъ держалъ надъ головами хора высокой шесть, что означало выставленную голову пани.

Вся томанша заключалась больше въ танцахъ мужскихъ, воинственныхъ; къ сожалѣнію незваніе языка не дало возможности ознакомиться съ припѣвами, которыми сопровождаются танцы. Гурійцы, какъ мнѣ казалось изъ долгаго знакомства съ ними, народъ столь же воинственный, какъ и военный.

Праздникъ закончился ужиномъ, бывшимъ повтореніемъ обѣда.

R 99 612
3 399

На другой день солнце стояло высоко, когда гости начали собираться въ обратный путь; и же, пользуясь случаемъ, рѣшился проѣхать вмѣстѣ съ ними въ Николаевскъ, о которомъ такъ много слышалъ и такъ мало имѣлъ понятія.

Мы выѣхали всѣ вмѣстѣ большой компаніей и, черезъ нѣсколько времени ѣзды мелкимъ и густо заросшимъ лѣсомъ, предъ нами сразу, какъ бы подъ вліяніемъ волшебнаго жезла царевны Цирцеи, раскинулась безбрежная гладь Чернаго моря. Почти у самаго берега торчали обнаженные стебли кукурузы и, какъ кабушки на курыихъ ножкахъ, стояли бревенчатые домики для кукурузнаго зерна, главнѣйшии пища гурійца и главнаго богатства гурійца-собственника.

Дорога шла все время берегомъ моря по полетну прекраснаго, отливавшаго разными цвѣтами, мелкаго песку и ракушекъ, служившихъ естественнымъ шоссе. Направо шумѣло море, нѣзбо болотистый вязкій берегъ, густо заросшій, непроходимый. Море тихо наездалось и обдавало насъ своими брызгами.

Между тѣмъ вдали показался Николаевскъ, а черезъ 10 минутъ послѣ того весь кортежъ нашъ остановился у одного домика, по приглашенію одного изъ офицеровъ полка, передохнуть у него. Постъ св. Николая или, какъ его называютъ, просто Николаевскъ, а по турецки *Шекветили*, что значитъ соединеніе (т. е. соединеніе, устье двухъ рѣкъ Чолока и Натанеби), игралъ грустную роль въ послѣдней кампаніи, когда въ немъ были вѣроломно истреблены двѣ наши роты. Теперь онъ такой же, каковыиъ былъ и въ прошлую войну: группа духановъ и кукурузныхъ домиковъ, расположенныхъ на берегу моря у соединеннаго устья рѣкъ Натанеба и Чолока.

Эта группа духановъ и кукурузныхъ домиковъ, или, какъ думаютъ въ Европѣ, этотъ сильный береговой фортъ св. Николая расположенъ на слегка возвышенномъ, въ этомъ мѣстѣ, берегу, заключенному между устьями и моремъ.

Единственную оборону Николаевска составляетъ такимъ образомъ съ одной стороны рѣка Натанеби, а съ другой небольшая часть берега между Николаевскомъ и моремъ, болотистая и густо заросшая, гдѣ сквозъ болото, массы колючки и перегниваемаго лѣса не проползеть и чакалка. Но за то сколько миазмовъ гнилыхъ; какую заразу, развивающую упорную лихорадку, даетъ Николаевску эта полоса берега!...

Вѣроломное нападеніе турокъ въ прошлую войну произошло съ тыла, какъ разъ по направленію той дороги, по которой мы пріѣхали въ Николаевскъ. Рассказываютъ, что турки, пользуясь туманомъ,

номъ, посадили на почермы свои массы и сдѣлали десантъ, выше Николаевска, на нашемъ берегу и оттуда уже ударили въ тылъ несласному, ничего не подозрѣвавшему гарнизону, ниваль не ожидавшему нападенія съ этой стороны; туманъ способствовалъ вѣрловному предпріятію.

Но наши двѣ роты и гурійская милиція защищались отчаянно и дорого продали свою жизнь.

Въ описываемую эпоху, въ Николаевскѣ были расположены три баталіона Александропольскаго пѣхотнаго полка 41-й дивизіи, сотни казаковъ и понтонный паркъ.

Опытъ прошлой войны указалъ на слабыя мѣста этого пункта, и поэтому въ настоящее время береговая дорога изъ Поти въ Николаевскъ, у входа въ послѣдній, преграждена цѣлой системой ложементовъ, въ которые, по тревогѣ, собирается стрѣлковый баталіонъ полка.

Вообще въ данную минуту я нашелъ оборону Николаевска достаточно сильной. Кроме ложементовъ, преграждавшихъ наступленія со стороны дороги береговой, были и другія, глубокой профили, возведенныя къ сторонѣ устья рѣкъ и моря, такъ что, въ случаѣ нападенія большихъ массъ непріятель на Николаевскъ, баталіоны александропольцевъ могли бы съ успѣхомъ держаться до тѣхъ поръ, пока къ нимъ не прибыли бы подкрѣпленія изъ отряда, сосредоточеннаго у Озургетъ (¹).

Все оборонительныя и саперныя работы были сдѣланы средствами полка и его силами.

Пообѣдавъ въ Николаевскѣ, въ обществѣ гостепріимныхъ кавказцевъ, подъ вечеръ мы поѣхали кататься по Натанеби, Чолоку и морю на катеръ полка. Покатавшись вдоволь по морю и по Натанеби, мы свернули въ Чолокъ и пристали къ нашему посту, стоявшему на берегу Чолока, какъ разъ vis-à-vis турецкаго поста, расположеннаго на противоположномъ берегу, въ разстояніи всего 30 сажень черезъ рѣку. Турецкій постъ былъ расположенъ на песчаной косѣ насоснаго происхожденія, образовавшейся между Чолокомъ и моремъ.

Нашъ же постъ, занятый пластунами (это былъ крайній право-

(¹) Во время недавно бывшей кампаніи турки бомбардировали Николаевскъ орудіями большого калибра со своихъ броненосцевъ, разбили подкову церковь, нѣсколько духовныхъ и разнесли повсюду вѣстие и славу о разрушеніи сильнаго форта св. Николая. Другой разъ, въ средній кампаніи, они, послѣ предварительнаго долгаго бомбардированія, высадились со стороны Натанеби; бывшія въ Николаевскѣ двѣ роты, согласно призыванію, отступили; турки сошли остававшіеся духаны и сейчасъ же ушли во своихъ, послѣ чего двѣ роты вновь ихъ заняли.

фланговый постъ всего нашего кордоннаго расположенія) сидѣлъ въ болотистыхъ камышахъ и густомъ кустарникѣ, такъ что весь былъ окруженъ зеленью, еле-еле видна была крыша. Сырость въ этомъ домикѣ была невыносимая. Лихорадки и ревматизмы свирѣпствовали и рѣдкій пластуны выглядывали здоровымъ, а главное, что ужасно, отъ этой лихорадки онъ не избавится во всю свою жизнь. Съ тяжелымъ чувствомъ смотрѣли мы на эти блѣдныя, изнуренныя лица...

Бѣднымъ пластунамъ досталось изрядно задолго до открытiя кампанiи, а въ послѣднiй бой (вторая атака Цихисдаири) весь батальонъ легъ костями, прикрывая неудачу и отступленiе. Турецкiй же постъ, хотя и былъ расположенъ столь близко, но уже по одному тому былъ здоровѣе, что былъ расположенъ на песчаномъ грунтѣ.

Переѣхавъ Чоловъ, мы пристали къ турецкому посту, чтобы навѣстить офицера, начальника поста, а затѣмъ вернулись обратно.

На другой день рано утромъ я выѣхалъ уже одинъ въ Озургеты по прямой дорогѣ, во всѣхъ отношенiяхъ убiйственной. Дорога тянется на протяженiи 22 верстъ по болотистой и вязкой почвѣ; пологно дороги то и дѣло проваливалось, а изъ грязи всю дорогу торчали пучки хвороста, употребленнаго на загрузку полотна.

Немного не доѣзжая до Озургетъ, увидѣлъ я вѣтвь сел. Вашнари, принадлежащее князю Дмитрiю Накашадзе, но не заѣхалъ, боясь заночевать въ лѣсу. Я зналъ изъ бесѣдъ князя Григорiя Гурiея, что Вашнари по всей Гурiи замѣчательно древними развалинами. Вообще при объѣздѣ Гурiи невольно останавливаешь свое вниманiе на памятникахъ старой архитектуры; башняхъ, замкахъ, храмахъ и кладбищахъ. Башни и замки расположены на малодоступныхъ мѣстахъ и нынѣ всѣ покинуты.

Къ полудню прибылъ я въ Озургеты, полный новыхъ впечатлѣнiй.

Съ конца марта мѣсяца въ Озургеты начали прибывать войска; штабъ войскъ края перешелъ въ Озургеты и городокъ окончательно оживился.

Съ первыхъ же чиселъ апрѣля началось масприванiе значительныхъ войскъ въ Озургеты: стягивались части 41-й дивизiи и 41-й артиллерiйской бригады, прибывали части 19-й дивизiи и стрѣлки. Къ этому времени въ Озургеты прибыли слѣдующiя части артилерiи: 2-я, 3-я, 5-я и 6-я горная батарея 41-й бригады, 2-я батарея 19-й бригады передвинулась изъ Нагомари туда же (совмѣстно съ Ленкоранскимъ полкомъ); прибыли: 1-й кавкаскiй стрѣлковый батальонъ, два батальона севастопольцевъ, два кубанцевъ; изъ Оривръ

пришли: 2-я кавказскій саперный баталіонъ и Бутанскій конно-артиллерійскій полкъ.

Во всё эти дни стояла превосходная погода, и жители Гуріи тогда приходили смотреть на проходящія войска. Офицеры и солдаты также съ удовольствіемъ смотрѣли на эту свѣжую, зеленую природу, на эти деревенные хорошенькіе домики, садившіе въ виноградныхъ садахъ и кукурузныхъ поляхъ.

Турки, у которыхъ были даже свои лавки на базарѣ, нечаянно неизвестно куда и лавки ихъ были заперты.

Въ 11-му апрѣля артиллерія отряда состояла изъ: 32 девяти-фунтовыхъ орудій (трехъ батарей 41-й и одной 19-й бригады), 24 (*) четырехъ-фунтовыхъ орудій (двухъ батарей 41-й и восьми позиционныхъ), 8-мъ горныхъ 3-хъ-фунтового калибра (6-я батарея 41-й бригады). Итого 64 орудія.

Кромѣ того, въ Озургеты прибыли два и три-четвертя отдѣленія 41-го дивизионнаго артиллерійскаго парка и стрѣлковое отдѣленіе кавказскаго конно-артиллерійскаго полунарна.

Вновь прибывшія части пѣхоты, пройдя городъ, двигались на Экадію и располагались бивакомъ: одни на высотахъ гдѣже барачнаго лагеря, другіи внизу у подошвы.

Части артиллеріи располагались, не доходя двухъ верстъ до Озургеть, вправо отъ шоссе на полянѣ. Его Высочество смотрѣлъ войска экадійскаго лагеря, кромѣ 5-й и 6-й батарей 41-й бригады, которые стояли бивакомъ у подошвы Экадію, впереди редута у казачьяго поста, гдѣ сосредоточивалась гѣлая колонна генераль-маіора Денибкова.

Такое сосредоточеніе войскъ ясно указывало, что характеръ дѣйствій переходить изъ оборонительнаго въ наступательный, что не казалось основательнымъ «людямъ опытнымъ», но большинство, особенно молодежь, жаждала движенія впередъ на «давно желанный Батумъ» и «тайнственно сильное Цихидзари», восхитое еще въ грузинскомъ эпосѣ время царяцы Тамары, въ классической пѣснѣ «Барсона кожа».

11-го апрѣля пріѣхалъ въ Озургеты помощникъ главнокомандующаго князь Святополкъ-Мирскій и привезъ послѣднія и положительныя инструкція для дѣйствій отряда, но намъ онѣ извѣстны не были.

(*) Четырехъ-фунтового калибра было въ сущности 16 орудій, но ожидалось къ самому непродолжительномъ времени прибытіе 4-хъ батарей 41-й бригады; она прибыла 14-го апрѣля въ Озургеты и того же 14-го числа присоединилась къ отряду на Муха-Эстате.

Въ тотъ же день вечеромъ въ домѣ, занимаемомъ княземъ Святополкъ-Мирскимъ, подъ его председательствомъ, происходилъ военный совѣтъ, на которомъ командиры частей узнали о предстоящемъ наступленіи отряда, 12-го апрѣля, по дорогѣ на Цихисдаиръ.

Ночь съ 11-го на 12-е всѣ были заняты послѣдними приготовлениями, и въ одной большой лавкѣ города толкались офицеры съ послѣдними закупками; счастливы были тотъ, кто успѣлъ заготовить закуски, чаекъ, сахаромъ, хлѣбомъ и табакомъ, ибо первые дни похода рѣшительно ничего нельзя было достать. Также важно было сдѣлать запасъ зернового фуража для своей лошади; въ первые дни операций трудно было получить его.

Настало раннее утро 12-го апрѣля; вычюные сундуки уложены и ждутъ только синиы черводарской лошади. Всѣ мы, молодежь, еще не нюхавшая пороха, испытывали въ эти минуты послѣднихъ приготовленій къ первому походу какое то нервное возбужденіе, прогонявшее сонъ и придававшее необычайную бодрость всему организму. Въ эти минуты не думаешь вовсе ни о предстоящей опасности, ни о лишенияхъ. Больше всего работаетъ мысль не опоздать, не упустить чѣмъ нибудь заготовиться, не пропустить чего либо въ приготовленияхъ; все поглощено при этомъ чувствомъ любознательности или страстного интереса къ предстоящему, желаніе испытать необычайное, составляющее всю суть нашей службы и нашего воспитанія мирнаго времени. Если и есть чувство страха, такъ это опасеніе не попасть въ дѣло, не быть очевидцемъ событій непредвидѣнныхъ и неизвѣстныхъ, къ которымъ опытные люди, бывавшіе (а такихъ было много въ частяхъ кавказской арміи) готовились серьезно и спокойно.

Если мы, молодежь, въ нашемъ походномъ снаряженіи въ первые дни нашей военной жизни имѣли то, что нужно, а непрактичнаго, лишняго никто съ собой не бралъ, то этихъ мы были обязаны старикамъ. Вотъ въ этихъ то старикахъ, бывалыхъ и выдалшихъ виды, не только генералахъ, полковыхъ и баталіонныхъ командирахъ, но и ротныхъ, и просто субалтернъ-офицерахъ, которые въ кавказской арміи являютъ большинствомъ и величиной постоянной, кавказская армія имѣетъ весьма серьезное преимущество.

Боевой кадръ офицеровъ особенно важенъ въ первыхъ дѣлахъ, а первый дѣла важны на всю кампанію. Молодые офицеры съ самаго начала имѣли дядекъ, руководителей, сообщающихъ частямъ ту прочность боевыхъ организмовъ, которою по справедливости обладаютъ части кавказской арміи.

Утро было пасмурное, и желкій моросившій дождичекъ не предвѣ-

шазь ничего хорошаго. Хозяева дома вышли также на дворъ съ послѣдними пожеланіями успѣха и побѣды. Когда я прѣхалъ на городскую площадь, то увидалъ стоявшую въ ожиданіи, со значкомъ впереди, сборную сотню—конной командующаго войскама. Сотня эта имѣла очень красивый, пестрый, оригинальный видъ и состояла на половину изъ казаковъ Ейскаго полка и на половину изъ всадниковъ Кутайскаго военно-регулярнаго полка.

У самаго дома, занимаемаго командующимъ войсками, стоялъ пестрый кружокъ чиновъ штаба. Ровно къ 6 часамъ утра вышелъ командующій войсками и сѣлъ на лошадей; раздались протяжная команда начальника конвола, значекъ заволебался изъ воздуху и вся масса всадниковъ тронулась впередъ. Мы выѣхали изъ спящаго города, прѣхали мостъ черезъ рѣчку Бзуджу и подвигались лѣсомъ, имѣя высоту Экадію съ правой стороны. Прѣхавъ версты двѣ этимъ лѣсомъ, мы, повернувъ направо, выѣхали на ровную частую долину.

Дорога расходилась здѣсь на двѣ: одна шла къ казачьему посту, у котораго были возведены редуты, и далѣе, на «чолокскій постъ»; другая шла направо на г. Экадію и барачный лагерь къ люнету, назначенному сборнымъ пунктомъ средней колонны, и далѣе, къ дельскому посту—цѣль движенія средней же колонны (1).

Выѣхавъ на долину, мы увидали прямо передъ собой, по дорогѣ на чолокскій постъ, за нашимъ казачьимъ постомъ темныя массы баталіоновъ и батарей лѣвой колонны; по дорогѣ же на люнетъ, въ подуборотъ направо отъ нашего мѣстонахожденія, расположенныя уже на Экадію, около люнета, баталіоны и батареи средней колонны; нѣкоторые изъ нихъ только еще таялись въ гору.

Мы направилась напрямикъ въ разрѣзъ между двумя дорогами и тутъ по пути встрѣтила батарею, которая почему-то таялась по дорогѣ изъ люнета обратно въ Озургеты; я (исполняя должность адъютанта начальника артиллеріи) поспѣхалъ къ батарее—узнать въ чемъ дѣло и сейчасъ же отыскалъ командующаго батареею капитала Дмитріева. На вопросъ мой, что означаетъ это обратное движеніе, командующій предложилъ свой вопросъ: «куда идти? Въ диспозиціи сказано—по дорогѣ на дельскій постъ; а тутъ первый разъ въ этихъ мѣстахъ, не знаю ни самъ, и никто изъ чиновъ батарей не знаетъ, что это за люнетъ, у котораго указано собраться». Показавъ дорогу на люнетъ, самъ я бросился догонять начальство. Обстоятельство это заслуживаетъ того, чтобы посвятить ему два слова, и показывать,

(1) Имя, въ слѣдующей главѣ помѣщена диспозиція для движенія.

насколько важно, въ виду такой серьезной операціи, какъ переходъ границы, *дать части возможность осмотрѣться*.

Части обоихъ родовъ оружія, прывышіи за день, за два или расположенныи на бивакахъ не дохода Озургегъ, выйди на поляну, терлась; батареи долго бродили по полянѣ.

Было бы крайне полезно расположить ихъ на узлахъ движенія впередъ заблаговременно, тѣмъ болѣе, что мѣсть для биваковъ было болѣе чѣмъ достаточно и самыя части конечно окончили свое приваженіе на военное положеніе не за недѣлю или три дня до перехода границы.

Обстоятельство заблаговременнаго расположенія частей отряда по близости къ операціонной базѣ или на самой базѣ приобретаетъ въ кобузетскомъ отрядѣ особую важность въ виду свойства природы края; офицерамъ (командирамъ въ особенности) и нижнимъ чинамъ было весьма важно приспособиться къ этимъ свойствамъ и условіямъ.

Мѣстность такова, что затрудняетъ ориентированіе до нельзя: закрытая, пересѣченная, заросшая; ничего не можетъ быть легче потерять общее направленіе.

Первое же движеніе, также какъ и первый ударъ, въ виду незначительности пространства театра военныхъ дѣйствій и короткихъ операціонныхъ линій, приобретаетъ здѣсь особую важность.

Между тѣмъ начался объѣздъ войскъ лѣвой колонны генераломъ Оклобжію; генералъ-майоръ Денибековъ, начальникъ колонны, на великолѣпномъ рыжемъ кабардинцѣ съ азінтскимъ сѣдломъ, провожалъ его по фронту колонны.

Вся масса лѣвой колонны (*) стояла въ резервномъ порядкѣ фронтомъ къ Турціи, имѣя прямо передъ собой возвышенный, лѣсистый турецкій берегъ Чолока.

Самаго Чолока видно не было; онъ сливался съ плоскимъ низшимъ берегомъ, доходившимъ ниванной поляной до расположенія колонны.

Объѣхавъ лѣвую колонну, генералъ Оклобжію направился къ правой (средней), стоявшей далеко вправо, также въ резервномъ поряд-

(*) Составъ лѣвой колонны былъ слѣдующій: 1) стрѣлковый баталіонъ Деякоринскаго полка — подполковникъ Пригора; 2) 1-й казакскій стрѣлковій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича баталіонъ — подполковникъ князь Барятинскій; 3) 2-й казакскій стрѣлковый баталіонъ — подполковникъ Мазыевъ; 4) 1-й плавучій лѣній баталіонъ — полковникъ Козельковъ; 5) Гурійская пѣшая дружина (четыре сотни) — капитанъ князь Иосе Гуріевъ; 6) 3-я и 6-я батареи 41-й бригады — подполковники Ивановъ и Мусхеловъ; рота салеръ, сотня казаковъ. Итого пять баталіоновъ и одна рота, двѣ батареи и сотня казаковъ.

кѣ, на высотѣ у люнета передъ самымъ барачнымъ лагеремъ на г. Экадіо.

Между этихъ люнетомъ и барачнымъ лагеремъ пролегла дорога на зельскій постъ—цѣль движенія средней колонны. Кончилась объѣздъ и средней колонны; началось колебѣніе.

Мелкій дождичекъ не только не переставалъ моросить, но, напротивъ, усиливался и лилъ потомъ весь день 12-го апрѣля. Дождь этотъ превращалъ понемногу грунтовыя дороги къ какое то мѣсяно—обстоятельство, которое, въ соединеніи съ вышеприведенными причинами, разстроило, какъ увидимъ далѣе, единовременность нашихъ операцій.

Вотъ первая случайность, въ виду свойствъ почвы и продолжительности дождя, долженствовала имѣть и предположенія наши; но первоначальная диспозиція измѣнена не была и привела къ послѣдствіямъ, которыя мы рассмотримъ ниже.

Колебѣніе между тѣмъ кончилось; генераль Оглобжію отдалъ приказъ о движеніи впередъ; баталіоны и батареи зашевелились и пришли въ движеніе; солдаты, снимая шапки, набожно крестились...

II.

Движеніе на Чолокъ и вступленіе на турецкую территорию.

Диспозиція для движенія. — Тылъ отряда. — Затрудненія для движенія артилеріи правой колонны. — Богильская топь. — Турецкій постъ Боглаз. — Прибытіе колонны князя Абашидзе на Лельскій постъ. — Биваль авангарда на турецкой территории. — Русскій Богильскій постъ и расположеніе въ немъ штаба. — Докосеніе изъ правой колонны. — Слѣдствія изъ лѣвой колонны. — Расположеніе войскъ отряда въ ночь съ 12-го на 13-е. — Работы у Богильской топи. — Ночь на Богильскомъ посту. — Ночная тревога. Итоги операціи 12-го апрѣля. — Недостатокъ горной артилеріи. — Утро 13-го апрѣля. — Мѣстность рѣки Чолопа. — Перестрѣлка на Богляхъ. — Турки отброшены. — Занятіе Боглей Грузинской пѣшею дружиной. — Сосредоточеніе войскъ правой колонны на Лельскомъ посту. — Подтѣиваніе артилеріи 13-го. — Гидалье мосты. — Устройство артилерійскаго штаба. — Биваль колонны у Лельскаго поста. — Позадъ начальника штаба въ лѣвую колонну. — Сущность привезенныхъ изъ извѣстій. — Ночь съ 13-го на 14-е апрѣля.

Предварительныя распоряженія относительно движенія отряда въ турецкіе предѣлы 12-го апрѣля по диспозиціи состояли въ слѣдующемъ:

• Кобулетскій отрядъ съ раннего утра 12-го апрѣля наступаетъ тремя колоннами: правая изъ Николаевска, оставивъ въ послѣднѣе два баталіона александропольцевъ, съ остальными двумя ^(*) и двумя сотнями казаковъ Эйеваго казачьяго, подъ общей командой командира Александропольскаго полка полковника князя Абашидзе, двигается кратчайшимъ путемъ на турецкій Лельскій постъ и, достигнувъ его, составляетъ авангардъ отряда (главныхъ силъ его, т. е. бывшей средней колонны, которая обращается въ правую).

Средняя колонна, — подъ начальствомъ командира 4-й бригады, 41-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіора Шелеметьева (начальникъ штаба капитанъ Левашевъ), — изъ Ленкоранскаго пѣхотнаго (полковникъ

(*) См. «Воск. Сб.», 1883 г., № 10.

(*) Одинъ баталіонъ александропольцевъ, бывший въ Экадѣйскомъ лагерѣ еще въ началѣ апрѣля, передвинулся изъ Озургетъ въ Ньюдовеньскъ на присоединеніе къ тремъ остальнымъ баталіонамъ того же полка.

Воротынецъ), Грузинской пѣшей дружины (полковникъ князь Чавчавадзе), 2-хъ сотенъ Кутаисскаго конно-иррегулярнаго (полковникъ Принцъ), сотни Эйскаго казачьяго, 2-хъ ротъ 2-го Кавк. сан. баталіона, 2-я батарея 19-й, 1-й 2-й и 3-й батарей 41-й бригады, собравшіеся въ Озургетахъ на г. Экадію у люнета, двигается въ турецкіе предѣлы по направленію на Лельскій постъ; дѣвая, — подъ начальствомъ командира 2-й бригады 41-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіора Денибекова, въ которую поступили легкія и лучшіе вооруженныя части (1), — изъ 1-го пластунскаго и др. вышеупомянутыхъ частей, собирается внизу у подошвы г. Экадію и вступаетъ въ турецкіе предѣлы у Чолоисскаго поста.

Командующій войсками со штабомъ находится въ средней колоннѣ.

Въ Озургетахъ были оставлены: Закатальскій полкъ, озургетскій мѣстный баталіонъ и озургетская мѣстная батарея (капитанъ Лепартовичъ); кромѣ того въ Озургетахъ оставались парки и должны были туда постепенно подтянуться войска, не подошедшія къ 12-му апрѣля (2).

Войска, оставшіеся въ Озургетахъ, составили гурійскій отрядъ подъ командой генералъ-маіора князя Левана Гуріела, подъ начальство котораго поступали баталіоны Николаевска, а также всѣ временно прибывавшіе въ Озургеты по пути въ Турцію (3).

Обязанность гурійскаго отряда состояла въ охраненіи Гуріа на время операціи главныхъ силъ.

(1) Винтовками Бердана были вооружены только стрѣлки и пластуны; исп. остальными войска жѣли винтовки Карла.

(2) Мы не имѣемъ свидѣній, гдѣ въ это время находились два баталіона Севастопольскаго полка (маіоръ Барсанскій). Есть основаніе предполагать, что они оставались въ Озургетахъ.

(3) Высшедѣйствіемъ начальникомъ гурійскаго отряда (тѣмъ выше) былъ командиръ Кавказской стрѣлковой бригады адъютантъ полковникъ Гурчинъ. Детальное расположеніе войскъ при Ріонскомъ краѣ къ 12-му апрѣлю было слѣдующее:

1) Въ *Поти*—1-й и 4-й баталіоны 162-го пѣх. Ахалциханаго полка, 4-я рота 2-го Кавк. саперн. бат., 3-я, 5-я и 6-я сотни 2-го Эйскаго казачьяго полка Кубанскаго войска; всего 2½ баталіона и 3 сотни.

2) Въ *Николаевскъ*—Александровскій пѣхотный полкъ, 4-я сотня Эйскаго казачьяго полка, почетный волонеры; всего 4 баталіона, 1 сотня.

3) Въ *Озургетахъ*—163-й Ленкоранскій, 164-й Закатальскій пѣхотные полки; Озургетскій мѣстный баталіонъ; 1-й и 2-й Кавказ. стр. баталіоны, 1-я и 3-я роты 2-го Кавказ. саперн. баталіона; 1-й Пластунскій баталіонъ; 1-я Гуріевская дружина; 2-я Кутаисская дружина; 1-я Грузинская дружина; 1-я и 2-я сотни Эйскаго казачьяго, Кутаисскій конно-иррегулярный полкъ; 1-я, 2-я, 3-я, 5-я и 6-я батареи 41-й и 2-я батар. 19-й артв. бригады и Озургетская мѣстная батарея; всего въ Озургетахъ: 17½ баталіоновъ, 8 сотенъ, 56 орудій.

Наиболее чувствительными мѣста въ оборонительной линіи гурійскаго отряда были: Какутскій постъ, крайній лѣвый флангъ кордона, Никозавенскъ и все побережье къ сѣверу отъ него до Поти. Возвращаясь въ диспозицію для движенія колоннъ, мы видимъ, что всѣ девятифунтовые батареи шли въ правой колоннѣ, легкая (4 фунтовая) и горная — къ лѣвой, которой представлялъ путь по гористой дорогѣ, обходной.

Вслѣдствіе невольнаго прихода въ голову, отчего, при совершеніи перваго движенія, немедленно по полученіи извѣстій объ объявленіи войны не было принято мѣръ къ наѣзному и обезоруженію турокъ на постахъ, наподобіе того, какъ это было сдѣлано въ александропольскомъ и ахалихскомъ отрядѣ. На другой день обѣ колонны рассчитывали соединиться на Муха-Эстатъ, на которой у турокъ находился родъ укрѣпленнаго барачнаго лагеря.

Такъ какъ намъ лично пришлось быть при штабѣ командующаго войсками, а командующій войсками находился при средней колоннѣ, то мы будемъ слѣдить за движеніями и дѣйствіями средней колонны до ея соединенія съ лѣвой.

До Лельскаго поста отъ г. Экадіо было не болѣе 20-ти верстъ, но дождь не переставалъ, и разбухшая и продолжавшая разбухать узкая, глинистая дорога черезъ часъ движенія стала представлять для артилеріи большія затрудненія, и обстоятельство это не предвѣщало ничего хорошаго. Тѣмъ не менѣе, батареи, сопровождаемыя всей пѣхотой средней колонны и саперами, хотя съ большимъ трудомъ и медленно, но продолжали движеніе. На пятой верстѣ движенія командующій

4) Въ *Зурдидатъ* — 1-я Кутаисская дружина.

5) Въ *Мохатауратъ* — 2-я Грузинская дружина.

Составъ колоннъ былъ слѣдующій:

Правая (средняя) — управление 1-й бригады 41-й пѣхотной дивизіи, 1-й, 2-й и 3-й батальоны, 163-го Ленкоранскаго полка, 1-я Грузинская дружина, 1-я рота 2-го Кавк. егеря. Бат. 1-я, 2-я, 4-я и 5-я сотни Кутаисскаго военно-регулярнаго полка; 2-я батарея 19-й, 1-я, 2-я и 3-я батареи 41-й арт. бригады; итого 4¹/₂ батальона, 32 орудія и 4 сотни.

Левая — управление 2-й бригады 41-й пѣх. дивизіи, 1-й и 2-й Камальскіе стрѣлковые батальоны, 1-й нагустунскій, всѣ четыре батальона 164-й пѣх. Закавказскаго полка, 1-я Гурійская пѣшая дружина, 4-й батальонъ Ленкоранскаго, 3-я рота Кавк. егеря. Батал., 3-я и 6-я сотни Кутаисскаго военно-регулярнаго полка, 5-я и 6-я батареи 41-й артиллерійской бригады; итого 9¹/₂ батальоновъ, 16 орудій и 2 сотни.

Крайняя правая окантовка, — 1-й и 4-й батальоны Александропольскаго полка, 2-я сотня Зѣнскаго полка.

Всего же съ окантовками колоннахъ было — 15¹/₂ батальоновъ, 48 орудій и 7 сотенъ.

войсками со штабом обогнали колонну и, под прикрытием одного конвоя из сборной сотни, двинулся рысью на Лельский пост, и мы скоро подъехали къ такъ называемой «Богильской топи».

Эта «Богильская топь», столь памятная средней колоннѣ 12-го апрѣля, ничто иное, какъ широкая болотистая котловина, пересѣкающая дорогу поперекъ, немного не доходя до Чолока. Пройдя топь, дорога выходитъ на противоположный ея берегъ, возвышенный, съ котораго начинается спускъ въ долину р. Чолока, выйдя къ которому дорога круто поворачиваетъ направо, какъ разъ передъ турецкимъ постомъ Богилы и идетъ затѣмъ все время до самаго Лельскаго поста правымъ берегомъ Чолока.

Турецкій постъ «Богилы», расположенный на лѣвомъ возвышенномъ берегу Чолока, значительно командуетъ выходомъ изъ Богильской топи и самой дорогой, идущей внизъ по теченію правымъ берегомъ вплоть до русскаго «Богильскаго» и даже на турецкій Лельскій, гдѣ дорога переходитъ черезъ Чолокъ на его лѣвый берегъ; дорогой возвышенность поста командуетъ не на всея ея протяженіи, а участкомъ до русскаго «Богильскаго» поста, но берегъ лѣвый сохраняетъ свое командованіе и даже.

Мы ѣхали теперь этой дорогой, и нѣкоторымъ изъ насъ невольно приходило на мысль: «а что если турки не бросили поста, да откроютъ съ возвышеннаго лѣваго берега ружейный огонь, противъ котораго мы въ данную минуту беззащитны!» Но постъ былъ молчаливъ, и на противоположномъ берегу ничто не обнаруживало присутствія непріятеля.

Проѣхавъ берегомъ около двухъ верстъ, мы прибыли на нашъ русскій «Богильскій постъ», расположенный по сѣю сторону Чолока на низменномъ правомъ берегу. Небольшой не то домикъ, не то сарай въ дѣѣ комнаты составляли все жильѣ этого поста. Даже дорога шла на Лельскій постъ. Первою на Лельскій постъ должна была быть правая колонна, которая, съ минуты занятія поста, должна была составить авангардъ отряда, а средняя—правую колонну.

Для прикрытія-же вообще праваго фланга и тыла съ этой стороны нашего движенія, въ Николаевскѣ были оставлены два батальона Александропольскаго полка; сообщеніе-же наступающихъ колоннъ съ Николаевскомъ поддерживалось разъѣздами Эйской казачьей сотни. Въ минуту прибытія на «Богильскій постъ» командующій войсками и начальникъ артилеріи получили первыя вѣсти о затруднительномъ движеніи артилеріи средней колонны, а также о томъ, что артилерія задерживаетъ всю колонну; что цѣхота батарей оставить не можетъ,

и что саперы совместно съ пѣхотой способствуютъ насколько возможно движенію орудій и щипковъ и разрабатываютъ дорогу. При этихъ условіяхъ трудно было разсчитывать на прибытіе средней колонны къ Лельскому посту въ тотъ-же день 12-го апрѣля.

Одновременно съ донесеніемъ о трудностяхъ движенія артилеріи и о приостановкѣ вслѣдствіе этого движенія всей средней колонны, командующимъ войсками было получено донесеніе о прибытіи колонны полковника князя Абашидзе изъ Николаевска на Лельскій постъ и о занятіи этого поста безъ выстрѣла.

Штабъ только что расположился въ долину, чтобы, хотя временно, укрыться отъ непрерывавшаго лить ни минуты дождя и хотя немного обсушиться, какъ генералъ Оклобжю рѣшилъ навѣстять на Лельскомъ посту прибывшія туда изъ Николаевска баталіоны Александропольскаго полка. Отъ русскаго Богальскаго до Лельскаго поста было не болѣе двухъ верстъ, и черезъ 20 минутъ ѣзды рысью мы увидѣли два баталіона александропольцевъ и сотню Эйскаго казачьяго полка, уже стоявшихъ бивакомъ на полянѣ у поста.

Оказалось, что постъ этотъ турки оставили только тогда, когда баталіоны александропольцевъ перешли Чолокъ и направились къ потопому домику; они съ недоумѣніемъ смотрѣли на это движеніе и медленно, понемногу, очищали постъ, забирая поспѣшно свои пожитки; да и очистили они его крайне неохотно, только въ силу переданныхъ имъ кривою на турецкомъ языкѣ извѣстій объ объявленіи войны и совѣтовъ убраться скорѣй по своимъ.

Черезъ часъ командующій войсками вернулся въ занятый имъ и его штабомъ постъ-доминокъ, причемъ генералъ расположился въ одной комнатѣ, назначавшейся для офицеровъ поста, а въ другой, предназначавшейся для нижнихъ чиновъ, довольно большой, обставленной кругомъ нарами, помѣстились чины штаба. На нарахъ еще остались соломенные тюфики пластуновъ, рано утромъ того-же дня снятыхъ съ поста и соединенныхъ по снѣгамъ со всей кордонной линіи въ общій баталіонный строй и снятыхъ, къ сожалѣнію, именно въ то время, когда они могли-бы быть чрезвычайно полезны.

Доминокъ, сосредоточившій въ себѣ все начальство отряда, мгновенно превратился въ канцелярію начальника штаба и артилеріи; писались донесенія, приказанія, переносывались въ нѣсколькихъ экземплярахъ приказъ главнокомандующаго по арміи о переходѣ границы и объявленіи войны, для разсылки его по всѣмъ частямъ отряда и т. д.

Лошадей размѣстали подъ кукурузные домики, которые въ Гуріи ставятся не иначе, какъ на сваяхъ 6-ти, 7-ми-футовой высоты, отчего

подъ поломъ домика остается какъ-бы навѣсъ. Такіе домики, разбросанные вокругъ поста и по берегу Чолока, послужили также крышей отъ дожда промокшимъ казакамъ конвола и ихъ лошадямъ.

Къ семи часамъ вечера получено новое донесеніе, что батареи средней колонны послѣ утомительнаго движенія достигли Богильской топи, но перебраться черезъ нее оказалось безусловно невозможнымъ въ виду наступающей ночи и крайняго утомленія людей и лошадей, и что средняя колонна остановилась въ лѣсу бивакомъ, причемъ артиллерія стала не переходя топи, а нѣкоторыя части пѣхоты стали перейдя ее. Этотъ бивакъ въ сыромъ болотистомъ лѣсу, безъ нала-токъ, безъ горячей пищи, подъ проливнымъ дождемъ, былъ достаточно солиднымъ испытаніемъ для отряда въ его первомъ движеніи.

Изъ лѣвой колонны послѣднія извѣстія сообщали, что колонна съ артиллеріею черезъ Чолокъ переправилась безъ выстрѣла, и совершенно благополучно; что турки Чолокского поста бѣжали, но что трудное движеніе по испорченнымъ, почти горнымъ дорогамъ грозитъ задержать и лѣвую колонну и что войска колонны стали бивакомъ частью по сю, частью по ту сторону Чолока, причемъ артиллерія расположилась по ту сторону рѣчки у бивачнаго турецкаго Чолокского поста.

Такимъ образомъ конечное расположеніе отряда въ ночь съ 12-го на 13-е апрѣля было слѣдующее: авангардъ (начальникъ князь Абашидзе) у Лельскаго поста; правая колонна—у Богильской топи; лѣвая—у Чолокского поста; командующій войсками со штабомъ—у русскаго Богильскаго поста, на полпути между авангардомъ и правой колонной.

Всю ночь саперы и пѣхота правой колонны заняты были устройствомъ гати черезъ топи: заваливали ее хворостомъ, фашинами и бревнами—и, благо лѣсу было вдоволь, работа кнѣбла.

Еще при началѣ движенія, по распоряженію начальника артиллеріи, были сброшены батареими фашины, которыя онѣ везли, и замѣнены возможно большимъ количествомъ чала. Распоряженіе это оправдалось теперь какъ нельзя лучше, ибо то количество фашинокъ, которое полагается возить батареямъ, для заполнения топи было-бы каплей въ морф, а чала въ ночь съ 12-го по 13-е очень и очень пригодилась.

Для скорости движенія было запрещено брать съ собой фургоны и батареи, хотя батареи не имѣли вьючнаго обоза, какъ пѣхота. Распоряженіе это было неосновательно уже по одному тому, что тамъ, гдѣ пройдетъ девятифунтовая пушка и четырехколесный зарядный

ящикъ, тамъ всегда пройдетъ и любая повозка. Обозы могли бы отстать, но къ ночевкѣ всегда-бы поспѣли.

Поздно вечеромъ, когда уже всѣ установились на бивакахъ, въ сторонѣ авангарда раздались нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ; это были первые выстрѣлы, и они скоро затихли.

Всѣ мы (1) легли не раздѣваясь, въ полномъ походномъ снаряженіи.

Закуски и стаканъ чая оказались только у начальника артилеріи, фургончикъ котораго, везомый парой сильныхъ коней, не смотря на всѣ затрудненія и сопротивленія начальника штаба колонны капитана Левашева пропустить его, добрался поздно вечеромъ до самаго Богалыскаго поста и здѣсь благодѣтельствовалъ его временныхъ обитателей.

Домики нашъ очень скоро успокоился, и его поими жилищами были сдѣланы цѣлый рядъ попытокъ вздремнуть и отдохнуть послѣ уды и первыхъ походныхъ хлопотъ, попытки, утѣчавшихся было успѣхомъ, какъ вдругъ, среди глубокой и тихой ночи, прерываемой лишь шумомъ падающаго дождя, мы были разбужены рѣзкими звуками ружейныхъ выстрѣловъ и криками: «тревога». Всѣ вскочили, засуетились, выскочили на воздухъ и начались хлопоты около лошадей. Ночь была темная; дождь лилъ, какъ изъ ведра; грязь непроницаемая, вправо и впереди, въ сторонѣ авангарда и совсѣмъ близко къ нашему расположенію трещали неумолкаемые ружейные выстрѣлы. Начальникъ штаба полковникъ Казбекъ поѣхалъ въ сопровожденіи лишь трехъ казаковъ къ авангарду. Выстрѣлы становились все чаще и чаще. Никто не зналъ изъ чьей дѣло. Можетъ быть это было дѣло нѣсколькихъ смѣлчачковъ-жителей, подобранныхъ къ нашимъ аванпостамъ, но тревогу они надѣлали изрядную. Полный мракъ, неумолкаемый дождь, отсутствіе извѣстій изъ чьей дѣло и особый эффектъ при этой обстановкѣ ружейныхъ выстрѣловъ помогали неприятному впечатлѣнію.

Черезъ полчаса вернулся изъ авангарда начальникъ штаба; за нимъ въ полномъ мракѣ шла пача по грязи рота Александропольскаго

(1) Начальникъ штаба полковникъ Казбекъ, начальникъ артилеріи полковникъ Филимоновъ; состоящіе для порученій при штабѣ: гвардія капитанъ баронъ Зальца и штабъ-ротмистръ Барцовъ, капитанъ Монаховъ (отрядный командиръ), казачьяго линейнаго батальона князь Цамбоель, адъютантъ-генералъ Ослоджіо, шт.-кап. Александропольскаго полка Казбекъ; адъютанты полковникъ Филимоновъ; бригадный поручикъ Рагузовскій и, по званію начальника артилеріи войскъ края и отряда, авторъ описываемыхъ событій.

полка, приведенная из авангарда, которая немедленно расположилась впереди насъ, такъ какъ до сихъ поръ прямо передъ нашимъ доминомъ, къ сторонѣ невазасѣдованнаго лѣснаго, неприятельскаго берега, никого не было, и весь штабъ могъ стать легко добычей отчаяннаго набѣга. Вернувшійся начальникъ штаба сообщилъ, что нападеніе было произведено небольшими частями неприятеля, подиравшимися къ авангарду густымъ, непроницаемымъ лѣсомъ, окружавшимъ съ трехъ сторонъ поляну, на которой бивакировала авангардъ, и что у насъ уже есть первая потеря.

Выстрѣлы между тѣмъ становились рѣже и понемногу совершенно затихли. Остальная часть ночи прошла покойно. Операция, боевыя и походныя, за 12-е апрѣля кончились; подводи итоги всему случившемуся за день, мы придемъ къ слѣдующимъ выводамъ и заключеніямъ:

1) По физическимъ свойствамъ края, дождь не былъ явленіемъ случайнымъ: весна всегда обильна дождями, которые идутъ иногда цѣлыми днями и больше, безъ перерыва; дороги быстро дѣлаются непроходимы для полевой артилеріи и т. п.

Въ день 12-го апрѣля артилеріа средней колонны задержала ея движеніе и овладѣніе муха-эстатской позиціей откладывалось по крайней мѣрѣ на цѣлыя сутки.

Если-бы при средней колоннѣ была горная артилерія, а масса девятифунтовыхъ орудій, въ виду трудности движенія, двигалась-бы сзади, не въ составѣ колонны (отнюдь не впереди ея), а какъ резервная или позиціонная, то задержка этой не было-бы, и правая колонна овладѣла-бы названными высотами въ тотъ-же день 12-го апрѣля, облегчалъ своимъ движеніемъ наступленіе лѣвой колонны, которой двигаться изъ Муха-Эстатъ предстояло теперь одной и одной овладѣвать высотами.

Резюмируя все сказанное въ пользу горной артилеріи, мы позволимъ себѣ высказать слѣдующее заключеніе: что *при движеніи и дѣйствіи на подобнаго рода театръ войны, пересистояющая роль количественная принадлежитъ горной артилеріи; орудія легкія и батарейныя должны составлять артилерію позиціонную.* Въ данномъ случаѣ, для быстрого, внезапнаго захвата Муха-Эстате, въ тотъ-же день 12-го апрѣля необходимо было организовать колонны легкой пѣхоты съ горными батареями, а между тѣмъ горная батарея была одна на весь отрядъ и пришлось ее пѣшкомъ назначать въ лѣвую колонну. При посѣщеніи авангарда, состоявшаго изъ двухъ батальоновъ и сотни казаковъ, многіе сожалѣли,

что при немъ не было вовсе артилеріи; теперь авангардъ нашъ, составлявшій единственную живую силу главной массы отряда, разбѣженный отъ лѣвой колонны, не имѣлъ своей артилеріи и потому именно, что колонна двигалась изъ Николаевска могла имѣть при себѣ только горную артилерію, а горная артилерія изъ восьми пушекъ была только въ лѣвой колоннѣ.

Если пѣхота имѣла обозъ вьючный, то это указываетъ и на необходимость вьючной артилеріи.

2) Въ виду трудности и серьезности операціи перехода границы при данныхъ свойствахъ мѣстности необходимо было болѣе или менѣе заблаговременное размѣщеніе (сосредоточеніе) частей отряда на границѣ, по близости къ операціонной базѣ или на самой базѣ, чтобы дать возможность войскамъ осмотрѣться; части только что прибывшія были какъ въ потемкахъ. Наконецъ такое заблаговременное размѣщеніе было-бы полезно и въ другомъ еще отношеніи, а именно въ хозяйственномъ: ознакомиться частямъ съ средствами довольствія въ краѣ, тутъ-же на границѣ заручиться хорошими подрадчиками и т. п. Операціонныя линіи были такъ коротки, что во время кампаніи можно было довольствоваться и чалой, и зерновымъ фуражемъ изъ самой Турціи, но предварительномъ соглашеніи съ жителями; надо было только знать, куда посылать хозяйственныхъ чиновъ для закупокъ.

3) Первое движеніе, первый успѣхъ пріобрѣтаетъ въ виду ограниченности театра военныхъ дѣйствій особо важное значеніе. Для обезпеченія этого успѣха надо было захватить всѣ посты непріятеля, тѣмъ болѣе, что турки не знали объ объявленіи войны, на что указываетъ случай съ колонной князя Абашидзе. Для обезпеченія быстроты движенія (въ чемъ и заключалась одна сторона успѣха) необходимо было у себя, на своей территоріи, сдѣлать дороги проходимыя (главная дорога на Лельскій постъ); между тѣмъ вичего не было сдѣлаво для устраненія непроходимости Богнальской топи, задержавшей всю правую колонну.

2-й кавказскій саперный баталіонъ все это время стоялъ отряда въ Озургетскомъ уѣздѣ, вмѣсто того, чтобы заняться устройствомъ лѣсистыхъ и непроходимыхъ дорогъ въ Турцію, стоялъ въ Орпярѣ и въ дѣлѣ устраненія случайностей на намѣченныхъ операціонныхъ путяхъ, до 12-го апрѣля, составлялъ мертвый капиталъ. Совокупность вышеприведенныхъ обстоятельствъ помѣшала соединенію колоннъ на Муха-Эстатѣ въ назначенный срокъ и одновременно съ двухъ сторонъ захвату этихъ высотъ. Теперь брать эти высоты пред-

оставалось одной лѣвой колоннѣ, движеніе и дѣйствія которой не были обезпечены на правомъ флангѣ движеніемъ правой колонны.

На другой день ранно въ утроемъ 13-го апрѣля бивакирующій отрядъ былъ пріятно удивленъ видомъ яснаго голубаго неба и почувствовалъ теплое весеннее солнышко. Вѣтрикъ стало какъ-то веселѣе. Тѣмъ не менѣе, грядъ была неимоверная; отъ насыщенной почвы, подъ вліяніемъ солнца, поднимался легкій паръ. Въ воздухѣ чувствовалась кака-то прѣлость. Какъ будто находишься въ оранжерей, цвѣты и растенія которой только что обильно полили и началось испареніе подъ вліяніемъ теплаго оранжерейнаго воздуха. Мутный Чолокъ съ своими топкими берегами имѣлъ непривлекательный видъ, и я невольно вспомнилъ, что во всей этой безъ того нездоровой полосѣ берега Чолока считаются особенно нездоровыми. Каково-же было тутъ стоять пластунамъ?!

Домики, занятый штабомъ, съ ранняго утра осаждался донесеніями. Начальникъ штаба съ первымъ свѣтомъ поспѣвалъ къ правой колоннѣ—узнать результаты переправы артилеріи черезъ топъ, такъ какъ отъ успѣха переправы зависѣлъ успѣхъ операціи 13-го числа.

Командующій войсками пріѣхалъ на скамью въ ожиданіи, когда мимо него будутъ дефилировать, по дорогѣ на Лельскій постъ, войска правой колонны, откуда начальникъ штаба далъ знать, что началась осторожная переправа артилеріи черезъ топъ. Было семь часовъ 15 минутъ, когда изъ сторонъ правой колонны, долженствовавшей быть занятой, согласно послѣднимъ донесеніямъ, переправой орудій и личнкозъ, неожиданно грянулъ ружейный выстрѣлъ, за нимъ другой, а затѣмъ затрещала частая ружейная пальба. На всѣхъ лицахъ изобразилось удивленіе, такъ какъ выстрѣлы слышались въ томъ направленіи, откуда ихъ никакъ нельзя было ожидать. Следовательно, турки или не думали вовсе бросать своего Богильскаго поста и не боялись лѣвой колонны, которая была у нихъ въ тылу, или же они перешли въ этомъ пунктѣ въ наступленіе. Но каково же было общее удивленіе, когда всю эту ружейную трескотню покрывъ громкій выстрѣлъ девяти-фунтоваго орудія.

Ровно въ 7 ч. 20 м. раздался первый орудійный выстрѣлъ артилеріи кобулетскаго отряда. Ружейная трескотня между тѣмъ продолжалась; послѣдовали и другой, и третій орудійные выстрѣлы, затѣмъ ружейный огонь сталъ ослабѣвать и, послѣ еще двухъ послѣдовавшихъ орудійныхъ выстрѣловъ, затихъ совершенно.

Послѣ втораго орудійнаго выстрѣла прискакалъ состоявшій въ распоряженіи командующаго войсками полковникъ Михелеаде и дозо-

жилъ генералу Оглобкію отъ имени полковника Казбека, что «турки изъ Богильскаго поста открыли было ружейный огонь по двумъ, только-что переправившимся орудіямъ, но что огняъ этихъ двухъ орудій и атакой грузинъ пѣшей дружины высоты и постъ очищены отъ непріятеля и находятся теперь въ нашихъ рукахъ».

Командующій войсками послалъ меня тотчасъ же принять командованіе орудіями, такъ какъ, согласно донесенія полковника Микеладзе, офицера при орудіяхъ не было, онъ руководилъ переправой лициковъ въ минуту никѣмъ неожиданнаго нападенія. Переправлявшаяся артилерія была глубоко убѣждена, что находится въ резервѣ, а что далеко впереди ея и по сторонамъ расположены авангардъ и колонны.

Вотъ подробности дѣла, добытыя отъ очевидцевъ: первыми переправлялись черезъ тѣмъ два орудія 1-й батареи 41-й бригады; они спустились къ Чолоку, повернули направо и подвигались понемногу, въ ожиданіи лициковъ и орудій 2-го взвода, по дорогѣ на Дельскій постъ.

Дорога, по которой двигались атакованныя орудія, была единственнымъ путемъ движенія для войскъ бывшей средней, теперь правой колонны и шла почти все время по правому берегу Чолока.

Противоположный берегъ рѣки, на которомъ были расположены по всей его длани, вплоть до устья, турецкіе посты, былъ возвышенный и превосходно командовалъ именованнымъ нашимъ берегомъ. По странной и непостижимой случайности, расположенный на этомъ берегу «*Богильскій постъ*», представлявшій самъ по себѣ высокое и командующее мѣсто и, вслѣдствіе командованія дорогой, имѣвшій такимъ образомъ отчасти и стратегическое значеніе, не только не былъ нами прочно занятъ, но даже и не былъ вовсе касѣдознавъ.

Было извѣстіе, что турки бросали всѣ посты на берегу Чолока, что было весьма правдоподобно, тѣмъ болѣе, что наканунѣ нападенія по этой дорогѣ совершенно благополучно проѣхалъ командующій войсками съ своимъ штабомъ и конвоемъ и также проѣлъ благополучно совершалось движеніе одиночныхъ людей и небольшихъ пѣшихъ и конныхъ партій весь день 12-го, всю ночь съ 12-го на 13-е и раннимъ утромъ 13-го. Все это время съ высоты Богильскаго поста не только не было произведено ни одного выстрѣла, но вообще ничто не обнаруживало присутствія турокъ. Тѣмъ не менѣе, «незанятіе Богали» было достаточно серьезнымъ упущеніемъ и ничѣмъ не могло быть оправдано.

Нападеніе произошло слѣдующимъ образомъ. Когда орудія повер-

пузи направо и стали по фланговому порядку къ противоположному берегу, на его высотах затрещали ружейные выстрѣлы и первый пузи просияли надъ головами орудійной прислуги. Одновременно съ этимъ на высотахъ повозались хвѣстами гумы турокъ и огонь участился. Первой жертвой былъ деньщикъ офицера батареи и милиционеръ Грузинской дружины.

Это нападеніе и эта стрѣльба были до такой степени неожиданны для артиллеріи, что переди оказались запертыми на замочки, и ихъ пришлось взломать. Офицеръ былъ занятъ переправой индюковъ; случившійся здѣсь начальникъ штаба полковникъ Валбекъ распорядился открыть огонь и первый выстрѣлы были произведены картечью. Второй былъ произведенъ шрапнелью. Послѣ четвертой, прекрасно разорвавшейся шрапнели, турки разбѣжались и бросили гору, на которую между тѣмъ стремительно бросилась на ура подошедшая Грузинская пѣшая дружина подъ звуки «зурны»; огонь былъ остановленъ.

Взавъ изъ передки, я повелъ орудія на Лельскій мостъ, причемъ дальнѣйшее слѣдованіе не обошлось безъ приключеній: такъ, при прохожденіи, одинъ изъ мостиковъ обрушился подъ тяжестью орудія, и оно повисло между устоями, но подошедшей ротой и прислугой было вытнуто. Пришлось создавать новый мостъ изъ бревенъ и балокъ ближайшаго, немедленно разобраннаго, кукурузника.

Все мосты были узки и не выдержали троечной запряжки. Послѣ довольно частыхъ задержекъ, 1-я батарея прибыла наконецъ на Лельскій мостъ, переправившись передъ самымъ мостомъ черезъ пограничный Чолокъ, и стала бивакомъ, на этотъ разъ уже на турецкой почвѣ, на той самой подлѣ, на которой наканунѣ стоялъ авангардъ отряда, выдвинутый впередъ раннимъ утромъ 13-го числа.

За 1-ю батарею 41-й бригады подтянулись одна за другой небольшими частями и остальные батареи.

Пока правая колонна сосредоточивалась на Лельскомъ мосту, гдѣ по предварительнымъ предположеніямъ она должна была стать еще 12-го апрѣля, цѣлый день 13-го, къ сторонѣ движенія лѣвой колонны, слышались орудійные выстрѣлы. Колонна генерала Денибекова, предоставленная себѣ, очевидно не безъ сопротивленія подвигалась впередъ къ высотамъ Муха-Эстате.

До сихъ поръ мы не имѣли никакихъ вѣстей отъ генерала Денибекова и нельзя сказать, чтобы это насъ не безпокоило. Штабъ командующаго войсками перевеселъ теперь также на Лельскій мостъ.

Между тѣмъ къ нашей общей радости подтянулись и наши вьюки, и предъ наши очи предстали давно желанные и для насъ невидан-

ные деньщики. Вечерело. Орудийные выстрѣлы лѣвой колонны не прекращались. Окрестности Лельскаго поста, заполненные биваками войскъ правой колонны, приняли воинственный и оживленный видъ. Войска заняли всю долину, ставъ фронтомъ къ лѣсу, который назывался Богильскимъ и который намъ предстояло дефилировать на другой день.

Авангардъ еще утромъ перешелъ впередъ и стоялъ у выхода изъ лѣса. Начальникъ штаба еще до сумерекъ во главѣ легкой колонны поѣхалъ въ лѣвую, къ генералу Денибекову. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали его возвращенія, которое послѣдовало только поздно вечеромъ и совершенно было безъ всякихъ приключеній. Онъ привезъ вѣстие, что «генералъ Денибековъ блистательно шелъ по узкой горной дорогѣ; вооруженные жители, подкрѣпленные регулярными войсками, на каждомъ шагу представляли упорное сопротивленіе; потери значительны, все движеніе сопровождалось штурмомъ заваловъ, скаель, высотъ, ущелій и форсированіемъ переходовъ; гурійцы дрались прекрасно и были героями дня; дѣйствія горной батареи были полны самоотверженія, и она понесла солидные потери: явилась тяжело раненаго пулей въ чашку лѣвой ноги своего храбраго командира подполковника Александра Мухоморова, и кромѣ того вся прислуга 1-го взвода выбыла изъ строя, такъ что первые выстрѣлы произведены одними офицерами, ибо прислуга была выбита тотчасъ по выѣздѣ взвода на позицію.

Канцелярскія работы наши, состоявшія между прочимъ въ донесенія о вступленіи батареи отряда на турецкую территорию, уже оживлялись, когда къ намъ заглянулъ начальникъ штаба правой колонны капитанъ Левашевъ и просилъ дать ему написать диспозицію движенія колонны на слѣдующій день. Мы предложили свои услуги, и подъ его диктовку писаря наши въ $\frac{1}{4}$ часа доставили ему нужное количество экзemplаровъ; одинъ изъ нихъ я удержалъ себѣ и успѣлъ такимъ образомъ заблаговременно сообщить во всѣ батареи подробности предстоящаго движенія.

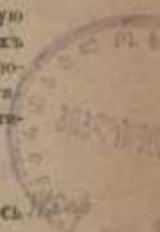
Къ 12-ти часамъ ночи все успокоилось, и эта первая ночь на турецкой землѣ и подъ крышей турецкаго домика была покойная и освѣжающая.

III.

День 14-го апрѣля.

Воспущеніе колонны въ Богильскій лѣсъ. — Гурійскій казначейскій — какъ воинъ. — Муха-Эстате. — Видъ съ центрального Муха-Эстатскаго холма на окружающую мѣстность. — Посѣщеніе равнаго командира горной батареи. — На боевымъ позиціяхъ. — Увлеченіе стрельбой. — Еще два слова о гурійцахъ. — Бомбардированіе Николаевска. — Объявленіе генераломъ Оглоблию позиціи. — Прибытіе девяти «уной» артилеріи. — Расположеніе ея на позиціи. — Устройство нашего артилерійскаго штаба.

На другой день, 14-го апрѣля, солнце еще далеко не поднималось изъ-за верхушекъ Богильскаго лѣса, какъ бивакпированшія войска колонны проснулись, зашумѣли и задвигались.... Утро было прекрасное, и чистое безоблачное небо предвѣщало столь намъ нужный для движенія, болѣе или менѣе теплый и сухой день. Переходъ предстоялъ небольшой; цѣль движенія заключалась въ соединеніи на высотахъ Муха-Эстате съ колонной генералъ-маіора Денибекова и въ способствованіи, если то окажется нужнымъ, окончательному утвержденію нашему на означенныхъ высотахъ, для чего наша колонна должна была выдти правѣ колонны генералъ-маіора Денибекова и на самыхъ высотахъ стать правѣ его, слѣдовательно ближе къ морю.

Въ авангардѣ (начальникъ, гвардія полковникъ князь Микеладзе) двигалась, между батальонами Ленкоранскаго полка и сотнями грузинской пѣшей дружины, 2-я батарея 19-й артилерійской бригады; остальными батареями находились въ главныхъ силахъ.

Колонна втягивалась по узкой и тонкой дорогѣ въ «Богильскій лѣсъ», носившій всѣ признаки лѣсовъ, свойственные этой, въ избыткѣ орошенной и богато растительной полосѣ Черноморскаго побережья. Никакое чириканіе и никакое шѣпѣ, столь обычныхъ нашимъ лѣсамъ, птицъ не нарушало его молчанія и мрачнаго великолѣпія. Непроницаемый густой лѣсъ съ обѣихъ сторонъ дороги, густой до такой степени, что, казалось, чакалкѣ негдѣ проскочить и амѣй негдѣ про-

возитъ, съ роскошной ярко зеленой листвою, съ многочисленными вьющимися растеніями (лианами), переплетавшимися всѣ деревья и кусты красивыми фестонами, ниспадавшими до земли. — производилъ впечатлѣніе мрачнаго и таинственнаго лѣса. Всѣ эти вьющіеся и ползучія растенія, которыя плетуну окрестилъ названіемъ «держки-трапы», совершенно окутывали стволы и нижнія части деревъ. Подлѣсье этого, безъ преувеличенія, тропическаго лѣса составляли, по истинѣ, непролазные заросли рѣдкихъ и вязынныхъ кустовъ. Величавыя рододендры въ полномъ цвѣтѣ тамъ и сямъ подымались цѣлыми деревьями, рядомъ съ ними азалія, лавры, дикіе капризолія съ душистыми, желтыми цвѣтами, многіе разнообразныя сорта хвойныхъ и гигантскій папоротникъ съ ярко-зелеными листьями. Какой-то тоской, но гнилой сыростью несло отъ этого лѣса. Вместе съ тѣмъ лѣсъ этотъ таилъ въ себѣ гнѣздилище лихорадокъ, въ счастью нашему въ осеннее время не имѣющихъ ни настоящаго развитія, ни настоящей силы. Это былъ тотъ самый лѣсъ, изъ котораго насъ благоволили турки, вля вѣрнѣе кобулетны, въ ночь съ 12-го на 13-е, знавшіе тропики его и дорожки.

Дорога была изъ трудныхъ; будь въ этотъ день малѣйшій дождь — и артилерію ожидала плачевная участь. Уже и теперь она съ трудомъ поднималась по узкой дорогѣ; колеса орудій и ишиковъ дѣлали глубокія колея въ глинистой почвѣ, а низко спускавшіеся и съ боковъ торчавшія вѣтви хлестали бѣловыхъ, и имъ то и дѣло приходилось нагибаться и отстранять рукой вѣтви то рододендры, то азалія. Мѣстами надъ головами колонны образовывался цѣлый зеленый сводъ зарослей, подчасъ на столько низкій, что приходилось пускаться дѣло шагать и даже топоры для его расчистки. Трудность движенья лѣсомъ состояла еше и въ томъ, что нельзя было свернуть ни направо, ни влѣво, рискуя попасть въ болото, взорвать въ клочки одежду, благодаря необычайной гнѣзости «держки-трапы».

Такою была дѣйствительная Богильскій лѣсъ, когда отрядъ впервые прошелъ его; впоследствии онъ сильно напѣивался: узкія тонкія дороги превратились въ широкія просѣки, полотно дороги, больше подверженное дѣйствию солнца и заваливаемое все время хворостомъ, пескомъ, камнями, крѣпло и устанавливалось, самый лѣсъ рѣдѣлъ съ боковъ, ибо солдаты брали и на костры, и на шалаши вѣтви рѣдкихъ растеній, и вообще подъ вліяніемъ разрушительной силы солдата онъ къ слѣдующей веснѣ совершенно потерялъ, по крайней мѣрѣ далеко въ обѣ стороны отъ дороги, свой тропическій характеръ и свою непроходимость; уже въ октябрѣ черезъ Богильскій лѣсъ отъ

турецкаго Богяльскаго поста почти до самыхъ высотъ Муха-Эстате пролегало шоссе, по которому совершенно безпрятственно совершалось движеніе и громаднѣхъ фургоновъ, и даже 24-хъ-фунтовыхъ орудій.

Во все время движенія колонны въ сторонѣ высотъ Муха-Эстате, находившихся теперь уже прямо впереди насъ, слышалась ружейная трескотня, которой вторили орудійные выстрѣлы. Очевидно, генералъ Денибековъ атаковалъ высоты Муха-Эстате. Къ нашему счастью здѣсь этотъ тынулся недолго, и мы скоро вышли на относительно ровное пространство.

Командующій войсками со штабомъ вѣхалъ теперь впереди авангарда и раньше колонны выѣхалъ на поляну; здѣсь мы встрѣтили офицера съ донесеніемъ отъ генерала Денибекова, что высоты Муха-Эстате находятся въ нашихъ рукахъ. Командующій войсками рѣшилъ довести о томъ помощнику главнокомандующаго арміею князю Святополкъ-Мирскому, находившемуся въ Озургетахъ, для чего весь нашъ кортежъ остановился, а самое донесеніе было написано на барабанѣ.

Начальникъ артилеріи рѣшилъ воспользоваться оказіей и приказалъ имѣ довести въ общихъ чертахъ начальнику артилеріи арміи и въ окружное артилерійское управленіе о движеніи и дѣйствіи батарей кобудетскаго отряда за дни 12-го, 13-го и 14-го апрѣля.

По отправленію донесеній весь кортежъ тронулся дальше. Пока мы подвигались впередъ на выстрѣлы, намъ на встрѣчу вѣхалъ какой то молодой человекъ, одѣтый въ черное статское платье. Онъ вѣхалъ совершенно одинъ, съ самымъ безпечнымъ видомъ, оказался гурійцемъ-прядальникомъ съѣстной дѣлки въ Озургетахъ; онъ все время былъ при дружинѣ, а теперь возвращался обратно. Его невоенственное ремесло не удержало его дома, — такъ сильна страсть къ военнымъ предпріятіямъ и къ войнѣ у благороднаго гурійскаго народа. Надо только видѣть поголовное желаніе жителей служить дѣлу войны въ рядахъ дружинъ, чтобы проникнуться уваженіемъ къ племени и удивляться, отчего не было сформировано такихъ дружинъ по крайней мѣрѣ 10, предводимыхъ нашими офицерами, а одна, предводимая хотя и ихъ кизльми, но людьми, не получившими спеціального военнаго образованія и не прошедшими, за небольшими исключеніями, никакихъ военныхъ училищъ. Баталіоны такихъ гурійцевъ, снабженные современнымъ малокалибернымъ оружіемъ и предводимые регулярными офицерами, воспитанными въ училищахъ, были бы превосходною пѣхотою, безцѣною въ прибрежной полосѣ Чернаго моря. Такому пѣхотнику не нужно акклиматизироваться и

приспособить свое походное снабжение къ особымъ климатическимъ и мѣстнымъ условиямъ и приравнивать къ этимъ же условиямъ свою походную жизнь.

— Какже это ты такъ ѣдешь, безъ оружія? Видь тебѣ турки здѣсь убьютъ!... останавливалъ его генералъ.

— А у меня есть револьверъ, отвѣчалъ, туріенъ и вытаскивалъ его изъ-за голенищъ сапога.

— Ну, братъ! спрячь его скорѣй, а то еще убьешь русскаго генерала, шутилъ съ нимъ генералъ Оклобжю.

Мы продолжали свой путь; за поворотомъ дороги направо видѣлась группа зеленыхъ холмовъ, окутанныхъ прозрачною полосой порохового дыма. Трещали неутомимо ружейные выстрѣлы, прерываемые нарѣдка громкимъ гуломъ орудійныхъ. По гребню холмовъ черными, беспорядочными точками видѣлись наши войска. Турецкихъ позицій и войскъ не было видно; они были скрыты отъ насъ группой муха-эстатскихъ холмовъ, центръ и лѣвый флангъ которыхъ были заняты войсками лѣвой колонны.

Мы повернули направо отъ дороги, перѣехали рѣчку у цѣлаго ряда турецкихъ барачковъ, которые только что перешли во владѣніе сотенъ Кутанскаго конно-регулярнаго полка, и рысью, безъ дороги, пустили лошадей въ гору на одинъ изъ ближайшихъ холмовъ, оказавшійся самымъ возвышеннымъ пунктомъ всей муха-эстатской позиціи.

Выѣхавъ на холмъ, мы остановились, не слѣзанъ съ лошадей, пораженные величественной картиной, передъ нами раскрывшейся: налѣво и частью впереди громоздился терасами уступы Кобудетскихъ горъ замыкавшихся сѣвнымъ хребтомъ Аджаринъ; прямо передъ нами, у подножія Муха-Эстатскихъ холмовъ, мѣстность постепенно понижалась до зеленой гряды горъ впереди и до моря направо; эта зеленая гряда высоты Хуцусъ-Убани, Самеба и Столоныя горы закрывала отъ нашихъ взоровъ высоты Цихисданри; по всему гребню и ниже его выгладывали крыши хуторовъ и домовъ поселеній Верхней-Кобудеты, Гвара и Алабара; по всему протяженію этой же длинной зеленой гряды, въ особенности къ нижней ея части, встывали безпрестанно дыма ружейныхъ выстрѣловъ, — то былъ неприятель, выбитый изъ Муха-Эстате и утвердившійся въ этой лѣсистой грядѣ которою намъ также предстояло овладѣть въ ближайшемъ будущемъ. Почти къ концѣ этой гряды, у самого берега моря, чуть-чуть сверкала серебряной полосой рѣчка Кинтриши; наиряно безбрежный горизонтъ Чернаго моря, на гладкой и свѣтлой поверхности котораго крейсеровали два броненосца и два парохода, одинъ изъ

нихъ несли на всѣхъ парахъ къ Николаевску; берегъ моря, рѣзко отбѣгающийся до Николаевска и выше густой и непрерывной зеленой полосой лѣса, былъ видѣнъ вообще на далекое разстояніе, Батумской бухты видно не было. По походѣ дыма на отдаленномъ горизонтѣ можно было предугадать пароходы, идущіе изъ Батума къ Трапезонду и обратно; Николаевскъ былъ видѣнъ совершенно отчетливо; дальше за нимъ видѣлась дуга зеленѣющаго берега, углубляющагося къ материкъ и оканчивающагося также довольно отчетливо видѣвшимся Потійскимъ маякомъ, за которымъ уже слабо, но все же очерчивалось продолженіе берега къ сѣверу.

Повернувшись кругомъ, мы увидѣли въ тылу у насъ необоарное море зеленой неровной поверхности: это наша, православная, Гурія; горизонтъ ея замыкался сивеютой дымкой Чахатаурскихъ горъ.

Мы стояли теперь на площадкѣ того холма, который былъ самымъ возвышеннымъ и отчасти центральнымъ. Площадка эта была также застроена цѣлой системой турецкихъ барачковъ, въ которыхъ уже размѣстились два батальона александропольцевъ; солдаты составили ружья къ козлы и, безъ долгихъ разговоровъ, устранились по своему изъ бывшаго турецкаго лагеря. Кромѣ того, здѣсь уже стояли заряды горной артилеріи изъ лѣвой колонны; здѣсь же были временно размѣщены раненыи командиръ батареи и выбившая изъ строя прислуга 1-го взвода.

Впереди этого центрального холма находились группа другихъ холмовъ, тянувшихся перпендикулярно къ берегу моря съ легкой покатостью къ сторонѣ турецкой позиціи.

Центръ и лѣвый флангъ этихъ впередлежащихъ холмовъ составляли непосредственно нашу боевую линію, занятую пока еще только войсками колонны генерала Денибекова.

Воспользовавшись тѣмъ, что въ этомъ же центральномъ барачномъ лагерѣ въ одномъ изъ домиковъ лежалъ раненыи подполковникъ Мухомоловъ, мы пошлѣ его навѣстить. Солдатки горной батареи проводили насъ къ нему, и мы, вошедъ въ маленькій, темный домикъ, увидѣли лежащаго на доскахъ командира горной батареи.

Рана его была изъ тяжелыхъ: пуля ударила въ чашку ноги, раздробила ее, и медлія частины раздробленной кости остались въ ранѣ. Онъ намъ очень обрадовался и слабымъ голосомъ, съ вихляющимъ усиленіемъ рассказывалъ происшедшее, причемъ прибавилъ, что по истребленіи прислуги 1-го взвода, которой турки не дали сдѣлать ни одного выстрѣла, первый выстрѣлъ произвели офицеры.

Оставалось только удивляться, какими образомъ горная батарея

была такъ безошадно выставлена на разстрѣлъ; потому самъ генералъ Денибековъ сожалѣлъ о случившемся, но говорилъ, что только правильно можно было заставить турокъ очистить то узкое мѣсто ущелья, гдѣ они упорно засѣли за естественнымъ закрытіемъ, посылая массы свинцу бросающейся на нихъ пѣхотѣ.

Самоотверженіе горнаго взвода рѣшило дѣло въ нашу пользу, и ущелье было занято.

Во всякомъ случаѣ подполковникъ Мухеловъ не заслуживаетъ упрека въ томъ, «что онъ, самъ командиръ батареи, велъ взводъ на позицію»; дѣло было первое, горячее, и онъ не только велъ взводъ на позицію, но и лично распоряжался какъ выборомъ позиціи, такъ и установкой орудій и ящиковъ. Будучи уже раненъ и лежа на землѣ, онъ продолжалъ принимать участіе въ веденіи огня. Въ минуту вывоза батарейъ всѣ офицеры ея были на позиціи горнаго взвода. На дорогѣ на центральный холмъ раненнаго Мухелова вывалили изъ фургона, и онъ упалъ по счастью еще на кусты, но во всякомъ случаѣ переживалъ тогда мучительныя минуты.

Стрѣльба, бывшая уже далеко не столь частой, однако еще продолжалась; очевидно въ этихъ первыхъ дѣлахъ, находясь подъ впечатлѣніемъ первой встрѣчи съ неприятелемъ, войска вносили въ стрѣльбу, какъ въ средство пораженія, известную долю увлеченія, раздѣляемаго и ихъ непосредственными начальниками; этого увлеченія не могли раздѣлять старшіе начальники, особенно въ виду цѣли ея — занятія Мухъ-Зетате. Командующій войсками и начальники артилеріи нашли дальнѣйшую стрѣльбу артилеріи бесполезной, что было основано главнымъ образомъ на необходимости беречь снаряды, на трудности ихъ доставки и большого количества израсходованныхъ 5-ю и 6-ю батареями и наконецъ на томъ соображеніи, что высоты фактически уже находились въ нашихъ рукахъ. Въ силу этихъ соображеній имъ было приказано поѣхать на позиціи и сообщить приказаніе начальства; касательно же расходованія снарядовъ, начальники артилеріи прибавилъ: «беречь шрапнель».

Черезъ $\frac{1}{4}$ часа ѣзды рысью по прихотливымъ извилинамъ балка, я очутился на спускѣ къ гребню, гдѣ и увидалъ лежащія роты стрѣлковыхъ баталіоновъ (2-го и 1-го). Самый же гребень, поросшій крупнымъ папоротникомъ, былъ занятъ орудіями горной батареи: прислуга орудій лежала и вставала только для дѣйствія. Впереди гребня, а мѣстами и по гребню, лежали цѣпи стрѣлковъ и павлуновъ.

Я передалъ приказанія начальства: «стрѣлать какъ можно рѣже».

Что касается до частой стрельбы по занятии уже Муха-Эстате, то нельзя не согласиться, что въ стрельбу (я говорю въ данномъ случаѣ объ артилеріи) войска возише ея умекались. Стрѣльба эта была сликномъ часта для дѣйствія по небольшимъ цѣлямъ и при условіи, что не предполагается дальнѣйшаго движенія впередъ.

Пѣхотное начальство особенно наставляло на стрѣльбѣ артилеріи, видя въ этомъ средство заставить непріятеля прекратить ружейный огонь и ободрять имъ пѣхоту.

Дальнѣйшая же стрѣльба артилеріи была тѣмъ болѣе бесполезной, что турки сидѣли въ густомъ лѣсу, гдѣ каждый стрѣлокъ, а иногда и по два, по три стрѣлка, могли прекрасно укрываться отъ снарядовъ. Обстрѣливаніе при такихъ условіяхъ могло только ободрять ихъ, приучал не бояться артилерійскаго огня.

Съ лѣваго фланга я проѣхалъ вдоль позиціи до праваго; правый флангъ боевой линіи составляли гурійцы и 5-я батарея; здѣсь цѣли лежали лишь немного впереди орудій и ниже гребня. Пули еще повсвистывали довольно часто, но, по словамъ участниковъ боя, это уже было сравнительно «отдыхъ» — послѣ пережитаго. Офицеры Гурійской дружины и 5-я батарея сѣвши дѣлаться впечатлѣніями, рассказывая, что не воображали остаться живыми, испытавъ такой страшный огонь.

На всѣхъ лицахъ было написано оживленіе и нервное возбужденіе.

Всѣ чины лѣвой колонны отдавали дань беззавѣтному мужеству Гурійской дружины, которая, въ эти дни, какъ наша легкая пѣхота и какъ знакомая болѣе или менѣе съ мѣстностью, была все время впереди и вынесла на своихъ плечахъ всю тяжесть боя (*).

За то и полегло ихъ много въ этотъ день! «У меня перебиты всѣ урядники, и какіе все молодцы!» говорилъ мнѣ одинъ сотенный командиръ, причемъ подалъ нѣсколько образцовъ патроновъ, пачки которыхъ въ большомъ количествѣ были захвачены гурійцами при выбитіи турокъ изъ Муха-Эстате изъ тѣхъ самыхъ домиковъ, которые они теперь сами занимали. Такихъ пачекъ было отбито большое количество и съ ними магазинное ружье.

Непріятеля по всей линіи нигдѣ не было видно, но изъ-за переди-лежащихъ, въ 1,000 и болѣе шагахъ, кустовъ на протяжении длинной линіи турки выдавали свое присутствіе дымками ружейныхъ

(*). Привороженная къ походной жизни, обувь дозволяетъ гурійцамъ легко избираться на крутыя и скалистыя возвышенности. Голова повязана башмакомъ, на шарономъ поясѣ висятъ всѣ необходимыя для боя и похода принадежы, до жезанаго складнаго стального вилочатка включительно.

выстрѣловъ. Всѣ домики и сады этой длинной зеленой гряды были очевидно густо ими заняты; дымки ружейныхъ выстрѣловъ показывались и съ балконовъ, и съ крышъ. Хотя, повидимому, до сихъ поръ мы дрались только съ одними жителями, но эти природные воины, вооруженные скорострѣльнымъ оружіемъ, были серьезными, упорными и искусными противниками.

Передавъ я здѣсь приказаніе начальства, и вернулся обратно на центральный холмъ, удивляясь дорогой, что такая позиція досталась намъ относительно дешево.

Муха-эстатская позиція, да и вообще вся мѣстность по пути движенія дѣной колонны, изобиловала всѣми данными для упорной обороны ея частями, но у турокъ не было артиллеріи, а наша направилъ какъ нельзя болѣе покровительствовала и нравственно, и материально гурійцамъ: при овладѣніи ими ущельями, высотами, балками и садами.

Когда я очутился опять на центральной площади, съ которой, какъ я говорилъ выше, открывается видъ во всѣ стороны, то увидѣлъ двигавшихся изъ Батума къ Николаевску на всѣхъ парахъ нѣсколько броненосцевъ; общее любопытство было устремлено на море и на эволюціи этихъ броненосцевъ. Вотъ они стали у Николаевска, выстроились, на одномъ изъ нихъ показался огонь и клубъ густого гѣлаго дыма, затѣмъ, по прошествіи долгаго промежутка времени раздался гулъ орудійнаго выстрѣла, и на нашихъ глазахъ началось бомбардированіе группы духановъ. Картина была очень красивая, а гулъ или вѣрнѣе трескъ выстрѣловъ орудій большого калибра громко разносился на далекое разстояніе. Пострѣляли съ $\frac{1}{2}$ часа и выпустили не малое число дорого стоящихъ бомбъ по ничего не стоящему Николаевску, турецкіе броненосцы, не отлагиваясь произвести десанта, торжественно удалились обратно въ Батумъ.

Какъ я узналъ въ тотъ же день вечеромъ, этимъ бомбардированіемъ разрушены: полковая церковь, нѣсколько духановъ и контуженъ одинъ унтеръ-офицеръ; всего въ Николаевскѣ сидѣло въ зоментахъ, о которыхъ я говорилъ выше, два баталіона александропольцевъ.

Между тѣмъ командующій войсками пожелалъ лично проѣхать вдоль взятой нами муха-эстатской позиціи и присутствовать расположеннымъ на ней войскамъ; его сопровождали начальникъ штаба, князь Григорій Гуріель, небольшая свита при немъ состоящихъ и конвой; значокъ ѣхалъ впереди. Обѣздъ начался съ лѣваго фланга; войска, громкимъ прикомъ ура, прокатившіяся вдоль всей нами взятой по-

зики, прибывавали генерала Оглобжю, скакавшего газомомъ и
нившата фўражку, которую онъ держалъ высоко надъ своей головой.

Какъ только эта масса всадниковъ, сопровождаемая громкими и
дружными криками ура, предшествуемая краснымъ значкомъ, трону-
лась рысью вдоль позици; по всему гребню зеленыхъ холмовъ и до-
микомъ, занятыхъ турками, показалась непрерывная линия дымокъ
ружейныхъ выстрѣловъ. Турки открыли неутомимый огонь и обна-
ружили всю длину занятой ими позици. Нѣсколько пулъ просвистало
надъ нами, другія падали у ногъ лошадей, но все кончилось благо-
получно, и черезъ часъ мы вернулись на центральный курганъ.

Пока войска лѣвой колонны перестрѣливались съ неприятелемъ и
шрѣдка посылали свои шранкели, 5-я и 6-я батареи и войска правой
колонны подтягивались къ Муха-Эстате и останавливались у подно-
жия центрального холма, который уже былъ занятъ авангардомъ —
двумя батальонами александропольцевъ.

Всѣ же 9-ти-фунтовые батареи становились бивакомъ у подъема
на Муха-Эстате, не переходя рѣчки Очха-Мури у нижняго барачнаго
лагеря; прежде другихъ стала тамъ 2-я батарея 19-й бригады, шед-
шая въ авангардъ, но безъ дороги не могшая еще подняться на вы-
соты; къ ней постепенно присоединялись 1-я, 2-я, 3-я батареи 41-й
бригады, и такимъ образомъ къ вечеру 14-го апрѣля всѣ четыре
девяти-фунтовые батареи отряда стали общимъ бивакомъ у подножия
Муха-Эстате.

На центральномъ курганѣ, куда прибыли фургоны и палатки,
началъ устриваться штабъ, разбивались палатки, конюшня и т. п.

При массѣ дѣлъ, которыя названныя управленія должны были
возить при себѣ даже въ военное время, и при сложности и многосто-
ронности текущей переписки, можно себѣ представить, какія удобства
для канцелярской работы представляло бивачное расположение штаба.

Но какого же было наше положеніе въ дождливые дни, которые
упорно держались до мая мѣсяца, когда сквозь рѣдкое полотнище
солдатской палатки, прямо на столъ, окруженный работающими пи-
сарями, начиналъ съѣтъ мелкій дождичекъ, когда на полу палатки
начала образовываться мало по малу невылазная грязь, заносимая
ногами тѣхъ же писарей, ординарцевъ, вѣстовыхъ, всѣхъ обраща-
ющихся за шранками, свѣдѣніями, и также и по дѣламъ службы.

Наши деньщики, вѣстовые и ѣдовые начали себѣ устраивать
низкіе шалаши изъ вѣтвей деревьевъ, обладывая ихъ сверху густымъ
слоемъ напоротника, росшимъ въ изобиліи кругомъ.

IV.

Стоянна на Муха-Эстатской позиція.

Служба отряда 15-го, 16го и 17-го апреля.—Обстрѣливаніе Хулу-Убаской позиціи.—Раздача престовъ.—Расчетъ выпушканныхъ снарядовъ.—Объездъ позиціи южнѣе Свѣтополкъ-Мирскихъ.—Транспорты-оказаніе къ Озургетамъ.—Кобулетцамъ въ нашемъ лагерѣ.—Объездъ начальникомъ артилеріи артилерійскихъ позицій.—Одни изъ причинъ медленнаго движенія нашего къ Цахведзирю.—Фальшивая тревога.—Ускоренное движеніе турецкой «лотилин».—Турки въ Николаевскѣ.— Два дня въ Озургетахъ.—Последняя повтрочная пристрѣлка артилеріи.

Дни 15-го и 16-го апрѣля, хотя хмурые, но не дождливые, всецѣло были поглощены изслѣдованіемъ и устройствомъ Мухе-эстатской позиціи, устройствомъ сообщеній съ Озургетами, Николаевскомъ, а также усиленіемъ части кордонной линіи прилегавшей къ территории непріятеля, нами не занятой: начиная отъ Богильскаго поста вверхъ по Чолоку и дальше въ горы. На самомъ Муха-Эстате, главной и труднѣйшей работой было устройство сообщеній вдоль позиціи и разработка дорогъ вверхъ на высоты; безъ этихъ дорогъ было невозможно расположеніе на позиціи девятифунтовой артилеріи. Кромѣ того войска были заняты устройствомъ своего бивака-лагеря, очередной аванпостной службой, выполнявшейся одной пѣхотой и въ весьма недалекомъ разстояніи отъ занятой нами позиціи.

На этихъ аванпостахъ днемъ и ночью шла перестрѣлка. Десятифунтовая артилерія стала значительно правѣе тѣхъ мѣстъ позиціи, которыя занимались 14-го числа 5-й и 6-й батареи и выстроилась длиннымъ фронтомъ вдоль позиціи, нѣтъ передки, линіи, коновала и офицерскія палатки, расположенными сзади, въ балахахъ и другихъ складкахъ мѣстности.

Въ эти дни 5-я и 6-я батареи пополняли свои передки и ящики, и всѣ батареи вообще устанавливали, болѣе или менѣе, пра-

ильное снабженіе фуражемъ, который получился въ трехъ видахъ: въ видѣ ячменя, овса и кукурузы. Интенданство доставляло сѣно, но лошади продолжали довольствоваться и чалой, приобретаемой уже собственнымъ попеченіемъ командировъ.

Съ 16-го апрѣля началось первое обстрѣливаніе хуну-убайскихъ позицій девяти-фунтовой артилеріей. 17-го апрѣля погода оказалась совсѣмъ скверная; съ ранняго утра моросилъ дождикъ, палатка моя совершенно намочла и шивозъ рѣдкое позотнище ея съелъ мелкій дождичекъ, успѣвшій смочить и постель, и столъ, и земляной полъ. Въ этотъ день на дельскій постъ прибыли наши парки; а именно 2^{3/4} отдѣленія летучаго парка и 1^{1/2} отдѣленія Кавказскаго конно-артилерійскаго полу-парка.

Не смотря на сырость, грязь, лишенія, беспокойныя ночи, каждый изъ насъ чувствовалъ себя бодрымъ. Внутренній міръ каждаго былъ полонъ энергіи, жажды дѣятельности, событий и новостей съ другихъ театровъ войны, ожиданій и увѣренности въ конечномъ успѣхѣ.

Послѣ обѣда происходила раздача нижнимъ чинамъ отряда крестовъ, привезенныхъ адъютантомъ Его Высочества полковникомъ Барановымъ; крестовъ было привезено по два на каждую роту, принимавшую непосредственное участіе въ бывшихъ бояхъ.

На площадкѣ передъ палатками штаба выстроились въ ожиданіи начальства первые кавалеры отряда. Командующій войсками самъ раздавалъ кресты; лица новыхъ кавалеровъ сіяли неописаннымъ удовольствіемъ. Полковникъ Барановъ привезъ первыя извѣстія о событіяхъ въ другихъ отрядахъ, и мы радовались быстрому и одновременному наступленію въ турецкіе предѣлы нашихъ колоннъ. Утро 18-го числа оказалось мало радостнымъ: моросилъ тотъ-же мелкій дождичекъ и сѣрое небо было обложено тучами.

Вернувшись изъ штаба, куда ходилъ за приказаніями, я занялся составленіемъ вѣдомости вышущеннымъ спарадамъ съ 13-го апрѣля, и вотъ результаты:

	Обыкн. гранатъ.	Шрапнелъ.	Картеч.
<i>13-ю апрѣля.</i>			
1-я бат. 41 бриг.	—	6	1
5-я " 41 "	—	20	—
6-я " 41 "	3	40	—
<i>14-ю апрѣля.</i>			
5-я " 41 "	91	73	—
6-я " 41 "	8	80	—

15-го апреля.

2-я	»	19	»	54	—	—
2-я	»	41	»	2	—	—

16-го апреля.

2-я	»	19	»	2	—	—
-----	---	----	---	---	---	---

Итого. 160 219 1

Дождь не унимался и обратил кругомъ все въ грязь и сырость. Часа въ три пополудни помощникъ главнокомандующаго князь Святополькъ-Мирскій, прїѣхавшій изъ Озургетъ, объѣзжалъ позиціи отряда.

Съ утра 19-го свѣрное безнадежное небо и непроницаемая завѣса моросившаго дождя; вода сверху, грязь снизу, сыро и холодно.

Князь Мирскій уѣхалъ обратно въ Озургеты черезъ дѣлскій постъ, а вслѣдъ за княземъ двинулся обычный транспортъ или такъ называемая «оказія за провіантомъ и фуражемъ».

Регулярно каждый день, съ ранняго утра такой транспортъ составлялся на сборномъ пунктѣ; къ нему присоединялись всѣ, имѣющіе нужду ѣхать на Озургеты офицеры, нижшіе чины и команды, а въ 6^{1/2} часовъ утра транспортъ подъ солиднымъ конвоемъ выступалъ на Озургеты и двигался съ соблюденіемъ военныхъ предосторожностей не только до Чолока, но далеко и дадѣе за Чолокомъ (*).

Транспорты эти двигались очень медленно, ибо трудно себѣ составить даже понятіе, какую ужасную непролазную грязь изображала изъ себя эта единственная дорога на Озургеты. Особенное препятствіе въ это время года представляло движеніе громадныхъ фургоновъ, составлявшихъ, по выраженію транспортныхъ начальниковъ, сущее несчастіе.

Интендантство на черводарскихъ лошадяхъ (вьючныхъ) этия-же транспорты, по этой-же единственной дорогѣ поставляло отряду провіантъ и фуражъ, которые складывались въ бунты у подножія Муза-Эстате и немедленно раздавались войскамъ. Не смотря на громадное количество черводарскихъ лошадей, имѣвшихся для надобностей интендантства, оно едва-едва успѣвало удовлетворить насущныя потребности войскъ. Лучше всего это можно видѣть изъ отдаваемыхъ въ то время ежедневныхъ приказаній о полученіи сухарей только на одинъ день впередъ.

(*). Такой порядокъ движенія въ Озургеты и вообще сообщенія съ своей операционной базой, расуетъ характеръ войны, которую велъ кобузетскій отрядъ. По словамъ озацеровъ, ветерановъ какавской войны, война въ Кобузети, а именно, движеніе, расположеніе биваками, сообщеніе съ операционными линіями, сопровожденіе «оказій» и др. детали военныхъ дѣйствій сильно напоминали намъ войну, съ горскими народами.

Отрядный штаб отстоял от нашего артиллерийского не далье 300 шаговъ; но и тутъ даже, по причинѣ грязи, сообщеніе было не легкое.

Сегодня въ штабъ явились нѣкоторые жители съ покорностью и съ изъявленіемъ желанія привозить на бивакъ продукты своихъ сельскихъ произведеній; они были очень хороши съ своей гордой осанкой, въ красивыхъ, новыственныхъ костюмахъ.

Недавно стоянка въ ихъ селеніяхъ турецкихъ войскъ, безцеремонно забравшихъ у нихъ все по части съѣстнаго, отсутствіе на полевыхъ работахъ рабочихъ рукъ, такъ какъ населеніе селъ и хуторовъ ранней весной было собрано въ лагеря, вслѣдствіе чего они и не съѣли на предстоящій годъ, наконецъ театр военныхъ дѣйствій, въ который войдутъ и уже частью вошли ихъ поля и сады, все это въ недалекомъ будущемъ угрожало имъ голодомъ, какъ въ горахъ, такъ и въ прибрежной волосѣ. Напротивъ того, наши православные гурийцы, выставивъ, относительно, очень небольшой контингентъ милиционеровъ, не прекращали вовсе своихъ сельскихъ работъ, сбывали по весьма высокимъ цѣнамъ свои сельскія произведенія и, вообще, пользуясь сосредоточеннымъ расположеніемъ войскъ, выгодно промышляли по различнымъ отраслямъ. Необычайно высоко поднималась въ цѣнѣ кукуруза; чрезвычайно выгодно сбывалась ими чала, даже самаго низкаго качества, такъ напр. почти по всей Гуриѣ была продана чала, снятая съ крышъ домовъ, сараевъ и другихъ зданій. Вообще, параллельно съ разореніемъ турецкой Гуриѣ, благосостояніе нашей Гуриѣ должно было увеличиться; кромѣ того, между русскими и гурийцами устанавливалось известное сближеніе, и мы имѣли случай убѣдиться въ превосходныхъ качествахъ и достоинствахъ гурийскаго милиционера, представляющаго въ своемъ национальномъ костюмѣ, который и есть въ то же время походный, *исключительно пехотинца черноморскаго побережья*, снаряженнаго сообразно долголѣтнему военному опыту.

Этотъ долголѣтній военный опытъ, кромѣ періодическихъ войнъ Россіи съ Турціей и покоренія западнаго Кавказа, заключался въ вѣковой враждѣ двухъ соедѣнныхъ Гуриѣ—православной и магометанской, враждѣ, проявлявшейся во взаимныхъ набѣгахъ, стычкахъ, нападеніяхъ и т. д., производившихся въ мирное время; здѣсь закалилось взаимное мужество и способность къ малой войнѣ на данной мѣстности.

Къ вечеру погода чуть-чуть разъяснилась и на душѣ каждого стало веселѣе. Наступившій вечеръ былъ великолѣпенъ: направо море,

повлащенное послѣдними лучами заходящаго солнца, столь намъ желаннаго; пахло и впереди все болѣе и болѣе темнѣющихъ окрестности, сосѣдніе холмы, съ расположенными на нихъ бивалами, дѣловые высоты, дальніе горы и долины потонули въ синеватомъ туманѣ, сквозь дымку котораго мелькали огни костровъ, у которыхъ согрѣвались и просушивались солдаты. Наступавшая темнота и молчаніе прерывались вѣрѣдка гуломъ орудіяныхъ выстрѣловъ, которые подхватывало эхо горъ и далеко разносило по окрестностямъ.

Послѣ зари пластунская музыка сыграла «Коль славень»; это были первые звуки музыки, слышанные нами по переходѣ границы; какъ-то грустно и имѣетъ торжественно разносились по вечернему воздуху звуки гимна и въ эти минуты походной жизни казались намъ мелодичнѣе всего, когда-либо слышаннаго. Вечеромъ, къ нашему расположенію прибыла ракетная команда, назначавшаяся по очереди отъ всѣхъ батарей отряда и состоявшая изъ фейерверкера и двухъ рядовыхъ. Она снабжена была спусковымъ станкомъ и нѣсколькими сигнальными ракетами; цѣль ея назначенія состояла въ спускѣ ракетъ на случай тревоги.

Посланный мной на поиски деньщикъ разменялъ какого-то пионера-маркиганта, у котораго цѣны были весьма высокія: коробка сардинокъ 75 коп., фунтъ соли 40 коп., фунтъ свѣчей 60 коп., фунтъ сахару 50 коп., но я и этимъ былъ доволенъ и сдѣлалъ нужные запасы.

20-го апрѣля, наконецъ, хорошая погода; теплое, живительное солнце ободряюще подѣйствовало на чиновъ отряда. Часовъ въ 10 утра начальникъ артилеріи поѣхалъ на передовыя позиціи для осмотра расположенія артилеріи, а также съ цѣлью убѣдиться, что офицеры батарей достаточно ознакомлены съ такими пунктами непріятельской позиціи, по которымъ артилеріи пришлось-бы дѣйствовать съ мѣста своего настоящаго расположенія.

Кромѣ того, полковникъ Филимоновъ хотѣлъ удостовѣриться, пристрѣлялись-ли батареи и удачно-ли дѣйствіе артилерійскаго огня по домамъ, хатамъ и саклямъ селеній Гвара и Аламбара, которыя заняты вооруженными жителями съ очевидной цѣлью упорной ихъ обороны и дѣйствіе по которымъ въ настоящее время, т. е. до движенія на Хуцу-Убани, было необходимо: 1) для устрашенія жителей; 2) для ихъ наказанія, за оказываемое до сихъ поръ упорное сопротивленіе и 3) вообще для давленія на населеніе съ цѣлью заставить

его отдѣлаться отъ турецкихъ войскъ и быть только нейтральными свидѣтелями нашей борьбы съ Турціей (*).

Таково было первоначальное предположеніе относительно нашихъ отношеній къ населенію при вторженіи въ турецкую Гурію, имѣвшееся съ теченіемъ времени, когда дальѣйшая упорная борьба съ жителями, потери въ людяхъ, понесенныя ими въ этой борьбѣ (и какъ слѣдствіе потерь—чувство мшениа), разрушеніе ихъ селеній, необходимое для овладѣнія тѣмъ или другимъ пунктомъ, сдѣлало такіе предположенія невозможными.

Артилерія, какъ сказано выше, была расположена на позиціи фронтомъ къ неприятелю и въ слѣдующемъ порядкѣ: съ праваго фланга на лѣвый 2-я батарея 19-я, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я батареи 41-я бригада; обѣ 4-хъ-фунтовыя стояли на лѣвомъ флангѣ.

Батареи стояли какъ бы на бивакѣ, но дѣйствіе артилеріи продолжалось цѣлый день до наступленія темноты и зависѣло отъ разныхъ обстоятельствъ.

На батареяхъ было непрерывное наблюденіе, орудія были наведены на цѣли, обозначавшіяся по ходу боя. Малѣйшее столпленіе неприятеля въ домахъ, на крышахъ или балконахъ, замѣченная жизнь въ какомъ либо изъ нихъ, сосредоточеніе ружейнаго огня изъ домовъ или заваловъ по нашей вѣхотѣ, смѣнявшейся на аванпостахъ,—вызывало немедленный и всегда вѣрный огонь изъ орудій. Это подстереганіе неприятеля не обходилось безъ хитрости съ нашей стороны и разныхъ споровокъ, въ которыхъ проявлялась сметка и находчивость нашихъ наводчиковъ.

Въ цѣлому дней такой боевой стоянки, орудія были прекрасно пристрѣлены, установилось внимательное, цѣлесообразное наблюденіе, и туркамъ не прощалося ни одной съ ихъ стороны оплошности.

Во всемъ этомъ начальникъ артилеріи убѣдился во время осмотра позиціи, который начался въ 10 часовъ и кончился въ 4 часа.

Кромѣ того, полковникъ Филимоновъ обратилъ вниманіе и на «фуражный вопросъ», который разрѣшался вовсе неудовлетворительно: интендантство, поставившее фуражъ и сѣно на позиціи путемъ черводарскихъ транспортовъ, по причинѣ невозможной распутицы

(*). Прокламація намѣстника къ «благороднымъ сынамъ картвельскаго племени»—останитъ непримѣнными къ камъ дѣйствій, распространенныхъ по краю въ день объявленія войны, видны на нихъ не подѣйствовали. Вслѣдствіи, по званіи Хуну Убаки, селеній Гварі и Алашбери, мы находимъ во множествѣ эти прокламаціи, переведенныя на турецкій и грузинскій языки, прибитыя къ дверямъ домовъ и мечетей. Это означало, что омазульмакиишес грузины не считали благородными убитыми, за что и понесли заслуженную кару.

было не въ силахъ удовлетворять потребностямъ батарей, въ особенности первое время, когда только что организовывалось правильное сообщеніе съ операционной базой, средства и способы снабженія отряда. Сами же батарейные командиры, при всемъ своемъ желаніи, кромѣ травы, дубовыхъ листьевъ и въ ничтожномъ количествѣ чамы и кукурузы, ничѣмъ не могли раздобыться.

Также неудовлетворительно были поставлены и другой, болѣе важный вопросъ — о снабженіи провантомъ и сухарями; черноморскіе транспорты, въ первое время нашего пребыванія въ Турціи, едва-едва успѣвали привозить на Муха-Эстате количество, необходимое для прокормленія отряда на одни сутки, рѣдко-рѣдко на двое сутокъ.

Кромѣ весенней распутицы и неустановившагося правильнаго сообщенія, причиной тому было также цѣпчнѣе въ Озургетахъ или по ихъ близости большого склада прованта.

При оборонительномъ характерѣ дѣйствій и при расположеніи въ Озургетахъ и ихъ окрестностяхъ главныхъ силъ рѣнскаго отряда, запасовъ было бы достаточно. По всей вѣроятности (тутъ можно только высказать предположеніе) сосредоточеніе большихъ силъ и наступленіе было принято въ принципѣ не задолго до объявленія войны; только этимъ можно объяснить неготовность нашей базы въ смыслѣ: 1) неподготовки участковъ операционной линіи въ своей территоріи для движенія обозовъ артилеріи и 2) недостаточности заготовленій въ съѣстныхъ принасахъ.

И тотъ, и другой видъ неподготовки базы отразился предно на дальнѣйшихъ операціяхъ и отнялъ у александропольскаго отряда силы, съ которыми онъ могъ бы успѣшнѣе подвигаться въ своихъ первыхъ шагахъ. Мы же съ большими силами пребывали мѣсяцами въ полномъ бездѣйствіи, нова подготовили путь борьбы съ жителями и природой своей позиціи передъ верьями Цихисдаври.

Даже это удерживаніе значительныхъ силъ въ Цихисдаври не было особенно намъ полезно. Турки владѣли моремъ и перебрасывали войска, куда того требовала обстановка: въ Батумъ, Сухумъ, Константинополь, Варну и т. д.

Возвращаясь къ событіямъ въ отрядѣ, замѣтимъ, что недостатокъ въ запасахъ продовольствія могъ служить поводомъ къ большимъ нареканіямъ на интенданство, не имѣвшее возможности снабдить войска разомъ провантомъ на трое сутокъ впередъ, а безъ такого снабженія сухарями немислимо было дальнѣйшее движеніе впередъ, даже на небольшое разстояніе, какъ, напримѣръ, на высоты Хуну-Убани.

Такимъ образомъ, стоя на Муха-Эстате, мы теряли дорогое время

и давали туркамъ полную возможность укрѣдять какъ самыя Цихсидзирскія высоты, такъ и промежуточные до Цихсидзиря позиціи, сообразно съ направлениемъ нашего движенія, и, что было еще важнѣе, давали имъ время сосредоточить войска на цихсидзирскихъ укрѣпленіяхъ, усилить и организовать ихъ оборонительное вооруженіе.

21-го числа была опять хорошая погода и въ этотъ день къ намъ пришло извѣстіе о взятіи Балагета войсками эриванскаго отряда. Признаюсь, не безъ зависти къ усвѣшному движению лѣваго фланга казачьей арміи мы прочли донесеніе генерала Тергукасова. Весь день въ цѣль шла перестрѣлка; батареи также изрѣдка, если подвернется удобный случай, посылали гранаты. Вечеромъ пошелъ проливной дождь и всѣ посприцались, — кто за мокрое подотнище пазатки, а кто и въ сырой шалашикъ.

22-го апрѣля артилерія выслала своихъ лошадей конфиденціально на траву за правый флангъ нашъ, не пересиливъ себя прикрытія и не уведомятъ, кого слѣдовало. Табуны этотъ были приняты у насъ за обходную неприятельскую кавалерію; въ обѣихъ колоннахъ не обошлось безъ приготовленій къ отраженію этой весьма странной попытки угрожать нашему расположенію; все кончилось смѣхомъ и замѣчаніемъ.

Въ поддень, весь 2-й казачьей стрѣлковый баталіонъ былъ на работноспровкѣ праваго фланга, и одинъ унтеръ-офицеръ, вышедшій за цѣль походить въ лѣсу, попалъ въ живую: одинъ лишь обезглавленный трупъ его достался нашедшимъ его товарищамъ.

Сегодня-же прибылъ въ первый разъ письма и газеты, доставившія всѣмъ получившимъ ихъ безконечное наслажденіе. Изъ газетъ мы вычитали о нашихъ дѣлахъ и движеніи нашемъ, причемъ не мало смѣялись болѣе или менѣе заграничнымъ извѣстіямъ о нашихъ операціяхъ. У Николаевска въ этотъ день была слышна грохотъ орудій и въ ту же сторону видно движеніе пароходовъ, буксирующихъ баржи. Вечеромъ пріѣхалъ отрядный интендантъ баронъ Дризенъ. Онъ привезъ неприятныя извѣстія о высадкѣ турокъ въ Николаевскъ и объ отступленіи изъ Николаевска, послѣ небольшой перестрѣлки, нашихъ двухъ баталіоновъ.

Всю ночь съ 22-го на 23-е шелъ проливной дождь, презрательный все кругомъ опять въ невылазную грязь. На морѣ замѣтно было сильное движеніе броненосцевъ отъ Батума, а у Николаевска опять слышенъ былъ гулъ орудійныхъ выстрѣловъ; какъ послѣ оказалось, турки обстрѣливали Чолокъ вдоль; ружейная пальба слышна и у такъ называемаго Чахатскаго моста.

25-го я поѣхалъ по дѣламъ службы въ Озургеты по новому уже пути прямо на Богальскій постъ. Теперь постъ этотъ, имѣющій важныя тактическія достоинства, укрѣпленъ, занятъ частью отряда и составляетъ солидный опорный пунктъ для прикрытія нашихъ путей сообщенія. Спускъ съ этого поста къ Чолоку продѣланъ въ видѣ углубленной дороги, прорѣзанной въ компактной, глинистой массѣ арко-краснаго цвѣта.

Этотъ новый путь вообще значительно короче стараго.

На пути между Чолокомъ и Озургетами, слѣдовательно уже на нашей территоріи, находится еще промежуточный постъ, состоящій изъ деревяннаго зданія, слабо напоминающаго блокгаузъ; гарнизонъ его составляютъ гурійцы, запирающіеся въ немъ на ночь. Дворъ обставленъ лежащими вдоль цѣлыми обрубленными деревьями, съ наружной стороны осыпанными землей. Постъ этотъ безпрестанно беспокоитъ ночными нападеніями кобулетцы.

Съ какимъ удовольствіемъ вѣхалъ я опять въ Озургеты и увидалъ жизнь мирнаго времени!...

Какъ Озургеты, такъ и вся Гурія не прекращала своихъ обыденныхъ занятій; никакія переселенія не совершались и всѣ жили въ своихъ селеніяхъ съ вѣрой, что странѣ нечего ожидать вторженія турокъ, каковъ бы ни былъ исходъ кампаніи!...

Въ этомъ заключалась наибольшая заслуга кобулетскаго отряда, не стяжавшаго громкихъ побѣдныхъ лавровъ и въ послѣдующее время, но крѣпко, упорно, грудью отстоявшаго вторженіе турокъ въ Гурію.

27-го возвратился я на Муха-Эстате, гдѣ узналъ, что 26-го и 27-го производилась послѣдняя повѣрочная пристрѣлка 9-ти-фунтовыхъ орудій до пунктовъ, намѣченныхъ начальникомъ штаба, который желалъ до предстоящаго боя окончательно познакомиться офицеровъ батареи съ тѣми пунктами позиціи непріятеля, которыя были тактически ключами и на которыхъ можно было ожидать наиболѣе упорнаго сопротивленія движенію нашихъ колоннъ.

*В. Сивинский, Записки о Бое 29 апреля
(Восп. Сибирских, 1884, № 10)*

У.

Бой 29-го апреля и взятие Хуцу-Убанских высот и селений.

Задача движения и боя.—Роль артиллерии.—Распределение артиллерии по колоннам.—Передовые позиции.—Открытие огня из центральных батарей.—Первый выстрел горного орудия из котловина,—противно диспозиции и ожиданию.—Неопределенность положения колонны генерала Денибекова.—Усиливающийся ружейный огонь.—Центральные батареи учащают огонь.—Поводка в левую колонну.—Отдельные части колонны оказались перемешанными.—Взвод горных орудий шт.-кап. фон-Климова.—Стрельки 1-го батальона.—Положение дѣлъ в горномъ дивизионѣ и его потери.—Дѣйствіе центральной массы орудій.—Гулъ орудійной и ружейной пальбы у генерала Шелевцева.—Усиление боя в лѣвой колоннѣ.—1-я батарея измѣняетъ позицію.—Дальнѣйшія дѣйствія артиллеріи.—Командующій войсками направляетъ съ фронта лично сотню гурійцовъ и роты севастопольцевъ.—Взятие Хуцу-Убана.—Дѣйствіе правой колонны.—Общее заключеніе о дѣлѣ 29-го апреля.

Въ 6 часовъ вечера, 28-го апреля поднялся вѣтеръ, который скоро превратился въ бурю, вырывавшую палатки и давншуюся почти всю ночь.

Съ вечера шла приготовленія къ предстоящему бою или вѣрнѣе движению впередъ, столь ожидаемому всѣми чинами отряда. Шести орудіямъ горной батареи, находившейся въ это время въ резервѣ в отдыхавшей внизу у подножія Муха-Эстате, около бивака Кутанскаго конно-регулярнаго полка, интендантскихъ складовъ и Озургетской дороги, приказано было еще вечеромъ подняться на передовыя позиціи и присоединиться къ войскамъ лѣвой колонны въ полное распоряженіе генераль-маіора Денибекова.

Въ этоу времени саперы разработали новую дорогу из Муха-Эстате, конченную 28-го апрѣля; новая дорога сокращала значительно подъемъ для частей, расположенныхъ у подножія Муха-Эстате, особенно на случай движенія на лѣвый флангъ позиціи. Начальникъ артилеріи, не будучи ниолѣ уиѣренъ въ званіи командующимъ батареею капитаномъ Еддокимовымъ этой новой дороги, приказалъ мнѣ спуститься внизъ, передать капитану Еддокимову инструкціи для дѣйствія и вести горную батарею по новой дорогѣ.

У подножія въ полномъ мракѣ я наткнулся въ упоръ на всадника, оказавшагося капитаномъ Еддокимовымъ; за нимъ дефилировала батарея въ составѣ шести орудій; мы поехали наверхъ по прекрасной, новой дорогѣ.

Не безъ чувства нѣкоторой тяжести полковникъ Филимоновъ съѣзжалъ, какъ во мракѣ исчезала хвостъ вьючной артилеріи. После дѣла 14-го апрѣля, послѣ тяжкихъ потерь, понесенныхъ батареею, всегда можно было опасаться новыхъ жертвъ, и начальникъ артилеріи боялся, какъ бы не случилось опять какое нибудь обстоятельство, которое вызоветъ горную артилерію на новыя жертвы. Боязнь эта была весьма основательна: съ каждымъ новымъ шагомъ въ нашихъ операціяхъ мы убѣждались въ цѣнности горной артилеріи, а между тѣмъ эта единственная батарея разъ уже испытала тяжкія потери; предстояла впереди еще широкая боевая служба, а еще одна катастрофа—и мы будемъ безъ горной артилеріи вовсе.

Бура не унималась всю ночь; холодный и рѣзкій вѣтеръ часто мѣнялъ свое направленіе, то и дѣло укрѣпляли колья палатокъ. Ни кто не спалъ всю ночь: каждый былъ занятъ послѣдними приготовлениями. Къ раннему утру 24-го, когда чуть-чуть только начало свѣтать, вѣтеръ мгновенно стихъ и день видимо обѣщалъ быть хорошимъ. Просвѣтлѣвшее небо было совершенно чисто.

Часа въ 4 утра конвойная сотня командующаго войсками начинала уже сѣдлать коней. Мимо насъ прорысала сотня Кутанскаго конно-регулярнаго полка, назначеннаго въ составъ лѣвой колонны. Наконецъ мы сѣли на коней и направились на передовыя позиціи; тамъ все было на порахъ.

Съ Муха-Эстатскаго гребня было далеко видно все впереди, и съѣздить за общими ходами боя было какъ нельзя болѣе удобно, хотя отдѣльные эпизоды его закрывались густымъ лѣсомъ долины р. Ачкуастави.

Войскъ лѣвой колонны видно не было, — они уже спустились внизъ съ Муха-Эстатскихъ холмовъ и вступили въ лѣса, окаймля-

шіе подошвы Хуцу-Убанскаго гребня и наводняшіе долину р. Ачку-стани.

На позиціях непріятеля, а также въ лѣсныхъ чащахъ ихъ окружающихъ, гдѣ двигалась лѣвая колонна, — все было тихо.

Также не было уже видно и войскъ правой колонны, еще ночью выступившихъ и двигавшихся теперь въ лѣсной цолосѣ, огибавшей Хуцу-Убани съ лѣваго фланга турецкихъ позицій, и на столько отъ насъ вправо и далеко впередъ, что боя правой колонны мы видѣть не могли, а разнѣ только слышать.

Въ полуоборотѣ направо отъ нашего расположенія, въ центрѣ Муха-Эстате, вырисовывался на берегу моря, освѣщенный первыми лучами солнца, городокъ Нижніе - Кобудеты, иначе называвшійся Чурукъ-Су.

Задача начавшагося движенія и предстоящаго боя заключалась въ слѣдующемъ: войска, назначенныя для наступленія, дѣлятся на двѣ колонны; лѣвая колонна, подъ общимъ начальствомъ генерала Денибекова (нач. штаба кап. баронъ Залца) (1), состоявшая изъ 164-го Запатайскаго полка, 1-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, 1-го Пластунскаго баталіона, роты саперовъ, сотни конно-иррегулярнаго полка, 6-ти орудій горной батареи, должна овладѣть близъ лежащими Хуцу-Убанскими высотами (съ ихъ домами, саялями и завалами), на правомъ флангѣ непріятельской позиціи.

Для прикрытія своего лѣваго фланга и вообще для прикрытія сообщеній съ Муха-Эстате отъ могущихъ явиться изъ лѣса покушеній непріятеля, лѣвая колонна должна была выдѣлать еще влѣво пластунскій баталіонъ съ 2-мя горными орудіями (шт.-капит. фонъ-Канжани).

Колонна эта, состоявшая подъ начальствомъ командира пластунскъ полковника Козельова (2), должна была расположиться сообразно обстоятельствамъ боя, но во всякомъ случаѣ главная ея задача состояла въ прикрытіи лѣваго фланга колонны и сообщеній ея съ базой (Муха-Эстате).

Остальныя части колонны, подъ начальствомъ командира Запатайскаго полка полковника Солтана, предназначались для выполненія главной задачи боя — занятія передовыхъ право-фланговыхъ непріятельскихъ Хуцу-Убанскихъ высотъ.

(1) Имѣлъ командиръ 1-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона.

(2) Командиръ одного изъ полковъ Кавказской арміи, впоследствии и командоваго начальствова у генерала Скобелева въ геологическомъ походѣ 1879 г.

Для движенья лѣсомъ, по совершенно незнакомымъ мѣстамъ, въ колоннѣ шли проводники.

Правая колонна, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Шелеметьева, въ составъ которой вошли: 2-й Кавказскій стрѣлковый батальонъ, части Ленкоранскаго и Кутаисскаго конно-прегуларныхъ полковъ и 4 орудія 2-й батареи 19-й артиллерійской бригады, должна была наступленіемъ на лѣвый флангъ непріятельской позиціи притянуть на себя часть ея силъ и, по исполненіи этой операціи, дѣйствовать по обстоятельствамъ.

Общая центральная Муха-Эстатская батарея, состоявшая изъ 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й батарей 41-й бригады и полубатареи 2-й батарей 19-й бригады, должна была, дѣйствуя съ мѣста расположенія своихъ орудій на бивакѣ, способствовать движению и успѣху боя лѣвой колонны и, на случай упорнаго сопротивленія изъ домовъ, селѣкъ и заваловъ, разрушать ихъ сосредоточеннымъ огнемъ и дѣйствовать по нимъ защитившамъ.

Артилерія центра полагалось, по условію, открыть огонь тогда, когда на вершинѣ ближайшаго Зеленаго холма покажется дымъ перваго выстрѣла горнаго орудія, что, опять-таки по условію, означало бы, что лѣвая колонна овладѣла ближайшимъ лѣсистымъ холмомъ и что теперь надо ее поддерживать въ веденіи дальнѣйшаго боя и въ дальнѣйшемъ овладѣніи группой Хуцу-Убанскакъ холмовъ и высоты артиллерійской атакой съ Муха-Эстате.

Выполненіе этого назначенія принадлежало главнымъ образомъ девяти-фунтовымъ орудіямъ въ числѣ 28-ми въ началѣ боя, а потомъ, когда 4 орудія 19-й бригады пошли на присоединеніе къ остальнымъ четыремъ правой колонны, — то 24-мъ орудіямъ центра и отчасти 16-ти орудіямъ четырехъ-фунтового калибра.

4-я батарея 41-й бригады была расположена на лѣвомъ флангѣ съ разстояніемъ около $\frac{1}{2}$ -версты влево отъ центральной, частью по недостаточной дальнострѣльности своихъ 4-хъ-фунт. пушекъ, частью потому, что лѣсистая мѣстность, подверженная обстрѣливанію, была бы занята нашими войсками.

Правая колонна, направленная не по столь гористой мѣстности, имѣла четыре 9-ти-фунтовыхъ орудія и двигалась на столько вправо и впереди Муха-Эстате, что ни въ какомъ случаѣ не могла быть поддержана фронтальнымъ огнемъ главной батареи.

Въ минуту прибытія генерала Оглобжію и полковника Физимова на передовыя позиціи, занятыя длиннымъ фронтомъ 32-хъ ору-

дѣй, все было готово и ожидало лишь результата движенія лѣвой колонны.

Туда то, въ эту таинственную глушь, обращены были все взоры; но до сихъ поръ тамъ царило полное безмолвіе.

Въ 4¹/₂ часа утра, въ глубинѣ этихъ лѣсистыхъ трущобъ раздались нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ: эхо горъ подхватило ихъ и разнесло по сосѣднимъ, многочисленнымъ ущельямъ. Понемногу ружейный огонь началъ усиливаться; на непріятельскихъ позиціяхъ, на холмахъ, ближайшихъ къ предполагаемому мѣсту взхожденія лѣвой колонны, показалось нѣсколько ружейныхъ дымовъ. Тогда было рѣшено, не ожидая условнаго выстрѣла горнаго орудія, бросить нѣсколько гранатъ по этимъ холмамъ, но, во избѣжаніе стрѣльбы по своимъ, рѣшено было направить огонь по домамъ, саклямъ и заваламъ, болѣе отдаленнымъ отъ непріятельскаго праваго фланга.

Огонь былъ открытъ; это было въ 5 часовъ утра, и сначала огонь былъ веденъ рѣдкой: первые выстрѣлы угодили прекрасно и не оставляли желать ничего лучшаго. Вслѣдъ за этимъ въ глубинѣ лѣистой полосы, гдѣ предполагалась лѣвая колонна, раздались выстрѣлы горнаго орудія, но совсѣмъ не тамъ, гдѣ ожидался по условію, а, ошты таки, совсѣмъ внизу и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ того лѣсистаго холма, съ котораго мы ожидали этого перваго выстрѣла. Вскорѣ можно было опредѣлить и относительное положеніе горнаго орудія, такъ какъ възъ лѣса послѣ выстрѣла потянулся клубъ бѣлаго дыма.

Ясно, что лѣсистымъ холмомъ овладѣть нечаянно не удалось и атаку его приходится готовить огнемъ горной артилеріи. Вслѣдъ за орудійнымъ выстрѣломъ, въ той же сторонѣ мгновенно усилился ружейный огонь и слился уже съ этой минуты въ непрерывную трескотню.

Во всякомъ случаѣ, какъ находилась лѣвая колонна въ отношеніи лѣсистаго холма—положительно извѣстно не было, и все сказанное было одно предположеніе.

На турецкихъ позиціяхъ, гдѣ сначала только кое-гдѣ обозначались дымки отдѣльныхъ ружейныхъ выстрѣловъ, теперь задымилась вся сакля, домики и завалы, задымилась преимущественно помѣщавшіяся на правомъ турецкомъ крылѣ, а это указывало, что турки усилились на пунктахъ, лежавшихъ прямо или косвенно на пути движенія лѣвой колонны; задымился отъ выстрѣловъ и лѣсистый курганъ, бывшій цѣлью нечаяннаго нападенія лѣвой колонны.

Эта минута была выбрана полковникомъ Флямоновымъ для сосре-

доточения огня 32-х-орудийной батареи по взлози обозначившимся цѣлямъ; огонь былъ веденъ возможно чаще.

Къ этому времени было получено донесеніе: «что войска лѣвой колонны дошли до р. Ачхуа-стави и остановились, не переходя ея и обстрѣливая ружейнымъ огнемъ стрѣлковъ 1-го баталіона и залпательцевъ противоположныя высоты, густо занятыя неприятелемъ; что противоположныя высоты эти изобилуютъ мѣстными предметами для упорной обороны и что пути на высоты преграждены завалами».

Задачи боя выяснились; артилерія были даны опредѣленные указанія, и центральныя батареи, руководимыя лично своимъ бригаднымъ командиромъ, повели блистательно дѣло разрушенія неприятельскихъ опорныхъ пунктовъ. Около этого времени и получилъ приказаніе сѣсть въ лѣвую колонну, узнать тамъ о положеніи дѣлъ и условіяхъ стрѣльбы горной артилеріи.

Пока я ѣхалъ, спускался съ Муха-Эстате по дорожкѣ прямо на выстрѣлы, ружейный огонь усилился до ужасающихъ размѣровъ, сливался въ какой то непрерывный трескъ; надъ моей головой и надъ лѣвостой котловинной, гдѣ теперь засѣла колонна, свистѣли одна за другой мѣтко направленные гранаты и шарохи центральной батареи.

Предполагая четыре горныя орудія подъ командой капитана Евдокимова на правомъ флангѣ (согласно диспозиціи), я поѣхалъ на орудійные выстрѣлы, слышавшіеся по мою правую руку, и, послѣ многихъ препятствій, достигъ хутора, за которымъ пріютялись горныя пушки, но не дивизиона капитана Евдокимова, а взвода шт.-кап. фонъ-Клямава, котораго я предполагалъ находящимся на лѣвомъ флангѣ съ пластунами.

Оказалось, что, при первоначальныхъ движеніяхъ по лѣсу колонны перелутились и колонна полковника Козелкова, назначавшаяся на лѣвый флангъ для прикрытія слѣва операциі колонны, очутилась на правомъ флангѣ; слѣдовательно, лѣвый флангъ остался неприкрытымъ, и специальная задача колонны полковника Козелкова осталась нерѣшенной.

Казалось, ошибка легко была поправима: стоило бы только отъ колонны выдѣлать вѣско новую часть, поручивъ ей задачу, лежащую на пластунахъ, а пластуновъ присоединить къ колоннѣ; но этого не было сдѣлано въ виду сложности и запутанности боя въ лѣсу.

Невыгоды этого переѣзживанія сказались въ томъ, что теперь жители безваказанно обстрѣливали котловину съ лѣвой ея стороны

во всю глубину; въ котловину втонулись уже всё войска колонны и расположились въ ней въ ожиданіи дальнѣйшихъ разъясненій боя.

Жители, обстрѣливая съѣзъ котловину и стрѣляя наудачу, поражали шальными пулями и резервы, и перевалочный пунктъ, и пути сообщенія между Муха-Эстате и колонной и между частями самой колонны. Горныя орудія шт.-кан. фонтъ-Климана дѣйствовали и приѣхивались къ мѣстности слѣдующимъ образомъ: одно изъ двухъ орудій было помѣщено буквально за угломъ деревяннаго домика, изъ-за котораго и дѣйствовало; другое же орудіе стояло нѣсколько отступя и чуть вѣтвию отъ перваго, гдѣ, укрываясь за складкой мѣстности, дѣйствовало черезъ голову перваго (что было вполнѣ удобно, ибо турки, находившіеся всего въ 300 саженьхъ разстоянія, были расположены сажень на 12 выше позиціи извода). Прислуга, лошади, орудіе и личныя были отлично укрыты, частью за домикомъ, частью въ чашѣ лѣса въ балкѣ. Прикрытіе орудій — рота закатальцевъ укрывалась тѣми же способами.

Домикъ, хотя былъ и небольшой, но изъ крѣпкаго солиднаго матеріала и для прикрытія отъ ружейныхъ пуль его было болѣе, чѣмъ достаточно; за нимъ располагалась непосредственно прислуга 1-го орудія и офицеры извода и роты, бывшей въ прикрытіи орудій.

Пули частымъ дождемъ свистали вверху, вправо и влѣво отъ этого случайнаго, но надежнаго укрытія.

Впередъ этого домика, шагахъ въ ста отъ него, лежала, ловко пользуясь складками мѣстности, цѣпь пластуновъ, рядко пострѣливавшихъ, но за то уже не наудачу; частью за лѣвымъ флангомъ цѣпи, частью за серединой, въ глубинѣ водомойны или дороги, лежали резервы пластуновъ, саперная рота и др. части, составившія частный резервъ праваго фланга.

Почти за правымъ флангомъ цѣпи, близко отъ нея, на совершенно ровномъ мѣстѣ, за солиднымъ деревомъ, съ биноклемъ въ рукахъ и съ приподнятыми ногами череска, стоялъ и самъ начальникъ праваго фланга, командиръ пластуновъ полковникъ Козельковъ, старый кавказецъ, руководившій отсюда боемъ.

Мѣсто для наблюденія за неприятелемъ и для руководства боемъ было прекрасно выбрано полковникомъ Козельковымъ: здѣсь, на нашемъ правомъ флангѣ лѣсъ оканчивался, и ровная, чистая поляна тянулась до высотъ противоположнаго берега, занятыхъ неприятелемъ, но за то, вслѣдствіе той же открытости, мѣсто это было особенно опасно. — Пули шлепались и свистали здѣсь ежесекундно, и надо было все умѣнье пластуновъ прикинуться къ мѣстности, весь ихъ здра-

ный смыслъ, чтобы, занимая частью цѣпи эти невыгодныя мѣста, нести ничтожныя потери.

Мѣстность впереди цѣпи пластуновъ была довольно ровная и слегка склонялась до рѣчки Ачуга-стави, которой впрочемъ видно не было и по ту сторону которой, сейчасъ-же послѣ небольшой прогалинки, круто возвышались холмы самой причудливой конфигураціи и имѣли густо заросшими всѣ скаты, а всѣ возвышенныя мѣста густо застроенныя отдѣльными домиками и амбарами. Здѣсь-то и сидѣли турецкіе стрѣлки, будучи безопасны отъ нашего ружейнаго огня и имѣли превосходство какъ въ командованіи, такъ и въ возможности выслѣживать и высматривать мѣста, гдѣ копошились звенья нашей цѣпи. Но эти возвышенности все-же поражались, какъ только малѣйше обнаруживали себя турки, огнемъ стрѣлковъ 1-го батальона, пластуновъ (*) и главнымъ образомъ артилеріею центра и горныхъ орудій.

Какъ сказано выше, прислуга горныхъ орудій укрывалась отъ пораженій за домикомъ, выбирая время для дѣйствій тогда, когда стихалъ этотъ смертоносный дождь свинца; даже нумеръ съ крючкомъ дѣйствовалъ, прислонясь правымъ плечомъ въ уголъ хаты. Не считая на принятыя мѣры и прекрасное пользованіе мѣстными предметами, но заводъ были уже потери: фейерверкеръ, два наводчика и еще одинъ нумеръ ранеными.

Часть позиціи турокъ, обстрѣливаемая пластунами и горными орудіями, представлялась съ нашей стороны въ видѣ возвышенной прогалинки лѣсистаго холма, застроенной домиками, но откуда именно сыпали турки свой свинецъ, — рѣшительно не было видно; можно было быть только увѣреннымъ, что часть ихъ, и въ особенности руководители боя, причуютъ за этими домиками; вотъ почему и шрапнель горныхъ орудій была такъ направлена, чтобы осыпать пространство за домиками, болѣею-же частью по направленію дымковъ изъ-за гребня, находившагося впереди домиковъ.

Послѣ двухъ, трехъ шрапнелей, огонь сейчасъ-же ослобѣвалъ на нѣкоторое время (пристрѣлялся заводъ гораздо раньше), но потомъ, когда артилерія умолкала, возобновлялся съ новой силой. Достичь рѣшительнаго результата при этихъ условіяхъ двумя горными орудіями было рѣшительно невозможно.

Ознакомившись со словъ фонъ-Клямана съ дѣйствіями, предшествовавшими постановкѣ орудій за домиками, а также съ настоящими

(*) Какъ мы узнали впоследствии, огонь цѣпи нашей нанесъ неирѣдкимъ значительныя поврежденія, хотя заливая долъ и выпала артилерія, которая разрушала и сама закрытія, поражая одновременно и сидѣвшихъ въ ней.

условіями стрѣльбы, и поѣхалъ къ четыремъ горнымъ орудіямъ и, не попавъ сразу на ту дорожку, которая меня привела къ горнымъ орудіямъ фонъ-Влиана, очутился въ цѣли пластуновъ.

Здѣсь переговаривалъ я съ полковникомъ Козелковымъ, который высказала, что ему «крайне не нравится положеніе лѣвой колонны въ этой лѣсистой котловинѣ р. Азгуа-става» и что открытый штурмъ противоположныхъ высотъ, съ переправой въ бродъ черезъ рѣку, сопряженъ, по его мнѣнію, съ большими потерями и не обезпеченъ успѣхомъ, если съ другихъ фланговъ и съ центра не послѣдуютъ или сильныя демонстраціи, или атаки той-же позиціи, длина которой не соответствуетъ оборонительнымъ силамъ турокъ.

Приближался при возвращеніи назадъ къ четыремъ горнымъ орудіямъ капитана Бѣдокимова, я встрѣтилъ на носилкахъ умирающаго отъ тяжелой раны командира 3-й роты 1-го Кавказскаго стрѣльцоваго батальона поручика Мищенко-Анисимова. Этотъ бравадный ротный командиръ, имѣя цѣль своей роты на опушкѣ лѣса и прямо передъ ее фронтомъ чистую долину, продолжавшуюся до рѣки и высотъ противоположнаго берега, вышелъ на долину передъ цѣль и началъ объяснять людямъ способъ стрѣльбы при данныхъ условіяхъ и наилучшую высоту прицѣла; другаго, болѣе быстрого способа, въ виду расположенія роты въ лѣсу, не представлялось. Мищенко-Анисимовъ успѣлъ объяснить цѣль, какъ должна она стрѣлять, по турки, видя открыто стоящаго къ нимъ спявоя офицера, посѣпшала дать по немъ не одинъ десятокъ выстрѣловъ, и одна изъ многочисленныхъ пуль поразила его въ бокъ на шее; рана въ животъ была смертельная.

Пробраться далѣе къ четыремъ горнымъ орудіямъ было не легкой задачей: лѣсная глушь, отсутствіе дорогъ, крайне пересѣченныи и заросшіи характеръ лѣса, при отсутствіи какихъ-либо заслоновъ влѣво въ сторону вооруженныхъ кобулетцевъ (баша-бузукцевъ),— все это представляло крайнее затрудненіе для сообщенія въ лѣсу отдѣльныхъ частей и проѣзда даже одиночныхъ всадниковъ. Единственная, болѣе или менѣе хорошая дорога къ лѣвому флангу шла у подножія возвышенностей, занятыхъ неприятелемъ, и почти весь путь, въ особенности тамъ, гдѣ онъ шелъ открытыми полянками, безнаказанно обстрѣливался неприятелемъ; эти открытыя участки приходилось проскакивать въ карьеръ, вызывая поспѣшныя залпы со стороны неприятеля.

По прибытіи къ дивизиону горныхъ орудій оказалось, что мѣсто расположенія ихъ находилось подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ съ неприятельскихъ высотъ, что разстояніе до неприятеля, полученное путемъ прастрѣлки, колебалось отъ 250 до 300 и до 400 саж.

(самое дальнее), что огонь велся главным образом по тому самому лесистому кургану, который предполагалось занять еще ночью, путем внезапного на него нападения; что потери в людях и в лошадях велики и что командующий батареею капитанъ Бяковичевъ сильно контуженъ въ подошву ноги и выбылъ изъ строя; подъ нимъ, кромѣ того, убита лошадь. Особенно чувствительны были потери въ наводчикахъ и яничныхъ лошадяхъ, пораженныхъ съ фланга.

Цѣль дѣйствія дивизіона—лесистый курганъ былъ занятъ много численнымъ неприятелемъ; отъ позиціи батарей и стоявшихъ лѣвѣ стрѣлковъ 1-го Кавказскаго баталіона, этотъ лесистый курганъ отдѣлялся ровной поляной, шедшей до р. Ачуа-стани; за рѣкой сейчасъ же начинался и лесистый курганъ, составляя только наиболѣ возвышенный пунктъ гребня такихъ-же лесистыхъ холмовъ, группировавшихся по ту сторону рѣки.

Въ свою очередь лесистый курганъ черезъ голову лѣвой колонны поражался сосредоточеннымъ огнемъ центральной батареи; огонь этотъ производилъ ужасающее дѣйствіе; на небольшую площадку кургана, застроенную тремя домиками, то и дѣло спускались гранаты и шары: дома разрушались, сыпались доски, трескали деревья, и каждую секунду на площадкѣ былъ видѣнъ дымокъ отъ разрыва нашихъ снарядовъ. Этому кургану больше всего досталось отъ артиллерійскаго огня; надо еще добавитъ бросаема съ близкаго разстоянія шрапнели горныхъ орудій.

Стрѣлки 1-го баталіона, вочію все это наблюдавшіе, были особенно довольны этой подготовкой и не могли достаточно ею нахвалиться; это дѣлалось специально для нихъ и закатамечевъ, и въ это время они отдыхали отъ потерь.

Нельзя не отдать справедливости мужеству кобулетцевъ,—они стойко выдерживали этотъ огонь, и какъ только онъ, сосредоточившись на одномъ пунктѣ, переносился на другой, собирались снова на первый и, убравъ своихъ раненыхъ и убитыхъ, водворялись на разрушенномъ пунктѣ и снова начинали ружейный огонь противъ войскъ лѣвой колонны.

Штурмовать этотъ рядъ лесистыхъ кургановъ и холмовъ, для чего надо было пробѣжать открытое пространство, потомъ по полю пройти Ачуа-стани, затѣмъ взбираться на крутизну холмовъ, по дорогамъ, заваленнымъ колоссальными деревьями, было не подъ силу и молодечкиимъ войскамъ Кавказской арміи.

Огонь горныхъ орудій былъ временно направленъ по заваламъ на

дорогахъ, что заставляло турокъ бросать ихъ, но разъ шранцели туда не летѣли, они вновь занимались.

Только въ исходѣ восьмого часа авергін защитниковъ начинала ослабѣвать: мѣткій огонь артилеріи и стрѣлковъ давалъ себя знать.

Въ такомъ положеніи находилась бой линия въ дѣлестой котловинѣ; позднее-ли наступленіе колонны, трудность-ли движенія по дѣсу, оплошность и нерасторопность проводниковъ или бдительность и готовность турокъ, — только нечаянное овладѣніе войсками дѣвой колонны возвышеннымъ дѣвымъ берегомъ р. Ачуа-стани, что составляло только передовую позицію Хуцу-Убанскаго гребня, должно было быть замѣнено атакой открытой силой, подготовленной огнемъ 32-хъ-орудійной батареи съ фронта, огнемъ горныхъ орудій съ близкаго расстоянія и ружейнымъ огнемъ специалистовъ своего дѣла — стрѣлковъ и пластуновъ.

Обороняющийся-же усиливался въ той точкѣ дѣвной своей позиціи, гдѣ вылазали изъ дѣса головныя части дѣвой колонны.

Обратный путь на Муха-Эстате по той-же дорогѣ, подверженный тому-же боковому огню, сопровождался тѣми-же пробѣжками въ карьеръ открытыхъ пространствъ и тѣми-же залпами съ криками «Алла»... Но на этотъ разъ вдоль дороги расположилась жидкая цѣпь закатальцовъ, которая впрочемъ оставалась на самой дорогѣ, не избавляя ее отъ огня неврѣтели.

Съ высоты Муха-Эстате можно было еще лучше обнять всю картину боя (кромя операций правой колонны) и еще лучше убѣдиться въ мѣткости и разрушительномъ дѣйствии огня центральной батареи.

Около этого времени до мѣста расположенія центральной батареи доносился гулъ ожесточенной орудійной и особенно ружейной пальбы изъ правой колонны, но ограничилась-ли она одной демонстраціей или перешла въ наступленіе — никакихъ свѣдѣній не имѣлось; еще ранѣе генералъ Шелеметьевъ потребовалъ четыре орудія 2-й батареи 19-й бригады. Между тѣмъ операции дѣвой колонны въ день 29-го близились къ развязкѣ; подъ вліяніемъ-ли губительнаго огня или подъ впечатленіемъ близкаго штурма, только обороняющийся уединился все болѣе и болѣе на участокъ позиціи крайняго праваго фланга, сосредоточиваясь исплнчательно около дѣлестата кургана и близлежащихъ высотъ, гдѣ онъ могъ лучше всего противостоятъ попыткѣ овладѣть штурмомъ путями на Хуцу-Убанн.

Такимъ образомъ, къ концѣ-воинскъ, оборонительныя силы турокъ наступленіемъ двухъ колоннъ нашихъ съ фланговъ и пассивнымъ расположеніемъ остальныхъ силъ, продолжавшихъ пребывать на Муза-

Эстате, сосредоточились на оконечностях их длинной и узкой долины.

Обстоятельство это не ускользнуло от генерала Оклобжіо и полковника Казбека, неоднократно побывавшаго въ лѣвой колонні; ключъ къ рѣшенію боя обнаруживался его ходомъ; еще ранѣе полковникъ Филимоновъ приказалъ жѣ осмотрѣть мѣстность впереди и выбрать позицію для одной изъ 9-ти-фунтовыхъ батарей. Впереди было возможно поставить и не одну батарею, если только удастся свѣтаться съ передковъ въ виду высотъ, усыпанныхъ до свѣхъ норъ, до днъ боя, многочисленнымъ неприятелемъ, но теперь безмолствовавшимъ.

На основаніи моего доклада полковникъ Филимоновъ приказалъ 1-й батарее 41-й бригады выдвинуться впереди возможно ближе и обстрѣлывать центральные холмы съ ихъ долами, а въ случаѣ, если оттуда не послѣдуетъ отвѣта и окажется, что они брошены, то перенести огонь лѣвѣе, въ участки позиціи правого правого неприятельскаго фланга, откуда теперь доносился невозможный гулъ ружейной пальбы, чѣмъ защитники правого неприятельскаго фланга брались во флангъ и въ тылъ. Затѣмъ, начальникъ артилеріи отряда предположилъ выдвинуть впереди и всю артилерію.

1-я батарея, сопровождаемая двумя ротами лейкванцевъ, снялась съ позиціи, въ колонні въ одно орудіе прошла дѣл болотистыя лоципки и снялась съ передковъ всего въ 400-хъ саженихъ отъ высоту, унизанныхъ саклами и когда-то кишѣвшихъ защитниками, теперь-же, по всѣмъ признакамъ, совершенно отсутствующихъ.

Немедленно въ одинъ изъ доломъ, окруженной большой галереєю, съ которой обыкновенно неприятель производилъ дѣятельную стрѣльбу, пушена была шарха: посыпались баки и доски, но со стороны турокъ не послѣдовало ни одного отвѣтнаго выстрѣла.

Все это также наблюдалось генераломъ Оклобжіо и полковникомъ Казбекомъ, стоявшимъ рядомъ съ командующимъ войсками на гребн Муха-Эстате.

Убѣдившись изъ опыта 1-й батареи окончательно въ отсутствіи турокъ на фронтѣ, командующій войсками генералъ Оклобжіо лично направилъ 4-ю сотню (особенно отличившуюся въ день 13-го и 14-го апрѣля) Гурійской дружины, подъ командой поручика князя Макаева (Ивана), и приказалъ ей, не медля ни минуты, броситься съ фронта и овладѣть центральными высотами. Полчаса спустя послѣ отпращенія сотни, которая спускалась въ долину р. Ачкуча-става, по ея слѣдамъ и съ той-же цѣлью, генералъ Оклобжіо лично направилъ дѣл, только что прибывшія изъ Озургеть на Муха-Эстате роты Севасто-

польцевъ подѣ командой стараго кавказца майора Бараганскаго. Артиллеріи приказано въ то же время усилить огонь противъ дѣснаго кургана и прилежащихъ холмовъ.

Подѣ прикритіемъ этого огня гурійцы и севастопольцы быстро проходили пространство, отдѣлившее ихъ отъ р. Ачкау-стани, и то скрывались, то показывались снова, перебиваясь черезъ отдѣльные гребни и долины, но наконецъ скрылись вовсе въ долину рѣки; прошло нѣкоторое время, лихорадочно, пестерливо пережитое очевидцами съ Муха-Эстате...

Но вотъ на крутыхъ скатахъ неприятельской позиціи показались черныя точки, и группы показались наверхъ...

Значительно выше отъ нихъ и по отношенію къ нимъ уступомъ становились такія образы пластуны, которые ихъ могли уже теперь отчасти и поддержать.

Немного не дошли гурійцы и севастопольцы до вершины и никто пока еще не показывалъ сопротивленія, но въ ту минуту, когда высоты съ скалами оказались почти въ ихъ рукахъ, показался и сиплившій ихъ отбросить неприятель: затрещали ружейныя выстрѣлы и кое-гдѣ показались дымки выстрѣловъ. Но вотъ раздалось дружное ура нѣсколькихъ сотъ голосовъ и севастопольцы съ гурійцами ударомъ въ штыки отбросили турокъ и укрѣпили за собой захваченное.

Ура это, мгновенно подхваченное всей атакующей линіей, разливалось и перекатывалось въ дѣсной долину у Ачкау-стани.

Войска дѣной колонны двинулись теперь съ неудержимымъ шлохомъ изъ дѣса, перебрались черезъ Ачкау-стави и съ разныхъ сторонъ, переищиваясь частями, бросались на дѣсистый курганъ и лѣжаніи вправо отъ него холмы.

Ничто теперь не могло удержать ихъ натиска.

Турки, встревоженные усильями гурійцевъ и севастопольцевъ, пытались было ружейнымъ огнемъ остановить это всеобщее и внезапное, какъ электрическая искра, наступленіе, но не выдержали и, бросая недоступныя убѣжища, отступили въ глубину хуцу-убанскихъ дѣбрей.

На центральныхъ высотахъ показались пламя горѣвшихъ хатъ, — очевидно дѣло рукъ гурійцевъ, не удержавшихся предать огню жилища вѣловыхъ враговъ своихъ кобулетцевъ. Турки и кобулетцы бѣжали по всей линіи.

Получивъ въ это время порученіе передать приказанія въ дѣную колонну, и бросился снова по знакомой дорогѣ и, переправясь въ бродъ черезъ быстрыя и холодныя воды р. Ачкау-стави, вмѣстѣ съ остатками дѣной колонны взообразя на тотъ самый дѣсистый холмъ,

который служил главным опорным пунктом неприятелю против войск левой колонны.

На площадке этого холма, застроенного тремя чрезвычайно изысканными, из прочного чинарового, дубового и пегубного дерева домами, собралась пестрая и шумная толпа различных частей колонны; здесь переводили духъ и дѣлались впечатлѣніями пережитого боя стрѣлки 1-го баталіона, закатальныя саперы и горные артиллеристы.

Горныя пушки были здѣсь-же; одновременно со штурмующими горныя орудія, взявъ «на выюки», взобрались наверхъ на своихъ подвижныхъ лошадакахъ и успѣли здѣсь направить свои дула въ сторону бѣжавшаго неприятеля.

Толпа, занявшая курганъ, представляла въ сущности массу, утратившую всякій тактическій порядокъ, но не думаю, чтобы для устройства этой толпы въ роты и баталіоны надо было много времени;—тутъ было на лицо все начальство. Обетановка этого живописнаго кургана, прекраснаго мѣста для хутора-дачи, носила на себѣ все признаки ожесточеннаго боя: крыши и стѣны домовъ были изрѣжены снарядами, осколки которыхъ, а также и не разорвавшіяся гранаты и шархи, устилали буквально всю площадь и скаты; тутъ-же въ кустахъ валялось нѣсколько труповъ кобудетцевъ, не захваченныхъ бѣжавшимъ неприятелемъ.

Пока войска левой колонны переводили здѣсь духъ и устраивались, мимо кургана, въ стройномъ порядкѣ, въ походной колоннѣ, щеголевато дефилировалъ дальше на центральныя Хуцу-Убанскія высоты только что прибывшій изъ Озургетъ и поступившій въ составъ войскъ кобудетскаго отряда 4-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ.

— «Опоздали!» кричали съ лѣснаго кургана.

— Ничего, возьмемъ свое, отвѣчали новоприбывшіе.

Для овладѣнія дальнѣйшими высотами Хуцу-Убана, составлявшими въ общемъ сложную группу, была организована изъ новоприбывшихъ частей, а также изъ бывшихъ въ резервѣ, особый свѣжій отрядъ, который, подъ начальствомъ полковника Разбека, послѣ слабаго сопротивленія неприятеля, овладѣлъ всѣми лѣсистыми и гористыми пространствами между р. Ачука-стаи и р. Кинтрышемъ.

Высоты за Кинтрышемъ составляли 3-ю оборонительную линію турокъ, если первую считать высоты Муха-Эгате, а второю высоты Хуцу-Убана.

Что касается до выводовъ и заключеній о дѣлѣ 29-го апрѣля, то уже описаніе боя даетъ тому достаточное поприще; мы позволимъ себѣ только указать на нѣкоторыя причины, которыя, по нашему

крайнему разумію, замедляли быстрое рѣшеніе боя и вызвали лишніи потери.

Хотя планъ овладѣнія Хуцу-Убани и былъ по существу построенъ гообразно обстановкѣ, но выполненіе его съ самаго вачала представляло затрудненія: позднее выступленіе колоннъ, незнаніе лѣса, его дорогъ и вообще мѣстности, переѣзженіе частей колонны, отсутствіе хорошихъ и вѣрныхъ проводниковъ, дальнія дистанціи главной батареи. Первый актъ боя вмѣсто внезапнаго захвата передовыхъ Хуцу-Убанскихъ высотъ представляеть боевое расположеніе въ лѣсистой котловинѣ въ долинѣ р. Ачкунъ-стани на виду непріятеля, зашишаго, необычайно сильнаго отъ природы и еще усиленнаго искусственно, высоты противоположнаго берега. Обороняющіеся были жители селеній и хуторонъ, разбросанныхъ по Хуцу-Убани, жители-воины отъ рожденія и по ремеслу, бывшіе у себя дома, въ знакомыхъ съ малолѣтства лѣсистыхъ дебряхъ, фанатики, отстаивающіе свои семейства, имущество, свой государственный, экономическій и народный бытъ. Оборона должна была быть упорной.

Подводя итоги всему случившемуся съ 14-го апрѣля, со дня взятія Муха-Эстате до занятія Хуцу-Убани, невозможно является вопросъ: отчего съ 14-го по 29-е апрѣля отрядъ бездѣйствовалъ? Отчего послѣ 14-го сейчасъ же не продвинулись впередъ, не овладѣли подъ свѣжкимъ впечатлѣніемъ муха-эстатскаго дѣла и второй оборонительной линіей и почему вообще отрядъ такъ долго пребывалъ на Муха-Эстатѣ, имѣя, безъ сомнѣнія, числительное превосходство? Но если внимательно всмотрѣться въ заботы отряднаго штаба, въ непрестанную дѣятельность войскъ по устройству своего тыла, своихъ сообщеній, обезпеченію флаговъ и особенно по устройству своего второстепеннаго «базиса-позицій», каковыя по справедливости назовемъ Муха-Эстате, то предъ нами раскроется картина дѣятельности отряда въ теченіе двухъ недѣль, дѣятельности необходимой и важной въ виду особаго характера природы края, которая, въ силу свойствъ своихъ, требуетъ много времени.

Занявъ 14-го Муха-Эстате, мы, для успѣха и даже просто возможности дальнѣйшихъ наступательныхъ операцій, обязаны были устроить свой тылъ и свои сообщенія, обезпечить цѣлымъ рядомъ мѣръ, хотя короткую, но за то и крайне чувствительную операціонную линію. Это обезпеченіе операціонной линіи усложнялось: непріязнь воинственнаго населенія Лазыстанскаго санджака и некладѣніемъ нами моремъ, вслѣдствіе чего тылъ и флангъ операціонной линіи были постоянно подъ угрозой могущаго появиться десанта.

Надлежало все захваченное укрѣпить, устроить и обезпечить со общеніе съ Озургетами (основной базой операций отряда) и съ Николаевскомъ, значеніе котораго, къ силу его географическаго положенія, увеличивалось по мѣрѣ удлиненія операционной линіи. Также надлежало укрѣпить нѣкоторые посты по Чолоку и держать там гарнизоны. Всѣ работы по устройству операционной линіи, которая проходила по дорогамъ, бывшимъ до того всего выжатыми, въ болотистомъ, полутропическомъ лѣсу, требовали массы времени и рабочихъ рукъ. Наконецъ, занявъ Муха-Эстате и избравъ его, какъ новый базисъ для наступленія и позицію на случай обороны, мы, первые дни 15-го и 16-го не могли даже итащить на нихъ свою артилерію: дорогъ не было, надо было ихъ еще провести до передовыхъ пунктовъ позиціи; даже надо было проводить дороги вдоль позиціи, иначе нельзя было имѣть постоянного и хорошаго сообщенія между отдельными участками позиціи; опять требовалась масса времени и рабочихъ рукъ.

Все это время съ 14-го апрѣля саперный батальонъ съ ранняго утра до поздняго вечера былъ весь въ расходѣ, и нельзя было найти ни одного свободнаго сапера въ лагерѣ.

Итакъ первая причина медленности операций заключалась въ природѣ края, считая тутъ же и воинственное населеніе. Затѣмъ еще причина, удерживавшая насъ на Муха-Эстате, могла существовать въ политическихъ соображеніяхъ; не будучи посвящены въ тайны отряднаго штаба по отношенію съ жителями, мы можемъ только подозревать, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, что были попытки прежде, чѣмъ съ боемъ штурбовать высоты Хуну-Убани, густо населенныя и застроенныя селеніями (1) и хуторами Кобудецень, склонить ихъ не оказывать намъ сопротивленія, за что мы щадили бы ихъ недвижимыя имуществы, но, вѣроятно, эти попытки не привели ни къ чему вслѣдствіе давленія и страха передъ турецкимъ правительствомъ и фанатизма самихъ же жителей-мусульманъ.

Наконецъ къ числу причинъ, связывавшихъ наши операции и не дозволившихъ ихъ развить надлежащимъ образомъ, можно отнести и несовершенство организаціи отряда по отношенію къ природѣ края и предстоящимъ военнымъ дѣйствіямъ — наступательнымъ; къ этому добавимъ, что наступательный характеръ операций началъ опредѣляться въ первыхъ числахъ апрѣля; до этого же времени все (какъ то: укрѣпленіе Озургетъ, устройство укрѣпленнаго барачнаго лагеря

(1) Селенія эти: Гвара, Алачбара и Верхніе-Кобудецы.

на г. Экадію, недостаточные запасы въ Озургетахъ, малая численность отряда и т. д.) заставляло думать, что операціи будутъ чисто оборонительныя.

Характеръ природы театра войны былъ таковъ, что всѣ выгоды были на сторонѣ обороны. На каждомъ шагѣ ощущался недостатокъ горной артилеріи.

Какъ результатъ поспѣшнаго рѣшенія наступленія и не во всѣхъ отношеніяхъ соответственной организаціи отряда, явилось неустойчиво и неготовность основной базы, о чемъ сказано выше.

Неимѣніе въ Озургетахъ большихъ запасовъ провіанта повлекло къ тому, что интендантство не успѣвало удовлетворять насущной потребности войскъ и долгое время выдавало провіантъ изъ однихъ, много на двое сутокъ, а при такихъ условіяхъ невозможно было идти впередъ. Не надо забывать, что, кромѣ этого, правильному снабженію провіантомъ мѣшала опять таки въ большей степени и мѣстность: въ дни распутицы дороги становились буквально непроходимы и представляли море грязи, въ которомъ по брюхо двигались лошади черводарскаго транспорта.

Окончательное разъясненіе цѣлесообразности или ошибочности нашихъ операцій съ 12-го по 29-е апрѣля есть дѣло серьезнаго военно-историческаго изслѣдованія, отъ котораго мы такъ далеки; наше же желаніе было дать для подобнаго изслѣдованія тотъ сырой матеріалъ, который заключается въ воспоминаніяхъ очевидца-офицера.

Возвращаясь ко дню 29-го апрѣля, мы замѣтимъ, что взятіемъ Хуцу-Убани довершился второй актъ боевой дѣятельности отряда заключавшійся въ захватъ гористой и лѣсистой полосы между рѣками Ачкуа-стави и Кинтришемъ.

Результаты боя 29-го апрѣля были для отряда весьма серьезны: молодецкими войсками праваго фланга Кавказской арміи былъ нанесенъ рѣшительный ударъ воинственной гордости кобулетцевъ, вѣрѣ въ неприступность ихъ лѣсистыхъ и гористыхъ трущобъ; мы выдвинулись впередъ до р. Кинтриша, обезпечивъ за собой цѣлую граду Хуцу-Убанскихъ горъ, представляющихъ сильную передовую позицію, достаточную для вмѣщенія отряда и огражденную съ фронта теченіемъ р. Кинтриша. Мы показали наглядно гурійцамъ, что не только не дадимъ хищнымъ кобулетцамъ вторгнуться въ ихъ владѣнія, но что сами расположимся на развалинахъ неприступныхъ ихъ убѣжищъ.

Операция правой колонны в день 29-го апреля.

Прежде, чѣмъ обратиться къ дѣйствию отряда послѣ 29-го апрѣля, нахожу необходимымъ описать дѣйствія правой колонны 29-го числа (1), въ томъ видѣ, какъ представлялись они намъ по рассказамъ многочисленныхъ участниковъ, донесенію генерала Шелемetyева и частному донесенію командира 2-й батареи 19-й артиллерійской бригады полковника Шафрова.

Главной задачей для праваго авангарда генерала Шелемetyева являлся захватъ узла дорогъ, ведущихъ отъ Муха-Эстате, Бошлей и Лельскаго поста къ берегу моря, къ Чурукъ-Су, и, какъ слѣдствіе этого движенія, демонстрація на правомъ флангѣ противъ западной части Хуцу-Убани съ цѣлью отвлеченія части непріятельскихъ силъ. Но ничто не препятствовало генералу Шелемetyеву, если обстановка боя это дозволять, занять ближайшую къ дорогѣ высоту Хуцу-Убанскаго гребня.

Путь колонны лежалъ по дорогѣ, уже прекрасно обреченогносцированной не только капитаномъ Левашевымъ въ продолженіе мухаэстатской стоянки, но и цѣлымъ баталіономъ (2-мъ стрѣлк.) 24-го апрѣля, во время фальшивой тревоги.

По всему предстоящему пути движенія и дѣйствій праваго авангарда раскинулся лѣсъ, густо покрывавшій берега Кинтриша, особенно лѣвый берегъ, возвышенный; по этому возвышенному берегу разсыпаны усадьбы и пролегаютъ дороги, ведущія къ Хуцу-Убани на правый флангъ непріятельской позиціи, а также далѣе на югъ къ Цихсидири и къ поселеніямъ, разсыпаннымъ въ низовьяхъ р. Кинтриша.

Высоты этого лѣваго берега р. Кинтриша были усилены завалами, траншеями, застѣвами и другими преградами, въ которыхъ главную роль играли гигантскія срубленные деревья.

Въ два часа ночи войска праваго авангарда были уже на ногахъ, въ три часа тронулись впередъ.

Такъ какъ двинутся пришлось на западъ, параллельно фронту противника, внизъ по теченію р. Ачхуа-стави, а слѣдовательно под-

(1) Составъ правой колонны 29-го апрѣля: 2-й Кавказскій стрѣлковій баталіонъ, семь ротъ Александропольскаго полка, дивизионъ 2-й батареи 19-й артиллерійской бригады и два сотни Кутаисскаго конно-прогуларнаго полка. Вслѣдствіе авангардъ этотъ былъ усиленъ изъ главныхъ силъ отряда въ Муха-Эстатѣ перемычъ баталіономъ Ленкоранскаго полка и другимъ дивизиономъ 2-й батареи 19-й артиллерійской бригады.

ставая ему свой лѣвый флангъ, и такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ надлежало имѣть непріятеля и съ фронта по мѣрѣ движенія впередъ, то начальникъ отряда распорядился вести колонну въ слѣдующемъ боевомъ порядкѣ: въ авангардѣ всей колонны шла 1-я рота 2-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, осѣщая патрулями всю мѣстность впереди; для прикрытія лѣва была назначенъ лѣвый боковой авангардъ; въ составъ лѣваго боковаго авангарда вошли: 2-я и 4-я роты 2-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, причѣмъ въ цѣль была вся 2-я рота и взводъ 4-й роты, въ резервѣ— три остальные взвода 4-й роты; весь этотъ боковой авангардъ двигался непосредственно вить по теченію р. Ачуа-стани, подъ общимъ начальствомъ 2-го кавк. стр. баталіона маіора Лейстедта; главныя силы отряда, въ составѣ 1³/₄ баталіона Александропольскаго полка, дивизиона 2-й батареи 19-й артиллерійской бригады и двухъ сотенъ Бутавскаго конно-прегулярнаго полка, двигались по большой кобулетской дорогѣ, имѣя въ головѣ и справа всю свою кавалерію, т. е. обѣ сотни конно-прегулярнаго полка.

Колонна двигалась, сохраняя глубокую тишину; цѣль боковаго авангарда двигалась вытянувшись гуськомъ, нарушая тишину неабѣзжымъ трескомъ сухихъ прутьевъ и раздвигаемаго кустарника; всѣ же приказанія отдавались шепотомъ.

Прошло около часа. Начало свѣтать. Отдаленные предметы всево вырисовывались на слабомъ свѣтѣ пробуждающагося дня. Уже колонна почти достигла назначеннаго мѣста, и лѣвая боковая цѣль уже вытягивалась на лѣсную поляну, какъ была встрѣчена запово непріятеля, засѣвшаго въ глубокой, заросшей лѣсомъ канавѣ. Цѣль, какъ одинъ человѣкъ, быстро повернулась и, безъ выстрѣла, фронтомъ бросилась въ сторону раздаваемаго залпа. Пробѣжавъ шаговъ 500 подъ огнемъ турокъ, засѣвшихъ на высотахъ противоположнаго берега р. Ачуа-стани, цѣль залгла въ канавѣ и открыла бѣглый огонь по высотамъ и по непріятелю, въ разсыпную, чело-вѣкъ въ 30, перебѣгавшему черезъ рѣчку на свою сторону. Какъ видно, то былъ турецкій секретъ, который, предупредивъ выстрѣлами своихъ, уходилъ обратно.

Во время перебѣжки цѣли въ канавѣ раненъ смертельно началь-никъ цѣли маіоръ Лейстедтъ, пулею въ бокъ на вылетъ, и конту-женъ въ ногу командиръ баталіона подполковникъ Мактевъ. Канавы, гдѣ засѣли стрѣлки цѣли, находилась отъ противника шагахъ въ 600; резервъ, не находя закрытія сзади канавы, на совершенно открытой полянѣ, куда градомъ сыпались пули, перешелъ тоже въ

канаву. Майоръ Лейстедтъ, не смотря на тяжелую рану, продолжалъ распоряжаться и лишь тогда позволилъ отнести себя на перевязочный пунктъ, когда цѣнь заняла указанное ей мѣсто. Команду надъ цѣнью принялъ капиталь Смолюко (командиръ 3-й роты).

Подошла и 1-я рота, составлявшая авангардъ всей колонны, и, выбивъ непріятеля изъ занятой имъ сакли, заняла цѣнью пространство вправо отъ дороги, ведущей къ переправѣ черезъ р. Ачкуа.

Около пяти часовъ утра, когда стрѣлковыи баталіонъ занялъ указанную позицію, къ мѣсту дѣйствія подошли и главные силы колонны и выстроились: артилерія на высотѣ влѣво отъ дороги, нѣхота главныхъ свлѣ—вправо отъ дороги, поротно въ двѣ линіи.

Артилерія стояла на весьма выгодной позиціи и, по донесеніи полковника Шаврова, единственно удобной для дѣйствія.

Непріятель открылъ сильный огонь и по артилеріи, но батарея, бывшая старшей въ отрядѣ (батареи 41-й бригады были сформированы за два всего года до войны), показала въ равной степени хладнокровіе и искусство. По словамъ того же донесенія, батарея въ теченіе всего боя дѣйствовала обыкновенными гранатами съ дистанціи отъ 1.000 до 425 сажень, при высотѣ прицѣла отъ 13 до 38 линій, и шрапнелью съ разстоянія 750 и 425 сажень при высотѣ прицѣла отъ 16 до 30 линій и времени горѣнія трубки отъ 6 до $3\frac{2}{8}$.

Первыми выстрѣлами были уже зажжены пять сакель, изъ которыхъ непріятель обстрѣливалъ и цѣнь, и артилерію; затѣмъ огонь орудій постепенно переносился на другіе дома, кишѣвшіе защитниками, и много способствовалъ тому, что, при всѣхъ перемѣщеніяхъ и перестроеніяхъ и движеніяхъ цѣни впередъ, части отряда не подвергались сосредоточенному огню дальнотрѣльного оружія непріятеля, который самъ долженъ былъ укрываться отъ смертоноснаго огня артилеріи. Видя полезную дѣятельность дивизиона орудій, начальникъ отряда, генераль Шелеметьевъ, потребовалъ и второй дивизионъ батареи.

Одновременно съ этимъ сотни Кутавскаго конно-иррегулярнаго полка производили въ сторонѣ праваго фланга поиски и развѣдки.

Непріятель видимо усиливался и приливалъ къ направленію фронта колонны, чѣмъ достигалось отвзеченіе его отъ праваго его фланга и очищало центръ.

Въ $5\frac{1}{4}$ часовъ утра прибылъ и второй дивизионъ батареи и занялъ ту же позицію, расположившись влѣво отъ перваго дивизиона.

Около 6 часовъ непріятель еще усилился, и ружейный огонь его

едьбалася неуможаемъ; бьши понятки со стороны неприятеля насѣсть на центръ цѣли густой же цѣпью своихъ стрѣлковъ, но дѣйствию восьми орудій противникъ былъ отброшенъ назадъ.

Около 7 часовъ утра новыя толпы, перейди р. Ачуа верстахъ въ трехъ ниже нашей позиціи, съ гикавьемъ бросились на дивизионъ конно-прегударнаго полка, охранявшій нашъ правый флангъ. 5-я сотня князя Дибудзе спѣшилась и разсыпалась, а для поддержки ея была направлена рота лезгорцевъ; огонь этихъ частей отбросилъ толпы неприятеля обратно въ лѣсъ и заставилъ ихъ тамъ держаться все время боя.

Одновременно съ этими дѣйствіями (1), турецкіе броненосцы, подойди къ берегу, открыли огонь по нашимъ войскамъ (приблизительно, съ разстоянія около 5—6 верстъ). Снаряды огромныхъ калибровъ (до восьми и болѣе дюймовъ), которыхъ противникомъ было выпущено до 20, дожились большей частью впередъ и около 1-й сотни, стоявшей въ резервъ за 5-й. Одинъ изъ снарядовъ, ударившись шагахъ въ 60 передъ фронтомъ, рикошетировалъ черезъ головы всадниковъ и разорвался позади сотни; къ счастью, благодаря болотистой почвѣ, разрывъ былъ мало дѣйствителенъ: контужено было всего четыре всадника. Тогда было приказано отодвинуть сотню назадъ. Этими закончились всѣ дѣйствія на правомъ флангѣ колонны.

Въ центрѣ же предпринято было наступленіе, и около 10 часовъ цѣпь подвинулась впередъ по скату, къ самой рѣчкѣ. Цѣпь 2-й роты составляла центръ; подойдя къ рѣчкѣ, она очутилась на совершенно открытой мѣстности, шаговъ на двѣсти отъ турокъ. Ни одного куста, ни одной ямки, никакой савадни мѣстности, гдѣ бы можно было залечь! Правѣе и лѣвѣе ея, правда, находились кустарники, но тамъ была цѣпь другихъ ротъ (2).

Недолго думая, штабъ-капитанъ Букинъ приказалъ цѣпи идти въ воду и засѣсть въ рѣчкѣ, подъ прикрытіемъ невысокаго претиво-положнаго, обрывистаго ея берега. 1-я рота, находясь на правомъ флангѣ, заняла пустую, брошенную деревушку, состоявшую изъ деревянной мечети и нѣсколькихъ домовъ, и неглубокую канаву, вырытую вокругъ ея, и протянула цѣпь по рѣчкѣ Ачуа влѣво, до соединенія съ цѣпью второй роты. Въ этомъ мѣстѣ рѣчка и высоты, занятыя противникомъ, дѣлають изгавъ, какъ бы охватывая правый флангъ 1-й роты.

Неприятель воспользовался этижъ и перекрестнымъ огнемъ на-

(1) Довесеніе генерала Шелеметьева о дѣлѣ 29-го апрѣля.

(2) Походный журналъ 2-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона.

сильно пронизывал мечеть и саклю. Командир роты капитанъ Дебелъ, видя, что люди не находятъ въ нихъ закрытiя, приказалъ выйти и построить изъ досокъ и бревенъ ложементы.

Одинъ заводъ 4-й роты, бывшей на лѣвомъ флангѣ, подошла къ самой рѣчкѣ, залегъ въ находившіеся здѣсь кустарники, но такъ какъ пули противника, сыпавшіеся здѣсь градомъ, пронизывали всѣ кусты, которые только скрывали, но не защищали, то люди ибѣтшиися у нихъ ибѣсельными ловзтами вырыли стрѣлковыя ложементы для стрѣльбы лежа.

Противъ цѣли 4-й роты, р. Ачука и лежащія за нею высоты, занятыя противникомъ, дѣлають нагибъ почти подъ прямымъ, исходящимъ къ намъ угломъ. Воспользовавшись этимъ, прапорщикъ Ивановъ загнулъ лѣвое плечо цѣли по рѣчкѣ и продольнымъ огнемъ обстрѣливалъ саклю и саклю, стоящую на немъ, въ которой засѣли турки. Этотъ маневръ оказался весьма дѣйствительнымъ: турки очистили саклю. Резервъ (3-я рота и три завода 4-й) оставался расположенъ въ канавѣ, позади цѣли шаговъ на двѣсти.

Высоты, занятыя турками, на всемъ протяженіи командовали берегомъ р. Ачука, занятымъ нашей цѣлью, и представляли превосходныя закрытiя за разбросанными по нимъ домами и за громадными фруктовыми деревьями на гребнѣ, соединенными между собою ложементами изъ бревенъ и досокъ.

Вся позиція ихъ была покрыта сплошнымъ дымомъ и гремяла неумолкаемыми выстрѣлами, сливавшимися въ одинъ общій гулъ. Видно было, что противникъ стрѣлялъ суетливо, воодушевлялъ себя громкими, пронзительнымъ гикомъ и врякомъ «Алла». Ибѣскольکو разъ огонь турокъ почти совсѣмъ стихалъ, но чрезъ немного минутъ съ болѣею силою разражался по всей линіи, предшествуемый громкими криками.

Цѣль неоднократно порывалась броситься въ атаку, но отдалнное приказаніе «остановиться на мѣстѣ и ждать» останавливало ее. Въ цѣли, наконецъ, патроны начали истощаться; 2-я рота почти всѣ ихъ выпустила. Подвести ихъ не было возможности, такъ какъ саади цѣли некатость, поднимавшаяся къ канавѣ, гдѣ находилась резервъ, была совершенно открыта, и люди, посылаемые за патронами, бывали или убиты, или ранены. Удавались частныя попытки, гдѣ сказывалась удача и молодечество нашего солдата, но это было недостаточно.

Чтобъ поддержать огонь 2-й роты, у которой онъ началъ ослабѣвать за иеиѣйнемъ патроновъ, изъ резерва былъ вызванъ заводъ

3-й роты в небольшой лесок, сзади ей. Огонь из леса внимание турок было отвлечено от 2-й роты, а в это время успели в ней поднять патроны и вынести некоторых раненых, которые, за неимением более безопасного места, находились в подл, защищенные невысокими обрывистыми берегами.

Переаэлочный пункт находился около леса, лѣвѣ батареи, за возвышенностью.

Около 11^{1/2} часовъ, когда огонь противника, видимо расстроеннаго огнемъ артилеріи и цѣли, ослабѣлъ, цѣль 4-й роты была отозвана въ резервъ и вся рота переведена на правый флангъ, за батарею, откуда впередъ была выдвинута по дорогѣ черезъ рѣчку Ачхуа на высоты, съ цѣлью одного изъ своихъ заводовъ.

Одновременно съ этимъ генералъ Шелеметьевъ приказалъ 1-й и 3-й ротамъ также двинуться на высоты и ударомъ въ штыки выбить непріятеля изъ занимаемой имъ позиціи; 2-й ротѣ приказано остаться на мѣстѣ и усиленнымъ огнемъ поддержать движеніе. Роты быстро пошли въ атаку, но противникъ не выждалъ ихъ и, послѣ короткой стрѣльбы, не причинившей намъ (по беспорядочности своей) почти никакихъ потерь, быстро отступилъ, преслѣдуемый огнемъ ротъ, занявшихъ высоты. Преслѣдовать далѣе турокъ не было возможности, не зная мѣстности, взрѣзанной по всѣмъ направленіямъ громадными балками, заросшими трудно проходимымъ лесомъ. Поэтому баталіонъ былъ остановленъ, остановлена была и вся колонна.

Отъ стрѣлковаго баталіона были выдвинуты лишь цѣли для того, чтобы войти въ связь влѣво съ колонной генерала Денибеова. На высотахъ, занятыхъ баталіономъ, раскинуто было десятка два домовъ, тонувшихъ въ зелени. За закрытіями изъ досокъ и бревенъ, устроенными противникомъ, находились массы выстрѣльнныхъ гильзъ всевозможныхъ системъ.

Луки крови показывали, что огонь нашъ былъ весьма дѣйствителенъ. Нѣсколько труповъ было оставлено непріятелемъ, не успѣвшимъ захватить ихъ.

Такъ кончился день 29-го для правой колонны. Она понесла значительно меньшія потери и достигла тѣхъ же результатовъ. Весь бой въ колоннѣ велся осмысленно; части находились въ рукахъ у начальниковъ, приращеніе къ мѣстности походнаго и боеваго порядка было прекрасное, въ чемъ и заключалась главнал причина ничтожныхъ потерь. Мѣстность у правой колонны больше способствовала порядку, и непріятель былъ малочисленнѣе.

Заканчивая этимъ описаніе боя 29-го апрѣля, трудно себѣ составить вѣрное понятіе о численности непріятеля, по всей хуну-убанской позиціи; показаніе жителей, величина фронта позиціи и свидѣнія, добытыя лазутчиками, все это опредѣляетъ численность непріятеля до 4,000, изъ коихъ подъ начальствомъ Али-наши Таудгерде до 1,000 кобулетцевъ, 800 махальцевъ, 800 лавовъ и подъ начальствомъ Елинъ-Бей-Хаджи-Хайнъ-Оглы, самаго богатаго лавскаго бека, 800 чакцевъ, 250 черкесовъ и проч.

VI.

Періодъ устройства и расположения на Худь-Убанской позиціи съ 29-го апрѣля по 16-е мая.

Операции, предшествовавшія отряду по занятіи Худь-Убани.—Чувствительность операционной линіи.—30-е апрѣля.—Двоякій пурганъ на берегу р. Ачука-стани.—Значеніе его по охраненію нашихъ сообщеній съ Муха-Эстате.—Хутора Худь-Убанскаго гребня, обращенные къ Муха-Эстате.—Проплаваніи великаго князя пампсетяка.—На Демябековѣхъ курганѣ.—Развалины православнаго храма св. Троицы.—Вадъ на Цахведари.—1-е и 2-е мая.—Ночная тревога съ 3-го на 4-е мая.—Дѣятельность 2-го Кавказскаго сапернаго баталіона.—Недостатокъ офицеровъ генеральнаго штаба.—Диспозиція для перемѣщенія отряда.—9-е мая.—Преобразованиемъ на Худь-Убани.—Расположеніе войскъ къ 10-му мая.—Зачтеніе резервной колонны полковника Прица.—Перестрѣлка съ абадеханами.—Редутъ на Муха-Эстате.—Полтава на листы № 6-го, № 7-го и № 8-го.—Природа и жизнь по берегу р. Квентриши.—Историческая Квентришская поляна.—Исторія вѣнскихъ операций противъ Цахведари въ 1829 г.—14-е мая.—Занятіе праваго берега р. Квентриши на правомъ флангѣ Худь-Убани авангардомъ правой колонны.—Обстрѣливаніе кобулетцами расположенія штабовъ.—Образованіе охотничьихъ командъ.—Приказаніе о движеніи впередъ 16-го мая.

По утвержденіи передовыхъ войскъ двѣюй колонны на гребнѣ Худь-Убани 29-го апрѣля, отряду предстояло для расположенія и устройства на этомъ гребнѣ, наполнявшемъ пространство между р. Ачука-стани и Квентришью, цѣлый рядъ дѣйствій, требовавшихъ значительнаго времени и массы рабочихъ рукъ, а именно надлежало:

1) Расположить передовыя войска обѣихъ колоннъ въ двухъ завѣтныхъ ния пунктахъ такъ, чтобы обезвечить отъ обратнаго захвата неприятелемъ необходимаго и важнаго Демябекова кургана и ближайшихъ къ нему отроговъ.

2) Подкрѣпить эти передовыя войска для той же цѣли.

3) Исслѣдовать всю эту дикую полосу, совершенно намъ неизвѣстную, не имѣющую дорогъ, заросшую и пересѣченную, съ цѣлью: а) намѣтить кратчайшіе и удобнѣйшіе пути отъ первой промежуточной базы — позиціи — Муха-Эстате до вновь занятого гребня, который составитъ продолженіе нашего главнаго операціоннаго пути; б) намѣтить путь сообщенія между двумя пунктами (участками), частью занятыми, частью подлежащими быть занятыми въ ближайшемъ будущемъ передовыми войсками колоннъ, такъ какъ до сихъ поръ между двумя колоннами прямого сообщенія не было никакого; в) намѣтить еще и другіе пути для облегченія сношеній вдоль и поперекъ гребня, густо заросшаго тропической флорой.

4) По исслѣдованіи гребня и выбора путей намѣтить мѣры для обезпеченія путей сообщенія (операціонной линіи) съ Муха-Эстате, такъ какъ пути эти, направляясь между лѣсистымъ пространствомъ слѣва, наводненными жителями, и береговой полосой справа при условіи владѣнія турками моремъ, были крайне чувствительны: слѣва изъ глубины лѣсистыхъ трущобъ верховья р. Ачуа-стави всегда можно было ожидать нечаянныхъ нападеній днемъ и ночью жителей, а справа, помощью высадки у устьевъ Кинтриши, или въ Ниж. Бобулетахъ, можно было ожидать угрозъ самому Муха-Эстате или же гдѣ-либо выше, или ниже.

5) Далѣе, слѣдовало выбрать мѣсто для окончательнаго расположенія войскъ на позиціи-бивакѣ, на гребнѣ, фронтами къ Кинтриши, имѣя главнымъ образомъ въ виду конечную цѣль расположенія — наступленіе за Кинтриши, съ цѣлью захвата слѣдующаго гребня.

6) Выбрать мѣсто для расположенія артилеріи и возведенія батарей, при условіи: а) возможности обстрѣливать противоположный берегъ, покровительствуя огнемъ артилеріи предстоящему переходу колоннъ р. Кинтриши; б) скрытности и безопасности расположенія.

7) Намѣченные пути разработать для безпрепятственнаго движенія артилеріи и обозовъ.

8) Насыпать батарей для артилеріи.

9) Перевести остальные войска и всю артилерію (не въичную) на новыя позиціи.

10) Кромя того, высоты Муха-Эстате надлежало еще укрѣпить возведеніемъ укрѣпленій, такъ какъ главныя силы, которыя должны были находиться на Хуцъ-Убани и Муха-Эстате, слѣдовало обезпечить отъ нечаянныхъ нападеній и захвата открытой силой.

Успѣхъ всѣхъ вышеописанныхъ операций зависѣлъ, прежде всего, отъ погоды: дороги, проводимыя войсками въ глинистомъ грунтѣ, отъ малѣйшаго дождя могли бы придти весьма быстро въ полосу глубокой грязи, непроходимой для артилеріи и обозовъ, трудно проходимая для черноводарскихъ интендантскихъ транспортовъ; такимъ образомъ дожди могли бы задерживать всѣ эти операции на долгое время, и турки имѣли бы на своей сторонѣ огромный выигрышъ времени.

Успѣхъ зависѣлъ бы также отъ того, будутъ-ли жители насъ беспокоить саѣва, съ горъ, или нѣтъ, и будутъ-ли турки серьезно пытаться угрожать намъ со стороны береговой дороги на пространствахъ отъ Николаевска до устья Кинтриши. Обстоятельство это было особенно серьезно, и турки имѣли большія къ тому средства: страшноватая и пересѣченная мѣстность и необходимость методической системы дѣйствій съ нашей стороны отодвигали всякое съ нашей стороны серьезное покушеніе противъ Цихисдаира на долгое время, и непріятель, владѣя моремъ, могъ ударить на насъ въ любой точкѣ нашей операціонной линіи, высаживая войска, взятые изъ Батума и Цихисдаира, нисколько не рискуя оставить эти пункты безъ защиты: они были защищены мѣстностью и жителями.

По совершеніи всѣхъ вышеуказанныхъ операций съ нашей стороны заканчивалась дѣятельность отряда по расположенію и устройству новой позиціи-базы, и оставалось бы только совершить новый переходъ впередъ на гребень, наполнявшій своими отрогами пространство между рѣками «Кинтриши» и «Кинтшиш» и составлявшій послѣднюю позицію передъ верками Цихисдаира.

Рано утромъ 30-го апрѣля въ помещеніе артилерійскаго штаба заглянулъ начальникъ штаба отряда, полковникъ Казбекъ, съ приглашеніемъ поѣхать съ нимъ на взятые вчера позиціи, причемъ онъ предварялъ, что поѣздка будетъ продолжительная, такъ какъ онъ хочетъ объѣхать весь гребень Хунъ-Убани и побывать въ мѣстахъ расположенія обѣихъ колоннъ.

Въ 7 часовъ утра полковникъ Филимоновъ съ своими двумя адъютантами присоединился къ начальнику штаба, котораго сопровождали: полковникъ кн. Григорій Гуріель, Пиранъ Беридзе, проводникъ кобузетецъ и осетинъ—нунеръ Казбева.

Погода была превосходная, и мы съ большимъ интересомъ и любопытствомъ подвигались рысью по той самой дорогѣ, по которой наванушъ двигалась дѣлая колонна; перешли въ бродъ р. Ачкустава и поднялись по узенькой тропкѣ, заваленной на каждомъ поворотѣ гигантскими бревнами вѣковыхъ чинаровъ или дубовъ. Под-

ившись наверхъ, мы ощутили въ лѣсу совершенно дѣйстви-
тельномъ, вѣковомъ; повернули влѣво и ощутили на лѣсистомъ кур-
ганѣ, на которомъ побывали и въ день 29-го апрѣля съ войсками
лѣвой колонны, — здѣсь были временно расположены роты Заваталь-
скаго полка и вьзодъ горныхъ пушекъ, насыпаны ложементы; кру-
гомъ, кое-гдѣ, расчищена для наблюденія и обстрѣла мѣстность и
выставлены отдѣльные наблюдательно-оборонительные посты по скату
и вьвиду въ сторону лѣсистыхъ трущобъ верховья р. Ачуа-става,
оставшагося въ рукахъ жителей.

Все эти мѣры по укрѣпленію и охраненію лѣсистаго кургана бы-
ли вполнѣ цѣлесообразны; по своему выдающемуся, отдѣльному и воз-
вышенному положенію и по расположенію у дороги изъ Муха-Эстате
въ Хуць-Убани онъ представлялъ важную точку, опорный пунктъ
по охраненію нашихъ сообщеній.

Начальникъ штаба внимательно выслушалъ старшаго ротнаго
командира, докладывавшаго ему обо всемъ замѣченномъ вечеромъ
29-го апрѣля и раннимъ утромъ 30-го; оказалось, что въ этой сто-
ронѣ, на востокъ отъ кургана, видны многіе хутора и селенія, слыш-
ны голоса, замѣчено движеніе и что по всемъ признакамъ тамъ со-
брались жители, отброшенные взятіемъ Хуць-Убани въ горы.

Начальникъ штаба сообщилъ здѣсь офицерамъ важное значеніе
пункта и, пожелавъ имъ всякаго благополучія, побѣхалъ дальше.

Домики лѣсистаго кургана изъщипы, изъ крѣпкаго, красиваго де-
рева, были заняты офицерами и нижними чинами. Съ высоты кур-
гана открывался прелестный видъ, и вообще весь курганъ походилъ
на дачу подъ тропиками.

Мы подвигались теперь, узенькой дорожкой, уже по отрогамъ
Хуць-Убани; съ дорожки этой безпрестанно сворачивали тропки впра-
во, и когда мы слѣдовали имъ, то влѣзали на курганчики, обса-
женные гигантскими деревьями, обставленные полуразрушенными на-
шиятъ артиллерійскимъ огнемъ домиками и садами гранатовыхъ и фи-
говыхъ деревьевъ. Весь хребетъ этотъ былъ густо заселенъ, и это
были тѣ самые домики и хаты, въ которыхъ кипѣла жизнь во дни нашей
муха-эстатской стоянки; на одинъ изъ такихъ холмовъ и влѣзали
севастопольцы и гурійцы 29-го апрѣля. Съ этихъ холмовъ открыва-
лся чудный видъ, но уже не въ ту сторону, какъ съ лѣсистаго
кургана, а на море и на нашъ Муха-Эстатскій бивакъ-лагерь. Вьвиду
у крутой подошвы струилась Ачуа-става.

Каждый разъ, какъ мы влѣзали на одинъ изъ такихъ угол-
ковъ, мы останавливались, пораженные чудеснѣйшими видами, какіе

гдѣ-либо существуютъ; мы всё забывались въ эти минуты и неохотно разставались съ этими райскими уголками, созданными для пользования видами, воздухомъ и вообще для наслажденія прелестями природы Лазистанскаго санджака.

На домахъ, на вѣковыхъ деревьяхъ и на лужайкахъ передъ домиками—вездѣ видѣлись слѣды дѣйствія нашихъ гранатъ и шаровъ. Нѣкоторые изъ домиковъ представляли только обгорѣлые столбы,—дѣло гурійцевъ въ первую минуту взятія Хуль-Убани, предававшихъ огню жилища своихъ вѣковыхъ враговъ мусульманъ — кобулетцевъ; впоследствии такое истребленіе было остановлено.

Гуманный и мягкій князь Григорій Давыдовичъ Гуріель съ грустью смотрѣлъ на это разореніе: «Въ чему это», говорилъ онъ, «кого мы хотимъ удивить? Если мы хотимъ склонить жителей на свою сторону, то не истребимъ ихъ жилища мы этого достигнемъ».

Какъ ни правъ былъ полный благородства и любви къ ближнимъ кн. Гуріель, но, съ другой стороны, эти уголки и представляли для жителей опорныя точки, и прибитыя къ дверямъ домовъ и хатъ прокламаціи великаго князя намѣстника «къ жителямъ Аджаріи и Кобулетъ» краснорѣчиво свидѣтельствовали, что приглашеніе наше жителямъ не принимать участія въ нашей войнѣ съ Турціей было имъ хорошо извѣстно; воззванія эти (*) были изложены на трехъ языкахъ: русскомъ, грузинскомъ и турецкомъ и какъ бы въ насмѣшку были выставлены на дверяхъ домовъ и хатъ.

Чѣмъ дальше ѣхали мы и чѣмъ чаще заглядывали въ такіе уголки, тѣмъ сохраннѣе представлялись они, а виды, открывавшіеся изъ нихъ, захватывали все больше и больше въ сторону Цихмедзири; видно было уже и устье Кантриши съ дежурнымъ броненосцемъ, но Цихмедзири еще не было видно.

(*) Воззваніе это было слѣдующаго содержанія:

«Жители Аджаріи и Кобулетъ!

«По воли Государя Императора Всероссийскаго, воина върнопой кнѣ Кавказской арміи вступають въ предѣлы нашей страны. Не для обиды мирныхъ жителей обличивъ мечъ свой благодушный и человеколюбивый Монархъ, не въ угнетеніи безоружныхъ ищетъ онъ славы своего оружія: онъ направляетъ его въ защиту угнетенныхъ и въ обузданіе угнетателей. Онъ хочетъ огражденія правды и человеческого права.

«Поэтому не угрозой намъ, мирнымъ жителямъ, являются въ ваши предѣлы воины русскаго Государя,—идтъ, всякаго изъ васъ кто поступилъ своими не выказавъ себя врагомъ нашимъ, будемъ мы считать другомъ и будемъ ограждать его семью и достоиніе. И да послушны пребываніе русскихъ войскъ въ странѣ вашей не во взаимной враждѣ и озлобленіи, а въ утѣшенію духовной связи и сближенію нашему съ вами, еднимъ благороднаго картвельскаго племени, братья по крови всегда вѣрныхъ и любимыхъ подданныхъ русскаго Императора».

Объѣхавъ гребень этотъ, мы еще разъ спустились въ густо заросшую чащу, изъ которой 15 минутъ выбирались на крутой подъемъ, и наконецъ поднялись на высокой курганъ, долженствовавшій, по словамъ полковника Казбека, по своему возвышенному, господствующему положенію, составить ключъ нашей хуць-убанской позиціи.

Курганъ этотъ, названный въ честь хозяина лѣваго фланга «*Денибековымъ курганомъ*», представлялъ изъ себя плоскую вершину, обсаженную великолѣпными столѣтними липами, дерева рѣдкаго въ Черноморскомъ побережьи; здѣсь же, въ центрѣ, подъ липами разбитыя развалины христіанскаго храма св. Георгія, а немного дальше и остатки кладбища; большая часть великолѣпныхъ мраморныхъ плитъ разбросана турками на свои собственные кладбища. Здѣсь же, на этомъ кладбищѣ, похоронена родная тетка килан Григорія Давыдовича Гуріела, — обстоятельство, показывающее то недалекое прошлое, когда кобулетцы были православные христіане, а теперь, въ короткій срокъ, сдѣлались фанатиками ислама.

На самой большой липѣ кургана саперы изрѣзали день, число и годъ занятія кургана и имя, данное ему въ честь начальника лѣваго фланга.

Пока курганъ занятъ былъ стрѣлками 1-го и 2-го баталіоновъ, гурійцами и пастунами, послѣдніе спустились немного направо и сторожили съ этой стороны. Площадка кургана по краямъ густо обставлена деревьями и только мѣстами, сквозь окна, прорубленныя саперами въ густой листвѣ, открываются панорамы чудесныхъ видовъ на Цихисдзирѣ, съ его безконечными верками и вершинами, на юге, береговую дорогу и т. д. Эти окна чрезвычайно оригинальны и придаютъ кургану видъ обширной комнаты, стѣнами которой служатъ живые деревья, перевитыя плющемъ и лианами. Черезъ эти окна мы впервые, повернувъ другого гребня, по ту сторону Килтриши, увидѣли Цихисдзирѣ, представлявшееся также давнишнѣмъ гребнемъ, параллельнымъ Хуць-Убанскому; на вершинѣ одной желтой, обожженной вершинки можно было въ бинокль увидѣть работающихъ на верхахъ турокъ.

Цихисдзирскій гребень тянулся въ горы постепенно возвышался и всюду былъ застроенъ укрѣпленіями; особенно много ихъ было и особенно сложна система ихъ казалась у берега моря, у устья Килтриши, что и составляло старинное мѣсто крѣпости.

Въ сущности, осматривая Хуць-Убани, приходишь къ заключенію, что и здѣсь можно было устроить своего рода Цихисдзирѣ, разница лишь въ томъ, что гребень Цихисдзирскій заканчивается скалой у

самаго берега моря, что связывает его съ моремъ, закрывая прибрежную дорогу, тогда какъ Хуць-Убанскій гребень къ морю сильно понижается и въ нижней своей части сливается съ береговымъ платномъ, вслѣдствіе чего у берега моря открытъ, доступенъ и проходимъ.

На курганѣ были и четыре горныхъ орудія подъ командой штабсъ-капитана фонъ-Климана, оставшагося теперь, за выбитіемъ командира и старшаго послѣ него офицера, командующимъ батареей; горныя пушечки, единственно возможная артилерія первое время для кургана, помѣщались въ вырытыхъ наскоро ложементахъ и, направленные своими дулами въ сторону Цихисдзири, представляли курьезную угрозу веркамъ турецкой первоклассной крѣпости, вооруженной орудіями береговыхъ калябровъ.

Съ кургана мы спустились внизъ и направились въ правую колонну, но не кратчайшимъ путемъ, а сдѣлали большой обходъ низомъ. Во всякомъ случаѣ трудно было сообразить въ этомъ хаосѣ дѣсятыхъ высотъ, базокъ, спусковъ и подъемовъ, гдѣ мы въ данную минуту, въ какомъ направленіи море, Цихисдзири, Муха-Эстате и т. д.

Насъ велъ проводникъ-кобулетецъ, и развѣ только полковникъ Каабекъ, долго изучавшій мѣстность съ Муха-Эстате и уже побывавшій въ дѣнь 29-го апрѣля здѣсь, и тамъ, немного тверже ориентировался.

Прибывъ, наконецъ, послѣ долгой ѣзды къ правой колоннѣ, мы побывали только на участкѣ одного баталіона Александропольскаго полка, гдѣ были встрѣчены командиромъ баталіона, подполковникомъ флигель-адъютантомъ Заалъ Шавленячемъ Теріешымъ (*).

Здѣсь было уже мѣсто значительно ниже холмовъ лѣваго фланга, но лѣвая чаща была не меньше; тѣ же азиатскія капитановыя домики, тѣ же слѣды артилерійскаго огня, но въ ничтожномъ сравнительно видѣ. Домики всѣ были цѣлы; мѣстами валялись бомбы съ броненосцемъ, которые пускались наудачу въ войска правой колонны 29-го апрѣля.

Отсюда мы вернулись обратно къ себѣ доной на Муха-Эстате по тому пути, по которому 29-го апрѣля наступала правая колонна.

Дни 1-го и 2-го мая стояла прекрасная погода; войска пользовались ею и, подъ руководствомъ саперовъ 2-го баталіона, повсюду кипѣли работы; всюду на дорогѣ къ Хуць-Убани, вплоть до р. Ачкун-

(*) Бывшій командиръ 1-й роты 14-го Лейбъ-Граванскаго Его Величества полка, кавалеръ пяти георгіевскихъ крестовъ; четырехъ солдатскихъ и офицерскаго 4-го класса.

стави и дальше, разрабатывали дорогу, а на Хуцъ-Убани расширялось мѣсто.

Также дѣлательно подвигались работы и въ правой колоннѣ.

Кромѣ этихъ землекопныхъ работъ, поглощавшихъ весь людъ отряда, гурійцы вѣтло, а пластуны вправо отъ Денибекова кургана, ошупывали дѣсь. Цѣнь постовъ нашихъ, располагавшаяся впереди Денибекова кургана, спускалась почти вплоть до р. Кинтриши; въ цѣли перестрѣлка была рѣдкимъ явленіемъ: съ обѣихъ сторонъ дѣйствовали скрытно и осторожно.

У пластуновъ были кое-какіе случаи, о которыхъ ходили въ отрядѣ разнообразныя слухи: захватили и вырѣзали турецкій пикетъ и благополучно удрали, побывали на той сторонѣ Кинтриши и обшарили какую-то хату, многіе изъ нихъ имѣли уже и кобулетскіе книжалы и турецкія фески. Кобулетцы, да и гурійцы уважали это войско и называли ихъ «червесь-солдаты».

День 3-го мая былъ также хорошій и имъ также дѣлательно пользовались для проваводства тѣхъ же работъ. Артилерія продолжала пребывать на своихъ позиціяхъ въ ожиданіи дорогъ, поглощенная хлопотами о фуражѣ; теперь вопросъ этотъ разрѣшался значительно легче; дороги сухія, присоединился обозъ, и регулярными рейсами въ Оаургеты вѣсѣхъ наличныхъ фургоновъ пополнялся запасъ сѣна и фуража.

Начальникъ штаба каждый день былъ на различнаго рода развѣдкахъ и рекогносцировкахъ; саперы производили рекогносцировку тропинокъ и дорожекъ на позиціи и приступали къ рекогносцировкѣ Кинтриши.

Начальникъ штаба правой колонны, капитанъ Левашовъ, ошупывалъ всю мѣстность впереди и въ стороны расположенія своей колонны и, какъ кажется, одна изъ такихъ ночныхъ рекогносцировокъ капитана Левашова перелугала гарнизонъ Цихисдзари и произвела тревогу и въ нашемъ лагерѣ; я говорю, какъ кажется, такъ какъ до сихъ поръ неизвѣстна навѣрное причина ночной тревоги, во обстоятельства дадутъ поводъ думать, что причиной тому была ночная побѣда названнаго офицера генеральнаго штаба.

Вечеромъ 3-го мая послѣ дневныхъ хлопотъ все улеглось, какъ вдругъ, часу въ 12-мъ, въ сторонѣ правой колонны, загремѣли въ ночной тиши орудія и послышалась неумолкаемая ружейная трескотня. Я выскочилъ изъ палатки и бросился узнавать въ штабъ, въ чемъ дѣло; тамъ всѣ были на ногахъ; какъ только я обратился къ начальнику штаба, онъ сейчасъ же просилъ меня немедленно пустить

три ракеты. Штабъ былъ увѣренъ, что турки атакуютъ нашихъ два авангарда, но какой именно—миѣни расходились: одни утверждали, что правый, другіе—что лѣвый. Я бросился бѣгомъ въ расположеніе нашего штаба и съ обрыва крикнулъ ракетную команду, расположенную на высотѣ черезъ оврагъ противъ насъ; миѣ отыгнулъ фейерверкеръ, и тогда одна за другой вынеслись вверхъ три сигнальныя ракеты.

Ночь была темная, тихая, и хотя трескотня ружей и гулъ орудій не утихали, но ракеты были всюду видны и слышны; отрядъ становился въ ружье. Я отправился снова въ штабъ ожидать извѣстій изъ нашихъ авангардовъ; полковникъ Филимоновъ боялся за судьбу 2-й батареи 19-й бригады, бывшей въ составѣ праваго авангарда и, какъ всѣмъ тогда казалось, энергично стрѣлявшей.

Въ темнотѣ раздался спокойный голосъ полковника Казбека: «капитанъ баронъ Зальца! поѣжайте въ правую колонну, узнайте подробно у генерала Шелеметьева въ чемъ дѣло и скорѣе возвращайтесь назадъ».

Не успѣлъ баронъ Зальца отѣхать отъ Муха-Эстате, какъ этотъ адскій огонь внезапно прекратился, и вновь наступилъ мракъ и полная тишина. Поздно ночью вернулся баронъ Зальца, привезъ извѣстіе, «что въ правой колоннѣ никакой тревоги не было, что генералъ Шелеметьевъ самъ не знаетъ набѣрно причины переполоха турокъ и что огонь этотъ, какъ орудійный, такъ и оружейный, веденъ былъ съ верховъ и съ ложементовъ Цихисдзири подъ вліаніемъ, очевидно, какой-то паники, и что паника эта могла быть слѣдствіемъ развѣдки капитана Левашева, производимыхъ имъ у Кинтриши въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ проводниковъ».

Остальная часть ночи прошла совершенно покойно.

На другой день, 4-го мая, пріѣхалъ въ отрядъ генераль-маіоръ Толстой и привезъ присланные Великимъ Княземъ знаки отличія военнаго ордена чинимъ отряду за 29-е апрѣля.

Въ 10 часовъ утра на площадкѣ передъ штабомъ выстроились кавалеры отъ всѣхъ частей отряда, и командующій войсками передалъ собравшимся «спасибо Великаго Кнзя за молодецкое дѣло 29-го апрѣля»; громкое и дружное «ура» будущихъ кавалеровъ огласило окрестности. Затѣмъ командующій войсками собственноручно приказывалъ кресты отличившимся. Всего было роздано 50 знаковъ отличія военнаго ордена.

Послѣ этой раздачи кавалеры немедленно со своими командирами вернулись обратно на свои биваки.

Ночная тревога заставила принять предосторожности къ безопасности наших авангардовъ, которые (особенно правый) могли быть ночью атакованы превосходными силами; опасно было положеніе и дѣвой колонны: движеніемъ 29-го, по свѣдѣніямъ въ штабѣ, часть оборонявшихъ Хуць-Убани была отрезана и отброшена влѣво отъ насъ; ходила неопредѣленный слухъ, что, кромѣ жителей, влѣво въ дѣсистыхъ трущобахъ притаились и два табора низама. Вслѣдствіе всего этого были приняты мѣры къ усиленію нашихъ колоннъ, занимавшихъ Хуць-Убани, и усиленію работъ по окончанію разработки дорогъ и подготовки хуць-убанской позиціи въ инженерномъ отношеніи вообще.

Какъ ни былъ ничтоженъ по пространству театръ военныхъ дѣйствій кобузетскаго отряда, но наступательныя его операціи требовали много войскъ. Характеръ природы и войны представлялъ совершенную аналогію съ наступательными операціями Кавказской войны: та же мѣстность и тѣ же войны-жители, но къ этому надо прибавить: море, находящееся въ полномъ пользованіи непріятеля, усиленіе значительными регулярными войсками, сильнѣйшую крѣпость, примыкавшую однимъ флангомъ къ морю и другимъ къ горы Аджаріи, и возможность, пользуясь близостью Константинополя (18 часовъ ѣзды моремъ), Трапезунда (10 часовъ ѣзды), Сивова, Батука и удобствомъ морскаго воднаго пути, сосредоточивать любыя силы въ наиболѣе угрожаемомъ пунктѣ.

Намъ были необходимы отряды и въ Пети, и въ Николаевскѣ, и въ Озургетахъ; были необходимы сильныя, самостоятельныя оборонительныя пункты и посты вверхъ по Чолоку и для прикрытія со стороны горъ, начиная отъ Чахатауръ и Нагамари, далѣе въ Богили, на дорогѣ отъ Чолока до Муха-Эстате и наконецъ прикрытіе дороги отъ Муха-Эстате до Хуць-Убани, и тѣмъ далѣе бы мы подвигались впередъ, тѣмъ больше было бы необходимо имѣть войскъ; эта особая чувствительность операціонной линіи поражаетъ при ея ничтожной длинѣ до 30—32 верстѣ. Если при этомъ взять въ расчетъ еще и громадные труды по устройству пути и позиціи, то станетъ ясно, что лишннихъ солдатъ въ отрядѣ не было.

Мы ждали подкрѣпленія, и они прибывали постепенно.

Но разъ мы взяли направленіе на Цихедзіри, надо было подвигаться впередъ возможно скорѣе.

Къ 8-му мая заканчивалась подготовка путей и позиціи, благодаря энергіи и разумной дѣятельности 2-го кавказскаго сапернаго

баталіона, который для операціи кобузетскаго отряда составлялъ элементъ столь же необходимый, какъ кавалерія въ степномъ походѣ.

Опыты кампаніи указываютъ, что при дѣйствіи на подобнаго рода мѣстностяхъ отряда данной числительности одного сапернаго баталіона далеко недостаточно. Прекрасный составъ офицеровъ баталіона (военно-научно подготовленныхъ) давалъ возможность поручать имъ развѣдки, рекогносцировки, осмотры и т. п. рода дѣятельности, такъ какъ на отрядъ, числительность котораго въ средній маѣ доходила до 30-ти баталіоновъ, 56-ти орудій и семи сотенъ, было всего два офицера генеральнаго штаба: полковникъ Казбекъ и капитанъ Левашевъ.

Что же касается тыла отряда, до гурійскаго отряда, охраненія прѣбрежья до Поты, то здѣсь не было въ распоряженіи штаба ни одного офицера генеральнаго штаба.

Къ концу мая въ организаціи отряда являлись измѣненія: должность начальника штаба войскъ края отдѣлена отъ должности начальника штаба отряда; полковникъ Казбекъ, оставшійся главнымъ дѣятелемъ операціи, назначался начальникомъ штаба кобузетскаго отряда, а начальникомъ штаба войскъ края былъ назначенъ генеральнаго штаба генераль-маіоръ Краевичъ, авторъ «Военнаго обозрѣнія при-Ріовскаго края». Такъ какъ отрядъ получалъ теперь отдѣльную организацію, то бывший начальникъ лѣвой колонны генераль-маіоръ Денибековъ становился начальникомъ кобузетскаго отряда.

Командующій войсками продолжалъ оставаться при отрядѣ, лично направляя его операціи, и въ сущности ничего не перемѣнилось, такъ какъ связь, установившаяся между генераломъ Окложію и полковникомъ Казбекомъ, въ силу первоначальной дѣятельности отряда продолжала существовать.

Къ этому же времени прибылъ въ отрядъ, бывший начальникомъ гурійскаго отряда, флигель-адъютантъ полковникъ Гурчинъ, командиръ кавказской стрѣлковой бригады, и назначенъ былъ начальникомъ лѣвой колонны. Начальникомъ штаба лѣвой колонны былъ назначенъ, тоже только что прибывшій въ отрядъ, генеральнаго штаба капитанъ Шатиловъ.

Такимъ образомъ теперь объ колонны имѣли начальниками штабовъ офицеровъ генеральнаго штаба; нечего и говорить, насколько выиграло бы дѣло, если-бы таковой для лѣвой колонны былъ съ начала военныхъ дѣйствій.

Между тѣмъ для отряда наступала эпоха общаго передвиженія на Хуць-Убани, а именно: штабовъ войскъ края и отряда, всей по-

левой артилеріи и остальной массы войск по слѣдующему распорядку, объявленному въ приказѣ по отряду на 9-е мая:

«Начальникъ отряда возводитъ приказать привести въ исполненіе слѣдующія распредѣленія въ кобулетскомъ отрядѣ: лѣвая колонна подъ начальствомъ полковника флигель-адъютанта Гуріила собирается на Денизбековскомъ курганѣ въ составѣ: 1-го и 4-го кавказскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ, 3-го и 4-го батальоновъ Севастопольскаго полка (19-й дивизіи), Гурійской дружины Пластунскаго батальона, 2-й бат. 19-й, 1-й и 6-й бат. 41-й артилерійскихъ бригадъ; 1-го дивизиона 3-й батареи 41-й артн. бригады. Итого 6 батальоновъ, 28 орудій.

Правая колонна генералъ-майора Шелеметьева собирается на мѣстѣ нынѣшняго расположенія авангарда правой колонны въ составѣ: 2-го Кавк. стрѣлковаго батальона, 1-го и 4-го батальоновъ Александропольскаго полка, 1-го и 2-го батальоновъ Ленкоранскаго полка, 2-й и 4-й батареи 41-й артн. бригады, 2-хъ сотень кавалеріи. Итого 5 батальоновъ, 16 орудій и 2 сотни.

Резервная колонна на р. Ачкуу-стани, подъ начальствомъ полковника Привца (*), въ составѣ: 3-го и 4-го батальоновъ Ленкоранскаго полка, 2-го и 4-го батальоновъ Закавказскаго полка, 2 роты саперовъ, Грузинской пѣшей дружины, 5-й батареи 41-й артн. бригады, четырехъ сотень кавалеріи. Итого 5½ батальоновъ, 8 орудій, 4 сотни.

Гарнизонъ укрѣпленной позиціи Муха-Зетате, подъ начальствомъ полковника Солтана, въ составѣ: 3-го и 4-го батальоновъ Кубанскаго полка, 1-го батальона Закавказскаго полка, 2-го дивизиона 3-й батареи 41-й артн. бригады, 1 сотня кавалеріи. Итого 3 батальона, 4 орудія, 1 сотня. Всего въ это распредѣленіе вошло 19½ батальоновъ, 56 орудій, 7 сотень. (Изъ этого обзора видно, что среднимъ числомъ въ отрядѣ было 3 орудія на 1,000 пѣшихъ солдатъ и что кавалерія составляла 1/10 часть отряда).

Передвиженіе сдѣлать въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) артилерія лѣвой колонны, расположенная нынѣ на Муха-Зетате, собирается у колодца къ 9-ти часамъ утра и двигается на Денизбековскій курганъ подъ прикрытіемъ пластунскаго батальона; 2-я батарея 19-й арт. бриг. приходитъ къ колодцу къ 10-ти часамъ утра и двигается на мѣсто подъ прикрытіемъ Гурійской дружины.

Мѣсто расположенія частей лѣвой колонны—по указанію начальника лѣвой колонны.

2-я и 4-я батареи 41-й артн. бригады выступаютъ на мѣсто назначенія подъ прикрытіемъ 1-го батальона Александропольскаго полка въ 11 часовъ утра; 1-й и 2-й батальоны Ленкоранскаго полка выступаютъ на новое мѣсто въ 9 часовъ утра.

Мѣсто расположенія частей по указанію начальника колонны, 5-я ба-

(*) Командиръ Кутаисскаго конно-артиллерійскаго полка.

тарей 41-й артил. бригады, под прикрытіемъ Грузинской дружины, выступаютъ отъ колодца въ 12 часовъ дня; 3-й и 4-й батальоны Левкоранскаго полка выступаютъ съ мѣста расположенія въ часъ дня.

Мѣсто расположенія частей резервной колонны—по указанію начальника штаба отряда.

Гарнизонъ укрѣпленной позиціи на Муха-Эстате собирается въ укрѣпленіи по распредѣленію по номерамъ, сдѣланному полковникомъ Солтаномъ. После полудня движеніе начать не ранее 2 часовъ дня.

Начальника колонны обязаны представить начальнику отряда, не позже полудня 10-го мая, кроки мѣстности, занятой подчиненными ими войсками, съ указаніемъ мѣстъ расположенія каждой части и мѣръ для ихъ охраненія.

Приказаніе это было нами получено въ полдень 8-го мая, почему полковникъ Филимоновъ сейчасъ-же поѣхалъ на Хуць-Убани, чтобы осмотрѣть попутно дорогу.

На Хуць-Убани уже стоялъ шатеръ начальника отряда Денибекова на курганѣ его имени; на томъ же курганѣ были расположены стрѣлки 1-го и 4-го батальоновъ.

На томъ мѣстѣ, гдѣ обозначался фундаментъ бывшаго православнаго храма, разостланы были ковры и бурки, и на нихъ расположилось общество офицеровъ человекъ въ 60; тутъ были всѣ офицеры 1-го и 2-го батальоновъ со своими батальонными командирами: князьми Барятинскимъ и Мелконымъ (*).

Погода была чудная, и обѣдающее общество было укрыто отъ солнца тѣнью гигантскихъ липъ и чинаровъ. Обѣдь отличался веселостью, задумчивостью и искренностью, свойственной офицерамъ кавказской арміи, умѣющихъ угощать другъ друга такъ же, какъ въ бою выручать.

Къ этому обѣду пристроивались всѣ, кто въ это время почему либо очутился на Денибековомъ курганѣ; присѣли и мы, кончивъ осмотръ артиллерійскихъ батарей.

Мѣсто для артилеріи было прекрасно выбрано; отсюда съ мѣсть своего расположенія артилерія могла отлично поддержать переходъ нами Кантриши, можно было добросить снаряды и до Цихедирскихъ верховъ, но, конечно, не отсюда мы подготовляли бы штурмъ ихъ. Къ вечеру мы вернулись къ себѣ уже подъ мелкимъ дождичкомъ, обѣщаящимъ кое-что испортить, но къ счастью онъ не былъ продолжителенъ.

(* Сильнъ генералъ-адъютантъ Левана ии Мелконъ, подполковникъ Иванъ Левановичъ Мелконъ, палъ смертью храбравго при штурмѣ Карса къ ночи съ 5-го на 6-е ноября, — главный винючникъ блестящаго ваятѣ форту Сувары, носсащаго теперь его имя.

На другой день 9-го мая съ утра началось перемѣщеніе на новыя позиціи, согласно отданному наканунѣ приказанію.

Штабъ войскъ края перѣхалъ рано утромъ на р. Ачкуа-стави, у подножія дѣснаго кургана, а потому начальникъ артилеріи приказалъ мнѣ поѣхать къ рѣкѣ и выбрать мѣсто и для нашего артилерійскаго штаба.

Утро 10-го мая войска отряда встрѣтили на своихъ новыхъ позиціяхъ-бивакахъ; вездѣ шла дѣятельная расчистка мѣстности, знакомство съ ней частныхъ начальниковъ, устраивались мѣры охраненія отъ нечаяннаго нападенія, проводились и протантовались солдатскими ногами новыя дорожки и тропинки между сосѣдними частями, между частями и ихъ кухнями и неприступный, дѣвственный гребень Хуць-Убани преобразовывался.

По настоянію полковника Фялимонова (что, впрочемъ, полковникъ Базбекъ имѣлъ въ виду еще 8-го мая) дѣй сотни Грузинской дружины усилены остальными, вслѣдствіе чего мы, да и штабъ войскъ, и вообще этотъ участокъ пути пазъ Муха-Эстате охранялся всей Грузинской дружиной. Этими наблюденіями и охраной руководилъ самъ командиръ дружины — серьезный и храбрый подполковникъ кн. Чавчавадзе.

Спокойная распорядительность, полное пренебреженіе къ смерти и энергично отдаваемые приказанія характеризуютъ его въ бою; внѣ боя около своего шатра или въ районѣ расположенія своей части онъ серьезенъ и молчаливъ. Его великолѣпный караковый карабахъ, кровавый, украшенный дорогимъ грузинскимъ сѣдломъ, былъ предметомъ общей зависти.

Артилерія отряда къ 10-му мая была размѣщена на позиціяхъ слѣдующимъ образомъ; съ лѣваго на правый флангъ: на крайнемъ лѣвомъ флангѣ на самомъ Денибековомъ курганѣ, дѣснаго вышкѣ, господствовавшей надъ всей мѣстностью, въ *люнеттахъ* № 1-ю и 2-ю—2-я батарея 19-й артнал. бригады; правѣ ея въ *люнеттѣ* № 3-ю—3-я батарея 41-й бригады, что будетъ уже ниже кургана; далѣе вправо, черезъ большую дорогу, ведущую къ кургану,—1-я батарея 41-й бригады въ *люнеттѣ* № 4-ю; далѣе, *въ люнеттѣ* № 5-ю, должна была стать 4-я батарея 41-й бригады, пока еще не переходившая Ачкуа-стави; *люнетъ* № 5-го находился надъ самымъ Кинтриши и уже въ сферѣ дѣйствія орудій Цыхидзирскихъ перковъ.

Далѣе вправо находились *люнетты* № 6-го и № 7-го, гдѣ должна была стать 2-я батарея 41-й бригады, также еще не переходив-

шал Ачкюа-стави (1), и еще далѣе вправо, въ виду уже самыхъ скалъ Цихидзирскихъ, главныхъ укрѣпленій, тамъ, гдѣ гребень Хуць-Убани значительно понижался и приближался къ морю, расположенъ былъ дивизионъ № 8-го, — именной дивизионъ, который и не предполагалось вооружать полевыми орудіями; 5-я батарея 41-й бригады, состоявшая въ резервной колоннѣ, занимала совместно съ ленторанцами позицію, на $\frac{3}{4}$ пути отъ Муха-Эстате, на главной операционной дорогѣ, въ сторонѣ отъ нея фронтомъ къ востоку.

Дула орудій смотрѣли черезъ дѣловую прогалину въ сторону горъ, въ ту же сторону, куда смотрѣла и сторожевая дѣла Грузинской пѣшей дружины, только дѣла ея.

Изъ диспозиціи для передвиженія на 9-го мая и вышесказаннаго размѣщенія артилеріи слѣдуетъ, что изъ всего дѣлсятаго пространства между Ачкюа-стави и Кинтриши фактически и сильно были заняты только Денибековъ курганъ съ ближайшими къ нему выступами, также дѣлсстый курганъ надъ р. Ачкюа-стави и все между ними пространство вдоль дороги; что правый флангъ былъ слабо занятъ секретанами, выдѣленными изъ лѣвой же колонны; что правая колонна стояла еще на р. Ачкюа-стави, уступомъ назадъ по отношенію къ лѣвой; что резервная колонна полковника Принца должнаствовала: прикрывать весь тылъ нашего лѣваго фланга и дорогу на Муха-Эстате съ восточной стороны, служить резервомъ лѣвой колонны, стои отчасти къ ней уступомъ назадъ, и подавать руку вправо правой колоннѣ, которой она также служила резервомъ.

Такое расположеніе какъ нельзя лучше соотвѣтствовало обстановкѣ: въ случаѣ сильнаго удара со стороны турокъ на нашъ правый флангъ, слабыя, временно поставленные части лѣвой колонны отступили бы на возвышенный и господствующій Денибековъ курганъ, и если-бы турки за ними послѣдовали, то ихъ по флангъ угрожала бы и правая, и резервная колонны.

Такимъ образомъ, 9-го мая, мы сильно и фактически заняли и укрѣпили только высшую точку Хуць-Убани и потому, понемногу ошупывая на западъ, спустились далѣе вправо по гребню.

Въ четыре часа послѣ обѣда, окончивъ безконечную и сложную дневную работу въ канцеляріи, я побывалъ на позиціяхъ; Денибековъ курганъ неузнаваемъ, расчлѣняется во всѣ стороны и становится весьма помѣстительнымъ; на морѣ много броненосцевъ и силь-

(1) Правая колонна только 13-го мая перешла на Хуць-Убани, а до этого времени она еще не переходила в Ачкюа-стави; дивизионы №№ 5-го, 6-го, 7-го и 8-го временно охранялись частями лѣвой колонны, стрѣлками и плавтунами.

ное ихъ движеніе; въ цѣпи рѣдкая перестрѣлка; турки чрезвычайно осторожны на Самебѣ и ничѣмъ не выказываютъ своего тамъ присутствія; хитрость-ли это съ ихъ стороны, или дѣйствительно ихъ тамъ немного—неизвѣстно.

Утромъ 11-го мая я поѣхалъ на позицію. На Денибековомъ курганѣ большое оживленіе: всѣ высыпали наверхъ и съ высоты кургана любуются перестрѣлкой между нашими стрѣлками, расположенными внизу у подошвы кургана, и черкесами, разсыпанными по скату Самеба.

По мнѣнію старыхъ кавказцевъ, это были абадзехи, которые перелѣзаютъ отъ домика къ домику и къ стволамъ толстыхъ деревьевъ, пострѣливаютъ въ цѣпь и какъ бы вызываютъ насъ на бой.

Въ эту минуту стрѣлки имъ не отвѣчаютъ; абадзехи видятъ отлично эту толпу любопытныхъ на курганѣ, но по дальности и, главное, по громадному превышенію кургана, они не пустили по зрителямъ ни одной пули. Нечего и говорить, насколько удобно было ихъ пугнуть съ Денибекова кургана изъ орудій 2-й батареи 19-й артилерійской бригады, но полковникъ Филимоновъ строжайше воспретилъ открывать огонь, какъ ни убѣдительно были просьбы командира и офицеровъ батарей.

Оказывается, что внизу саперы, подъ руководствомъ поручика Уитона, производили приготовленія къ наводкѣ моста на козлахъ.

Однако, эта потѣха плохо кончилась для одного абадзеха: молчаніе стрѣлковъ сдѣлало ихъ храбрыми и въ ту минуту, когда одинъ изъ нихъ, выскочивъ изъ-за домика, собирался выстрѣлить, какой-то ловкій стрѣлокъ поймалъ его на мушку и уложилъ наповалъ.

Онъ остался лежать на ровной лужайкѣ, и начался бой за тѣло: стрѣлки, которымъ тоже воспрещено было стрѣлать, теперь уже сыпали черезъ рѣку пули за пулей, какъ только кто-нибудь изъ абадзеховъ выѣзжалъ, чтобы оттащить тѣло.

Хотя такое явленіе на войнѣ было обыденно, но любопытство было сильно возбуждено: особенно солдатки, не удерживаясь отъ различнаго рода послышаний, жадно слѣдили за этой потѣхой, сопровождал дружнымъ смѣхомъ неудавшіяся попытки горцевъ убрать тѣло товарища; кто изъ нихъ только выскочитъ къ тѣлу, какъ пули заставляютъ его поспѣшно скрыться снова за домъ или дерево. Потѣха эта, кончившаяся тѣмъ, что къ убитому прибавилось нѣсколько раненыхъ товарищей, продолжалась до сумерекъ.

Неприятіе всего въ этой потѣхѣ было то, что горцы узнали мѣсто, выбранное для моста, и, чего добраго, могли принять свои

итры, но съ другой стороны мы могли въ бродѣ перейти Кинтриши въ любомъ мѣстѣ. Конечно, чѣмъ раньше перебрались бы мы на ту сторону, тѣмъ лучше; батареи уже стояли на мѣстѣ, съ лѣвостовъ прекрасно обстрѣливались вершины Самеба и ближайшихъ ея выступовъ, но вѣроятно были причины, удерживавшія насъ еще на этомъ берегу Кинтриши.

Мнѣ неизвѣстны были эти причины, но я зналъ, какъ полковникъ Каабекъ желалъ перебраться раньше на ту сторону.

Вообще же стоянка на Хуць-Убани составляла лучшую эпоху операций отряда: массы зелени, высокое здоровое мѣсто, чудный воздухъ, чудныя картины во всѣ стороны, обиліе прекрасной воды, хорошая погода (относительно конечно), державшаяся все это время, затихше отъ тревогъ и движеній,—все это въ общемъ дѣйствовало благотворно на духъ и тѣло и оставило о времени стоянки на Хуць-Убани хорошее воспоминаніе.

Жаль было разоренія прекрасныхъ по матеріалу и архитектурѣ домовъ; сколько вкуса было въ этихъ рѣзныхъ украшеніяхъ фасадовъ, галерей, входовъ, оконъ и дверей; какъ удобно и уютно было размѣщеніе комнатъ.

Кому выпадали такіе домики не разоренными, то комфортъ хуць-убанской стоянки былъ полный; такъ случилось ленокоранцамъ, занимавшимъ Хуць-Убани фронтомъ на востокъ, включая и лѣснотый курганъ, такъ было и у 3-й батареи 41-й бригады, имѣвшей въ 700 шагахъ за орудіями два домика, обильныхъ комнатами поразительной чистоты.

Сегодня, 12-го мая, минулъ ровно мѣсяць, какъ мы въ походѣ,— и какъ недалеко отошли мы отъ границъ: всего 25 верстъ, считая всѣ извилины дороги! Съ 8-ми часовъ утра весь штабъ выѣхалъ навстрѣчу командиру войскамъ, возвращавшемуся изъ Озургеть.

По этой причинѣ мы заглянули и въ Муха-Эстате, сдѣлавшіяся неузнаваемыя: самое возвышенное мѣсто было обнесено кругомъ со всѣхъ сторонъ ложементами; въ этомъ редутѣ на тѣсномъ пространствѣ размѣстились: два баталіона, четыре орудія, артилерійскій паркъ, стрѣлковое отдѣленіе конно-артилерійскаго полупарка, интендантскій складъ, бунты котораго занимали всю центральную высоту, и Молоканское санитарное отдѣленіе.

Я съ завистью смотрѣлъ на прекрасныя новыя офицерскія палатки санитаровъ, такъ какъ самъ жилъ все время въ солдатской, а у молоканъ всѣ палатки были офицерскія.

Здѣсь же, въ томъ же редутѣ, расположился и дивизионный лагерь 41-й пѣхотной дивизіи.

На пути изъ Муха-Эстате до Ачуа командующаго войсками всюду встрѣчали войска. Приѣздъ его предвѣщала новое движеніе впередъ, столь всѣми желанное.

На другой день, 13-го мая, съ 10-ти часовъ утра, командующій войсками былъ уже на позиціяхъ, съ нимъ былъ и полковникъ Филимоновъ; объѣздъ ограничился только лѣвой колонной, такъ какъ правая продолжала еще стоять у р. Ачуа-стани уступомъ назадъ по отношенію лѣвой, и никому еще не было извѣстно, когда состоится ея передвиженіе на правый флангъ хуцъ-убанской позиціи.

По прибытіи на Денибековъ курганъ, высшее начальство, отдѣлившись впередъ группою, начало осматривать въ бинокль высоты Самеба и Цихсдаири. У турокъ въ это время на укрѣпленіяхъ шли усиленными работами; отчетливо были видны массы рабочихъ на высотахъ праваго фланга ихъ укрѣпленной позиціи; очевидно, они были заняты теперь укрѣпленіями исключительно своего праваго фланга, въ чему вынудила ихъ выборъ нами операционнаго пути: мы забрали вѣтвь, въ горы, подальше отъ береговой полосы, оставшейся нейтральной, и они въ свою очередь продолжали линію своихъ укрѣпленій вправо, все выше и выше въ горы.

Услыхавъ, что начальникъ штаба направляется на правый флангъ позиціи посмотреть, что дѣлается у турокъ на ихъ лѣвомъ флангѣ, въ какомъ положеніи наши люнеты праваго фланга, и попросилъ его разрѣшенія къ нему присоединиться и, получивъ таковое, сопровождалъ его въ поѣздкѣ. Намъ надлежало, спустившись съ Денибекова кургана внизъ по правому берегу Кинтриши, прослѣдовать прямою дорогою вдоль праваго же берега Кинтриши на люнеты №№ 4-го, 5-го, 6-го, 7-го и 8-го.

Мнѣ первый разъ еще приходилось слѣдовать этой дорогою, которая шла неясно дикой чащей, оберегалась секретами отъ пластунокъ и движеніе по которой вообще было запрещено въ виду того, что здѣсь могли бы еще быть кобулетцы и можно было всегда опасаться засады. Насъ велъ тотъ самый проводникъ-кобулетецъ, который всегда сопровождалъ Казбена во всѣхъ его рискованныхъ и многочисленныхъ поѣздкахъ и развѣдкахъ. Углубившись въ чащу, мы остановились здѣсь у поста стрѣлковъ, силой до 1/2 взвода; здѣсь къ намъ присоединился полковникъ Козелковъ и сопровождалъ насъ въ некоторое время вѣшкомъ, потому весь кортежъ нашъ остановился у одной хаты; здѣсь полковникъ Козелковъ приложилъ

къ губамъ свистокъ: раздались два рѣзкихъ свистка, нарушившихъ полное безмолвіе густаго, дикаго и темнаго лѣса. Черезъ 10 минутъ изъ чащи лѣса слѣва, вправо, и свереди, безо всякаго шума, къ намъ вышли нѣсколько человѣкъ пластуновъ; они составили наше прикрытіе.

Здѣсь же привели и лошади Козелкову, и тогда группа всадниковъ, предшествуемая спереди, справа и слѣва пластунами, тронулась впередъ по узенькой, проходной только одиночнымъ всадникамъ, дорожкѣ. Мѣстами, вправо и лѣво, выглядывая изъ окружающихъ изъ гранатовыхъ и фиговыхъ садовъ, торчали хорошенькіе домики и хатки; была и мечеть наполовину разрушенная, деревянная, чрезвычайно красивой архитектуры, на стѣнахъ которой нарисованъ былъ крестъ.

Послѣ получасовой ѣзды этими мѣстами, богато украшенными флорой Лазистанскаго санджана, мы прибыли на ливнетъ № 5-го, съ котораго полковникъ Казбекъ долго смотрѣлъ на верки Цихисдзари; отсюда отырывался сквозь чашу видъ на лѣвый флангъ укрѣпленнаго лагеря. Ливнетъ былъ густо убранъ со всѣхъ сторонъ зеленью; все показывало, что, кромя рабочихъ саперовъ и пластунскихъ секретовъ, здѣсь никого еще не было. Здѣсь мы были свидѣтелями рекогносцировки турокъ: большая масса всадниковъ остановилась противъ насъ на противоположныхъ черезъ рѣку высотахъ; одинъ былъ на бѣлой лошади и держался нѣсколько впереди. Они насъ едва ли и видѣли.

Отсюда мы поѣхали дальше внизъ по Кинтриши, шумъ которой по временамъ доходилъ до насъ совершенно извѣстно.

Теперь мы двигались уже въ будущемъ районѣ расположенія правой колонны.

На ливнетъ № 6-го мы снова остановились и подробно осмотрѣли противоположный берегъ; рекогносцирующей партіи уже видно не было, и весь противоположный берегъ, составлявшій отроги горы Самеба, ничѣмъ не обнаруживалъ присутствія непріятеля; не видно было также никакихъ слѣдовъ укрѣпленій; очевидно, турки уступали его намъ безъ большого сопротивленія; переправа казалась возможной.

Около ливнета № 6-го, вокругъ красиваго домика, былъ расположенъ фруктовый садъ, въ изобиліи наполненный инжиромъ (фиговое дерево), гранатами, ярко-красные цвѣты которыхъ прелестно гармонировали съ общимъ темно-зеленымъ фономъ лѣса и сада; были тутъ и груши, и яблоки, и сливы, и виноградъ. За садомъ былъ и ого-

родъ, полный всякихъ овощей, которыми я набилъ себѣ карманы и кобуры въ надеждѣ вручить все это нашему повару.

Природа такъ была здѣсь хороша, что мы всѣ, невольно, оставивъ военныя соображенія, предались разговору о житьѣ-бытьѣ счастливыхъ обитателей этого втораго разъ: «Я понимаю», говорилъ полковникъ Козелковъ, «почему такъ просто они отстаивали у насъ эти заветные и священные имъ уголки; будь я на ихъ мѣстѣ, я бы просто сказалъ: «не уйду, дѣлайте со мной что хотите!»

Нираль Беридзе, бывшій съ нами, и пластуны, сидѣвшіе здѣсь въ секретѣ, говорили, что, гдѣ-то внизу, есть баня у самой рѣки, прекрасно устроенная; но мы, не располагая достаточно временемъ, торопились дальше.

По дорогѣ къ лунету № 7-го мы встрѣтили партію рабочихъ саперовъ и тѣ же секреты пластуновъ; здѣсь былъ уже участокъ разработанной дороги, и съ лунета была отчасти уже разработана дорога до расположенія правой колонны.

Съ лунета № 7-го видны была и Нижніе-Кобулеты, бывшіе въ тылу на берегу моря и составлявшіе какъ бы редантъ обширной Кинтришской долины, игравшей видную роль въ нашихъ прежнихъ войнахъ съ Турціею—какъ плацдармъ для сбора ополченія санджака.

Поляна эта разстилается къ сѣверу отъ Цихнедари, и на ней-то, по словамъ полковника Казбека, и собирався главный связъ батумскаго отряда въ бывшихъ войнахъ, въ 1828, 1829, 1853 и 1854 годахъ и отсюда угрожали нашему гурійскому отряду (1).

(1) Такъ, въ 1829 году, Кей-Оглы собралъ на этой полянѣ до 7,000 войскъ: одинъ отрядъ былъ расположенъ въ двухъ верстахъ отъ устья Чолона, въ мѣст. Ламаанъ, другой—въ Муза-Эстатѣ.

Генералъ Гессе, бывшій тогда правителемъ Имеретіи, пользовался верховенствомъ турокъ, собралъ отрядъ въ числѣ 1,216 человекъ ивхоты съ четырьмя полками и двумя горными пушками и съ 1,315 чело. гурійской милиціи, перешелъ черезъ границу и 5-го марта атаковалъ турокъ.

Одновременно съ движеніемъ главнаго связъ изъ Николаевска двѣ роты Минирельскаго полка были дануты изъ Озургетъ черезъ Лахаура. Незамысленное нападеніе нивало успѣхъ: турки были разбиты у Ламаанъ и Муза-Эстатѣ, а генералъ Гессе вернулся на постъ св. Николая и въ Кутаисъ.

Побѣда при Ламаанъ не смотря на блестящую реліцію, воданную графу Паскелучи, не имѣла никакихъ серьезныхъ послѣдствій: Кинтришская долина по прежнему оставалась въ рукахъ турокъ, и военный паша Тюччи-Оглы началъ собираніе сюда еще болѣе многочисленнаго войска. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Кинтриши прибыли новыя подкрѣпленія изъ Багута и на 40 гребныхъ лодкахъ подвезли разныя запасы. Въ апрѣлѣ разнесся слухъ, что въ Кобулеты ожидается правительница Гуріи, княгиня Софья, и что вскорѣ многочисленнаго турецкаго войска должимъ вторгнуться въ Гурію.

Въ действительности турки сосредоточили до 10,000 чел. съ 12-ю орудіями.

Здѣсь же, на этой полнѣ, заняла и Чурукъ-Су, бивакировали отрядъ генерала Гессе, столь неудачно штурмовавшій Цихисдари 17-го сентября 1829 года.

Это былъ первый штурмъ крѣпости Цихисдари русскими войсками, и мы готовились совершить второй почти черезъ 50 дѣтъ.

Съ люнета № 7-го мы вернулись въ лагерь на р. Ачхуа-стави черезъ дорогу на правую колонну.

Вечеромъ полковникъ Филимоновъ былъ позванъ на совѣщаніе къ командиру войсками и, вернувшись, сообщилъ намъ, что завтра предпринимается движеніе на ту сторону Кинтриши, чтобы мы были готовы съ раннего утра ѣхать на передовыя позиціи.

Признаюсь, мы такъ мало понимали тогда операціи, что надѣялись завтра же очутиться передъ верлами Цихисдари.

Въ тотъ же день вечеромъ генералъ-майоръ Денибековъ приказалъ авангарду правой колонны перейти на новую позицію и занять люнетъ № 6-го и № 7-го, на высотахъ праваго берега р. Кинтриши, которыя утромъ мы посѣщали.

Ночью пошелъ дождь, лившій до утра; сразу стало скверно: грязно, сыро, холодно.

Утромъ чуть-свѣтъ полковникъ Филимоновъ съ обоими адъютан-

Войска эти расположились главнымъ образомъ на Муха-Эстате.

Генералъ Гессе, по исполненіи приложенія главнокомандующаго, двинулся по двумъ дорогамъ: полевую на Подовскій, съ двумя батальонами, четырьмя орудіями и частью милаціи, шель изъ крѣпости съ Николаемъ по морскому берегу на Ливанъ, а самъ Гессе, съ двумя батальонами, шестью орудіями и многочисленной милаціей, двинулся по лесной дорогѣ и разбилъ турокъ при Муха-Эстате на голову.

Важно, что уже въ 1829 году по лесной дорогѣ двигалась артиллерія полевая.

На этотъ разъ Гессе дѣйствовалъ смѣло, чѣмъ въ штурмѣ: онъ дошелъ до Кинтриши (Чурукъ-Су, Или, Бобулетъ, здѣсь говорится о источникѣ), брошеномъ турками, во вѣсто того, чтобы на плечахъ враговъ занять Цихисдари, онъ остановился въ Кинтриши, началъ въ ночь укрѣпляться и завелъ переговоры съ бобулетцами. Нѣкоторыя деревни вошли въ переговоры съ русскими генераломъ, но бобулетские бѣли изъ фамиліи Тамгеридзе, бывшіе главами джугателки дѣла, отказались отъ переговоровъ.

Гессе, по вѣдому, не обращалъ на нихъ вниманія, и въ то время, какъ онъ полагалъ, что всѣ бобулетцы добровольно сдадутся въ подданство Россіи и сдѣлать Цихисдари, онъ узналъ, что въ этой крѣпости готовится ему сильное сопротивленіе. Обманутый въ своихъ надеждахъ и испросило потерянъ въ безплодныхъ переговорахъ цѣлый мѣсяцъ, въ теченіе котораго турки успѣли возвести новые укрѣпленія,—Гессе рѣшился атаковать Цихисдари 16-го сентября.

Въ доисловіи генерала Гессе описано и Цихисдари того времени: «крѣпость съ эллипсовымъ укрѣпленіемъ возитъ на высотахъ у самаго берега моря; имѣеть въсрѣдѣ укрѣпленій лагерь, охраняемый съ востока и съ эллипсовъ завалами.

тами и конными ординарцами отъ артилеріи (нижніе чины) поѣхалъ на Денибековъ курганъ. На курганѣ все было погружено въ сонъ: оказалось, что экспедиція отложена; въ ожиданіи командующаго войсками, который все-таки предполагалъ пріѣхать, мы пошли на лыжеты № 1-го и здѣсь застали дежурнаго по батарее (2-я батарея 19-й бригады), подпоручика Ватеркамфа; взоиди на брустверь, мы навели бинокли на непріятельскія позиціи и море: на позиціяхъ турокъ все было спокойно, спокойно было и море, на гладкой поверхности котораго не было ни одного судна, кромѣ обычно-дежурнаго броненосца у устья Кинтриши.

Начальникъ артилеріи отпустилъ меня въ лагерь въ виду большой канцелярской работы, навоинившейся за послѣдніе дни, приказавъ мнѣ къ 6-ти часамъ поѣхать на лыжеты № 6-го и 7-го я, осмотрѣвъ размѣщеніе 4-й и 2-й батарей 41-й бригады, донести ему обо всемъ замѣченномъ, такъ какъ въ вечеру къ авангарду правой колонны должна была подтянуться артилерія, и необходимо было заблаговременно узнать, будетъ ли согласоваться боевое расположеніе батарей со всѣми необходимыми хозяйственными требованіями.

Съ Денабекова кургана существовала къ лагерю штаба только

Съ южной и восточной сторонъ крѣпость окружена неприступными горами, кои отдѣляются отъ оной крутыми оврагами, покрытыми непроходимымъ лѣсомъ, сдвинутыми съ колючими растеніями и плетемъ. Къ крѣпости вѣдетъ со стороны горъ одинъ доступъ, но и тотъ былъ защищенъ редутомъ, крѣпко устроеннымъ. Видя невозможность—добыть Гессе — вести атаку съ северной стороны, я приказалъ быть призвать авангарду съ лѣвѣю орудіями атаковать описанныя высоты, по занятіи коихъ нашему необходимомъ устроить двѣ батареи: одну, которая бы дѣйствовала по крѣпости, а вторую противъ редута, что съ чрезвычайнымъ трудомъ едва только можно было окончить къ утру 16-го сентября.

Открылась канонада, но калибръ орудіи не соответствовалъ пѣди, для которой батарея была устроена, равно и прибывшее 15-го сентября судно «Бригъ-Негасъ», подъ командой капитанъ-лейтенанта Сухонина, выстрѣлами изъ канонады не могло привести непріятеля въ замѣшательство; между тѣмъ въ продолженіе двухъ дней гарнизонъ усиливался прибывавшими изъ Чанъ и Вагуа, и непокорившіеся еще кобулетцы и Калашъ-белъ, сынъ Ахметъ-бана Аджарскаго, собирались, чтобы соединиться съ гарнизономъ.

Все эти обстоятельства побудили генерала Гессе штурмовать крѣпость 17-го сентября.

Мы не будемъ описывать это несчастное въ нашей военной исторіи событіе, замѣтимъ только, что въ минуту приступа на редутъ кобулетцы и адварды спускались съ высотъ (впротіво они скрывались на Хуцъ-Убани и Самеба) и атаковали отрядъ съ тыла. Это обстоятельство рѣшило участь сраженія, и генералъ Гессе съ большимъ урономъ отступилъ отъ крѣпости.

(Военно-статистическіе и стратегическіе очерки Дагестанскаго санджака. Сост. подп. Казбелъ. Приложение, стр. 89-я—91-я).

одна дорога; направо от этой дороги видна дорожка, которая, по моему мнению, должна была бы выйти к лесистому кургану у Ачука-стави, спустившись с которого я был бы дома.

Заинтересованный этим путем, я направился по дорожке и вышел таким образом на восточную сторону Хуц-Убанской группы, состоявшей из гребня, тянувшегося к северу. Правда, я не достиг цели, ибо лесистый курган отделялся от этого гребня непролазной и мрачной ложиной, в которую я не рискнул спуститься, но был награжден такими роскошными панорамами на восток в сторону ущелья Ачука-стави (верховья) и Аджаро-Гурійскаго хребта, что не сожалел сделанного мною крюка. По краю гребня, круто обрывающемуся на восток, разбрасались гигантские дубы и чинары; тут же ютились прелестные хутора, окруженные орехами, гранатами, фиговыми деревьями и другими роскошными растениями. Вечером я проследовал на дюеты № 6-го и № 7-го; они были уже заняты авангардом правой колонны; тут же была и артиллерия, не занимавшая еще дюетов по их неготовности. Батареи насыпались еще и рыи углублялись; на другой день, 15-го, была надежда, что они будут кончены.

От командира и офицеров 2-го стрелкового батальона узнал я подробности занятия дюетов. Авангард, состоявший из всех четырех рот названного батальона, выступил с бивака у р. Ачука-стави в 4 часа утра и в следующем порядке: 4-я рота в головной колонны, выслал один взвод в авангард, который, в свою очередь, выслал головной и боковые патрули. Затем следовали 3-я, 2-я и 1-я роты; от 1-й роты был выслан арьергард. Роты шли справа рядами, даже их не вздвигая. Около 6-ти часов батальон пришел на дюет № 7-го, где стоял взвод 1-го Кавкасскаго стрелковаго батальона.

По прибытии стрелков 2-го батальона на юг и запад, выставлены были цепи, часть людей занялась насыпкой батареи и устройством своего бивака-лагеря и рубкой леса, мешавшего обстрелу артиллерии.

В минуту моего приезда в цепи была уже перестрелка, для нас впрочем безвредная. С турецкой батареи, с «Желтой», было сделано несколько выстрелов, но снаряды не долетали даже до Кинтраши.

Узнав все, что мне было нужно, я вернулся обратно в лагерь из р. Ачука-стави. Когда я пришел в свой лагерь, то узнал, что около 5-ти часов над нашими лагерем и лагерем штаба

командующаго войсками свистала долгое время пули, и что одной такой пулей уже раненъ денщикъ барона Зальца.

Опасенія наши сбылись: турки обстрѣливали ущелье, пронюхавъ вѣроятно, что здѣсь по Ачкау-стави расположены русскіе лагерьи.

Поздно вечеромъ ходилъ въ штабъ за приказаніями и узналъ, что завтра движенія впередъ не будетъ, — оно откладывается на неопредѣленное время.

Столика войскъ, сопровождаемая у насъ отсутствіемъ правильно устроенныхъ отхожихъ мѣстъ, усиливаетъ заразу.

Надо помнить, что солнце здѣсь не сѣверное, и эскременты оставлять на воздухѣ гнить — крайне опасно; гурийцы вообще не пьютъ отхожихъ мѣстъ, но съ этой стороны чрезвычайно чисто-плотны. Турки пьютъ при себѣ для этого спеціальныя лопаточки; вотъ почему лагери ихъ и отличаются такой образцовой чистотой и хорошииъ воздухомъ. Въ этомъ отношеніи намъ бы слѣдовало подражать жителямъ юга, у которыхъ порядокъ на этотъ счетъ вѣками превратился въ обычай.

«Пожилуйте, господа» говорилъ хирургъ кавказской арміи Минневичъ, бывшій въ эти дни у насъ въ отрядѣ: «вамъ не помогаетъ въ отношеніи чистоты воздуха даже эта усиленная морская и воздушная вентиляція. Я былъ на высшей точкѣ вашей позиціи — Денибековомъ курганѣ, и тамъ въ воздухѣ зараза».

Новости на 15-е заключались главнымъ образомъ въ молвебствіи и въ приказѣ объ образованіи охотничьихъ командъ отъ всѣхъ частей. Мѣра эта вполнѣ цѣлесообразная; мы до сихъ поръ держали въ забытій старый и прекрасный обычай кавказскихъ войскъ — команды охотниковъ. Нечего и говорить, насколько онѣ будутъ полезны; пора и намъ потревожить немного непріятеля.

День 15-го, день Св. Троицы, для насъ лично, чиновъ артиллерійскаго штаба, начался съ перестрѣлки у ближайшихъ сосѣдей и покровителей нашихъ Грузинской пѣшей дружины; пули послышались надъ нашими головами и головами коней нашихъ; Грузинская дружина отвѣчаетъ, но намъ не легко.

Утромъ мы углубились въ лѣсъ, съ любопытствомъ осматривая флору; чаща буквально непролазна. Въ сущности не тѣ же ли это тропики: тѣ же таинственные, мрачные лѣса, тѣ же ліаны, колочья и гигантскіе папоротники.

Солдаткиа наши особенно хорошо пользуются широкими листьями рѣдкихъ растений и устраиваютъ шалаши, рѣшительно непроницаемые для солнца.

День 15-го прошелъ въ отдыхѣ, который впрочемъ нарушался посвятившимися изъ ущелья пулями; въ особенности это вышло неудобно во время обѣда, когда кажда обѣдающими долгое время свистали пули не выше трехъ аршинъ надъ головами.

Мимо насъ пронесли раненаго смертельно кобулетца и убитаго наповалъ закатальца.

Вечеромъ узнали существенныя новости: завтра, 16-го, наступленіе на ту сторону Киятриши; горнымъ орудіямъ приказано быть въ полной готовности на Денибековомъ курганѣ къ тремъ часамъ ночи.

Наступленіе совершается авангардомъ только лѣвой колонны, подъ общимъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Гурчина; въ составъ этого авангарда входятъ пластуны и стрѣлки съ горными орудіями.

Для обезпеченія успѣха этого движенія слѣва изъ состава лѣвой колонны выдѣлялся особый отрядъ въ составѣ 4-го стрѣлковаго баталіона, подъ командой его командира князя Меликова (*).

Цѣлю движенія колонны князя Меликова вверхъ по р. Киятриши было обезпеченіе колонны полковника Гурчина отъ фланговыхъ угрозъ жителей.

Разсматривая идею этого перваго движенія нашего за Киятриши, нельзя не замѣтить аналогія со всѣмъ нашимъ наступленіемъ съ 12-го апрѣля: для захвата Муха-Эстате выдвигается уступомъ впередъ лѣвая колонна, части правой прибываютъ послѣ утверженія лѣвой; на Муха-Эстате это было основательно въ виду того, что скаты высоты, обращенные къ путямъ движенія правой колонны, были круты и недоступны; съ праваго же фланга, со стороны движенія лѣвой — доступны, отлоги и доставляли укрытія для наступленія на правый

(*). Вся лѣвая колонна полковника Гурчина дѣлилась на двѣ колонны: правая — Козелкова, изъ 1-го пластунаго баталіона, семи ротъ севастопольскихъ, двухъ сотенъ 1-й пѣшей Гурійской дружины, 1-й роты 2-го сапернаго баталіона и дивизіона 6-й (горной) батареи, — всего 14 ротъ и 4 орудія; лѣвая — князя Меликова: изъ 4-го Кавказскаго стрѣлковаго, 2-хъ сотенъ Гурійской милиціи, роты Ленкоранскаго полка, — всего 7 ротъ при 2-хъ горныхъ орудіяхъ.

При правой колоннѣ прилажено находиться полковнику Гурчину, при лѣвой — полковнику Козелку. Для производствъ демонстраціи на правомъ флангѣ и для поддержки артиллерійскимъ огнемъ наступленія нашихъ войскъ при переправѣ черезъ р. Киятриши и занятія высоты была составлена особая колонна, въ которую вошли всѣ артилеріи, расположенная на Худъ-Убани, какъ-то: 1-я, 2-я и 3-я батареи 41-й и 2-я 19-й; кромѣ того, для того-же покровительства движенію съ этого берега была назначены части пѣхоты: 1-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ и 4-й баталіонъ Ленкоранскаго полка. Вся эта колонна считалась подъ общимъ начальствомъ полковника Войво-Оранскаго, командира 1-й батареи 41-й артиллерійской бригады.

флангъ. Для захвата Хуць-Убани въ день 29-го, авангардъ лѣвой колонны въ тотъ же день утверждается на высшей, господствующей точкѣ всей группы высотъ, всего гребня, — Денибековомъ курганѣ, правая-же остается долгое время уступомъ назадъ; только 14-го мая правая колонна устраивается на высотахъ непосредственно праваго берега Кинтриши, и 16-го лѣвая колонна должна уже совершать новое движеніе впередъ съ цѣлю выдвинуться опять уступомъ впередъ на высшія точки гребня Самеба, — правая остается на правомъ берегу Кинтриши.

Проведеніе этого маневра послѣдовательно во всѣхъ нашихъ наступательныхъ операціяхъ обусловливалось: командующими высотами, господствующими противъ лѣвой колонны, и присутствіемъ на лѣвомъ же флангѣ вооруженныхъ жителей.

Мѣра эта была вполнѣ целесообразна и оправдывалась усилхою движеній и прочностью утвержденія.

Теперь оставалось только убѣдиться, насколько эта мѣра будетъ хороша и въ операціи занятія Хуць-Убани, что узнаемъ завтра-же.

Горная батарея получила новаго командира подполковника Гаслера, бывшаго капитана кавказской гренадерской артилерійской бригады, и новаго старшаго офицера капитана 21-й бригады, Кадрина, опытнаго офицера, бывшаго въ туркестанскихъ походахъ.

VII.

Переходъ 16-го мая рѣки Кинтриши и постепенное утверждение войскъ лѣвой колонны на высотахъ Самеба.

Диспозиція движенія на 16-е мая. — Артиллерія открываетъ огонь. — Дѣйствія турецкой артиллеріи. — Довесеніе объ успѣшномъ движеніи и дѣйствіи колонны подполковника Козелкова. — Перестрѣлка въ створѣ движенія колонны майора князя Мезлкова. — Турецкая артиллерія сосредоточиваетъ свой огонь по бизану колонны подполковника Козелкова, занявшаго Самебу. — Стрѣльба батарей подполковника Мейера. — Огонь турецкаго флота. — Отсутствие безопаснаго и опредѣленнаго сообщенія между двумя колоннами. — Извѣстіе объ успѣшномъ движеніи и дѣйствіи колонны майора князя Мезлкова. — Дѣйствіе колонны полковника Гурчина. — Значеніе и результаты успѣшныхъ дѣйствій колонны въ день 16-го мая. — Значеніе кургана-двонета № 7-го. — Партизанамъ правой колонны. — Положеніе дѣлъ 17-го и 18-го мая. — Свѣдѣнія о диверсіи Османа-паши. — Движеніе колонны полковника Гурчина. — Успѣшныя дѣйствія на высотахъ Зеанты 20-го мая. — Участіе во враждебныхъ противу насъ дѣйствіяхъ жителей селенія Ачху-Стави. — Предстоящія операціи на 21-е мая. — Событія и извѣдья дня 21-го мая.

16-го мая мы поднялись въ 2 часа утра, и только тогда достали я-подлинную диспозицію движенія этого дня, которую мы немедленно начали изучать и которая состояла въ слѣдующемъ.

«Врагъ занимаетъ укрѣпленную позицію у Цихисдаири. Поселеніе мѣстныхъ жителей разбросано вдоль высотъ лѣваго берега р. Кинтриши. Цѣль движенія: занять высоты лѣваго берега р. Кинтриши, отдѣлить мѣстное населеніе отъ турецкихъ войскъ, занимающихъ Цихисдаири, для чего отряду двинуться двумя колоннами. Правая колонна: подполковникъ Козелковъ (1-я и 2-я сотни Гурійской дружины, 1-й пѣший пластунскій баталіонъ, 3-й баталіонъ Севастопольскаго полка, дѣй роты 4-го баталіона Севастопольскаго полка, рота санеровъ, 4 орудія 6-й батареи 41-й артв. бригады (горныя); всего — 7 ротъ, 6 пѣшихъ сотенъ и 4 горныхъ орудія). Лѣвая ко-

лонна: майоръ князь Меликовъ (4-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ, 1-я рота 4-го баталіона Ленкоранскаго полка, 3-я и 4-я сотни 1-й Гурійской дружины, два орудія 6-й батареи 41-й артил. бригады; всего — 5 ротъ, 2 сотни и два горныхъ орудія). Резервъ: подполковникъ Войно-Оранскій (1-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ, 4-й баталіонъ Ленкоранскаго полка, 2-я батарея 19-й, 1-я и 3-я 41-й артиллерійскихъ бригады; всего—2 баталіона 24 орудія).

1) Правая колонна, собравшись близъ бивака Гурійской дружины, на дорогѣ, ведущей къ р. Кинтриши, въ три часа утра спускается къ этой рѣкѣ и, переправившись черезъ нее, занимаетъ противоположныя высоты и пути, ведущіе къ Цихисдзирѣ, затѣмъ укрѣпляетъ свою позицію земляными сооружениями.

2) Лѣвая колонна, собравшись на мѣстѣ бивака Гурійской дружины, въ 3 часа утра двигается вверхъ по теченію р. Кинтриши, по хребту вдоль праваго берега, угрожая населенію, если оно будетъ препятствовать переправѣ и занятію высотъ правой колонной.

3) Резервъ, оставался на высотѣ Хуцу-Убани, *въ случаѣ необходимости*, содѣйствуютъ артиллерійскимъ огнемъ движенію правой колонны, а для отвлеченія вниманія непріятеля производятъ демонстрацію наступленія къ р. Кинтриши, преимущественно своимъ правымъ флангомъ, т. е. отъ мѣста бивака пластуновъ.

4) Наступающимъ войскамъ имѣть при себѣ шанцевый инструментъ, а въ ранцахъ—двухдневный запасъ сухарей, 1¹/₂ фунта варенаго мяса на челокѣка, а для лошадей—двухдневный запасъ фуража и въ пѣлотѣ—половину вмѣщающихся патронныхъ ящиковъ.

5) Перевязочный пунктъ на дорогѣ къ р. Кинтриши, у дома, что близъ этой дороги.

6) Я буду находиться при правой колоннѣ. Въ должности начальника штаба состоитъ при мнѣ генеральнаго штаба капитанъ Шатиловъ».

Въ 3-мъ часу утра мы уже поднимались верхомъ на Денибеловъ курганъ и еще не взобрались на него, когда услышали первый орудійный выстрѣлъ, грянувшій съ ловаета № 4-го и принятый другими батареями.

Для артилеріи цѣлей не представлялось никакихъ: колонна подполковника Козелкова перешла Кинтриши благополучно, непріятель не оказывалъ сопротивленія и дальше, а потому артилерія тогда еще молчала; также и теперь изъ домовъ и сакель, расположенныхъ на вершинѣ Самеба, не было видно никакого сопротивленія и не послѣдовало ни одинъ ружейный выстрѣлъ; батареямъ оставалось одно:

попытались добросить снаряды до ближайших батарей укреплённой цехведарской позиции через гребень Самеба и, как ни неблагоприятна могла быть эта стрельба в виду дальности и превышеи означенных неприятельских батарей, а также в виду полной невозможности корректировать стрельбу, тѣмъ не менѣ батареи продолжали рѣдкій огонь, который принимался отъ 1-й батареи поочиногу вправо и лѣво остальными батареями лѣвой колонны, а также, спустя нѣкоторое время, принять былъ и батареями правой колонны.

Но если огонь съ Денибекова кургана, съ люнетовъ № 1-го, 2-го, 3-го и 4-го еще могъ найти какое либо оправданіе, то уже огонь правофланговой артиллеріи съ люнетовъ №№ 5-го, 6-го и 7-го рѣшительно не имѣлъ никакихъ основаній: помимо того, что изъ правой колонны въ день 16-го не было никакого движенія на ту сторону Кинтриши, слѣдовательно некому и нечему было и покровительствовать, и огонь, даже съ разстоянія хорошаго орудійнаго выстрѣла, не имѣлъ мѣста, тѣмъ не менѣ 2-я батарея 41-й бригады не преминула также открыть дѣйствіе по отдаленнымъ и возвышеннымъ батареямъ Квирикѣ.

Батарея лѣваго фланга, съ люнетовъ №№ 1-го, 2-го, 3-го и 4-го дѣйствовали по дальнимъ цѣлямъ съ разстояніемъ отъ 1,600 до 2,100 сажень; 2-я батарея 19-й бригады бросала было нѣсколько шаровъ по ближней цѣли, по верхушкѣ Самеба, но къ счастью во-время остановилась, иначе она бы дѣйствовала по своимъ: послѣдняя ею брошенная шара разорвалась всего въ 10-ти шагахъ отъ передовыхъ удалцовъ колонны подполковника Козельова.

Первое время турки долго не отвѣчали, и только часъ спустя на жётой батарѣ высотъ Квирикѣ показался бѣлый дымокъ, и турецкая граната, прошипѣвъ, скрылась въ р. Кинтриши, далеко не долетѣвъ до кургана; туда же юркнула вторая и третья; ясно, калибръ орудій не допускалъ добросить снаряды до кургана. Это были первые орудійные выстрѣлы неприятеля по нашей артиллеріи. Наконецъ, послѣ четвертаго дыма на той же батарѣ, въ воздухѣ зловѣще прошипѣла граната и уже, на этотъ разъ, надъ самыми нашими головами и, перелетѣвъ черезъ головы массъ, стоявшихъ на Денибековомъ курганѣ, разорвалась гдѣ-то сзади, въ чащѣ и въ балкѣ.

Гранаты падали также и въ расположеніе двухъ ротъ 1-го стрѣлковаго баталіона, прикрывавшихъ непосредственно Денибековъ курганъ и спустившихъ свои цѣли къ Кинтриши.

Большинство гранатъ (6-фунт. калиб.), опускаясь подъ большими углами паденія, глубоко зарывалась въ землю и тамъ рвались.

Но вот на вершинѣ Самеба раздалось нѣсколько отдѣльныхъ ружейныхъ выстрѣловъ и затрещала стрѣльба, длившаяся не долго и скоро прекратившаяся.

По прошествіи нѣкотораго времени получены первыя донесенія о дѣйствіи колонны подполковника Козелкова на Самеба, и эти донесенія гласили объ успѣшномъ совершеніи движенія: «переправа черезъ Кинтриши совершилась благополучно. Сейчасъ же послѣ переправы войска со всей возможной успѣшностью пустились навверхъ балкайскими путями, не заботясь ни о сохраненіи тактическаго порядка, ни о стройности наступленія, дорожка только временемъ и имѣя въ виду предупредить непріятеля на господствующихъ пунктахъ; гдѣ можно—двигались впередъ бѣгомъ; гдѣ нельзя—карабкались, подсаживая другъ друга, не открывая огня все время движенія и нигдѣ не останавливаясь; весь успѣхъ былъ построенъ на дружномъ и внезапномъ ударѣ; къ концу движенія въ гору по трудной, пересѣченной и густо заросшей мѣстности всѣ части болѣе или менѣе пережѣшались и растянулись. На вершинѣ войска колонны появились совершенно неожиданно для непріятеля, и прежде чѣмъ съ его стороны могли быть приняты мѣры къ отраженію нашихъ удалцовъ, застигнутые внезапно сторожевые пикеты и отряды непріятеля были немедленно атакованы первыми изобразившимися и постоянно подкрѣпляемыми прибывавшими. Пикеты и отряды непріятеля не выдержали удара и послѣ безпорядочной, суетливой и кратковременной стрѣльбы бросились въ разсыпную внизъ въ долину р. Кинтриши и дажѣ въ Цахледзири; въ настоящую минуту войска колонны подполковника Козелкова заняли всѣ господствующіе пункты и, при помощи роты саперовъ, на нихъ устраниваются и укрѣпляются; потери колонны заключаются всего въ четырехъ раненыхъ нижнихъ чинахъ».

Таковы были извѣстія о блестящей операціи атаки возвышеннаго и изобилующаго всѣми данными для уворной обороны гребня Самеба; честь и слава исполнителямъ!

Вслѣдъ за полученіемъ извѣстій объ этихъ успѣхахъ, вѣтвь отъ Самеба (къ востоку), вверхъ по ущелью р. Кинтриши, къ сторонѣ движенія маіора князя Меликова, затрещала весьма оживленнымъ ружейнымъ перестрѣлка.

Турецкая артилерія высотъ Кварие, оставивъ безъ вниманія наши батареи по сю сторону Кинтриши, повела теперь ожесточенный огонь противъ войскъ, укрѣпившихся на Самеба; наша артилерія продолжала изрѣдка отвѣчать съ самой слабой надеждой на какой либо успѣхъ.

Особенно неудовлетворительны были условия стрельбы нашей крайней правофланговой артиллерии, а именно 2-й батареи 41-й бригады (подполковника Мейера).

Съ Демибекова кургана была совершенно ясно видна вся безрезультатность этой стрельбы, хотя бы и рѣдкой: гранаты или скрываясь, не показывая вовсе мѣста разрыва, или же мѣсто разрыва показывало громадные недолеты. Въ то же время два турецкихъ броненосца приблизившись къ устью р. Кинтриши и открыли огонь противъ войскъ праваго нашего фланга, главнымъ образомъ противъ батареи подполковника Мейера, анфилируя расположеніе войскъ колонны: лишь только изъ-за массы зелени показывался клубъ бѣлаго дыма, какъ броненосцы, давъ по этому дыму направленіе своимъ выстрѣламъ, бросали въ сторону расположенія колонны въ люнетъ №№ 6-го и 7-го нѣсколько бомбъ изъ своихъ, большого калибра, орудій. Направленіе выстрѣламъ давалось чрезвычайно вѣрное, и броненосцы начинали уже пристрѣливаться; съ высоты кургана казалось, что недолеты и перелеты уменьшились до 50-ти—60-ти саженъ.

Батарея подполковника Мейера продолжала между тѣмъ бесполезную стрельбу; продолжали стрельбу и броненосцы, давая чрезвычайно вѣрное направленіе своимъ выстрѣламъ. Командующій войсками обратился къ полковнику Филимонову, прося его принять немедленно мѣры къ прекращенію огня. Полковникъ Филимоновъ послалъ меня на батарею Мейера, но я не зналъ, какъ добраться до нея по столь пересѣченной мѣстности. Поравнявшись съ люнетомъ № 4-го, я былъ остановленъ офицерами 1-й батареи 41-й бригады, занимавшей люнетъ № 4-го: «куда и зачѣмъ?» обратились они ко мнѣ. Я объяснилъ—въ чемъ дѣло. «Позвольте», обратился ко мнѣ командиръ батареи полковникъ Войно-Оранскій: «не можетъ ли намъ быть полезенъ одинъ солдатикъ моей батареи, бѣгавшій ночью къ землянкѣ за хлѣбомъ въ батарею подполковника Мейера и посаженный мною за это подъ строгій арестъ?»

Я немедленно воспользовался предложеніемъ полковника Войно-Оранскаго и рѣшилъ взять себѣ въ проводники провинившагося смѣльчака; арестованный былъ моментально освобожденъ и объяснилъ, что онъ много разъ сворачивалъ и плуталъ, но что, въ концѣ концовъ, попалъ на настоящую дорогу, а вернувшись обратно, окончательно ее заволакивалъ и ругается не сбѣться.

Не теряя времени, я направился къ люнетамъ № 6-го и 7-го; дорога со всѣми извалинами и обходами была не болѣе 2½ верстъ, и мы скоро въѣхали въ полосу порѣдѣвшаго лѣса; здѣсь встрѣчены

были постами уже правой колонны, а вслѣдъ затѣмъ очутились на люнетахъ № 6-го и № 7-го.

На люнетѣ я засталъ все начальство правой колонны и прежде всего передалъ приказаніе «о немедленномъ прекращеніи огня».

Здѣсь я узналъ, что орудія 2-й батареи 41-й бригады заняли люнетъ только утромъ этого дня, что огонь открытъ былъ согласно диспозиціи и по приказанію начальства колонны, но отнюдь не по почину батарейнаго командира, что продолжали его съ цѣлью опредѣлять разстояніе до ближайшихъ верховъ, что бомбы двухъ броненосцевъ далеко не долетали, но что одна бомба упала въ промежутокъ между двумя правофланговыми постами цѣли, не причинивъ впрочемъ никакого вреда.

Съ прекращеніемъ огня батареею, броненосцы также прекратили свой огонь. По исполненіи порученія, я, тѣмъ же путемъ и съ тѣми же провожатыми, вернулся на Денибековъ курганъ.

Дождь не унимался, дороги становились грязными, спуски и подъемы скользкими.

Командующій войсками и полковникъ Филимоновъ продолжали еще оставаться на Денибековомъ курганѣ, наша артилерія на Хуцу-Убани всюду прекратила свой огонь; турецкая артилерія съ Кайрике продолжала изрѣдка пострѣливать по войскамъ, расположившимся на Самеба; по тѣмъ же войскамъ, слѣва, съ продолжавшагося далѣе на востокъ возвышавшагося гребня Самеба, собравшимися толпами жителей былъ открытъ ружейный огонь съ цѣлью возмѣщать нашимъ войскамъ устраниваться и укрѣпляться; по этимъ кучкамъ былъ открытъ огонь изъ горныхъ орудій.

Были уже извѣстія изъ лѣвой колонны князя Мезикова, сводившія къ тому, «что колонна, двигавшаяся вверхъ по р. Кинтриши, дошла безъ выстрѣловъ до мечети сел. Верхн. Кобулеты, гдѣ была встрѣчена излившимися покорностью жителями; что дальнѣйшее движеніе было сопряжено съ большими затрудненіями, представляемыми ибѣстностью и большими толпами неприятеля, который, пользуясь богатыми данными для упорной обороны, открылъ по колоннѣ сильный ружейный огонь; что войскамъ колонны приходилось выбивать неприятеля, двигаясь и избываясь по необычайно крутымъ и густо заросшимъ скатамъ возвышенностей, размытыхъ дождями; что колонна остановилась на высотахъ Зеняти, и что потери колонны заключаются въ четырехъ убитыхъ нижнихъ чинахъ и 26-ти раненыхъ, въ томъ числѣ одинъ оберъ-офицеръ».

Вечеромъ узнали мы отъ очевидцевъ и изъ болѣе обстоятельныхъ

донесеній различными подробностями операціи колоннъ полковника Гурчина. «Главнымъ виновникомъ быстрого и успѣшнаго движенія на высоту Самеба былъ самъ начальникъ правой колонны, пластуискій командиръ подполковникъ Козелковъ, приказавшій войскамъ своей колонны быстро двигаться впередъ и вверхъ, лично подавая тому прихвѣтъ, взбирался, бѣжалъ и карабкался, не смотря на нѣкоторую свою тучность, наравнѣ съ нижними чинами, приказывалъ не заботиться ни порядкомъ, ни стройностью, ни равненіемъ движенія, указывая лишь безостановочное движеніе, сохраняя правильное ему направленіе и имѣя въ виду лишь одну главную цѣль: быстройшаго достиженія господствующихъ пунктовъ и немедленнаго сбитія непріятельскихъ отрядовъ и пикетовъ».

Войска колонны хотя при подобнаго рода быстромъ движеніи и утратили тактическій порядокъ, что было неизбежно въ виду мѣстныхъ условій, но, при правильно намѣченномъ направленіи и рѣшительности исполненія, собрались на небольшихъ участкахъ господствующихъ пунктовъ въ достаточномъ числѣ и, будучи постепенно подкрѣплены сзади прибывавшими, дружнымъ и стремительнымъ ударомъ въ штыки уничтожили всякое сопротивленіе.

Что касается до дѣйствій колонны князя Меликова, то, по общему мнѣнію, это было тоже молодечье движеніе, въ которомъ съ блестящей стороны выказались военные способности колоннаго начальника и достоинства войскъ его колонны, особенно же вѣреннаго князю Меликову баталіона; не смотря на всю серьезность препятствій, результаты, достигнутыя движеніемъ и дѣйствіемъ колонны, не оставили желать ничего лучшаго.

Детали операціи колонны майора князя Меликова, на основаніи его донесенія и разсказовъ очевидцевъ, состояли въ слѣдующемъ. Какъ сказано выше, частныя задачи дѣйствій колонны состояли въ движеніи вверхъ по р. Кинтриши для установленія сношеній съ жителями, пожелавшими изъявить покорность, отрѣзаніи непокорныхъ отъ крѣпости и разсыпаніи праждебныхъ намъ скопищъ въ деревняхъ высоты Зенити, чѣмъ достигалась бы общая задача—обезпеченіе дѣлаго нашего фланга выставленіемъ заслона къ сторонѣ верховья р. Кинтриши, для обезпеченія части береговъ рѣки, черезъ которые имѣла быть продвинута впередъ наша операціонная линія.

Въ часъ ночи колонна уже была сосредоточена на указанномъ мѣстѣ и выждала, когда правая колонна стала спускаться къ р. Кинтриши, двинулась влѣво отъ нея подъ прямымъ угломъ. Болѣе получаса колонна вытѣивалась въ длинную и узкую кашку, какъ того

требовала тропинка, пролегавшая въ дѣйствиномъ лѣсу; замедленію этого перестроенія способствовала темнота ночи и осторожность, которая была необходима для внезапности появленія. Въ авангардѣ шли двѣ сотни гурійцевъ, за ними 1-я рота стрѣлковъ, затѣмъ два горныхъ орудія, за ними 2-я, 3-я и 4-я роты стрѣлковъ, затѣмъ пѣхотный обозъ, прикрываемый ротой ленкоранцевъ, выставившей и арьергардъ.

Колонна двигалась съ замѣчательной тишиной. Раздалась уже и выстрѣлы на Сажеба, когда колонна подошла безъ выстрѣла къ мечети деревни Верхніе-Кобулеты и здѣсь остановилась. Начало сѣнать.

Вѣрные дальнему слову и не смотря на всю тактическую выгоду своего положенія, жители сел. Верхніе-Кобулеты не дали по колоннѣ ни одного выстрѣла; большинство ихъ вышло на встрѣчу съ изъявленіемъ покорности и привѣтствія.

У кобулетской мечети, узкое ущелье Кинтриши нѣсколько расширяется и образуетъ котловину, схваченную съ сѣверной и западной стороны узкимъ гребнемъ, значительно господствующимъ надъ этой котловиной.

Оставивъ у мечети резервъ изъ роты Ленкоранскаго полка и сотни гурійцевъ, князь Меликовъ двинулъ остальными части колонны на ближайшій контрфорсъ, спускающійся впереди мечети. Съ высоты Зенити грянуло тогда нѣсколько выстрѣловъ, и колонна построилась въ боевой порядокъ: на правомъ флангѣ сотни гурійцевъ, лѣва въ частномъ резервѣ и частью у себя въ цѣли 3-ю роту стрѣлковъ; центръ и лѣвый флангъ составляли 1-я и 2-я роты стрѣлковъ; 4-я рота — въ общемъ резервѣ; два орудія заняли позицію на высотѣ склона главнаго хребта. Исполнивъ построеніе, войска остались на мѣстѣ, открывъ рѣдкій огонь цѣли. Тогда по всему лѣсистому гребню Зенити зажеглись ружейные дымки; по этому огню князь Меликовъ, опредѣливъ сразу и разлѣры позицій, и направленіе движенію колонны, подалъ сигналъ къ наступленію.

Перебѣгая отъ одного закрытія къ другому и старалась охватить лѣвый флангъ неприятельской позиціи, цѣль двинулась впередъ, а за нею резервы. Горные орудія открыли рѣдкій огонь, сначала гранатами, а потомъ, во мѣрѣ развитія боя, шрапнелью, направляла выстрѣлы на пункты, особенно густо занятые скопщиками. Наконецъ цѣль была остановлена на отрогѣ, параллельномъ неприятельской позиціи и находящемся отъ нея въ 600 шагахъ.

Скатъ хребта, занятый неприятелемъ, былъ покрытъ высокимъ бурьяномъ, что, при большой крутизнѣ его, не только не могло слу-

жить прикрытіемъ атакующимъ, но представляло большія затрудненія при входѣ на его вершину, во время штурма.

Кобулетцы и лазы (по преимуществу) умирно держались на своихъ неприступныхъ позиціяхъ; нашъ фронтальный огонь повидимому мало наносилъ имъ вреда.

Рѣшено было атаковать непріятеля, но, для облегченія фронтальной атаки, князь Мехлионъ направилъ по дорогѣ, скрытой отъ непріятеля, 1-ю и 4-ю роты (капитаны Полковниковъ и Горскій) съ цѣлю ударить въ правый флангъ непріятеля, старался имѣсть съ тѣмъ нѣсколько охватить его. Во главѣ этихъ ротъ сталъ майоръ Терешенко.

Движеніе 1-й и 2-й ротъ было исполнѣе успѣшно, и одновременно съ ихъ атакою въ правый флангъ непріятеля двѣ сотни храбрыхъ гурійцевъ, поддержанныя огнемъ 2-й роты стрѣлковъ, бросились на ура противъ лѣваго фланга непріятеля, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ съ высотъ Зенити и съ лѣваго берега рѣки.

Вслѣдъ за ними бросившись съ фронта и 3-я рота стрѣлковъ. До атаки гурійцы занимали полосу между высотами Зенити и р. Квирши, предупреждая тѣмъ прорывъ непріятеля на лѣвый берегъ р. Квирши, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ онъ могъ бы свободно пройти до высотъ Самеба и стать въ тылу колонны подполковника Козельова. Кобулетцы и лазы, охваченные столь быстро съ обѣихъ фланговъ, не выдержали молодецкаго и дружнаго удара, очистили хребтъ Зенити и скрылись за слѣдующимъ, паралельнымъ. Первый же хребтъ заняли немедленно 1-я и 4-я роты, вышедшія на его правый флангъ, и двѣ сотни гурійцевъ, а подошедшая 2-я рота стрѣлковъ заняла позицію противъ праваго фланга непріятеля, на которомъ, какъ показала послѣдовавшій бой, была сосредоточена большая часть непріятельскихъ силъ.

Вторая позиція кобулетцевъ была сильнѣе первой, и на ней, повидимому, они рѣшились держаться до послѣдней крайности, что было легко имъ привести въ исполненіе поды прикрытіемъ вѣтвистыхъ деревьевъ, за которыми могли стоять цѣлыя звенья, а главное вслѣдствіе того, что они вышли изъ сферы дѣйствія нашихъ картечныхъ гранатъ, удачно направляемыхъ изъ горныхъ орудій, которыя, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, не могли быть введены на высоты Зенити, обстрѣливаемыхъ съ расстоянія 300 шаговъ.

Было около 11-ти часовъ утра; перестрѣлка затихла. Сталъ накрапывать дождикъ, обратившійся искорѣ въ ливень. На востой позиціи рѣшено было оставаться впредь до полученія приказаній;

цѣль была усилена, и сообразно обстановкѣ майоромъ Терещенко были расположены ближайшія поддержки.

Не прошло и часа, какъ непріятель, получивъ поддержаніе, открылъ съ новой позиціи своей сильный ружейный огонь, которымъ анфилировалъ 2-ю роту, бывшую на лѣвомъ флангѣ. За нею уступомъ стояла 1-я рота, имѣя небольшую цѣль, загнутую подъ тупымъ угломъ назадъ. Наши цѣли открыли въ отвѣтъ также сильный огонь. Наибольшую массу непріятельскаго огня пришлось принять на себя 2-й и 4-й ротамъ, а въ особенности первой изъ нихъ, выдвинувшейся далеко впередъ всей линіи и упорно удерживавшей вершину, не смотря на жестокой огонь, направленный на этотъ пунктъ съ противной стороны.

Дивень становился сильнѣе, туманъ спускался ниже и окуталъ вершины деревьевъ стѣрой влажной массой.

Кобулетцы и лазы предприняли атаку позиціи 2-й роты, но князь Меликовъ направилъ немедленно 1-ю роту (капитана Полковникова) въ обходъ кургана къ цѣлю занять небольшое плато съ нѣсколькими стоявшими на немъ домами и ударить непріятеля во флангъ. Рота капитана Полковникова быстро совершила указанное движеніе и, занявъ дома, залегла за ними по наводно, открывъ немедленно сильный огонь. Это движеніе и, открытый ротою, огонь рѣшила участь боя: непріятель не выдержалъ и очистилъ свою вторую позицію. Въ четыремъ часамъ пополудни затихли и послѣдніе выстрѣлы.

Войска колонны пробывъ въ огнѣ свыше десяти часовъ и полевину этого времени подъ проливнымъ дождемъ.

Кобулетцы и лазы бѣжали въ горы; имущество ихъ осталось въ домахъ, такъ какъ они не допускали и мысли, чтобы русскіе могли проникнуть въ эти трущобы, гдѣ Зеняги и Ачкуа-става считались неприступными въ числѣ трехъ позицій во всей Кобулетин.

Мы упомянули выше о нашихъ потеряхъ, прибавимъ только, что большинство ихъ легло на стрѣлковъ; потери непріятеля исчислялись, по показаніямъ лазутчиковъ, въ 60 человекъ (1).

Войска колонны стали крѣпко на важной зенитской позиціи. Къ четыремъ часамъ, подошелъ и 2-й баталіонъ Ленкоранскаго полка со 2-й стрѣлковой ротой; войска эти сѣдѣли на зенитской позиціи 1-ю, 2-ю и 4-ю роты стрѣлковъ и обѣ сотни гурійцевъ (оставивъ на позиціи 3-ю роту стрѣлковъ).

(1) Въ числѣ троесовъ, 16-го мая, былъ между прочимъ взятъ съ патронами, отбитый ротамъ 4-го стрѣлковаго баталіона; гурійцами взвѣсъ съ бою для ружья съ патронами взвѣсомъ.

1-я, 2-я и 4-я роты, стрѣлковая рота лезгорайцевъ съ двумя орудіями составили общій резервъ и расположились на отрогѣ, съ котораго была поведена первая атака.

Въ виду полного пораженія кобулетцевъ, а слѣдовательно и невозможности ночнаго съ ихъ стороны нападенія, разрѣшено было развести костры, чтобы согрѣться и обсушиться.

Операции дня 16-го мая принесли цѣлый рядъ хорошихъ результатовъ: мы перешли безъ выстрѣла и безъ потерь сильную преграду — рѣку Кинтриши, заняли съ ничтожными потерями господствующія высоты Самеба и зенитскую позицію, на которыхъ стали твердой ногой, отрѣзали жителей отъ крѣпости и приблизились къ укрѣпленной линіи Цихедзири мѣстами уже на хорошей орудійный выстрѣлъ.

Съ занятіемъ господствующихъ пунктовъ гребня Самеба оставалось только распространиться вправо съ цѣлью захвата всего гребня, послѣднiго передъ высотами, входящими въ составъ укрѣпленной цихедзирской линіи.

Движеніемъ лѣвой колонны князя Меликова и расположеніемъ ея на высотахъ Зенити мы приняли угрожающее положеніе относительно части непризнаннаго намъ населенія Кобулетія, вслѣдствіе чего, въ тотъ же день, были первые изъявившіе покорность жители, продолжавшіе взывалъ таковую и въ послѣдующіе дни.

Разсматривая операцию дня 16-го мая, нельзя не замѣтить полной аналогіи съ операциями въ дни 14-го и 29-го апрѣля: то же движеніе съ одного гребня на господствующій пунктъ впереди лежащаго, то же движеніе уступомъ съ лѣваго фланга, то же охраненіе флаговъ движеніями: слѣва специальной колонны, а справа расположеніемъ уступомъ назадъ авангарда правой колонны.

Операция дня 16-го мая сравнительно съ таковыми 14-го и 29-го апрѣля облегчалась: относительной короткостью новаго продолженнаго операционнаго пути, командованіемъ Денибекова кургана, превосходнымъ обстрѣливаніемъ скатовъ Самеба съ разстоянія хорошаго орудійнаго выстрѣла, а все это, въ общей совокупности, облегчало поддержку, способствовало быстротѣ движенія и гарантировало внезапность исполненія предпріятія.

Въ день 29-го апрѣля успѣхъ операций заключался главнымъ образомъ въ рѣшительномъ дѣйствіи артилеріи и удачномъ выборѣ момента для прорыва длинной хуцу-убанской позиціи; въ день 16-го мая успѣхъ операциі заключался въ скрытности, быстротѣ движенія и стремительномъ натискѣ.

Дождь, не умолкавший весь день 16-го, не переставал и всю ночь; становилось всё ещё скверно: грязно, сыро, холодно.

День 17-го был хорошей; мы были в такой зависимости от погоды, что всё члены отряда одинаково ценили хороший день.

Съ утра 17-го вездѣ просушивается имущество и офицерское, и солдатское. Часовъ въ 11 мы побывали на дюнетахъ праваго фланга №№ 5-го, 6-го и 7-го, въ расположеніяхъ 4-й и 2-й батарей 41-й бригады, куда ѣздили по дорогѣ, ведущей изъ Муха-Эстате.

Обѣ названныя батареи продолжали устраиваться: досыпались бруствера, углублялись рвы, расширялась мѣстность; также дѣлательно разрабатывалось сообщеніе между обѣими колоннами по Хуцу-Убанскому хребту, и устанавливалась между ними связь помощью расположенія въ промежуткѣ дюнетовъ №№ 4-го и 5-го и №№ 6-го и 7-го, новыхъ частей и выставленіемъ пикетовъ и постовъ на правомъ берегу р. Кинтриши вдоль всего гребня Хуцу-Убани.

Мѣсто расположенія дюнета № 7-го представляло собой продолговатый курганъ на общемъ гребнѣ Хуцу-Убани, тянущихся въ видѣ дуги съ сѣвера и постепенно мѣняющихъ свое направленіе на западъ.

Расположеніе дюнета становилось все сильнѣе и сильнѣе и составляло теперь уже сильное опорное мѣсто всего нашего праваго фланга. Опираясь на дюнетъ № 6-го и № 7-го, правой колоннѣ предстояло теперь понемногу и постепенно изслѣдовать всю мѣстность вправо до Кинтришской поляны, изслѣдовать также берега рѣки и приступать осторожно и скрытно къ изслѣдованію противоположнаго берега.

Движеніемъ съ Самеба вправо и съ дюнета № 7-го впередъ черезъ рѣку, колонны должны были встрѣтиться и образовать желѣзный полукольцо, охватывающій укрѣпленную линію Кавраке—Дегла—Цихидзара.

Но это соединеніе было вопросомъ времени и требовало систематическаго исполненія.

Предстоявшія правой колоннѣ изслѣдованія и осматриванія требовали равно и смѣлости, и осторожности, при условіи постепеннаго и постоянного знакомства съ мѣстностью, — задача, которая начала, мало по малу, приводится въ исполненіе помощью команды охотниковъ колонны, сформированной по вызову въ 20-ти стрѣлковъ при двухъ унтеръ-офицерахъ и 22-хъ ланцерахъ, подъ общей командой прапорщика стрѣльбоваго баталіона Лемени-Македона.

Съ 17-го мая уже началась дѣятельность партизановъ означеннаго офицера, направляемая начальникомъ колонны и его начальникомъ штаба капитаномъ Левашевымъ.

Колонна князя Меликова продолжала стоять весь день 17-го на занятых ею накануне зенитских позициях, ведь переговоры с жителями, склонившимися к покорности, а колонна подполковника Козелкова продолжала утруждаться и укрепляться на Самеба; в то же время от наведенного через Кантриши моста разрабатывалась дорога вверх на Самеба.

День 18-го мая опять хороший. Колонна князя Меликова вечером покинула зенитскую позицию и возвратилась на Хуцу-Убани; дальнейшее занятие Зенити удлиняло нашу позицию и разбрасывало силы, нужные теперь для выполнения первоочередной задачи — действия против крепости. Кроме того, усилък сношения с жителями и дружественного къ намъ съ ихъ стороны расположения считались достаточно установленными; къ тому же регулярная войска, засѣвъ въ цахисдарскихъ линияхъ, рѣшились, повидимому, дѣйствовать, пассивно и ожидать насъ въ крѣпкихъ своихъ оборонительныхъ линияхъ. Можно было опасаться враждебныхъ дѣйствій отъ жителей селеній Ачуа-стави, бывшихъ у насъ на лѣвожъ флангѣ и ничѣмъ еще не завоинныхъ желаній быть съ нами въ приэни.

19-го съ раннего утра весь нашъ маленький лагерь (артиз. штаба) былъ разбуженъ выстрѣлами, гдѣ-то влѣво, въ ущельѣ Ачуа-стави, и когда потребовались услуги денщикомъ, то у многихъ таковыхъ не оказалось, — они были въ набѣгѣ, за цѣпью Грузинской дружины, въ лѣсу, гдѣ, въ какихъ-то хатахъ, обрѣталось изобиліе кукурузы.

Эта стрѣльба, какъ намъ казалось, имѣла связь съ ихъ предпріятіемъ; нѣкоторые изъ нихъ ушли, не испросивъ даже разрѣшенія, и до сихъ поръ не явились. Только къ тремъ часамъ явились наши жародеры, безъ добычи и безъ одного товарища — докторскаго денщика.

Объяснилось, что жители устроили имъ засаду, допустили ихъ заняться сборомъ кукурузы и, давъ тогда по нихъ задѣвъ, атаковали ихъ, по денщика, побросавъ добычу, бросались въ разсыпную въ лѣсѣ, гдѣ прятались цѣлый день и, къ тремъ часамъ, пробрались за нашу цѣпь благополучно, а о судьбѣ докторскаго денщика ничего же знаютъ.

20-го мая съ раннего утра начальникъ штаба и начальникъ артилеріи предприняли поѣздку на крайній правый флангъ нашего хуцу-убанскаго расположенія, т. е. въ сторону лѣветовъ №№ 6-го, 7-го и 8-го; особенно интересно было ознакомиться съ участкомъ мнимаго лѣвета № 8-го, который вовсе и не предполагалось воору-

жать орудіями, и постройка котораго имѣла лишь демонстративное значеніе.

Это былъ крайній правофланговый пунктъ нашъ, занятый лишь секретами; саперы устроили амбразуры, изъ которыхъ выглядывали деревянныя болванки, весьма искусно поддѣланныя подъ орудія.

Чтобы окончательно ввести турокъ въ заблужденіе, начальникъ штаба просилъ полковника Филимонова, обладавшаго сильнымъ голосомъ, въ ту минуту, когда вся наша конная группа въѣдетъ на курганъ, поздороваться съ миннымъ гарнизономъ и прислужой минныхъ орудій; всѣ же мы остальные, не исключая и самого полковника Филимонова, должны громко отвѣтить на пріветствіе; все это было поддѣлано очень искусно и правдоподобно.

Отсюда всѣ долго присматривались и изучали и противоположный берегъ, и сѣверо-западные верки Цихисдаири, бывшіе отсюда уже очень близко, но отдѣленные разливомъ Кинтриши и болотами и прерасно оборонявшимися флаговыми огнемъ турецкаго флота; это была самая непреступная часть крѣпости.

Въ 10-мъ часу мы уже возвращались въ лагерь на р. Ачхуа, когда на пути полковникъ Казбекъ получалъ извѣстіе, привезенное лазутчикомъ, о движеніи Османа-паши-Тавдгеридзе (моего знакомаго до войны) съ сильной партіей въ нѣсколько сотъ человекъ, преимущественно изъ жителей селенія Ачхуа-стани и близокъ, на Верхніе Кобулеты, съ цѣлью наказать ея жителей за измѣненіе намъ вѣрности.

Вслѣдствіе этихъ извѣстій полковникъ Казбекъ привелъ немедленно цѣлый рядъ мѣръ и, давъ знать обо всемъ начальнику лѣвой колонны полковнику Гуряну, полчаса спустя самъ туда поѣхалъ. Мѣра для огражденія передаваемаго намъ селенія состояла въ организаціи и движеніи колонны изъ 4-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, трехъ ротъ 1-го баталіона Ленкоранскаго полка, 1-й пѣшей Гурійской дружины и взвода 6-й батареи 41-й бригады подъ общимъ начальствомъ полковника Гуряна; при колоннѣ находился и полковникъ Казбекъ.

Выступивъ въ два часа пополудни, колонна направилась въ сел. Зенити, куда могла всегда поспѣть къ 3¹/₂ часамъ пополудни.

Въ то же время, въ тѣ же 2 часа пополудни, согласно отданнаго наканунѣ приказанія, выступила на Самеба и 2-я батарея 19-й бригады по только-что оконченной грунтовой дорогѣ.

Спустившись съ Денибекова кургана въ долину Кинтриши и перейдя рѣку по вновь наведенному мосту (лѣвофланговому), батарея

поднялась на вершину Самеба по новой дорогѣ, шедшей многими изгибами. Дорога, проведенная всего въ трое сутокъ времени, поражала громадностью труда, положеннаго въ столь короткій срокъ.

Въ 4-мъ часу, въ сторонѣ сел. Верхніе-Кобузеты и Зенити, встрѣчала ружейная трескотня, прерываемая изрѣдка гуломъ выстрѣловъ горныхъ орудій, разнесившимся въ дѣсистыхъ ущельяхъ; то была встрѣча полковника Гурчина съ Османомъ-пашой.

Въ отрядѣ долго не было извѣстія о ходѣ дѣла.

Только вечеромъ стало извѣстно, что колонна полковника Гурчина была встрѣчена у сел. Зенити въ 3^{1/2} часа выстрѣлами; что немедленно были выдвинуты ѣбни гурійцевъ и стрѣлковъ, отбѣснившихъ непріятеля на отроги Чахатскихъ горъ, что съ означенныхъ горъ Османъ-паша продолжалъ дѣйствовать по войскамъ колонны, что на высоты Зенити были выдвинуты изъ резерва на линію гурійцевъ и стрѣлковъ и горныя орудія, подѣ прикрытіемъ трехъ ротъ ленкоранцевъ, что огонь горныхъ орудій и огонь усиленной ѣбни заставлялъ непріятеля прекратить бой и бросить свою вторую позицію, что къ 8-ми часамъ вечера перестрѣлка прекратилась вовсе, что нападеніе на передавшіеся намъ селенія была произведена партіей, состоявшей по преимуществу изъ жителей селенія Ачкуа-стави, столь упорно намъ враждебной. На слѣдующій день 21-го мая предполагалось направить противъ селеній Ачкуа-стави, гнѣздившихся на лѣвомъ нашемъ флангѣ, три колонны: первая подѣ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Гурчина, въ томъ же составѣ, у селенія Зенити; вторая—князь Чавчавадзе, изъ 2-го баталіона Ленкоранскаго полка, двухъ ротъ Александропольскаго, одной роты Закавказскаго, двухъ сотенъ Грузинской пѣшей дружины, взвода горныхъ орудій и взвода конно-ирегулярнаго полка, и третья—выдѣленная изъ состава войскъ Гурійскаго отряда, для чего она должна была собраться на Чолокъ у Капутскаго поста въ составѣ трехъ ротъ Закавказскаго полка, 180-ти человекъ Гурійской и Грузинской милиціи и 50-ти конно-ирегулярныхъ всадниковъ, подѣ начальствомъ начальника Гурійскаго отряда капитана 1-го ранга Корганова.

Въ 9 часовъ вечера части колонны князя Чавчавадзе, долженствовавшія оперировать вверхъ по теченію р. Ачкуа-стави, сосредоточились какъ разъ у расположенія нашего артилерійскаго штаба, а два горныя орудія бивакировали всего въ 30-ти шагахъ отъ палатки начальника артилеріи. Командира горнаго взвода поручика Варганова мы пріютили на ночь у себя.

Съ ранняго утра 21-го мая началось выступленіе колонны съ

биваковъ, занятыхъ вечеромъ 20-го мая, и въ скоромъ времени въ разныхъ мѣстахъ этой дикой, страшно пересѣченной и густо заросшей полосы затрещали ружейные и орудійные выстрѣлы.

Бой начался прежде всего у Зенити, у полковника Гуряна, при колоннѣ котораго находился и полковникъ Каабекъ, директировавший общими дѣйствіями всѣхъ трехъ колоннъ.

На правомъ флангѣ боеваго порядка колонны полковника Гуряна были гурійцы, на лѣвомъ — левкоранцы, въ центрѣ — стрѣлки съ двумя орудіями. Въ самомъ началѣ движенія ожесточенный огонь непріятеля былъ направленъ противъ гурійцевъ и стрѣлковъ, но тѣ и другіе бросились впередъ и атаковали высоты; тутъ же по-прежнему и молодецки поддерживали ихъ и левкоранцы.

Непріятель былъ сбитъ, и позиція осталась за нами. Но, прежде чѣмъ окончательно ее бросить, нѣсколько десятковъ храбрецовъ долго еще держались на флангѣ, за удобными закрытіями, пока находившійся противъ нихъ заводъ стрѣлковъ не бросился на нихъ стремительно въ штыки, въ составѣ 30-ти человекъ, подъ командой прапорщика Попова; тогда бѣжали и эти остатки, бросивъ ружья и оставивъ патроны.

Съ занятіемъ позиція этой, путь колонны на дер. Ачукастави уже не представлялъ большихъ затрудненій.

Такъ же удачно двигалась и колонна князя Чачавадзе, преодолевъ большія трудности, но шагъ за шагомъ приближался къ дер. Ачукастави и выбивъ непріятеля изъ заваловъ и сакель.

Далеко не такъ успѣшно было движеніе колонны капитана 1-го ранга Корганова, двигавшейся отъ Какутскаго поста.

По слухамъ, ее постигла чуть-ли не цѣлая катастрофа, и только движеніемъ колонны князя Чачавадзе она была выведена изъ безысходнаго положенія; на нее особенно пали жители и, пользуясь мѣстностью, нанесли ей относительно большія потери.

Вообще же жители Ачукастави понесли въ этотъ день значительный уронъ, преимущественно отъ движенія и дѣйствія первыхъ двухъ колоннъ, побывавшихъ въ ихъ гнѣздахъ-жилищахъ.

Цѣлый день изъ-за лѣса поднимались то тамъ, то сямъ столбы дыма, означавшіе наказаніе, понесенное жителями за враждебныя имъ дѣйствія и за ванаденіе на Верхніе-Кобулеты.

Въ ночь съ 21-го на 22-е мая войска обѣихъ колоннъ направлялись обратно, и только въ селеніи Верхніе-Кобулеты оставлены были два баталіона.

Трудно себѣ представить обстоятельный отчетъ о послѣдствіяхъ

движенія 21-го мая: мы возвратились обратно на свои позиціи, отношенія къ намъ жителей не измѣнились, а между тѣмъ неудача колонны капитана Корганова произвела дурное впечатлѣніе и въ отрядѣ, и въ Гуріи, хотя, съ другой стороны, жители Ачхуа-стави были хорошо наказаны.

Боевъ 21-го мая закончились наши наступательныя операціи противъ жителей, и дѣятельность отряда сосредоточивается отнынѣ на переходѣ Кинтриши авангардомъ правой колонны, на занятіи тѣмъ же авангардомъ Столовой горы и постепеннымъ на ней нашимъ утвержденіемъ, а также на исхлѣдованіи и окончательномъ утверженіи нашемъ на гребнѣ Самеба.

VIII.

Постепенное утверждение отряда на высотах Столовой горы.

Долина рѣки Киятриши.—Дома и жилища кобулетцев.—Жители на восточномъ крайѣ Самеба.—Перестрѣлка и переговоры.—Движеніе хребта Самеба на четыре характерныя группы.—Занятіе Столовой горы авангардомъ правой колонны.—Тревожная и бдительная служба 2-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона на Столовой горѣ.—Опасное положеніе авангарда.—Пассивность турокъ.—Растянность нашихъ передовыхъ позицій съ фронта.—Торжественный день 28-го мая.—Обращеніе князя Святополкъ-Мирскаго къ жителямъ.—День 2-го іюня.—Реконвояцировка.—Подробности дѣла 2-го іюня и молодецкая атака стрѣлковыхъ заставъ.—Штабсъ-капитанъ Пржевальскій.—Партизаны поспѣваютъ къ мѣсту схватки.—Тури опрокинуты и ихъ отступленіе.—Наши потери.—Артиллерійскій огонь непріятеля.—Прочное и окончательное утвержденіе наше на высотахъ Самеба и Столовой горы.

Съ утвержденіемъ войскъ лѣвой колонны на высотахъ Самеба, съ проаводствомъ реконвояцировокъ и изслѣдованій какъ гребня Самеба, такъ и узкаго ущелья р. Киятриши, вверхъ и внизъ отъ лѣвофланговаго моста, мы начинали ознакомляться съ роскошной долиной р. Киятриши, образуемой отлогими скатами Хуцу-Убани съ сѣвера, Самеба и Столовой горы съ юга.

На скатахъ Самеба живописно пріютились изящныя чистенькіе домики, искусно построенные изъ рѣдкихъ породъ орѣха, каштана и дуба; ихъ красныя черепичатыя крыши мелькаютъ черезъ каждые 40, 50 шаговъ, среди густой листвы клена, дуба, орѣха, группъ фиговыхъ, лимонныхъ и гранатовыхъ деревьевъ, ихтъ, кипарисовъ и другихъ представителей богатой флоры края. Всѣ дома двухъ-этажныя. Нижний этажъ служитъ для хозяйственныхъ нуждъ,—верхній составляетъ жилое помѣщеніе, раздѣленное на мужскую и женскую половины. Всѣ эти домики были покинуты обитателями. Судя по нѣ-

которымъ предметамъ мебелировки и домашней утвари, оставшимися въ домахъ, легко было заключить, что большая часть обитателей въ жилища не только безбѣдно, но даже и съ известнымъ комфортомъ.

Мѣстами, у домовъ, помѣщавшихся близко къ рѣкѣ, были устроены роскошныя ванны. Особенно хороши были дома сев. Верхнихъ Кобулетъ. Мы уже говорили выше, что хребетъ Самеба есть ничто иное какъ кражъ Аджарскаго хребта, постепенно опускающагося къ западу, къ морю и наполняющаго своими отрогами все лѣсное пространство между рѣками Кинтриши и Кинтышъ.

Занимая 16-го мая только ту часть этого кража, которая находилась противъ Денибекова кургана и изобилвала отдѣльными площадками и курганами и была застроена домиками, мы и не думали занимать продолженіе этого кража вверхъ и влѣво, хотя это продолженіе и командовало занятыми нами пунктами Самеба и хотя мысль о движеніи вверхъ и влѣво была заманчива, обща я еще большее командованіе и какъ бы обходъ Квирке. Въ сущности же дальнѣйшее продолженіе къ востоку лѣваго фланга нашего усложняло наши операци, безъ того требовавшія столько времени, и растягивало позицію по фронту не по силамъ кобулетскаго отряда, въ виду сильной крѣпости и полной возможности непріятеля сосредоточить значительныя силы.

На высоту этого кража, командующаго надъ Самеба, забиралась иногда небольшія партіи кобулетцевъ и аджарцевъ, потѣшавшихся стрѣльбою по биваку колонны подполковника Козелова. Бывшія тамъ роты Севастопольскаго полка, вооруженныя винтовками Карли, не могли соперничать съ ружьями Мартини-Нибоди, и потому туда посылались въ минуты перестрѣлокъ роты 4-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона. Съ горы, гдѣ кобулетцы залегали для стрѣльбы по Самеба, часто и явственно долетали до насъ слова на чистомъ русскомъ языкѣ, напримѣръ: «Эй! стрѣлки, довольно стрѣлать, мы тоже не будемъ!» Послѣ ряда опытовъ со стороны стрѣлковъ на этомъ гребнѣ кобулетцы перестали вовсе собираться.

Хребетъ Самеба, постепенно понижался къ западному своему направленію, перехватывался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небольшими дощичками, спускавшимися въ долины рѣкъ и превращавшихся далѣе въ глубокія, мрачныя, лѣсные балки. Въ этихъ же мѣстахъ по долинѣ гребня слагывались какъ бы отдѣльные участки, заключавшіеся въ площадкахъ или господствующихъ курганахъ и которыхъ наиболѣе характерныхъ по всему гребню образовалось четыре, считая въ томъ числѣ и группу въ перпендикулярномъ направленіи, въ видѣ отдѣль-

ной лавы, отходившей от гребня Самеба, по характеру своего сложенія окрещенной названіемъ Столовой горы.

Каждая изъ четырехъ группъ, различныхъ по своей высотѣ, характеру рельефа и направленію гребня, дробилась въ свою очередь на нѣсколько второстепенныхъ высотъ и площадокъ. Эта раздѣльность на характерныя группы гребня Самеба вызвала въ послѣдствіи дѣленіе позиціи на участки и каждого участка на болѣе мелкіе.

Хотя географическое названіе Самеба принадлежало всему гребню, но войска отряда называли Самеба только, занятый 16-го мал колонной подполковника Козелкова правофланговый, наиболѣе возвышенный и наиболѣе удаленный отъ линіи неприятельскихъ укрѣпленій, участокъ; второй же—центральная группа—получала названіе Лѣсистаго кургана; третья группа, находившаяся въ узлѣ соединенія гребня Самеба и Столовой горы, называлась также Лѣсистымъ курганомъ, который мы, въ отличіе отъ перваго, назвали Малымъ Лѣсистымъ курганомъ; четвертой группой будетъ Столовая гора, отходившая отъ гребня Самеба у Малаго Лѣсистаго кургана и упиравшаяся въ р. Кинтриши, какъ разъ противъ расположенія войскъ правой колонны.

Вообще необходимо замѣтить, что во всемъ этомъ лабиринтѣ лѣсистыхъ холмовъ, ущелій, балокъ, овраговъ и пр. было чрезвычайно трудно ориентироваться, и только продолжительное пребываніе на какомъ либо участкѣ знакомило частныхъ начальниковъ и самыя части съ подробностями занятой ими позиціи, но это необходимо ограничивалось только своимъ участкомъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что русскимъ войскамъ рѣдко когда приходилось имѣть дѣло съ такой закрытой, пересѣченной мѣстностью и притомъ разнообразной и дикой природой, развѣ только въ лѣсахъ Ичкеріи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Абхазіи и страны Абдзеховъ.

Если въ притоптанному и извѣстому рельефу прибавить еще густо заросшія, вѣковой, подутрошническій лѣсъ, то будетъ понятны свойства закрытости и полная невозможность, въ короткое время и лишь изъ нѣсколькихъ поѣздокъ, ознакомиться съ общими и частными характеромъ мѣстности гребня Самеба и долины р. Кинтриши.

Начальникомъ штаба полковникомъ Казбекомъ были чрезвычайно вѣрно намѣчены главныя группы самебской позиціи, которыя могли получить самостоятельное тактическое значеніе.

Съ занятіемъ Самеба 16-го мал мы утвердились на лѣвомъ флангѣ гребня; дальнѣйшее распространеніе по гребню должно было произойти изъ двухъ исходныхъ точекъ и постепенно, систематически.

Движеніемъ съ бивака подполковника Козелкова вправо мы долж-

ны были занять большой лѣсистый курганъ, движеніемъ авангарда правой колонны черезъ рѣку на противоположкія высоты мы заняли Столовую гору, а далѣе впередъ—и Малый Лѣсистый курганъ, чѣмъ и смыкалось полукольцо послѣдней позиціи нашей передъ верками укрѣпленія Кларике-Дегва-Цихидвири.

Въ теченіе времени съ 21-го мая мы неоднократно совершали походы на высоты Самеба, созерцая съ высотъ недоступную систему неприятельскихъ позицій.

Въ трубу были видны и производившіяся у неприятеля работы, и особенно отчетливо Желтая батарея Кларике, дѣйствовавшая черезъ банкъ: были видны номера прислуги, когда они становились у орудій для дѣйствія, и фигура толстаго офицера, позыбливагося на брустверѣ.

Занятіе Столовой горы авангардомъ правой колонны было назначено на 25-е мая.

23-го ночью было получено приказаніе: «2-му стрѣлковому баталіону 24-го числа, рано пообѣдавъ, выступить съ позиціи, перейти въ бродъ рѣку Клитриши и занять высоты Самеба правѣ лѣвой колонны и Столовую гору». Для исполненія этой осторожной и важной операціи въ 12 часовъ ночи были высланы партизаны колонны на ту сторону р. Клитриши, на Столовую гору, для выслѣживанія высоты и устраненія случайностей.

На другой день рано утромъ, пообѣдавъ, выступилъ и баталіонъ, имѣя во главѣ 2-ю роту, высланную авангардомъ, и патрули; за ней двигались и остальные роты баталіона. Перейдя рѣку, 2-я рота, прямо передъ собою, поднялась и заняла одну изъ высотъ, выставивъ нѣсколько постовъ; правѣ, по гребню, расположилась 4-я рота, 3-я рота—на Столовой горѣ; 1-я рота поставлена въ резервъ, а охотники поставлены на правомъ флангѣ.

При ротахъ былъ начальникъ штаба колонны капитанъ Левашевъ и офицеръ корпуса топографовъ, снимающій мѣстность.

Часу во второмъ пополудни, на правомъ флангѣ раздалось нѣсколько отдѣльных выстрѣловъ, и вскорѣ было получено донесеніе командира 3-й роты (поручика Страдовскаго), что неприятельскіе патрули, пользуясь пересѣченной мѣстностью, подходили шаговъ на 50, но были истрѣчены выстрѣлами нашей цѣпи и, съ потерей трехъ человекъ раненыхъ, скрылись.

На донесеніе это подполковникъ Макѣевъ, командиръ баталіона, послалъ приказаніе: «третьей ротѣ, выставивъ нѣсколько постовъ—звеньевъ для наблюденія, держаться сосредоточенно за возвышенностью на хребтѣ, не обнаруживая себя, и безъ крайней надобности не

стрѣлять». Вскорѣ получено новое донесеніе изъ 3-й роты съ праваго фланга: «что видно движеніе въ турецкомъ лагерь, что около шита ротъ спустились въ оврагъ, и что опять показывались патрули на близкомъ разстояніи». За нимъ слѣдовало приказаніе: «въ случаѣ наступленія турокъ, держаться на занятой позиціи до послѣдней возможности». Новое донесеніе изъ цѣли сообщало: «что войска противника поднялись опять на противоположный берегъ оврага и заняли савли въ разстояніи 700—800 шаговъ отъ нашей цѣли», на что подполковникъ Макѣевъ приказывалъ «усилить цѣль и встрѣтить турокъ въ случаѣ ихъ наступленія частымъ огнемъ цѣли, залпами сомкнутыхъ частей и штыками». Затѣмъ до вечера все было тихо. Нельзя не замѣтить, что положеніе стрѣльцоваго баталіона было опасно. Вечеромъ пришелъ на поддержку 2-й баталіонъ Ленкоранскаго полка. Прибыли кухни; нашли для нихъ мѣсто, и котлы закипѣли. На ночь выставлены были въ опасныхъ мѣстахъ секреты.

Позиція Столовой горы и сосѣдняго Малаго Лѣсятаго кургана какъ по своей величинѣ, такъ и по характеру далеко не соответствовала силамъ двухъ баталіоновъ въ виду того, что непріятель, на сторонѣ котораго было и знаніе мѣстности, могъ выдвинуть изъ Цихидзари значительныя силы и могъ не только отнять Столовую гору, находившуюся всего въ 3,000—4,000 шагахъ отъ укрѣпленія его, но и нанести намъ серьезное пораженіе въ лицѣ нашихъ двухъ баталіоновъ, которые могли бы очутиться въ безвыходномъ положеніи. Но въ день 24-го и въ ночь съ 24-го и 25-го турки не проявляли инициативы, и ночь прешла спокойно.

Одновременно съ занятіемъ Столовой горы съ бивака подполковника Козелкова, 1-я и 4-я роты 4-го Кавказскаго стрѣльцоваго баталіона подъ командой майора Терещенко произвели еще 23-го мая рекогносцировку части Самеба вправо по гребню и заняли безъ выстрѣла весь гребень до Большаго Лѣсятаго кургана, гдѣ и остались весь день 24-го, какъ бы прикрывая, въ центрѣ, операціи 2-го стрѣльцоваго баталіона.

День 25-го мая былъ наполненъ работами по устройству сообщеній вдоль позиціи: саперы подъ прикрытіемъ вѣхоты спускали дорогу съ бивака подполковника Козелкова на западъ и отъ этой дороги проводили вѣтвь къ среднему мосту и къ крайнему правофланговому мосту, у мѣста сообщенія черезъ рѣку правой колонны съ ея авангардомъ—2-мъ стрѣльцовымъ баталіономъ.

Столовую гору продолжали бдительно охранять 2-й стрѣльцовый баталіонъ, действуя чрезвычайно осторожно, и старался ничѣмъ не

выдать своего присутствія; дѣйствіе его стоялъ баталіонъ ленкоранцевъ, и это было все, что у насъ было на правомъ флангѣ.

Хотя желѣзное полукольцо и сомкнулось, но въ центрѣ и на правомъ флангѣ оно было еще очень жидко; войска, бывшія здѣсь, еще не освоились съ особенностями мѣстности и не были еще связаны опредѣленными дорогами съ главными силами.

Утромъ роты ленкоранцевъ смѣнили 2-ю и 4-ю роты стрѣлковъ, которыя собрались въ резервъ; ленкоранцы занимали Малый Лѣсистый курганъ и влѣво отъ него также двумя ротами, имѣя двѣ остальные въ резервѣ.

Линія цѣпи стрѣлковъ шла отъ Малаго Лѣсистаго кургана и тянулась вдоль гребня Столовой горы вплоть до лѣваго берега р. Квирши, оканчиваясь отдѣльнымъ наблюдательнымъ пикетомъ.

Весь восточный и западный склоны Столовой горы видны были турками съ высоты Квирше какъ на ладони, а именно съ Желтой батареи, которая, лишь только замѣтитъ на ней кучку людей, какъ сейчасъ же посылаетъ туда гранату. Вслѣдствіе этого смѣна цѣпей на Столовой горѣ производилась слѣдующимъ образомъ: рота, которая по очереди занимала посты, останавливалась на сѣверномъ склонѣ, не выходя на гребень, и затѣмъ, по одному и по два человека, отправлялась смѣнять старую цѣпь, начиная съ лѣваго фланга—самаго дальняго. Смѣна эта продолжалась, по меньшей мѣрѣ, часъ.

Смѣнившіеся люди уже не возвращались назадъ по той же дорогѣ, а шли внизъ, по восточному склону, прямо къ биваку баталіона. Съ перваго же дня занятія Столовой горы, турки приняли за правило угощать цѣпь ежедневно въ полдень тремя-четырьмя гранатами съ Желтой батареи, пользовались тѣмъ, что могли обстрѣливать проходно и вѣстѣ съ тѣмъ безнаказанно, такъ какъ на Большомъ Лѣсистомъ курганѣ, vis-à-vis Желтой батареи, нашей артилеріи еще не было. День 26-го мая продолжался въ работахъ и бдительномъ охраненіи нашей позиціи; все было покойно.

Вечеромъ на позицію Столовой горы пріѣзжалъ начальникъ отряда генералъ Деибеконъ, осматривавшій работы и позицію праваго фланга.

День 27-го мая прошелъ также въ обычныхъ работахъ и службѣ на позиціяхъ; работы подвигались весьма успѣшно, и уже намѣчались кое-гдѣ мѣста для батарей на гребнѣ Самеба.

28-го мая былъ торжественный и шумный день для отряда: пріѣхавшій изъ Озургеть помощникъ главнокомандующаго генералъ-адъютантъ князь Святловскъ-Мирскій раздавалъ знаки отличія воен-

ваго ордена чинамъ отряда, говорили отъ лица Великаго Князя съ жителями, изъявившими покорность, и обязались всѣмъ позиціямъ отряда.

Объѣздъ, начавшійся съ лагеря на р. Ачуа-стави, шелъ далѣе на Денибековъ курганъ, съ кургана, черезъ лѣвофланговый мостъ на Самеба, къ биваку колонны подполковника Козелкова, далѣе, вдоль всего гребня Самеба, вплоть до Столовой горы, и у Столовой горы, черезъ правофланговый мостъ, князь Святополкъ-Мирскій обратно переправился черезъ р. Кинтраши и мимо люнетовъ № 6-го, 7-го вернулся къ лагерю штаба на р. Ачуа.

Особенно опасно было движеніе громадной массы конныхъ провожатыхъ князя по дорогѣ отъ занятаго нами правофлангового конца Самеба по слату Столовой горы: дорога эта во многихъ мѣстахъ афилируется орудійнымъ огнемъ съ Желтой батареей Квирике, и до сихъ поръ турки постоянно сторожили поппленіе на видимыхъ имъ участкахъ нашихъ рабочихъ и сейчасъ же пускали нѣсколько гранатъ на участки дороги, но на этотъ разъ, въ силу неизвестной причины, не послѣдовало ни одного выстрѣла по дорогѣ, заполненной на огромномъ своемъ протяженіи массой всадниковъ.

Послѣ объѣзда, на площадкѣ штабнаго лагеря собрана была пестрая и живописная толпа кобулетцевъ, изъявившихъ уже покорность и еще желавшихъ изъяснить такую; первые сдали свои ружья, исключительно винтовки Свайдера, сильно повороченныя, что наводило на мысль, что они были сданы по негодности; вторые имѣли при себѣ свои винтовки или Пибоди, или магазинныя.

Князь Святополкъ-Мирскій вышелъ изъ шатра, для него разбитаго, и обратился къ нимъ съ рѣчью; переводилъ князь Гуріель: «Вы доказали, что вы храбры, говорили, между прочимъ, князь Святополкъ-Мирскій: — теперь докажете, что вы благоразумны».

Кобулетцы, образовавъ кругъ, съ большимъ вниманіемъ слушали каждое слово и тѣсно жались къ серединѣ, занятой княземъ Святополкъ-Мирскимъ, переводчикомъ и почетными жителями.

Обращеніе къ жителямъ кончилось, началась раздача крестовъ, законченная церемоніальнымъ маршемъ кавалеровъ подъ музыку Закавказскаго полка.

Кобулетцы были свидѣтелями военнаго торжества и возвратились во-своица, начѣмъ, въ сущности, по отношенію насъ не связанные.

По словамъ честнаго и благороднаго полковника князя Григорія Гуріеля, кобулетцы, бывшіе въ лагерѣ штаба, составляли отребье Кобулетія и были не честные и уважаемые въ край его представители, а просто разбойники, презираемые ихъ соплеменниками, приходившіе

въ лагерь кое-что высмотрѣть, получить свои деньги, яко-бы за ущербъ, понесенный ими во время военныхъ дѣйствій, а затѣмъ вернуться домой, съ цѣлью продолжать свои непріязненные дѣйствія.

Многіе въ отрядѣ, люди благомыслящіе и близко знакомые съ положеніемъ дѣла, смотрѣли недоувѣрчиво на эту декорацию 28-го мая и ни минуты не сомнѣвались, что въ томъ-же день въ нашу сторону полетитъ не одна пуля, вышущая изъ дружественнаго ружья, побывавшаго въ нашемъ лагерь.

Къ несчастію для отряда, всѣ лазутчики князя Григорія Гуріея были перебиты, а потому сношенія начальника отряда съ жителями производились черезъ князя Яссе Гуріея. На другой день, рано утромъ, князь Смытополкъ-Мирскій уѣхалъ обратно въ Озургеты.

На позиціяхъ Самеба и Столовой горы дѣятельно продолжались осторожныя изслѣдованія темныхъ и глухихъ балокъ, то тамъ, то сямъ ее обрамалашныхъ, а также и работы по устройству дорогъ; послѣднія поглощали много времени и рабочихъ рукъ.

Пока, такимъ образомъ, высоты Самеба и долина Кинтриши разрабатывались, ополсывались дорогами и теряли свой дикій характеръ, Столовая гора, съ примыкавшими къ ней съ юга Малымъ Лѣсистымъ курганомъ, продолжала пребывать въ дѣйственномъ состояніи, охраняясь по прежнему бдительно и таинственно всего лишь двумя баталіонами, въ виду западныхъ верховъ Цихисдаври, откуда всегда могъ послѣдовать стремительный ударъ большихъ силъ непріятеля. Таинственность охраненія, отсутствіе всякаго шума, движенія и осторожность, которую выдерживали войска, ее охранявшія, — все это могло вселить непріятелю убѣжденіе, что на ней выставлено лишь нѣсколько пикетовъ и секретовъ.

Хотя турки и уступили ее намъ безъ выстрѣла, но тѣмъ не менѣе они ее не оставляли въ покой и со времени ея занятія все время, какъ будто бы, что-то предпринимали.

Такъ, 29-го мая, въ пять часовъ пополудни, изъ цѣпи пришло донесеніе, что турки разсыпали цѣпь и открыли огонь по нашей цѣпи. Начальникомъ авангарда, командиромъ баталіона, вновь было подтверждено: «безъ нужды не стрѣлять; въ случаѣ наступленія открытъ огонь цѣпью лишь съ близкаго разстоянія, а сомкнутому строю встрѣтить залпами и штыками». Резерву приказано быть готовъ (2-я и 3-я роты) и по первому приказанію бѣгомъ двинуться на поддержку 1-й линіи.

Въ первомъ часу ночи командиръ 1-й роты доложилъ: «Поправѣе и впереди нашего праваго фланга слышенъ шумъ и зажженъ

сакля, неизвестно кѣмъ — неприятелемъ или вашими партизанами»; донесеніе это было сообщено начальнику колонны, генералу Шелеметьеву.

Генералъ Шелеметьевъ сообщил на Столовую гору, что «сакля зажжена турками», приказывая вмѣстѣ съ тѣмъ «удвоить осторожность»; далѣе онъ сообщалъ, что «на случай обхода противникомъ нашего праваго фланга сдѣлано распоряженіе о присылкѣ одного баталіона для поддержки».

Вслѣдствіе этого приказанія, секреты, выставленные у р. Кинтриши, выдвинуты внизъ по теченію и усилены; резерву приказано: «не снимая амуниціи, быть готовымъ къ тревогѣ; увеличено и усилено число патрулей».

Но ночь прошла покойно.

Описываемыя событія показываютъ ту тревожную службу, которую несъ стрѣлковой баталіонъ на Столовой горѣ, службу, вызывавшую усиленное напряженіе и постоянное ожиданіе; присутствіе лишняго баталіона и дивизиона горныхъ пушекъ, конечно, подѣйствовало-бы успокоительно на защитниковъ Стола, не знавшихъ покоя съ 23-го мая.

Впрочемъ, стрѣлки въ шесть дней достаточно осмотрѣлись; прекрасные офицеры этого, по истинѣ, славнаго баталіона разобрались въ прихотливомъ рельефѣ Стола, оцѣнили значеніе того или другаго пункта и приняли рѣшѣніе мѣръ къ ихъ искусственному укрѣпленію.

Самеба, около того мѣста, гдѣ отъ нея отдѣляется вѣтъ — Столовая гора, круто понижается и, образуя Малый Лѣсистый курганъ, тянется далѣе на сѣверо-западъ, даже вѣрнѣе — прямо на западъ, и эта дальнѣйшая западная вѣтъ Самеба входила въ составъ оборонительной Цихисдзирской линіи укрѣпленія. Столовая гора противъ Лѣсистаго кургана поднимается на значительную высоту надъ Самеба.

Отъ Стола, составляющаго высшую точку, гора, тремя терасами, круто опускается въ долину Кинтриши. Съ обѣихъ сторонъ ея, на востокъ и западъ, лежатъ громадныя балки, заросшія лѣсомъ, къ сторонѣ противника. Верхнія и среднія терасы, со времени занятія горы, постепенно были укрѣплены стрѣлковыми ровиками, ложементами и траншеями, надъ которыми работали по ночамъ, такъ какъ днемъ шанцевый инструментъ выдавался рабочимъ ежедневно на 100 человекъ, высылаемымъ отъ стрѣлковъ, для устройства дорогъ въ районѣ расположенія авангарда правой колонны.

Около самаго Стола, для предохраненія людей резерва цѣли отъ неприятельскаго артиллерійскаго огня, устроены были блиндажи изъ

топстых бревенъ, покрытыхъ землею; заборы около савель были разобраны, дабы не мѣшати движению сомкнутыхъ частей. Весь хребетъ и покатыя Стодовой горы были покрыты громадными деревьями, которыми, съ одной стороны, хотя и скрывали отъ противника расположеніе нашей цѣпи, но съ другой—не позволяли видѣть ничего за ними дальѣ 20-ти шаговъ. Со Стодовой горы, особенно со Стола, было видно расположеніе турокъ въ центрѣ, гдѣ, спускался терасами по Кинтышу, поднимаются высоты Ципнара или, какъ ихъ называли въ отрядѣ, высоты Дегва (*); эта часть непріятельской позиціи была видна какъ на ладони; на ней же въ первые дни занятія Стодовой горы былъ видѣнъ лагерь, благораазумно убранный уже 25-го мая.

Прямо противъ фронта расположенія авангарда правой колонны по направленію на западъ, почти на одной высотѣ со Столомъ, на продолженіи того же общаго Савельскаго гребня, стояла грозная Амбразурная батарея.

Позиціи авангарда правой колонны и непріятельская были въ разстояніи дальняго ружейнаго выстрѣла.

Все сказанное достаточно поясняетъ опасность расположенія слабыхъ силъ на Стодовой горѣ, которую можно было обойти и къ которой можно было незамѣтно подобраться на разстояніи 30-ти—20-ти шаговъ.

Подполковникъ Макѣевъ понималъ опасность положенія и просилъ лишній баталіонъ, но понимавшій положеніе, и генералъ Шелеметьевъ не имѣлъ въ составѣ своей колонны ни одной лишней роты; большинство силъ отряда было сосредоточено на лѣвомъ флангѣ, получившемъ особое чувствительное значеніе въ силу непріязненныхъ отношеній жителей и диверсія Османа-паши; одно занятіе селенія Верхніе-Кобудеты и наблюденіе Зенита растягивало немощно и непосильно фронтъ нашего расположенія, а чувствительность операционной линіи и присутствіе на флангѣ склопщъ тѣхъ-же жителей удерживали и на флангѣ, и въ тылу достаточныя силы.

Все это указывало, что, какъ ни достаточенъ былъ отрядъ, но наступательная операція при данныхъ условіяхъ, да еще въ виду такого предмета дѣйствій, какъ Цихнедзари, настоятельно требовались подкрѣпленія.

Всѣ эти дни насъ поражало отсутствіе со стороны турокъ на-

(*) Высоты Кварие отдѣляются отъ высотъ Ципнара, расположенныхъ западнѣе, ближе къ морю, горнымъ ручьемъ Дегва, впадающимъ въ Кинтышъ.

вяхъ-либо серьезныхъ попытокъ помѣшать приближенію нашему къ крѣпости, занятію и утверженію нашему на гребнѣ Самеба.

Дни 30-го и 31-го мая и 1-го іюня прошли для отряда также совершенно спокойно, и ничто не нарушало нашихъ приготовленій на послѣдней позиціи.

Турки ничего не предпринимали и противъ Столовой горы, и всѣ эти дни на горѣ были лишь незначительныя перестрѣлки: неприятельскія пули перелетали черезъ нашу цѣпь, падая въ общемъ резервѣ, а наша цѣпь не отвѣчала, продолжала держать себя скрытно и бдительно наблюдая впередидлежащую мѣстность; потерь, благодаря мѣстнымъ условіямъ, не было никакихъ.

Рано утромъ, 2-го іюня, пришелъ къ намъ посланный начальника штаба съ приглашеніемъ полковника Филимонова поѣхать на предпринятую полковникомъ Казбекомъ рекогносцировку Столовой горы съ цѣлью выбрать мѣста для заложенія въ будущемъ батарей на означенной высотѣ.

Въ означенной поѣздкѣ, кромѣ начальника штаба и начальника артилеріи съ своимъ адъютантомъ, участвовали: начальникъ лѣвой колонны флигель-адъютантъ полковникъ Гурчинъ (начальникъ кавказской стрѣлковой бригады) и командиръ 1-го Кавказскаго стрѣлковаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича баталіона подполковникъ князь Барятинскій, и даже на Столовой горѣ имѣли присоединиться: начальникъ штаба правой колонны генеральнаго штаба капитанъ Левашевъ и начальникъ авангарда, занимавшаго означенную высоту, командиръ 2-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона подполковникъ Мактевъ; кромѣ того съ нами были казаки челоуѣка три и артиллерійскій штабъ-трубачъ.

Съ своего бивака на Ачука-стави мы взяли влѣво, миновали Денябековъ курганъ, прослѣдовали на правый флангъ Хуцу-Убаки къ дюнету № 7-го и, оставивъ его нѣсколько вправо, спустились въ долину р. Кинтриши, гдѣ переправлялись черезъ рѣку, по тольکو что наведенному правофланговому (третьему) мосту.

Проѣхавъ шаговъ 300, оставили ввязу лошадей и почти съ мѣста начали подыматься по хлѣбному и совершенно заросшему склону Столовой горы. На подъемѣ были встрѣчены подполковникомъ Мактевымъ и капитаномъ Левашевымъ и прослѣдовали влѣво, на лѣвый флангъ Столовой горы. По пути подполковникъ Мактевъ сообщалъ событія ночи и объяснялъ расположеніе на позиціи войскъ внутренняго ему авангарда. Еще вчера вечеромъ, изъ сторожевой цѣпи, командиръ 4-й роты стрѣлковъ штабъ-капитанъ Пржевальскій до-

весь, что съ Круглой (Амбраурной) батарее спустились въ долину р. Кянтриши двѣ непріятельскія колонны—одна въ баталіонѣ, другая болѣе—и скрылась въ балкѣ, о чемъ подполковникъ Макіевъ немедленно донесъ начальнику правой колонны, приказавъ въ то же время 3-й ротѣ стрѣлковъ придвинуться къ подошвѣ подъема на Столовую гору: ночью же секреты, находившіеся между Лѣсистымъ курганомъ и главнымъ хребтомъ Самеба (ленкоранцы), доносили, что непріятель въ одиночку подходилъ близко къ Лѣсистому кургану и что потому въ означенныхъ мѣстахъ была удвоена осторожность.

Позиція отъ Малаго Лѣсистаго кургана до р. Кянтриши была занята двумя баталіонами: стрѣлковымъ правѣе и 2-мъ баталіономъ ленкоранцевъ лѣвѣе; стрѣлки занимали собственно Столъ двумя ротами 3-й и 4-й, имѣя 1-ю и 2-ю роты въ общемъ резервѣ; также расположили свои силы и 2-й баталіонъ ленкоранцевъ, занимавшій Малый Лѣсистый курганъ и все пространство влѣво и вправо отъ него.

Цѣпи обоихъ баталіоновъ сходились у Крутой балки, раздѣляющей обѣ названныя высоты, и поддерживали общую связь посредствомъ постоянныхъ патрулей по дорогѣ, оглабжающей балку, и секрета, выслыгаемаго постоянно на дно означенной балки.

Лѣвый же флангъ аванпостной цѣпи 2-го баталіона ленкоранцевъ примыкалъ къ цѣпи 1-го баталіона того же полка, вступившаго уже въ составъ авангарда лѣвой колонны (самебская позиція).

Собственно на Столовой горѣ расположеніе стрѣлковъ было слѣдующее: на правомъ флангѣ 3-я рота, имѣя цѣпь постовъ, выставленную вдоль дороги, идущей вдоль гребня, и обѣ похуроты въ заставахъ; на лѣвомъ флангѣ 3-я рота штабсъ-капитана Пржевальскаго, имѣя 12 постовъ выставленными впереди высоты и въ заставахъ: въ правой—похуроту, въ лѣвой—взводъ.

Расположеніе стрѣлковъ и ленкоранцевъ отдѣлялось глубокой ложниной, которая, продолжаясь на юго-западъ и раздѣляясь на двое, охватывала лѣсистую гору, занятую непріателемъ; между этой послѣдней и Столовой горой находилась еще возвышенность, ниже обѣихъ названныхъ, выдвинутая впередъ Столъ на 800 шаговъ, на которой постоянно находился ягель изъ команды охотниковъ.

Цѣль нашей рекогносцировки-ислѣдованія состояла въ знакомствѣ съ нашимъ правымъ флангомъ—со Столовой горой, тактическихъ ея свойствъ, выбора мѣстъ для батарей, имѣющихъ дѣйствовать противъ лѣваго фланга турецкой укрѣпленной линіи, также въ опредѣленіи расстоянія до ближайшихъ непріятельскихъ верховъ, характера ихъ и проч.

До 2-го июля Столовая гора носила еще вполнѣ дѣйственный характеръ: хутора, разсыпанные по гребню и злѣнишіеся по скату, были цѣлы, не тронуты и представляли готовое жилье; также еще не подверглись дѣйствию разрушительной силы отряднаго солдата ни вѣковыя деревья, разсыпанные по гребню, ни непролазное подлѣсье по скатамъ, по долинамъ и балкамъ; дорогъ не было вовсе, а тропинки, немногія часомъ, были въ густой чащѣ еще еле-еле протоптаны.

Полковникъ Казбекъ, имѣвшій уже ясное представленіе о направленіи гребня, пожелалъ только узнать мнѣніе начальника артилеріи о пригодности того или другаго участка для заложения батарей.

Осторожно и молча пробираясь по скату, мы начали осматривать съ лѣваго фланга, съ расположенія роты штабъ-капитана Пржевальскаго, переходя по одному отъ дерева къ дереву и подолгу оставаясь за такими. Связь рѣдкихъ прогалинокъ, представляемыхъ пока еще самой природой, открывалась черезъ лабиринтъ непролазной зелени видъ на лѣвофланговые верки Цихисдзари.

Между Столовой горой и Амбразурной батареей былъ еще гребень, закрывавшій и прикрывавшій послѣднюю; на этомъ гребнѣ были расположены непріятельскіе посты, имѣя еще секреты, спущенными внизъ къ балку. На валу Амбразурной батареи былъ виднѣть часовой, спокойно расхаживавшій и по временамъ останавливавшійся.

Съ самаго начала нашего появленія на такъ-называемомъ «Столѣ» къ намъ присоединился командиръ 4-й роты стрѣлковъ штабъ-капитанъ Пржевальскій, хорошо знавшій участокъ, занятый его ротой. Онъ рассказывалъ полковнику Филимонову всѣ особенности мѣстности, имъ изученныя, и показывалъ мѣста, гдѣ, по его мнѣнію, было бы невыгодно поставить батареи. Особенно настойчиво указывалъ штабъ-капитанъ Пржевальскій на одинъ курганъ, выгодно и высоко расположенный: турки, по его словамъ, какъ бы предугадывалъ, что здѣсь станетъ наша батарея, ежедневно къ нему пристрѣливались и сажали снаряды чрезвычайно мѣтко и близко одинъ отъ другаго.

Не придавая никакого значенія турецкой пристрѣлкѣ, начальникъ артилеріи рѣшилъ здѣсь поставить одну девятифунтовую батарею для дѣйствія по Амбразурной батарее и обрамляющимъ ее траншеямъ.

Здѣсь мы простились съ штабъ-капитаномъ Пржевальскимъ, продолжали осторожно вдоль цѣпи подвигаться вправо и вышли на относительно большее открытое мѣсто, не соблюдая уже прежней осторожности.

Мы очутились на возвышенной, открытой площадкѣ, съ которой открывался чудесный видъ на Цихисдзари, устье Киянтриши съ

дежурнымъ броненосцемъ, Кинтришскую долину и Нижніе-Кобулеты: подполковникъ Макѣевъ былъ еще съ нами.

Было начало десятого часа утра, когда вдругъ изъ чащи выбѣжалъ стрѣлковый юнкеръ и, держа ружье на плечо, доложилъ подполковнику Макѣеву, что сильныя сомкнутыя неприятельскія части спустились въ балку.

«Передайте по цѣпи и ротнымъ командирамъ, сказала ему подполковникъ Макѣевъ:—стрѣлить лишь съ близкаго разстоянія и отнюдь не давать дальняго огня!».

На вопросъ полковника Казбека: «всегда-ли въ это время турки спускаютъ въ балку свои части на смѣну постовъ», подполковникъ Макѣевъ отвѣтилъ утвердительно.

Еще юнкеръ не успѣлъ исполнить порученіе, какъ мы замѣтили, что на верхахъ у турокъ происходитъ что-то необычное: на главномъ редутѣ Цихедзири выкинуть флагъ, между мѣстностью Нижніе-Кобулеты и рѣкой Кинтриши загорѣлся какой-то баракъ, броненосецъ придвинулся близко къ устью рѣки.

Мы остановились въ ожиданіи того, что это означаетъ, и въ это время услышали рѣзкіе звуки турецкаго рожка, подававшіе сигналы въ траншеяхъ за Амбразурной батареей, и вслѣдъ затѣмъ впереди насъ, шагахъ въ 150-ти передъ фронтомъ и особенно влѣво, раздались неистовые крики нѣсколькихъ сотъ голосовъ: «алла, алла, гей, ги» и проч.; одновременно съ крикомъ раздался оглушительный залпъ нѣсколькихъ сотъ винтовокъ, и надъ нашими головами пронесся дождь свинца, крики «алла» смѣшались съ трескомъ бѣглаго, ружейнаго огня.

Все разсказываемое произошло въ весьма короткій промежутокъ времени и совершенно неожиданно.

Первымъ опомнился полковникъ Казбекъ: «впередъ», «двигайте впередъ все, что у васъ подъ руками», обратился онъ къ подполковнику Макѣеву: «единственное средство—движеніе впередъ, залпы и штыки».

Подполковникъ Макѣевъ бросился къ сакаѣ, гдѣ предполагалъ заставу, и, найдя ее тамъ, приказалъ горнисту играть тревогу.

Мы тоже по пути поравнялись съ заставой: люди малорослые, но бравые стрѣлочки, снаряжались, подтягивая ранцы; неприятель съ фронта не подвигался, оравничиваясь лишь сильнымъ ружейнымъ огнемъ, но за то влѣво, совѣмъ на флангъ и даже отчасти къ тылу, слышались неистовые крики: «алла, гей, гай, ги...», сопровождаемые частой пальбой.

Отъ заставы подполковникъ Махметъ бросился къ общій резервъ, дабы направить его на непріятеля возможно скорѣе.

Главная масса ружейнаго огня неслась изъ траншей, ближайшихъ къ Столовой горѣ, надъ головами непріятеля же, сидѣнаго въ Лѣистой балкѣ, всего въ 100 шагахъ отъ нашей цѣпи и послѣдоваго изъ балки также массы свинца, уже съ близкаго разстоянія.

Застава бросилась стремительно сначала впередъ, потомъ влево, въ сторону криковъ непріятеля; съ фронта, сомкнувшись въ кучку, наша цѣпь открыла огонь залпами.

Около насъ никого не осталось; оставаться здѣсь безъ дѣла подъ страшнымъ огнемъ было излишне: полковникъ Казбекъ неторопливо и спокойно повелъ насъ къ лошадямъ, рассчитывая поторопить подкрѣпленія изъ правой колонны съ лѣвѣта № 7-го.

По временамъ мы останавливались, прислушиваясь къ звукамъ закипавшаго боя, но трудно-было составить понятіе къ чему дѣло; влево крики и стрѣльба усиливались и приближались: Столовая гора съ лѣваго фланга казалась обойденной, затрещали близкіе выстрѣлы и гдѣ-то вправо, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ фронта весь гребень Столовой горы покрылся дымомъ; свистъ, рикошетированіе и шлепанье пулъ довершали непріятное и неопредѣленное положеніе.

Намѣреніе непріятеля, производимое по званію обдуманному и рассчитанному плану, было ясно: онъ хотѣлъ насъ выбить изъ Столовой горы, имѣвшей важное тактическое значеніе и прикрывавшей справа все наше расположеніе на Самеба, и, пользуясь превосходствомъ силъ и скрытностью приближенія, нанести намъ вмѣстѣ съ тѣмъ серьезное пораженіе.

Судя по крикамъ и ожесточенной пальбѣ на лѣвомъ флангѣ, силы его направлялись по Лѣистой балкѣ къ углу, гдѣ соединялись цѣпи стрѣлковъ 2-го баталіона и ленкоранцевъ (2-й баталіонъ).

Двигаясь къ мѣсту, гдѣ мы оставили лошадей, мы шли все время подъ огнемъ, и особенно опасно было слѣдованіе вправо, вдоль ската: здѣсь на поворотѣ и единственной дорожкѣ пули какъ нарочно слетались къ большому количеству; можно было предполагать, что и это мѣсто было турками намѣчено, и они его усиленно обстрѣливали, но, къ нашему счастью, вскорѣ дорога углубилась въ грунтъ выше роста человѣка, и мы безъ помѣхи добрались до лошадей.

Когда мы сѣли на лошадей и направились къ мосту, крики и трескъ ружейнаго огня влево, въ мѣстѣ соединенія цѣпей стрѣлковъ и ленкоранцевъ, достигли наибольшаго напряженія: очевидно, тамъ,

въ Лѣсистой базкѣ, долженъ былъ рѣшиться вопросъ, кому останется обладателемъ Столовой горы.

Переправившись черезъ мостъ, мы встрѣтили на спускѣ 1-й баталіонъ александропольцевъ, спѣшившій по тревогѣ на выручку Столовой горы; баталіонъ велъ капитанъ Лоръ-Киванидзе, шедшій пѣшкомъ.

Полковникъ Гурчинъ успѣшилъ на Денибековъ курганъ, откуда немедленно сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ къ Столовой горѣ двухъ ротъ при двухъ горныхъ орудіяхъ. Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ шла поддержки.

Столовая гора осталась однакоже за нами прежде, чѣмъ успѣли прибыть подкрѣпленія, благодаря высокимъ боевымъ качествамъ 2-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, и кобухетскій отрядъ не имѣлъ своей «Кизаль-Таши».

Вотъ подробности дѣла изъ официальныхъ и неофициальныхъ источниковъ: какъ только турки, въ большихъ сомкнутыхъ массахъ, предшествуемые цѣнью, бросились въ уголъ соединенія цѣней стрѣлковъ и ланкоранцевъ—тотчасъ съ крайнихъ лѣвыхъ постовъ стрѣлковъ было послано донесеніе ротному командиру о томъ, что въ лѣсу по направленію балки слышенъ большой шумъ, но цѣнь, въ виду отданнаго приказанія стрѣлать только по видимому неприятелю, огня не открывала.

Лишь только посланный удалился, какъ лѣвѣ цѣни и впереди ея изъ-за кустовъ, всего въ 50-ти шагахъ, высыпала цѣнь противника, но, увидя спокойно, безъ выстрѣла ихъ ожидающіе посты наши, остановилась въ нерѣшимости. Наша цѣнь, воспользовавшись приостановкой, какъ одинъ, дала залпъ, дорого обошедшійся противнику, и затѣмъ открыла бѣглый огонь; цѣнь неприятеля замѣтно поколебалась, раздались нѣсколько беспорядочныхъ выстрѣловъ, а нѣкоторые повернули назадъ. Но сзади, съ крикомъ «алла» напирала на нихъ сомкнутая толпа, и вся эта масса, подъ огнемъ цѣни, гдѣ ни одинъ нашъ выстрѣлъ не пропадалъ даромъ, понеслась на горсть изъ нѣсколькихъ звеньевъ. Пять крайнихъ постовъ, увидя за неприятельской цѣнью и сомкнутыя массы, и угрожаемая обходомъ лѣваго фланга, отбѣжали назадъ и залегая за деревья и кусты, открывъ самый убійственный огонь.

Еще не дошло до штабей-капитана Пржевальскаго, бывшаго при лѣвофланговой заставѣ (3-й взводъ), донесеніе, какъ названный офицеръ, слыша выстрѣлы и видя съ возвышенности Стола бѣгущихъ идеалъ горы турокъ, повелъ успѣвшій выстроиться взводъ фронтомъ впередъ на неприятеля. Выведа взводъ за Столъ, Пржевальскій со

словами: «хлопцы, за мной!» стремительно бросался на турок; также стремительно, съ дружнымъ, полнымъ одушевленія крикомъ «ура!», слѣдовали изводы, увлекаемый личнымъ призывомъ своего ротного командира.

Выстрѣлы и сигналъ-тревога, поданный по всему району расположенія стрѣлковъ, подняли на ноги всѣ ближайшія поддержки: бросалась лѣво и правофланговая застава той же роты, слѣдуя по восточному склону горы, стремительно бѣжали по западному склону заставы 3-й роты, бывшіе правѣе.

За дружнымъ и стремительнымъ ударомъ Прижвальскаго сейчасъ же слѣдовали таковые и остальныхъ трехъ заставъ. Все это произошло мгновенно, и рѣшительный ударъ этихъ четырехъ частей, поддержанныхъ и цѣлю лѣваго фланга, смялъ и цѣль, и воюины неприятеля, толпившіяся въ лѣсу, на небольшомъ участкѣ. Началась штыковая работа, позналъ эпизодовъ мужества и доблести стрѣлковъ.

Въ то же время часть неприятеля, въ двухъ скомкнутыхъ толпахъ бросившаяся на ленокоранцевъ, была встрѣчена залпами цѣли и заставы и также приостановилась. Въ эту минуту къ сражающимся подоспѣли и партизаны прапорщика Македона, раздѣлившись на двѣ части и ударившіе съ двухъ сторонъ: во флангъ и въ тылъ неприятеля.

Началось общее отступление турокъ, частью къ Абрауурской батарее, частью за р. Киптышъ. Наши преслѣдовали ихъ огнемъ, насколько позволяла мѣстность.

Потери неприятеля были велики уже отъ огня стрѣлковъ и ленокоранцевъ, встрѣтившихъ ихъ залпами и бѣглымъ огнемъ съ 50-ти шаговъ; дружный ударъ въ штыки отовсюду сбѣжавшихся поддержки увеличивалъ ихъ еще болѣе: семь труповъ, подбитыхъ на штыки, остались въ рукахъ стрѣлковъ, не считая на всю ловкость, съ которой кобулетцы забирали своихъ убитыхъ.

Но и наши потери къ этому дѣлу были чувствительны: бравый Прижвальскій, герой дня, любимый ротный командиръ и любимый и уважаемый товарищами и начальствомъ, смертельно пораженъ многими пулями въ грудь и лежалъ недвижимъ вмѣстѣ съ трупами враговъ; начальникъ партизановъ, прапорщикъ Македонъ, былъ раненъ въ ногу; кромѣ того убито шесть нижнихъ чиновъ, ранено 15, контужено два и одинъ пропалъ безъ вѣсти.

Лишь только началось отступление турокъ, преслѣдуемыхъ огнемъ нашей цѣли и подошедшихъ резервовъ (1-я и 2-я роты стрѣлковъ и двѣ роты 2-го батальона ленокоранцевъ къ своей цѣли), какъ броне-

носцы и батареи неприятеля открыли орудийный огонь по Столовой горѣ и высотамъ дѣше, но огонь этотъ, благодаря заранѣе устроеннымъ укрытіямъ, удачному размѣщенію резервовъ и мѣстности, не принесъ намъ никакого вреда.

Прибывшій начальникъ правой колонны, генералъ Шелеметьевъ, немедленно распорядился усилить позицію праваго фланга, справедливо ожидая повторенія удара, въ виду сосредоточенія неприятеля въ большихъ силахъ впереди Амбразурной батареи: бывшіе въ общемъ резервъ постовъ Столовой горы и высота дѣше ея 1-я и 2-я роты стрѣлковъ и 7-я рота 2-го баталіона левкоранцевъ введены въ непосредственную оборону названныхъ высотъ; на мѣсто расположенія этихъ частей въ общемъ резервъ поставленъ 4-й баталіонъ левкоранцевъ, переведенный съ правой стороны р. Кинтриши; на его мѣсто у люнетовъ №№ 6-го и 7-го поставлены двѣ роты запатальцевъ; только-что подослѣвшія и высланныя попеченіемъ полковника Гурчина 2-я рота 4-го стрѣлковаго баталіона и два горныхъ орудія поставлены временно въ общемъ резервъ.

Какъ только стали посылать наши резервы, стрѣлба съ броненосца, наблюдавшаго за долиной рѣки, прекратилась и началось окончательное отступление неприятеля; перестрѣлка, однако, продолжалась изъ ложementsъ неприятеля, то усиливаясь, то утихая, до восьми часовъ вечера.

Число неприятеля, атаковавшаго насъ, опредѣлить трудно: видно было до шести баталіоновъ низама, спустившихся въ балку незадолго до удара, хотя участія въ немъ не принимавшихъ, но очевидно выжидавшихъ результата удара передовыхъ, съ цѣлью утвердиться въ случаѣ успѣха на Столовой горѣ; на уголъ же соединенія цѣпей стрѣлковъ и левкоранцевъ, по залпамъ и по огромнымъ толпамъ кобуетцевъ и лавовъ, этихъ совершенныхъ воиновъ, и частью регулярныхъ войскъ, можно предполагать, что было направлено тысячъ до двухъ.

Наши передовыя войска видѣли до 50-ти тѣлъ, которыя неприятель таскалъ за собой, и большое число равенныхъ.

До поздней ночи неприятель продолжалъ подползать отдѣльными кучками, чтобы собрать своихъ убитыхъ и равенныхъ, разбросанныхъ по Лѣсистой балкѣ.

Цѣлый день 2-го іюня въ сторонѣ Столовой горы слышны были выстрѣлы; они замолкли лишь въ вечеру. Поздно ночью, часа въ два, въ сторонѣ той же высоты, затрещалъ неумолимый батальный огонь; ночь была темная и тихая, и внезапный огонь этотъ

исполнить биваки. Оказалось, что наша цѣль тѣхъ же стрѣлковъ на Столовой горѣ, замѣтивъ пробравшагося отдѣльными кучками неприятеля, сдѣлала по немъ нѣсколько выстрѣловъ,—что вызвало неумолимый огонь изъ неприятельскихъ ложементовъ и орудійные выстрѣлы съ его батарей. Послѣ непрерывной, четверть-часовой стрѣлы, батальный огонь неприятеля замолкъ.

У насъ ранено два нижнихъ чина изъ охотниковъ, бросившихся по выстрѣламъ впередъ, и убитъ одинъ денкоранецъ.

Утромъ 3-го июня Стрѣлковый баталіонъ занималъ полностью Столовую гору; тутъ же былъ теперь и штабъ баталіона; въ резервъ же горы было до трехъ баталіоновъ и два орудія. Столовая гора, занятая теперь крѣпко и вполне достаточными силами и къ тому же усиленная окопами, была повиднѣ обезпечена отъ захвата.

Теперь обѣ колонны стали твердой ногой по ту сторону Кянтриши, занимая послѣднюю позицію передъ верками укрѣпленій Кянтрике-Дегва-Цихисдзира.

Осталось только изслѣдовать и изучить всю мѣстность, лежащую предъ Самеба и Столовой горой, и, на основаніи свѣдѣній о мѣстности и силахъ неприятеля, проецировать мѣры къ обезпеченію нашего дальнѣйшаго движенія, которое должно было теперь выразиться въ атакѣ укрѣпленія Цихисдзира, гдѣ въ помощь недоступной мѣстности было придано искусство обороны въ самыхъ новѣйшихъ и совершенныхъ формахъ.

Оглядываясь на занятіе нами высотъ Самеба и Столовой горы, мы опять видимъ аналогію операнціи съ занятіемъ Муха-Эстате и Хуцу-Убани, заключающуюся въ выдвигеніи впередъ сначала лѣвой колонны, прочнаго ея утвержденія на занятыхъ ею высотахъ и тогда только совершеніе движенія правой. Высоты Самеба были заняты 16-го мая, правая же колонна перешла Кянтриши и стала на линію фронта самебскихъ позицій только восемь дней спустя.

IX.

Переходъ главной массы отряда на ту сторону р. Кинтриши. — Перенесеніе главной квартиры на Денибековъ курганъ. — Обеспеченіе операціонной линіи со стороны враждебной Кобулетіа. — Восточный фронтъ. — Послѣдніе дни передъ штурмомъ. — Прибытіе новыхъ частей. — Артиллерійская рекогносцировка. — Расположеніе парва. — Подготовка позиціи въ инженерномъ отношеніи; расположеніе на позиціи войскъ; рекогносцировка непріятельскаго расположенія и подступовъ къ его позиціи; диспозиціи для атаки непріятельскаго укрѣпленнаго лагеря; организація снабженія артилеріи боевыми запасами. — Разрѣшеніе вопроса о сосредоточеніи превосходной артилеріи на рѣшительномъ пунктѣ. — Цѣль боя по диспозиціи; сила и свойство Цихидирскаго укрѣпленнаго лагеря; выборъ направленія для атаки; выборъ рѣшительнаго пункта непріятельскаго расположенія; организація штурмовыхъ колоній; сосредоточеніе превосходныхъ силъ на выбранномъ рѣшительномъ пунктѣ; какія мѣры были приняты для ослабленія непріятеля на выбранномъ для атаки пунктѣ. — Группировка силъ ко дню боя. — Передвиженіе и окончательное расположеніе войскъ и артилеріи. — Поставка на передовыя позиціи.

По мѣрѣ того, какъ войска обихъ авангардовъ отряда все болѣе и болѣе устранивались на высотахъ «Самеба» и «Столовой горы» и по мѣрѣ того, какъ означенныя высоты связывались дорогами, какъ между собой, такъ и съ различными точками Хуну-Убанскаго гребня, на ту сторону Кинтриши постепенно переводились и главныя силы.

Хребты Самеба и Столовая гора составляли, съ 4-го по 8-е іюня, уже фронтъ не авангарда колоній, а главныхъ силъ.

Крайніи фланговыя точки Хуну-Убанскаго гребня, бывшаго фронтомъ главныхъ силъ, — Денибековъ курганъ на лѣвомъ флангѣ и люнетъ № 7-го на правомъ, — продолжали быть чувствительными; важность значенія ихъ усилзлась съ перенесеніемъ главной массы отряда на ту сторону р. Кинтриши, а потому они усилзены были возведеніемъ оценовъ, въ которыхъ продолжала пребывать известная часть отряда.

По мѣрѣ того, какъ главная масса войскъ отряда располагалась по ту сторону р. Кантриши, расположеиіе штаба отряда у р. Ачжуа становилось, по своей отдаленности отъ Самеба, крайне неудобнымъ; особенно тѣлостно было это обстоятельство войскамъ при носылкѣ за приказаніями адъютантовъ, ординарцевъ и писарей: они возвращались зачастую лишь только поздней ночью, а иногда и подъ утро, и начальство всю ночь оставалось въ ожиданіи приказаній изъ штаба, безъ которыхъ нельзя было сдѣлать соответствующихъ распоряженій на слѣдующій день и, успокоившись, предаться отдыху.

Кромѣ того, назначеннымъ для полученія приказаній лицамъ приходилось совершать поѣздки темной ночью, что увеличивало продолжительность пути и, при закрытомъ характерѣ мѣстности, способствовало различнаго рода недоразумѣніямъ и случайностямъ, увеличивавшимъ несвоевременность полученія приказаній. Наконецъ и самому начальству отряда, въ виду рѣшительности и важности предстоящей операціи, слѣдовало быть поближе къ живой и главной силѣ отряда.

Всѣ вышеупомянутыя обстоятельства побудили командующаго войсками перенести лагерь штаба отряда на Денибековъ курганъ, удовлетворяющій, по своему центральному, командующему и топографическому положенію, многимъ условіямъ расположенія главной квартиры. Лагерь артилерійскаго штаба помѣстился на мѣстѣ джунглы № 2-го.

Ближайшими нашими сосѣдями слѣва (съ востока) были дивизионъ 1-й батареи 41-й артилерійской бригады, ставшій здѣсь на мѣсто дивизиона 2-й батареи 19-й артилерійской бригады (вся 2-я батарея 19-й артилерійской бригады была на Самеба); на одной съ нами высотѣ, за нами стояли въ зеленыхъ шалашахъ роты сапернаго батальона.

Въ небольшой котловинѣ (не ниже трехъ саженъ нашей площадки), которую съ трехъ сторонъ охватывали господствовавшія площадки кургана, размѣстился штабъ командующаго войсками.

Въ полуднѣ пріѣхалъ начальникъ артилеріи, и мы окончательно подворились на новомъ мѣстѣ, которое всѣ нашли чрезвычайно удобнымъ и псалымъ; но лучше всего былъ воздухъ, необычайно чистый, свѣжій и душистый. Въ довершеніе прелестей этого расположенія надо прибавить роскошный видъ на море, на долину р. Кантриши и непріятельскія позиціи, тянувшіеся длинной сѣро-желтой линіей отъ моря до высокихъ лѣсистыхъ горъ и рѣзко отдѣлявшіеся отъ нашей позиціи, продолжавшей быть закрытой густой зеленью лѣсокъ и садовъ Самеба и Столовой горы.

Съ 4-го по 8-е июня дѣятельность отряда была сосредоточена на расположеніи и окончательномъ устройствѣ уже главныхъ силъ отряда на гребняхъ Самеба и Столовой горы, въ виду новыхъ, предстоявшихъ активныхъ дѣйствій; также въ уширеніи дорогъ вдоль всего гребня и дорогъ съ позиціи къ тремъ мостамъ черезъ р. Кинтраши, въ насыпкѣ на томъ же гребнѣ батарей и траншей, въ придачу болѣе солидныхъ размѣровъ какъ профилировкѣ батарей, расположенныхъ вдоль гребня Самеба, такъ и самостоятельныхъ укрѣпленій, возведенныхъ нами на наиболѣе чувствительныхъ тактическихъ опорныхъ точкахъ нашего расположенія, преимущественно фланговыхъ, наковыми были: lunettes № 6-го и № 7-го, крайній правофланговый пунктъ на Самеба, Денибековъ курганъ, лѣсистый курганъ у р. Ачуа и ущелья Ачуа-стаин и, наконецъ, Муха-Эстате.

Какъ упомянуто выше, главная масса войскъ размѣщалась на Самеба и Столовой горѣ, но во всѣхъ названныхъ пунктахъ имѣлись достаточные гарнизоны.

Опытъ прошлыхъ войнъ, какъ, напримѣръ, операція штурма Цихидзири въ 1829 году, когда во флангъ и тылъ нашему отряду, атаковавшему Цихидзири, ударили съ горъ Кобулетин массы вооруженныхъ жителей, враждебное настроеніе жителей, бывшихъ у насъ на флангѣ, событія 16-го, 20-го и 21-го мая текущей кампаніи и оставленіе нами высотъ Зенити и сел. Верхніе-Кобулеты, указали намъ на слабость и чувствительность лѣваго фланга, заставляли насъ въ сторону Кобулетин имѣть другой, самостоятельный фронтъ, приходившійся къ фронту Самеба и Столовой горы подъ прямымъ угломъ, охранявшій все протяженіе нашей операціонной линіи, почему онъ и можетъ быть названъ *стратегическимъ фронтомъ*. Восточный фронтъ этотъ, состоя изъ цѣлаго ряда опорныхъ точекъ, начинался и уходилъ правымъ флангомъ своимъ въ лѣвофланговій, господствующій пунктъ Самеба (тѣмъ онъ и склывался съ главнымъ активнымъ фронтомъ), шелъ далѣе на Денибековъ курганъ (второй обзорная точка), затѣмъ по восточному склону Хуцу-Убани на лѣсистый курганъ у р. Ачуа, отсюда на Муха-Эстате, съ Муха-Эстате тянулся постами и вышками, выставленными на выходахъ изъ Богильскаго лѣса на Богильскій постъ, имѣвшій опять первостепенное значеніе по своему положенію на узлѣ путей и представлявшій цѣлое укрѣпленіе; далѣе уже по Чолоку до Калутскаго поста, послѣ чего заканчивался на нашей территоріи за Озургѣтани, у Чахатаура.

Во всѣхъ названныхъ опорныхъ точкахъ были возведены сильныя укрѣпленія, носившія болѣе или менѣе характеръ сомкнувшихся укрѣ-

пленей, причѣмъ ихъ сила и численность оборонявшихъ отрядовъ уменьшалась по мѣрѣ приближенія къ нашимъ границамъ.

Эта особенность операций — необходимость имѣть два фронта и быть всегда готовымъ выставить и третій фронтъ, къ морю — силамъ наша въ дѣйствіяхъ противъ главныхъ предметовъ операции и неважно къ разброскѣ силъ, такъ что въ сущности въ послѣдніе дни до штурма Цихисдзари, по эту сторону Кинтриши, мы имѣли еще значительныя силы и не могли, не рискуя, ослабить сообщенія, притянуть къ точкѣ удара наибольшую въ предѣлахъ возможности численность войскъ.

Послѣдніе дни передъ штурмомъ отрядъ сильно оживился и усилился не столько подразделеніями, сколько прибытіемъ на передовыя позиціи санитарныхъ отрядовъ: одного, бывшего до тѣхъ поръ на Муха-Эстате, и другого изъ Москвы, а также массы лицъ военного и гражданского званія, приготовившихся быть свидѣтелями интереснаго штурма.

8-го числа на Муха-Эстате прибыли 1-я и 3-я батареи 38-й артиллерійской бригады (Пятигорскій полкъ прибылъ нѣсколько ранѣе) и временно тамъ расположились; на Муха-Эстате были притянуты и парки, а именно: $2\frac{2}{4}$ отдѣленія летучаго парка и $\frac{1}{4}$ отдѣленія конно-артиллерійскаго полупарка.

Въ тотъ же день начальникъ артилеріи рѣшилъ совместно со всѣми батареями и полубатареями командирами объѣхать всѣ артиллерійскія позиціи гребня Самеба и Столовой горы, такъ какъ ложемента для орудій, которымъ предстояло готовить атаку высотъ Кваркве, Дегва и Цихисдзари, были уже почти готовы и оставалось только ознакомиться какъ со своими позиціями (въ артиллерійскомъ смыслѣ), такъ и съ неприятельскими, выясняя себѣ цѣль дѣйствія и обстановку предстояшаго артиллерійскаго боя.

Въ назначенное время, послѣ предварительнаго ознакомленія собравшихся съ позиціями неприятеля и обстановкой предстояшаго дѣла съ высоты Денибекова кургана, вся группа перѣехала р. Кинтриши у лѣваго моста и поднялась на крайній лѣвофланговый пунктъ расположенія на гребнѣ Самеба, гдѣ пока еще продолжала пребывать 2-я батарея 19-й артиллерійской бригады; отсюда началось знакомство съ неприятельскими позиціями, цѣлями на нихъ и взаимнымъ расположеніемъ своей артилеріи; объѣздъ закончился позиціей Столовой горы, послѣ чего всѣ разъѣхались по своимъ частямъ.

Послѣдніе два дня, оставшіеся до штурма, наполнились лихорадочной дѣятельностью войскъ по окончанію подготовки позицій въ

инженерномъ отношеніи и продолжавшимся передвиженіемъ войскъ ближе къ Кинтриши.

Въ отрядъ прошелъ слухъ, что насъ торопятъ со штурмомъ изъ главной квартиры дѣйствующаго корпуса, что войска послѣдняго нуждаются въ подрѣвленіяхъ и что, каковъ бы ни былъ исходъ нашего предпріятія, многія части отряда будутъ направлены на присоединеніе къ дѣйствующему корпусу; слухъ этотъ произвелъ, надо сознаться, не радостное, не ободряющее впечатлѣніе, такъ какъ занятіе Цихисдири безъ движенія на Батумъ не могло радовать войска отряда, привыкшія къ мысли имѣть впереди опредѣленную цѣль.

Тѣмъ не менѣе, въ войскахъ отряда былъ прекрасный духъ, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали рѣшительныхъ дѣйствій.

Въ эти послѣдніе дни намъ, чинамъ артилерійскаго штаба, было особенно много хлопотъ: кромѣ обычной канцелярской работы, увеличившейся эти дни съ прибытіемъ новыхъ частей, намъ же приходилось указывать послѣднимъ мѣста ихъ новаго расположенія.

9-го іюня утромъ я, по приказанію начальника штаба, выбралъ и указалъ мѣсто расположенія дивизионнаго летучаго парка и конно-артилерійскаго полупарка вправо отъ Денибекова кургана (къ западу) и нѣсколько сзади него у самой дороги къ среднему мосту и не вдалекѣ отъ лѣвофланговаго моста.

Такое расположеніе боевыхъ запасовъ въ тылу, у сильнаго опорнаго пункта (Денибековъ курганъ), было въ то же время и центральнымъ по отношенію къ расположенію отряда на Самеба и Столовой горѣ. Вечеромъ, часовъ въ девять, меня потребовалъ къ себѣ полковникъ Казбекъ и приказалъ провести на позицію 3-ю батарею 38-й бригады, подтянувшуюся къ Денибекову кургану и долженствовавшую слѣдовать далѣе.

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію боя, рассмотримъ подготовительныя операціи и распоряженія:

- 1) *Подготовка позицій въ инженерномъ отношеніи.*
- 2) *Расположеніе на позиціи артилеріи и войскъ.*
- 3) *Реконноцировка расположенія непріятели, подступовъ къ его укрѣпленной позиціи (что было сдѣлано въ этомъ отношеніи въ зависимости отъ имѣвшихся средствъ и времени).*
- 4) *Диспозиція для атаки непріятельской укрѣпленной лагери (со всѣми дополнительными распоряженіями) и организація снабженія артилеріи для предстоящаго дѣла боевыми запасами.*
- 5) *Распределеніе артилеріи по диспозиціи: дѣленіе арти-*

лерии на позиционную (неподвижную) для действия по определенным, указанным целям и на состоящую при штурмовых колоннах; дѣленіе въ свою очередь позиционной артиллерии на группы.

б) *Решеніе вопроса о сосредоточенномъ дѣйствіи превосходной (по отношенію числа орудій въ отрядѣ) артиллеріи по рѣшительному пункту непріятельскаго расположенія.*

7) *Цѣль боя по диспозиціи; выборъ направленія для атаки; выборъ (рѣшительнаго) пункта непріятельскаго расположенія, по отношенію последствий ея занятія на исходѣ боя; организация штурмовыхъ колоннъ; сосредоточеніе превосходныхъ силъ по направленію на выбранный пунктъ; какія мѣры были приняты для ослабленія непріятеля въ выбранномъ для атаки пунктѣ.*

Рассмотримъ по очереди каждый изъ отдѣловъ.

Подготовка для боя въ инженерномъ отношеніи позиціи на гребнѣ Самеба и Столовой горы заключала въ себя:

а) *Устройство сообщеній послѣдней промежуточной базы (линія Денибековъ курганъ — люветъ № 7-го) съ гребнями Самеба и Столовой горы.*

б) *Устройство сообщеній вдоль позиціи.*

в) *Усиленіе профилей укрѣпленій на наиболее важныхъ опорныхъ пунктахъ, какъ въ тылу, такъ и на флангахъ и фронтѣ расположенія.*

г) *Насыпку ложементовъ для артиллеріи, должноствовавшей подготовить штурмъ непріятельской позиціи (активное ея назначеніе), и оборонять свою позицію (съ постоянного расположенія) отъ активныхъ предпріятій противника; насыпку такихъ же ложементовъ для пѣхоты съ цѣлью обороны позиціи.*

д) *Устройствомъ укрытій для передковъ и зарядныхъ ящиковъ артиллеріи, расположенной на позиціи.*

е) *Расчистку впереди лежащей мѣстности.*

ж) *Подготовку мѣстности къ демаскированію нашей артиллеріи.*

Устройство всѣхъ перечисленныхъ сообщеній производилось постепенно, начиная съ 16-го мая, со дня занятія Самеба, и въ послѣдніе дни приняло только усиленный характеръ; работа производилась нарядами отъ поискъ и подъ руководствомъ тѣхъ же саперовъ.

Усиленіе профилей важнейшихъ опорныхъ пунктовъ и насыпка ложементовъ для всей артиллеріи отряда производилась уже за недѣлю

до штурма. Устройство укрытій для передковъ и зарядныхъ ящиковъ (¹) въ связи съ проложениемъ общей дороги вдоль фронта всей передовой позиціи заслуживаетъ вниманія по своимъ особенностямъ и по прекрасному примѣненію къ мѣстности: вдоль всей позиціи, отъ лѣваго до праваго фланга, проходила одна общая дорога; она шла мѣстами немного ниже, на одну—полторы сажени, гребня, на которомъ были расположены батареи, а мѣстами и значительно ниже (до пяти—семи сажень, какъ это было у расположенія 3-й батареи 38-й бригады); во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дорога проходила около батарей, она была уширена на столько, чтобы въ образовавшійся такимъ образомъ вырѣзъ въ компактномъ грунтѣ, не мѣшала движению по дорогѣ повозокъ и войскъ, могъ бы свободно стать передокъ или зарядный ящикъ. Подобное расположеніе передковъ и первыхъ зарядныхъ ящиковъ, кромѣ удобства расположенія, безопаснаго отъ дѣйствія непріятельскаго огня и непосредственнаго у самыхъ батарей (для подноски снарядовъ устроены были въ грунтѣ ступеньки), имѣло еще и слѣдующія весьма важныя выгоды: замѣна опорожненныхъ ящиковъ ящиками второго и третьяго ряда могла производиться свободно, по свойству дороги, проходившей вдоль общаго гребня и нижеяшей у батарей видъ углубленной траншеи; замѣна ящиковъ производилась безостановочно и безопасно отъ дѣйствія непріятельскихъ снарядовъ; всѣ эти удобства сказались, какъ увидимъ, въ дни боя.

Что касается до ложементовъ для орудій, то необходимо упомянуть, что они были углубленной профили, съ направлениемъ ската бруствера во внутрь ложемента, что способствовало сбереженію людей и матеріальной части орудій отъ рикошетныхъ выстрѣловъ непріятельской артилеріи и не мѣшало производить стрѣльбу по непріятельскимъ батареямъ, значительно командовавшимъ нашими расположеніемъ; но, на случай атаки непріятелемъ батарей, орудія не могли бы встрѣтить атакующую пѣхоту картечью, а также являлось затрудненіе при перенесеніи огня на различные пункты вправо и лѣво отъ нормальнаго расположенія.

Подготовка позиціи заканчивается расчисткой впереди лежащей мѣстности, въ недалекомъ разстояніи отъ орудій, только по направленію дула; расчистка эта производилась скрытно (ночью, по намѣченныиъ двумъ направленіямъ), ограничивалась срываніемъ кустовъ

(¹) Только для перемѣтъ зарядныхъ ящиковъ, которые имѣли батареи при себѣ; вторые и третьи зарядные ящики находились въ известномъ удаленіи на путяхъ къ батареямъ съ послѣдней промежуточной базой.

и сучьяхъ большихъ деревьевъ, мѣшавшихъ прицѣлыванію орудій по различнымъ направленіямъ, и производилась по большей части одной прислугой орудій.

Приготовленія къ демаскированію артилеріи заключались въ выборѣ и подготовленіи къ сваливанію такихъ, уже большихъ, деревьевъ, мѣшавшихъ дѣйствию, которыя могли быть устранены только въ минуту, предшествовавшую открытію огня, иначе всѣ подготовленія были бы открыты и артилерійская атака потеряла бы характеръ той неожиданности, на которой былъ отчасти построенъ успѣхъ предпріятія и которая указывалась и диспозиціей; деревья были подпилены на столько, чтобы небольшими усиліями ихъ можно было бы свалить мгновенно.

Заканчивая вопросъ о подготовкѣ позиціи въ инженерномъ отношеніи, мы упомянемъ, что всѣ вообще работы должны были производиться скрытно, чтобы турки и не подозрѣвали о присутствіи на Самебѣ всей нашей артилеріи и окоповъ.

Скрытное исполненіе при дѣйствиѣ характеръ высотъ, маскировавшемъ всѣ подготовленія, было вполнѣ возможно.

Объ устройствѣ трехъ мостовъ черезъ Кинтриши нами неоднократно упоминалось выше: въ послѣдніе дни къ мостамъ были разработаны спуски и проводилась дорога отъ средняго моста на позицію. Подготовка позиціи производилась съ 16-го мая по 11-е іюня и могла быть окончена только при содѣйствіи рабочихъ рукъ всего отряда и самой энергичной дѣятельности всего наличнаго состава 2-го Кавказскаго сапернаго баталіона, разумно и честно исполнявшаго свои сложныя и многотрудныя работы.

Расположеніе на позиціи артилеріи. Большая часть артилеріи отряда должна была расположиться на позиціи на постоянныхъ мѣстахъ (въ окопахъ), а именно: всѣ девятифунтовые орудія, за исключеніемъ шести орудій 2-й батареи 41-й артилерійской бригады и четырехъ орудій 2-го дивизиона 1-й батареи 41-й бригады, оставшихся для усиленія оборонительныхъ средствъ Муха-Эстате, этого важнаго пункта въ тылу нашего расположенія, и четырехъ орудій 1-й батареи 41-й бригады, имѣвшихъ остаться на Денибеволомъ курганѣ, должны были расположиться на передовой позиціи въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная съ крайняго лѣвофланговаго пункта на Самебѣ: 1-й дивизионъ 1-й батареи 41-й бригады, 3-я и 7-я батареи 38-й бригады, два орудія 2-й батареи 41-й бригады, 2-я батарея 19-й бригады и 3-я батарея 41-й бригады; всего слѣдовательно къ расположенію на всей передовой позиціи назначено было 38 десяти-

фунтовыхъ орудій (всего было въ отрядѣ 48 десяти-фунтовыхъ орудій). 10 орудій остались для обороны восточнаго фронта.

Для подобнаго расположенія полевыхъ батарей отряда на указанныхъ нѣхъ пунктахъ предстояло: 2-й батарее 19-й бригады, уже стоявшей на крайнемъ лѣвомъ флангѣ Самебы, передвинуться вдоль всей позиціи съ лѣваго фланга къ центру, къ большому лѣсистому кургану, гдѣ и занять приготовленные ложементы; всѣмъ остальнымъ названнымъ батареямъ перейти съ занимаемыхъ ими позицій по сю сторону р. Кинтриши на ту сторону по тремъ имѣющимся мостамъ и съ такимъ расчетомъ, чтобы, совершая передвиженія въ теченіе ночи съ 9-го на 10-е, дня 10-го и ночи съ 10-го на 11-е, не мѣшать взаимному движенію и къ раннему утру 11-го быть уже на указанныхъ мѣстахъ (дабы имѣть возможность до боя хоть нѣсколько осмотрѣться).

Означенное передвиженіе должно было быть исполнено въ полной тишинѣ и столь возможно скрытно, для чего тѣмъ батареямъ, которыя, по пути къ мѣсту своего расположенія на позиціи, проходили участки дороги, видные съ какихъ-либо пунктовъ неприятельской позиціи, предписано было совершить передвиженіе ночью. Всѣ эти мѣры являлись къ неожиданности появленія сильной артиллеріи на Самебѣ.

Расположеніе артиллеріи на высотахъ Самеба и Столовой горѣ имѣло, такимъ образомъ, по фронту болѣе $3\frac{1}{2}$ версты, если считать по прямой линіи; но надо принять во вниманіе истинную линію фронта, отличающуюся неправильными прихотливыми изгибами и уклоненіями.

Расположеніе на позиціи войскъ. Части вѣхоты были расположены вдоль всей позиціи и въ такомъ численномъ составѣ, какой былъ необходимъ для обороны позиціи и прикрытія расположенной артиллеріи. Конечно, самымъ желательнымъ явленіемъ въ вопросѣ о подготовкѣ боя было бы заблаговременное расположеніе частей вѣхоты, вошедшихъ въ составъ штурмовыхъ колоннъ, на участкахъ, противоположныхъ цѣлямъ ихъ предстоящей атаки; тогда каждая часть путемъ организаціи охотничьихъ (партизанскихъ) командъ, частой посылкой ихъ впередъ и вообще службой въ развѣдкахъ, секретахъ и частныхъ рекогносцировкахъ ознакомилась бы съ подступами къ позиціи, приобрѣла бы надежныхъ проводниковъ въ своихъ же людяхъ и уже, конечно, прекрасно ориентировалась бы въ этихъ лѣсистыхъ тущобахъ; но, къ сожалѣнію, за немногими лишь исключеніями (2-й Кавкассій стрѣльбовый баталіонъ), это прекрасное правило не нашло себѣ приложенія вследствие разныхъ административныхъ со-

ображений и необходимости смѣнить мѣста биваковъ по причинѣ постоянного передвиженія войскъ въ тылу и на флангахъ (для службы по охраненію тыла и операционной линіи), вызываемаго подходомъ въ послѣдніе дни подкрѣпленій. Пятигорскій полкъ явился только къ 8-му іюню на передовыя позиціи, и хотя цѣлкомъ и былъ поставленъ на той сторонѣ рѣки, но уже однимъ своимъ расположеніемъ въ резервъ (не на гребнѣ высотъ) былъ лишенъ возможности знакомства съ впереди лежащей мѣстностью.

Замѣтимъ, что расположенію на соответствующихъ участкахъ предстоявшаго частямъ движенія препятствовали работы на позиціи и въ ея тылу.

Что касается до *рекогносцировокъ непріятельскаго расположенія и вообще собиранія свѣдѣній о его силахъ, расположеніи и намьреніи*, то мы не можемъ утвердительно ничего сообщить по этому вопросу, такъ какъ это составляло штабную тайну.

Диспозиція для атаки была слѣдующаго содержанія:

«Диспозиція на 11-е іюня 1877 года. Бивакъ на высотахъ Хунду-Убани.

«Завтра, 11-го іюня, войскамъ кобудетскаго отряда, подъ своимъ личнымъ начальствомъ, атаковать турецкій укрѣпленный лагерь, расположенный на высотахъ Квиряке, Даэва и Цихасдири.

«Лѣвая колонна, подъ начальствомъ командующаго Кавкалской стрѣлковой бригадой, флигель-адъютанта полковника Гурчина, занимаетъ заблаговременно до начатія наступленія пространство отъ сомкнутыхъ укрѣпленій на высотахъ Самеба до центральныхъ батарей, возвыгнутыхъ надъ долиною р. Кинтышъ. Правая колонна, подъ начальствомъ командира 1-й бригады 41-й пѣхотной дивизіи, генералъ-майора Шелеметьева, займетъ позицію по обѣимъ сторонамъ Столовой горы. Резервная колонна, подъ начальствомъ командира Пятигорскаго полка, полковника Бучкіева, занимаетъ артилерією центральныя батареи, возвыгнутыя надъ долиною р. Кинтышъ, и располагается на лѣвомъ берегу р. Кинтрыши около средняго моста.

«Войска укрѣпленныхъ пунктовъ Самеба (сомкнутыя укрѣпленія), Хунду-Убани, Ачуа и Муха-Эстате получаютъ спеціальныя назначенія. Въ назначенный день и часъ сраженіе начинается артилерійскимъ огнемъ изъ сомкнутыхъ укрѣпленій на Самебѣ, послѣ чего, по распоряженію начальника артилеріи, полковника Филимонова, демаскируются всѣ батареи, стоящія въ центрѣ, послѣдовательно одна за другою, отъ лѣваго фланга къ правому. Артилерія лѣваго фланга и центра, за исключеніемъ батарей на Столовой горѣ, ищетъ ближайшей цѣлью сбить батареи непріятеля, расположенныя на высотахъ Квиряке, особенно же «Желтую» батарею, и подготовить атаку на эту батарею.

«Батарея, расположенная на Столовой горѣ, ищетъ ближайшей цѣлью

сбить такъ называемую Амбразурную батарею и приготовить атаку на эту батарею.

«Движеніе войскъ впередъ начинается по особому моему сигналу съ горы Хуцу-Убани (три ракеты, послѣ которыхъ будетъ поднято бѣлое знамя). По этому знаку начинается наступленіе лѣвой колонны къ Желтой батарее, утвердившись на которой, колонна ведетъ атаку на главную цихсидирскую позицію со стороны деревни Дзегна.

«Одновременно съ утвержденіемъ лѣвой колонны на Желтой батарее, правая колонна начинаетъ свое рѣшительное наступленіе на такъ называемую батарею съ амбразурами и атакуетъ цихсидирскую позицію со стороны передняго турецкаго лагеря; до того же времени производить демонстрацію движенія по этому же направленію для поддержанія наступленія лѣвой колонны.

«Резервная колонна, занимая артилерією центръ нынѣшняго боеваго порядка, поддерживаетъ наступленіе колоннъ по мѣрѣ надобности. Кавалерія резерва демонстрируетъ на берегахъ Кинтриши.

«О снабженіи и снаряженіи колоннъ, равно какъ распредѣленіи санитарныхъ средствъ, предлагается начальнику отряда сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія. Начальники колоннъ обязаны имѣть при себѣ значки, по которымъ ординарцы могли бы видѣть мѣста ихъ расположенія. Начальникъ кобулетскаго отряда съ своимъ штабомъ будетъ находиться при лѣвой колоннѣ, а по соединеніи лѣвой и правой колоннъ въ долину р. Кинтишъ—руководить дѣйствіями обѣихъ колоннъ.

«Я буду находиться до наступленія лѣвой колонны—на Денибесковскомъ курганѣ; послѣ же этого—при резервной колоннѣ; мѣсто моего пребыванія будетъ обозначаться бѣлымъ значкомъ.

Подпись: командующій войсками при-Ріонскаго края, генералъ-лейтенантъ *Окловскіо*.

Дополненіе къ диспозиціи. Снабженіе и снаряженіе войскъ, упомянутыхъ въ диспозиціи, должно быть слѣдующее:

А. При войскахъ: 1) На людяхъ сухарей на два дня, вареной говядины по 2 фунта на человѣка. 2) Фуражъ для лошадей на два дня. 3) Патроновъ для пѣхоты, кромѣ носимыхъ въ сумкахъ, половина возимаго количества. 4) Шанцеваго инструмента: въ каждомъ баталіонѣ имѣть шанцевый инструментъ въ одной ротѣ, въ количествѣ: 20-ти топоровъ, 40 лопатъ, 12-ти кирокъ и 12-ти мотыгъ; всего 84 инструмента. 5) Санитарная часть въ каждой колоннѣ устраивается по согласенію начальниковъ колоннъ со старшими колонными врачами, коими назначаются: въ лѣвую колонну—старшій врачъ Закатальскаго полка, Страховъ; въ правую—старшій врачъ Ленкоранскаго полка, Шведовъ. Врачамъ будутъ приданы изъ дивизионнаго подвижнаго лазарета спеціальныя средства, распредѣленіе коихъ зависитъ отъ колонныхъ начальниковъ. Для перевозки раненыхъ будутъ высланы къ среднему и нижнему мостамъ фургоны подвижнаго лазарета.

В. Остаются на позиціях, имѣя занимаемыхъ войсками: 1) Ранцы. 2) Необходимая часть обоза второго разряда. 3) Половина возимаго запаса патроновъ.

На Хуцу-Убани часть обоза второго разряда.

Подписалъ: начальникъ бюджетскаго отряда, генераль-маіоръ *Дембековъ*.

Общая диспозиція командующаго войсками указывала на двѣ штурмовыя колонны: лѣвую (полковникъ Гурчина) и правую (генераль-маіоръ Шелеметьевъ) и общій резервъ (полковникъ Бучіевъ); частное распредѣленіе войскъ было слѣдующее:

Лѣвая колонна подъ общимъ начальствомъ полковника Гурчина въ свою очередь состояла изъ двухъ колоннъ: лѣвая, подъ начальствомъ командира Грузинской пѣшей дружины князя Чавчавадзе, изъ Гурійской и Грузинской пѣшихъ дружинъ въ первой линіи и баталіона закатадзе въ 2-й линіи; правая, подъ начальствомъ командира Пластунскаго баталіона полковника Козелкова изъ 1-го и 4-го стрѣлковыхъ баталіоновъ, и Пластунскаго въ первой линіи и двухъ баталіоновъ Кубанскаго полка во 2-й линіи; кромѣ того, въ распоряженіи полковника Гурчина находились части артилеріи: 5-я батарея 41-й бригады и дивизионъ 6-й батареи 41-й бригады и рота саперновъ. Итого въ лѣвой колоннѣ 8 баталіоновъ и 12 орудій и одна рота. Правая колонна, подъ общимъ начальствомъ генераль-маіора Шелеметьева, дѣлилась опять на двѣ: правую, подъ начальствомъ командира стрѣлковаго баталіона подполковника Макѣева, изъ 2-го стрѣлковаго баталіона Бутанской пѣшей дружины и команды охотниковъ, и должна была слѣдовать со Столоной горы на слѣдующій впереди гребень, по направленію на «Амбраурную батарею», и лѣвую, подъ начальствомъ подполковника Пригары, — изъ четвертыхъ баталіоновъ Ленкоранскаго и Севастопольскаго полковъ, которая должна была наступать на нижній турецкій лагерь, постоянно поддерживая связь лѣво, съ колонной полковника Гурчина.

Кромѣ того, въ распоряженіи генераль-маіора Шелеметьева былъ резервъ обѣихъ колоннъ — 1-й, 3-й и 4-й баталіоны Александропольскаго полка подъ командой флигель-адъютанта подполковника Теріева, 8 орудій 4-й батареи 41-й бригады и дивизионъ 6-й батареи той же бригады; всего у генераль-маіора Шелеметьева было 7 баталіоновъ, 12 орудій и команда охотниковъ.

Общій резервъ (полковникъ Бучіевъ, командиръ Пятигорскаго полка) — всѣ четыре баталіона Пятигорскаго полка.

Для покровительства движеній колонны полковника Гурчина на

Самеба назначено было 26 орудій; для той же цѣли по отношенію колонны генералъ-маіора Шелеметьева—8 орудій.

Для демонстраціи на правомъ берегу р. Кинтриши 6 сотенъ кавалеріи, подъ начальствомъ командира Кутанскаго конно-прегулярнаго полка полковника Принца.

Для обороны крайняго лѣваго фланга, редута Самеба, — 3-й баталіонъ Севастопольскаго и 1-й Ленкоранскаго и 4 орудія подъ общей командой маіора Бараганскаго (всего 2 баталіона, 4 орудія).

На линіи Денибековъ курганъ и укрѣпленіе у Ачкау—два баталіона ленкоранцевъ и 4 орудія (орудія на Денибековомъ курганѣ).

Въ укрѣпленіяхъ Муха-Эстате, подъ общимъ начальствомъ командира Закатальскаго полка, полковника Солтана, — три баталіона Закатальскаго полка и 6 орудій.

Кромѣ того, у редута № 7-го для охраны праваго фланга, кажется, назначены были баталіонъ александровцевъ.

Въ заключеніе дополнительныхъ приказаній прибавимъ, что, по распоряженію начальника артилеріи, батарей, бывшія на передовой позиціи, должны были имѣть при себѣ только передки и 1-е зарядные ящики; 2-е и 3-е зарядные ящики должны были расположиться у трехъ мостовъ въ трехъ пунктахъ, соответственно тремъ группамъ позиціонной артилеріи, перейдя Кинтриши и въ такомъ порядкѣ: у лѣваго моста 2-е и 3-е ящики 1-й бат. 41-й брига.; у средняго 2-е и 3-е ящики 1-й и 3-й бат. 38-й бригады и 2-е 19-й, и у праваго моста 2-е и 3-е заряд. ящики 3-й бат. 41-й бригады; даже, на правомъ берегу Кинтриши, вправо отъ Денибекова кургана, расположился 41-й дивизионный летучій паркъ и стрѣлковое отдѣленіе кавкасскаго конно-артилерійскаго полупарка.

Батарейнымъ командирамъ приказано было ознакомить людей съ расположеніемъ 2-хъ и 3-хъ зарядныхъ ящиковъ и парка.

Подобнаго рода организація снабженія батарей боевыми запасами была на столько совершенна во всѣхъ отношеніяхъ, какъ-то: близости, простоты, удобства и безопасности, что въ дни боя батарей только тогда могли нуждаться въ снарядахъ, когда ихъ не было бы въ паркѣ.

Подвижной же паркъ находился въ Озургетахъ въ разстояніи 27 верстъ (приблизительно).

Въ данномъ случаѣ, если бы предвидѣлось дальнѣйшее движеніе или продолжительная борьба за обладаніе высотами Кинрике, Дзотва и Цихедзари, было бы крайне желательно имѣть подвижной паркъ на Муха-Эстате, что, по всей вѣроятности, и было бы исполнено, если бы характеръ операціи этого потребовалъ.

Четырехфунтовыми батареями (4-я и 5-я бат. 41-й брига.) приказано было сопровождать колонны съ одними передками, такъ какъ колонны должны были слѣдовать безъ дорогъ; кромѣ того, тѣмъ же батареямъ предписано было быть готовыми, на случай занятія Кларвию, двинуть за собой одни передки отъ ящиковъ (батареи имѣли четырехколесные зарядные ящики).

Расположеніе артилеріи. — Выше мы ознакомились уже съ расположеніемъ артилеріи на позиціи гребня Самеба и Столовой горы, изъ которой видно, что, въ силу мѣстныхъ условій, вся масса орудій (расположенныхъ на позиціи) дѣлилась на три группы: артилерію лѣваго фланга—4 орудія (1-я бат. 41-й брига.), артилерію центра—26 орудій (1-я и 3-я батареи 38-й брига. 2 орудія 2-я бат. 41-й брига. 2-я бат. 19-й брига.) и артилерію праваго фланга — 8 орудій (3-я бат. 41-й брига.) (*).

Всѣ три группы, отдѣленные значительнымъ разстояніемъ, были еще раздѣлены закрытой пересѣченной мѣстностью, изъ чего усматривается, что артилеріи была въ сущности разбросана, что управленіе ея однимъ лицомъ было трудно, что сосредоточеніе ея огни въ рѣшительную минуту на какой либо одной пунктъ обладанія, которымъ рѣшилась бы участь боя, было также трудно, почти невозможно, и что въ расположеніи ея преслѣдовалось нѣсколько цѣлей.

Всѣ означенныя явленія, бывшія послѣдствіемъ растланности расположенія, понимаемаго въ геометрическомъ смыслѣ, усиливались еще мѣстными условіями (крайняя пересѣченность мѣстности, густая растительность и прихотливые изгибы линій фронта) и охватывающимъ расположеніемъ непріятельской позиціи.

Въ центрѣ, въ участкѣ большого лѣвостаго кургана, можно было бы помѣстить всѣ девятифунтовыя (числомъ 48) пушки отряда; правда, расположеніе было бы нѣсколько тѣсно, потери были бы несравненно больше, но за то артилеріи была бы въ рукахъ одного лица, огонь ея можно было бы сосредоточить именно по тому пункту, на который указывала диспозиція и на который (какъ увидимъ далѣе) были направлены всѣ усилія атакующей пѣхоты.

Въ диспозиціи совершенно опредѣленно указывалось для пози-

(*) До боя 8 четырехфунтовыхъ орудій 4-й бат. 41-й бригады, какъ орудія болѣе легкія и менѣе дальнострѣльными, были назначены состоять при колоннѣ (правой), но, въ виду полной невозможности сопровождать колонну, были оставлены на Столовой горѣ, занявъ позицію правѣ 3-й бат. 41-й брига., такъ что правозапятая батарея въ сущности составила массу въ 16 орудій.

ціонной артилеріи дѣйствиє вообще по Квирике и особенно по «Желтой батарее» и «подготовить атаку на эту батарею».

Для этой цѣли (очевидно, Желтая батарея и вообще Квирике—рѣшительный пунктъ), т. е. для дѣйствія по Квирике вообще назначалась артилерія лѣваго фланга и центра, 4+26 орудій, но сколько иибудь дѣйствительная стрѣльба по Квирике могла производиться только изъ артилеріи центра, ибо лѣвофланговая артилерія едва-едва могла только добросить свои снаряды до противостоящихъ ей непріятельскихъ батарей (изъ горныхъ орудій), но дѣйствовать по Желтой батарее и близкимъ ей пунктамъ не могла никоимъ образомъ.

Слѣдовательно для рѣшительнаго дѣйствія по Квирике остается только артилерія центра, т. е. всего 26 орудій.

Расположеніе артилеріи въ участкѣ большого лѣсистаго кургана было бы выгодно еще въ смыслѣ близости разстоянія до Квирике,—здесь разстояніе до непріятельскихъ позицій было (отъ 600—900 саж.); какъ разъ противъ большого лѣсистаго кургана находилась выдающаяся къ намъ часть Квирике, и именно участокъ «Желтой батареи» (*).

Только при сосредоточенномъ расположеніи артилеріи отряда въ указанномъ участкѣ можно было бы извлечь изъ нея всю ту пользу, на которую справедливо было рассчитывать. Если бы данная мѣстность носила равнинный характеръ, то артилерія, будучи даже въ геометрическомъ смыслѣ разбросанной, все же могла бы сосредоточить огонь по любому пункту, но въ данныхъ условіяхъ требовалось сосредоточенное расположеніе; кромѣ того, равнинный характеръ дозволялъ бы и перемѣщеніе батарей въ теченіе самаго боя, что въ нашемъ случаѣ было опять-таки невозможно.

Въ этомъ отчасти и заключалась рѣзкая особенность употребленія и дѣйствія артилеріи на данномъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

Насколько мѣстность вліяла на управленіе огнемъ батарей—видно изъ того, что вслѣдствіе сильной растительности и пересѣченности мѣстности прислуга одного орудія не видѣла прислуги рядомъ стоящаго, другаго орудія той же батареи.

Во dniu штурма кубудетскій отрядъ усилѣлся двумя девятифунтовыми батареями 38-й бригады, слѣдовательно, если считать и 8 позиціонныхъ орудій Озургетской мѣстной батареи (Озургеты отстояли

(*) По окончательномъ вооруженіи батарей, возведенныхъ въ участкѣ большого лѣсистаго кургана, между орудіями 1-й бат. 38-й бригады и 2-й бат. 19-й бригады осталось еще много дощечекъ, но занятыхъ орудіями; только два изъ нихъ были заняты орудіями 2-й батареи 41-й арт. бригады.

всего въ суточномъ переходѣ отъ Денибекова кургана, слѣдовательно притянуть Озургетскую мѣстную батарею къ Муха-Эстате или Денибекову кургану ничего не стоило), то всего артилеріи ко дню боя въ распоряженіи кобудетскаго отряда было: полевыхъ девятифунтовыхъ 48 (шести полевыхъ девятифунтовыхъ батарей), полевыхъ четырехъ-фунтовыхъ 16 (двухъ батарей), горныхъ трехфунтовыхъ 8, позиционныхъ четырехфунтовыхъ 8. Итого 80 орудій полевыхъ калибровъ.

Но 8 позиционныхъ орудій Озургетской мѣстной батареи притянуты на передовыя позиціи не были, и это лишеніе себя 8 орудій, которыя могли бы во время боя нести службу по охраненію тыла и сообщеній, входя въ составъ оборонительныхъ средствъ укрѣпленій на Муха-Эстате, у р. Ачкау и Денибекова кургана, заставило насъ для усиленія обороны Муха-Эстате и Денибекова кургана выдѣлать 10 девятифунтовыхъ орудій: 6 орудій 2-й батареи 41-й бригады на Муха-Эстате и 4 орудія 1-й бат. 41-й бригады на Денибековъ курганъ.

Для расположенія на передовыхъ позиціяхъ и для сопровожденія штурмовыхъ колоннъ осталось всего 62 орудія, изъ коихъ на постоянной позиціи, для подготовки штурма, имѣлось 38 девятифунтовыхъ орудій, а для колоннъ — 16 четырехфунтовыхъ и 8 горныхъ.

Въ диспозиціи сказано: «артилерія лѣваго фланга и центра, за исключеніемъ батарей на Столовой горѣ, имѣть ближайшей цѣлью сбить батареи непріятеля, расположенныя на Квирикѣ, особенно же Желтую батарею, и подготовить атаку на эту батарею. Батарея на Столовой горѣ имѣть ближайшей цѣлью сбить «Амбразурную батарею и подготовить атаку на эту батарею».

Слѣдовательно въ дистанціи указаны двѣ цѣли: высоты Квирикѣ и Амбразурная батарея; противъ Амбразурной назначено 8 девятиф. 3-й бат. 41-й бриг., слѣдовательно противъ Квирикѣ (самаго важнаго по отношенію конечной цѣли боя) остается 30 девятифунтовыхъ орудій, а если вычесть еще 4 орудія 1-й батареи 41-й бригады, расположенныя на крайнемъ нашемъ лѣвомъ флангѣ, въ редутъ «Самеба», имѣвшія противъ себя горныя батареи крайняго праваго фланга непріятеля и не имѣвшія возможности (по дальности) дѣйствительно поражать ии «Желтую батарею», на стоиціи вправо отъ нея другія батареи, то окажется, что противъ участка непріятельской позиціи, указаннаго въ диспозиціи, какъ рѣшительнаго, оставалось всего 26 девятифунтовыхъ орудій, изъ коихъ далеко не все опять-таки могли вполнѣ удачно поражать «Желтую батарею», и ближайшіе ея участки, какъ,

напримѣръ, 3-й бат. 38-й артвз. бригады, занимавшая позицію далеко вѣтво отъ большого Лѣсвстаго кургана. Слѣдовательно въ концѣ конновъ противъ «Желтой батареи» и ближнихъ ей батарей дѣйствовало отъ 18-ти до 26-ти орудій (если считать и 3-й бат. 38-й) или, строго говоря, только 18 орудій.

По нашему крайнему разумѣнью вопросъ о распредѣленіи артилеріи и ея расположеніи могъ-бы быть разрѣшенъ слѣдующимъ путемъ:

1) Восемь орудій Озургетской мѣстной батареи слѣдовало притянуть къ отряду и, оставивъ два орудія на Муха-Эстате (чего было совершенно достаточно для успѣха его обороны), остальные шесть имѣть на Денибековомъ курганѣ и люнетѣ № 7-го.

2) На участіѣ большого Лѣсвстаго кургана, противъ Желтой батареи и ея траншей, сосредоточить всѣ 48 девятифунтовыхъ орудій (вмѣсто 26-ти) для дѣйствія по тому рѣшительному пункту непріятельской позиціи, куда будутъ направлены всѣ успѣха атакующей пѣхоты.

3) Противъ Амбразурной батареи выставить 4 четырехфунтовыхъ орудій или даже 8 орудій, съ исключительной цѣлью демонстраціи въ этомъ направленіи и сильной обороны Столовой горы, которая получитъ характеръ заслона.

4) Оставшіеся 8 четырехфунтовыхъ и 8 горныхъ имѣть при штурмовыхъ колоннахъ.

Наконецъ, если даже для обороны тыла и сообщеній изъ Озургеть и не были бы притянуты 8 позиціонныхъ орудій, то все же оставленіе для этой цѣли 10 девятифунтовыхъ орудій не могло не ослабить весьма чувствительно дѣйствительность огня противъ Кларике; особенно Муха-Эстате было снабжено сверхъ надобности (6 орудій 2-й батареи 41-й бригады).

Итакъ детальное распредѣленіе артилеріи ко дню 11-го іюля было слѣдующее: на Самеба 30 орудій, на Столовой 8, на Денибековомъ курганѣ 4 орудія, на Муха-Эстате 6; 16 четырехфунтовыхъ и 8 горныхъ были распредѣлены по колоннамъ и 8 позиціонныхъ мѣстной батареи были оставлены на базѣ—въ Озургетахъ.

Цѣль боя. Одновременный штурмъ (по всей длинѣ) непріятельской позиціи былъ немыслимъ и не привелъ бы ни къ чему; малочисленность отряда сравнительно съ силами противника и охватывающее расположеніе его привело бы къ тому, что слабыя численно колонны, расходясь по радиусамъ и двигаясь по пересѣченной лѣсвстой мѣстности, потеряли бы очень скоро и связь, и взаимную поддержку.

Главное свойство непріятельской позиціи заключалось:

1) Въ неприступности фланговъ, обозначенныхъ неприступными лѣсистыми горами и враждебнымъ намъ населеніемъ съ праваго и моремъ (во власти непріятеля) съ лѣваго фланговъ.

2) Въ охватывающемъ расположеніи, — впереди лежащая мѣстность оборонялась перекрестно.

3) Съ фронта сильное естественное препятствіе — рѣчка Бинтынгъ, протекающая въ дикой, пересѣченной, заросшей и глубокой долині — цѣлая система овраговъ и мелкихъ балокъ, скаты которыхъ покрыты растительнымъ хаосомъ.

4) Оборона позиціи по частямъ, взаимная оборона отдѣльных гребней и высотъ.

5) За первымъ гребнемъ позиціи — второй гребень позиціи.

6) Обширная подготовка позиціи въ инженерномъ отношеніи, соединенная съ образцовымъ примѣненіемъ къ мѣстности.

Обойти такую позицію было невозможно, но въ охватывающемъ положеніи была и слабость ея въ смыслъ протяженія (если только была какая нибудь слабая сторона въ этой замѣчательной по силѣ обороны позиціи), слѣдовательно оставалось прорвать ее или въ центрѣ, или гдѣ либо ближе къ флангамъ.

Разсмотримъ по очереди всѣ три направленія: ударъ въ лѣвый флангъ расположенія турокъ (движеніе со Столовой горы) приводилъ къ наиболѣе сильно укрѣпленнымъ мѣстамъ позиціи и отрѣзывалъ, только въ случаѣ дальнѣйшаго успѣха въ этомъ направленіи, всю линію непріятельской позиціи отъ моря, но за то сопровождался невыгодами оставленія большихъ силъ на Самебѣ; для удержанія непріятеля въ этомъ направленіи (а Самеба въ восемь разъ длиннѣе Столовой горы), расположеніе наше (неподвижнымъ лѣвымъ флангомъ въ редутѣ Самеба и до Амбразурной батареи и дажѣ до моря) выходило непомерно длиннымъ, мы ослабляли себя въ центрѣ и, кромѣ того, занимая лѣвофланговые участки непріятельской позиціи, были подвержены огню непріятеля съ трехъ сторонъ: слѣва съ командующихъ высотъ Квирикъ, съ фронта — съ тыльных укрѣпленій Даегва, Циннара и др. и справа — броненосцевъ.

Занимая эти высоты подъ огнемъ съ разныхъ сторонъ, мы едва ли могли бы держаться, а растянутое положеніе давало возможность непріятелю ударить на Самеба, что было бы равносильно и удару во флангъ боеваго расположенія и на сообщенія.

Невыгоды этого направленія были слишкомъ ясны.

Ударъ на правый флангъ непріятельскаго расположенія представлялъ бы совершенную аналогію съ занятіемъ исхъ предше-

ствовавших гребней, начиная съ Муха-Эстате; ударъ въ этомъ направленіи произошелъ бы по участку позиціи, менѣе всего подготовленному въ инженерномъ отношеніи, но отстоявшему въ небольшомъ удаленіи отъ нашихъ позицій; сопровождался бы слѣдовательно болѣе продолжительнымъ движеніемъ подъ огнемъ и, кромѣ того, въ отношеніи растянутаго расположенія представлялъ невыгоды перваго направленія.

Но продолжительное движеніе наше въ этомъ направленіи дало бы неприятелю возможность сосредоточить здѣсь резервы. Не смотря на всѣ перечисленные невыгоды движенія въ сказанномъ направленіи, оно имѣло тѣ существенныя преимущества, что здѣсь были слабо развиты фортификаціонныя сооруженія и что, разъ мы заняли тутъ участокъ, то анфилировали уже все расположеніе неприятеля; слѣва ноги бы тревожить насъ только жители Кобулетія, которые, въ свою очередь, этия движенія отрѣзывались отъ крѣпости и лагеря регулярной арміи турокъ.

Остается третье направленіе—центральное, главная выгода котораго заключалась въ раздѣленіи неприятельскаго растянутаго, охватывающаго расположенія на двѣ части, при условіи собственнаго сосредоточеннаго (центрального) расположенія; кромѣ того, ударъ въ этомъ направленіи выходилъ на ближайшіе къ намъ участки турецкаго расположенія (меньше времени идти подъ огонь), тотъ участокъ гребня Квирике, по которому, съ болѣею чѣмъ гдѣ либо вѣроятностью на успѣхъ, можно было дѣйствовать многочисленной артилеріей отряда; занимая этотъ участокъ, мы были подвержены дѣйствительному артилерійскому и ружейному огню только справа, ибо слѣва оставались жители и горная артилерія; укрѣпленія же справа командовались Квирикской высотой, слѣдовательно сильная артилерія лѣваго фланга и тыла турецкихъ укрѣпленій не была намъ особенно страшной.

Движеніемъ въ этомъ направленіи мы не растягивались по фронту, слѣва мы обезпечивали себя собственнымъ движеніемъ и укрѣпленнымъ расположеніемъ на редутѣ Самеба,—оставалось только сильно укрѣпиться справа, на Столовой горѣ, придавъ сей послѣдней характеръ боковаго заслона, и, подготовивъ себя сосредоточеннымъ огнемъ девятифунтовыхъ орудій участокъ «Желтой батареи», направить на нее сколь можно превосходящія силы.

Такъ и постановлено было въ общемъ рѣшеніе вопроса о выборѣ направленія, но въ частности и въ исполненіи движенія вопросъ былъ рѣшенъ нѣсколько иначе, что усматривается изъ всего сказаннаго о

сосредоточения артилерія противъ участка «Желтой батареи» и въ диспозиціи.

Для ослабленія противника на «участкѣ Желтой батареи» было сдѣлано много: по-первыхъ, демонстрація и движеніе правой колонны, которая переходитъ въ рѣшительное наступленіе только тогда, когда лѣвая занимаетъ Квирике, а до тѣхъ поръ только демонстрируетъ, и, во-вторыхъ, демонстрація кавалеріи на правомъ берегу Квириши.

Намъ казалось впрочемъ, о чемъ выше и было упомянуто, что роль правой колонны исключительно—демонстративная; при этомъ условіи трехъ баталіоновъ (вмѣсто семи) было бы достаточно, и оставалось бы только усилить Столовую гору въ фортификаціонномъ отношеніи, обставить ее особенно засѣлками, благо было вдоволь подходящаго лѣса, и тогда въ соединеніи съ мѣстностью этотъ заслонъ былъ бы неприступенъ.

Остается разсмотрѣть, какъ извѣстный принципъ сосредоточенія превосходныхъ силъ въ точкѣ удара въ рѣшительную минуту былъ проведенъ нами по отношенію всего театра войны. Для этого вспомнимъ, какъ были расположены войска по всему театру ко дню 11-го іюня и какъ распорядились мы охраной и службой въ тылу и на сообщенияхъ.

Опытъ таки и въ этомъ случаѣ приходится сожалѣть, что организація дружинъ изъ мѣстнаго православнаго населеніяведена была въ ограниченныхъ размѣрахъ; еслибы мы имѣли то количество дружинъ, какое могло бы выставить населеніе, то, выдѣливъ наиболее подготовленныя и лучшія по составу дружины въ передовыя позиціи, мы имѣли бы возможность остальной массѣ милиціи (совмѣстно съ мѣстными войсками) поручить службу въ тылу и по охраненію сообщенийъ отъ Денибекова кургана вплоть до Озургеть, также и отъ Николаевска до Поти, вслѣдствіе чего всѣ полемныя войска при Ріонскаго края могли бы быть сосредоточены на послѣднихъ позиціяхъ у верховъ Цихнедары.

Слѣдовательно отсутствіе многочисленной милиціи ослабляло насъ вдвойнѣ—и прямо, и косвенно.

Прилагаемъ здѣсь схему группировки силъ къ 11-му іюня. Намъ неизвѣстно въ точности, какія части войскъ находились въ Озургетяхъ и въ Николаевскѣ, не ручаемся исполнѣ и за точность размѣщенія войскъ по сю сторону р. Квириши, и здѣсь можетъ быть вкратчѣ ошибки въ расположеніи двухъ баталіоновъ левкоранцевъ отъ Денибекова кургана до Мука-Эстате, и въ расположеніи баталіона александропольцевъ у хутора № 7-го. Во всякомъ случаѣ, эти три

баталіона р. Кинтриши не переходили и въ бою 11-го и 12-го числа участія не принимали, а были расположены гдѣ-то въ районѣ Денибекова кургана, люнета № 6-го и № 7-го и Муха-Эстате.

Изъ схемы видно, что по ту сторону р. Кинтриши на передовыхъ позиціяхъ Самеба и Столовой горы сосредоточена была масса въ 21 баталіонъ, 62 орудія и двѣ роты; по эту же сторону рѣки, для охраны тыла, фланговъ и сообщеній, — шесть баталіоновъ, 10 орудій и шесть сотенъ.

Но изъ 20-ти баталіоновъ на передовыхъ позиціяхъ два баталіона при двухъ орудіяхъ (3-й Севастопольскій и 1-й Ленкоранскій) не примуть участія въ ударѣ, а останутся для охраны лѣваго фланга (мѣра цѣлесообразная и благоразумная), такъ что для активнаго дѣйствія остается всего 18 баталіоновъ, изъ коихъ пять имѣютъ фронтъ къ Амбраурной батарее. Слѣдовательно для движенія противъ Кинрике остается всего 13 баталіоновъ, изъ которыхъ четыре баталіона Пятигорскаго полка составляютъ еще общій резервъ.

Итакъ, въ направленіи къ рѣшительному пункту остается всего девять баталіоновъ (если не считать общаго резерва), но изъ нихъ колонна подполковника Пригары имѣетъ по диспозиціи направленіе къ нижнему турецкому лагерю; слѣдовательно число баталіоновъ, направленныхъ на рѣшительный пунктъ, участокъ «Желтой батареи», уменьшится до семи, что составляетъ всего $\frac{1}{4}$ часть силъ отряда, если не считать свѣдъ, оставленныхъ въ Оаургетахъ; въ противномъ случаѣ, дробь эта еще уменьшится, а взявъ въ расчетъ, что лѣвая колонна князя Чавчавадзе должна была выйти влѣво отъ Желтой батареи, силы уменьшатся еще на два баталіона.

Но надо сознаться, что такая группировка оправдывается:

- а) необыкновенной чувствительностью фланговъ и вообще всей короткой операционной линіи;
- б) необходимостью имѣть два фронта и ожидать непріятеля со всѣхъ сторонъ;
- в) отсутствіемъ резервныхъ войскъ (кавалеріи всего шесть сотенъ);
- г) отсутствіемъ многочисленной милиціи для службы изъ тылу и на сообщеніяхъ.

Во всякомъ случаѣ, изъ этихъ семи баталіоновъ, направленныхъ къ «Желтой батарее», лучшія по боевымъ качествамъ войска: 1-й и 4-й стрѣлковыя, 1-й Пластиунскій баталіоны, Гурійская и Грузинская цѣшія дружины.

Части эти, кромѣ того, достаточно обстрѣлялись и осматрѣлись. Въ составъ правой колонны вошелъ 2-й стрѣлковый баталіонъ,

также осмотрѣвшійся и обстрѣлявшійся и показавшій высокія боевыя качества; баталіонъ этотъ былъ необходимъ правой колоннѣ, такъ какъ со стороны Амбразурной батареи, по направленію къ Столовой горѣ, всегда можно было ожидать болѣе или менѣе серьезную контръ-атаку.

По нашему крайнему разумѣнію, безъ ущерба по охраненію фланговъ и сообщеній, можно было бы ослабить гарнизоны Муха-Эстате, Лѣсистаго кургана у р. Азкуа, Денибекова кургана и лѣнета № 6-го и № 7-го и довести число баталіоновъ по ту сторону р. Кинтриши до 22-хъ—24-хъ; также можно было бы ослабить и составъ правой колонны, придавъ ей демонстративное и оборонительное значеніе, и тогда на Кварике были бы направлены силы дѣйствительно превосходящія по отношенію къ численности отряда.

Наконецъ, отказавшись отъ демонстраціи на правомъ берегу р. Кинтриши и оставивъ для наблюденія только двѣ сотни кавалеріи, мы имѣли бы четыре сотни свободными, которымъ могла бы быть поручена охрана тыла.

День передъ атакой, 10-го іюня и ночь съ 10-го на 11-е были заняты послѣдними передвиженіями. Какъ ни было мало разстояніе, на которое батареи должны были передвинуться, тѣмъ не менѣе передвиженіе батарей было полно трудностей; не обошлось и безъ приключеній: такъ, во 2-й батареѣ 19-й бригады одно орудіе скатилось въ балку, не раздавивъ по счастью ни ѣздовыхъ, ни лошадей, и общими усиліями было вытаскано. Двигалась и пѣхота: Платиторскій полкъ во главѣ своего браваго командира, полковника Михаила Борисовича Бучкіева (1) съ музыкой и распущенными знаменами перешелъ р. Кинтриши у средняго моста и расположилась бивакомъ у подножія Самеба; 2-я Куталсская (Имеретинская) дружина расположилась на Столовой горѣ, правѣ 2-го стрѣлковаго баталіона.

Поздно вечеромъ я получилъ приказаніе сообщить командирамъ батарей диспозицію для предстоящаго боя, со всіми ея дополненіями. По окончаніи порученія, когда уже совсѣмъ стемнѣло, я съ офицерами 2-й батареѣ 19-й бригады и 1-й батареѣ 38-й бригады спустился съ большаго лѣсистаго кургана къ сторонѣ неприятеля, и, пройдя немного за цѣпь постовъ, мы начали прислушиваться къ крикамъ

(1) Полковникъ Бучкіевъ впоследствии при штурмѣ Карса, въ ночь съ 5-го на 6-е, палъ смертью храбраго, вмѣстѣ съ охотниками своего полка, во рву Тохмаса.

«алла», раздававшимся периодически на высотах Квирике; въ антрактах слышенъ былъ топотъ коней многихъ всадниковъ, прекращавшійся мгновенно, — послѣ чего раздавались крики.

Ночь была тихая, и все это выходило очень эффектно и красиво.

Наблюдаемое нами явление имѣло видъ объезда войскъ на Квирике; судя по силѣ и продолжительности крика, мы разсудили, что на высотахъ Квирике Дервишъ-паша приветствовалъ четыре большія массы, что наводило на мысль, что за Желтой батареей находились въ резервъ по крайней мѣрѣ 12 таборовъ, а можетъ быть и весь общій резервъ былъ сосредоточенъ за участкомъ Желтой батареей.

Поздно ночью я вернулся на Денибековъ курганъ, гдѣ никто еще не спалъ. Отпуская своихъ адъютантовъ на отдыхъ, начальникъ артилеріи приказалъ имъ быть готовыми, на лошадахъ, къ тремъ часамъ утра, — часъ, назначенный имъ для выѣзда съ Денибекова кургана на передовыя позиціи.

Я забылъ упомянуть, что князь Григорій Гуріель уѣхалъ изъ отряда утромъ того же 10-го іюня. «Я не могу быть свидѣтелемъ напрасно и безцѣльно пролитой крови; мы ничего не сдѣлаемъ противъ Цихисдзари», говорилъ онъ мнѣ, когда я пришелъ съ нимъ проститься, «а людей потеряемъ много-много, и дай Богъ, чтобы еще удалось намъ уйти благополучно». Какъ глубоко ни подчинялся я его авторитету и какъ ни вѣрилъ его знаніямъ противниковъ нашихъ, тѣмъ не менѣе на этотъ разъ я думалъ, что князь не правъ, но, къ сожалѣнію, послѣдствія оправдали его пророчество.

11

X.

(Вой 11-го и 12-го июня).

Атака Цихисдзирских укрѣпленій 11-го и переходъ турокъ въ наступленіе 12-го июня.

Приказанія и распоряженія начальника артилеріи передъ боемъ. — Взглядъ на турецкія позиціи. — Первый оружейный выстрѣлъ. — Дѣйствія артилеріи Сакебскихъ батарей и со Столовой горы. — Дѣйствіе турецкой артилеріи. — Бой въ долинѣ средней Кантриши. — Наступленіе лѣвой колонны. — Вторая подготовка атаки артилеріею. — Общій характеръ втораго періода дѣятельности турецкой артилеріи. — Наступленіе колонны полковника Гуртия и подполковника Пригары. — Спускъ въ долину рѣки Кинтышь. — Бой въ лѣву у князя Чачавадзе. — Переправа. — Первая позиція на лѣвомъ берегу Кинтыша. — Переправа Пригары. — Наступленіе праваго эланга. — Движеніе колонны подполковника Маѣева и подполковника князя Цулухядзе. — Демонстративныя дѣйствія генерала Шележьева. — Дѣйствія артилеріи на Семеба. — Ходъ дѣлъ въ лѣвой колоннѣ. — Атаки нижнихъ комендовъ. — Дѣйствія въ правой колоннѣ. — Успѣхъ боевой линіи. — Ожиданіе извѣстій изъ лѣвой колонны. — Разрѣшеніе вопроса снабженія артилеріи снарядами. — Ночь на боевой линіи. — Вопросъ о ночной атакѣ Каврике. — Причѣмъ, не дозволившія разсчитывать на успѣхъ ночнаго штурма. — Результаты, добытые боемъ 11-го июня.

Собравшись въ условленное время, 11-го июня, у начальника артилеріи, мы поѣхали немедленно на передовыя позиціи. Полковнику Филлимонову хотѣлось въ послѣдній разъ лично убѣдиться, что въ артилеріи все готово и что всѣми батарейными командирами усвоены цѣль и характеръ предстоявшаго артилерійскаго боя.

Было 3 часа, когда мы выѣхали съ Денябекова кургана, объятаго сломъ и мертвымъ покоемъ.

Утро было восхитительное. Мы спустились в долину р. Квигриши, наполненную утренней свежестью, вышли к среднему мосту, перешли чистые как хрусталь и холодная вода реки, мчавшаяся шумом к морю, и начали избираться вверх на Самеба по средней дороге. На холмы и подороги, влево от нас, на лужайки, обрамленной ярко-зеленым и густым лесом, встретила уже стоявшую на запряжке 5-ю батарею 41-й бригады. Батарея была почти готова присоединиться к колонии полковника Гурчана. Полковник Филимонов поздоровался и объехал батарею, лихую прекрасным бодрый вид.

Отсюда мы продолжали следование вверх и, добравшись до гребня Самеба, а именно до Большого хвостого кургана, остановились здесь на площадке, выбранной еще накануне полковником Филимоновым; отсюда начальник артиллерии и его адъютанты разъехались по батареям, условясь, по окончании осмотра и исполнения поручения, собраться сюда ко времени открытия огня.

Приказание, переданное полковником Филимоновым своим адъютантам, заключалось в том: все ли деревья, находившиеся перед фронтом батарей и мешавшие действию из орудий, подделаны на столько, что, при помощи небольших усилий, они легко могут быть обрушены; нет ли еще каких либо кустов или деревьев, не помеченных для обрушения и мешающих действию из орудий; не возникли ли какие нибудь недоразумения между батареями касательно цели действия; имеют ли скаты бруствера окопов надлежащее направление; усвоены ли взрывными и фейерверкерами ближайшие пути от батарей к вторым и третьим зарядным ящикам и расположению дивизионного летучего парка; поместились ли все передки и первые ящики в устроенные им закрытия; есть ли вода на батареях и в достаточном ли количестве и ознакомлены ли нижние чины с средствами ее доставки. Таковы были последние заботы и распорядительные меры начальника артиллерии.

К 6-ти часам, все вышесказанное было исполнено, вдоль всей артиллерийской позиции, и чины артиллерийского штаба собрались в условленном месте.

Место, избранное полковником Филимоновым для руководства артиллерийским боем, находилось на общем же гребне Самеба в центре расположения артиллерии: влево, в 50-ти шагах, стояло 1-е орудие 1-й батареи 38-й артиллерийской бригады; вправо, шагах в 120, два орудия 2-й батареи 41-й бригады, и далее — все 2-я батарея

19-й артиллерийской бригады; куша гигантских чинаровъ давала возможность хорошо ориентироваться всѣмъ, искавшимъ начальнаго.

На позиціяхъ непріятеля всюду было тихо и, кромѣ обычныхъ часовыхъ на батареяхъ, не видно было ни одного лишняго человека.

Такъ же тихо было и на нашихъ позиціяхъ: нѣхота только что стягивалась; кое-гдѣ роты и взводы, назначенные для прикрытія артилеріи, занимали соответствующіе эжементы.

Легкій туманъ, закрывавшій отъ насъ непріятельскія позиціи, окончательно разсѣялся, и съ площадки открылась вся панорама непріятельскаго расположенія; прямо передъ нами отчетливо вырѣзывалась «Желтая батарея», съ своими четырьмя черезъ банкъ дѣйствующими орудіями, указанная диспозиціей—цѣлью дѣйствія 1-й батареи 38-й бригады. Въ бинокль отчетливо были видны дула и верхнія части колесъ четырехъ орудій, выступавшихъ изъ-за проны.

Лѣвѣ Желтой батареи, такъ называемая, «батарея подъ дубомъ»^(*); далѣе, вверхъ по гребню Квирика, двѣ батареи, изъ коихъ крайняя—горная; батарея подъ дубомъ была предоставлена 3-й бат. 38-й бригады, а двѣ остальные батареи—тѣмъ же частямъ артилеріи, когда онѣ покончатъ съ батареей подъ дубомъ.

Вправо отъ Желтой батареи (исъ эти положенія отсчитываются наблюдателямъ, обращеннымъ лицомъ къ непріятелю) еще двѣ батареи—цѣль дѣйствія 2-й батареи 19-й бригады. Всѣ батареи соединены блиндированными траншеями. За первой линіей укрѣпленій желтѣетъ вторая. Въ полуоборотъ направо виднѣется высокая отдѣльная, самая дальняя изъ дѣйствующихъ непріятельскихъ, «Дегвинская батарея», «Тыльная», «Рогачъ», какъ ее называли солдаты, а далѣе вправо—собственно Цихисдзирскія батареи.

Еще далѣе вправо виднѣется и «Амбразурная», имѣющая въ планѣ видъ подковы—цѣль дѣйствія 3-й батареи 41-й бригады. По этимъ перечисленіемъ мы далеко не опредѣлили всѣхъ мѣстъ расположенія непріятельской артилеріи (въ теченіе боя 11-го и 12-го въ раанныхъ мѣстахъ между указанными то и дѣло обнаруживали свое присутствіе новыя орудія или же нѣрѣже перемищавшіяся изъ перечисленныхъ, къ которымъ мы удачно пристрѣливались). Всѣ названныя батареи значительно командовали нашимъ расположеніемъ, за исключеніемъ «Амбразурной».

Къ 5¹/₂ часамъ усилилось движеніе на нашей позиціи; приступ-

(*) Впоследствии оказалось гигантское ежовое дерево.

лено было и къ демаскированію артилеріи, не обоеднемуся впрочемъ безъ легкихъ пререканій между саперами и артилерастами, кому именно его произвести, что кончилось впрочемъ дружнымъ содѣйствіемъ обоихъ родовъ оружія.

Огонь, по условію, долженъ былъ быть открытъ съ крайняго лѣваго фланга орудіями дивизиона 1-й батареи 41-й бригады, помѣщавшимися въ редутъ Самеба; здѣсь находился командиръ батареи полковникъ Войно-Оранскій, которому было вмѣнено открыть огонь ровно въ 6 часовъ. Огонь, начатый съ лѣваго нашего фланга, долженъ былъ послужить сигналомъ къ началію артилерійскаго боя и окончательному демаскированію орудій, послѣ чего пальба должна была уклоняться постепенно вправо. Батареи Столовой горы должны были открыть свое дѣйствіе значительно позже, дабы преждевременно не подвергнуть себя инфиладному огню неприятельскихъ батарей съ Квирике, которыя ко времени открытія дѣйствія со «Стола» могли быть уничтожены или ослаблены дѣйствіемъ центральной артилеріи. Между тѣмъ приближалось условное время для начала боя—шестой часъ; стрѣлка приближается къ этой цифрѣ; мы ожидаемъ еще нѣсколько секундъ, — и вотъ на крайнемъ нашемъ лѣвомъ флангѣ раздается условный звукъ—выстрѣлъ девятифунтоваго орудія; солдаты набожно осѣняютъ себя престнымъ знаменіемъ; начинается артилерійская атака Цихидзври.

Вслѣдъ за первымъ захохоталъ второй выстрѣлъ, за нимъ третій... Съ трескомъ валятся деревья, назначенныя къ обрушиванію, и передъ турками мгновенно обнажаются, скрытыя до сихъ поръ, батареи.

Съ лѣсистыхъ вышекъ расположенія 3-й батареи 38-й бригады уже потянулись клубы бѣлаго дыма, и граната за гранатой полетѣли въ батарею «подъ дубомъ». Наконецъ наступила очередь и 1-й батареи 38-й бригады помѣриться съ «Желтой»: большой лѣсистый курганъ мгновенно окутался дымомъ, и началась блестящая пристрѣлка этой батареи. Вправо захохотали орудія 2-й батареи 19-й бригады.

Въ 6^{1/2} часовъ вся наша артилерія центра и лѣваго фланга—30 девятифунтовыхъ орудій—наполнили воздухъ громомъ своихъ орудій. Турки начали отвѣчать съ самаго начала боя; первой открыла огонь «Желтая», и къ 6^{1/2} часамъ нашимъ 30-ти орудіямъ отвѣчало приблизительно отъ 14-ти до 20-ти орудій, сначала разбрасывая свой огонь по всей позиціи, а потомъ сосредоточивая его на участкѣ большаго лѣсистаго кургана.

Жадно, въ бинокль, присматривались мы къ паденіямъ нашихъ снарядовъ на «Желтой», какъ вдругъ въ нашу сторону посыпались цѣлымъ роемъ пули: «откуда, когда наша цѣль далеко впередъ?» говорили мы, но, тѣмъ не менѣе, не желая совершенно бесполезно рисковать, принуждены были отойти назадъ, на линію батарей, и остановиться у самой куны чинаровъ; здѣсь было легче.

Наблюденія наши продолжались; турецкія орудія зачастую, непріятельскія гранаты, давая въ большинствѣ недолеты, съ необычайной мѣткостью ложились и въ бруствера орудійныхъ ложементовъ, и въ промежутки; рвалось ихъ небольшое количество; высоко въ воздухъ въ листья гигантскаго дѣса попадали ихъ шрапнели, и осколки со свистомъ летѣли въ долину р. Кинтриши. Въ воздухъ стоялъ непрестанный гулъ отъ нашихъ выстрѣловъ и доходящихъ непріятельскихъ снарядовъ. 1-я батарея 38-й бригады между тѣмъ кончала пристрѣливаться; начались мѣткіе залпы всею батареею, и «Желтая» одѣлась непроницаемыми облаками желтой и бурой пыли; выстрѣлы съ нею сдѣлались рѣже, а черезъ 35 минутъ послѣ открытія огня 1-й батареей 38-й бригады «Желтая» замолчала и навсегда (1).

Еще ранѣе, намъ превосходно было видно въ бинокль, какъ одно орудіе на Желтой направилось направо и опустилось, — вѣроятно было подбито дѣловое боевое колесо.

Итакъ, самая опасная намъ батарея, по ея выдающемуся и командующему положенію, уничтожена въ 35 минутъ; остальные батареи непріятеля отвѣчали съ большимъ упорствомъ; прочіе другіе держались батареи «подъ дубомъ», и бывшія вправо и влево отъ «Желтой» батареи крайняго праваго фланга временно замолчали.

Только теперь открыли огонь батареи «Столовой горы»: 3-я и 4-я 41-й бригады (послѣдняя поставлена была, по приказанію генерала Шелеметьева, дѣше «Стола», на мазокъ Лисистомъ курганѣ); необычайно мѣтко бросала свои гранаты 3-я батарея 41-й бригады

(1) Какъ впоследствии оказалось, два орудія Желтой были подбиты и приведены въ полную негодность, вся прислуга батарей уничтожена, уцѣлѣвшія два орудія были вывезены съ батареи и, слабѣяими новой прислугою, пытались открыть огонь то дѣше, то прѣше своего перваго расположенія, но не державшая 1-я батарея 38-й бригады выставляла ихъ снова укрываться. Впоследствии, по окончаніи войны, намъ пришлось бесцѣловато въ Кутаисѣ съ начальникомъ штаба Дервиша-паша Османъ беемъ, отыскивавшимся съ большою похвалою о дѣйствіяхъ нашей артиллеріи вообще въ день 11-го и сравнивавшимъ, что нѣчто изъ прислуги и охотниковъ «Желтой батареи» не остался въ живыхъ и что «Желтая» была буквально вся мертва, — всплакана нашими снарядами.

по Амбразурной: каждая граната скрывалась в амбразуры; иногда дымом от разрыва появлялся в самой амбразуре. Против этих двух батарей турки сосредоточили огонь многих орудий и значительных калибров и повели его на столько энергично, что к Столовой горь невозможно было добраться по проложенной дороге.

Против «Стола» действовала, главным образом, Амбразурная, которая отвечала двумя 12-ти-фунтовыми и четырьмя 6-ти-фунтовыми; кроме нея, по «Столу» действовала «Дегвинская», которая двумя своими большого калибра (осадными) орудиями временами обращалась и против 2-й батареи 19-й артиллерийской бригады; кроме того, влѣво от Амбразурной, из какого-то неудовимаго ложемента иногда стрѣляли шестифунтовыми и горными орудиями, которые безпрестанно перемѣнялись.

Два броненосца, войдя в устье р. Кинтриши, также обратили против «Стола» свои девятидюймовые орудия. Турецкия батареи главной пихедзирской позиции по дальности разстоянія молчали все время.

Между тѣмъ 2-я батарея 19-й и два орудія 2-й батареи 41-й бригады успѣшно боролись съ батареями правѣ «Желтой» и значительно ослабили ихъ огонь, но, в свою очередь, жестоко поражались огнемъ большихъ (осадныхъ) орудій съ «Дегвинской» батареи; одна изъ мѣтко пушенныхъ громадныхъ бомбъ этихъ орудій прошила всю толщю бруствера окна одного изъ орудій и, разорвавшись в ровикѣ для прислуги, вынесла изъ строя всѣ номера орудій; офицеръ спасся только тѣмъ, что легъ на траверсъ. Бомбы этихъ орудій поражали косвенно и часть общей дороги, шедшей вдоль фронта и примыкавшей открытымъ участкомъ ко 2-й батарее 19-й артиллерийской бригады.

Начальникъ артилеріи приказалъ имъ передать: 1-й батарее 38-й бригады, блистательно окончившей съ «Желтой», обратить свой огонь противъ «батарей подъ дубомъ»; 3-й батарее 38-й бригады продолжать работать противъ «батарей подъ дубомъ», когда же она замолчитъ, то, совместно съ 1-й батареей 41-й бригады, обратить свой огонь противъ батарей, лѣвѣ расположенныхъ.

Исполненіе порученія отняло полчаса времени; особенно трудно было подниматься къ расположенію 3-й батареи 38-й бригады, стоявшей по дивизионно на вышкахъ, терявшихся в лабиринтѣ всевозможныхъ растений.

Когда я вернулся обратно, «батарея подъ дубомъ» уже стрѣляла рѣже, но влѣво отъ «Желтой» у бѣлѣшагося домика показались по-

вые клубы бѣлаго дыма, — вѣроятно дѣйствовали уцѣлѣвшіе два орудія съ «Желтой».

Батареи правѣ «Желтой» не унимались; Дегвинская, до которой мы никоимъ образомъ не могли добросить снаряда, наносила особенно много вреда.

Промежутокъ между 1-й батареей 38-й бригады и 2-й батареей 19-й бригады и особенно выдающееся расположеніе (en Пёше) 2-й батареи 19-й бригады ежесекундно было забрасываемо неприятельскими снарядами: тутъ былъ настоящій адъ отъ грома, треска и дыма падающихъ, зарывающихся и лопочущихся снарядовъ; тутъ же засновали и первый носалки съ ранеными.

Начальникъ артилеріи послалъ меня между тѣмъ съ новымъ приказаніемъ на редутъ Самеба. Сколько можно поспѣшнѣ исполнилъ я порученіе; на лѣвомъ флангѣ было значительно тише: батареи крайняго праваго турецкаго фланга съ трудомъ добрасывали сюда снаряды; тутъ впервые бросилась мнѣ въ глаза солидность нашего лѣвофланговаго сомкнутого укрѣпленія; подъемъ къ укрѣпленію, обращенный къ долину р. Кинтриши, былъ обрамленъ траншеей, въ которой сидѣли севастопольцы.

Предусмотрительность начальника штаба, полковника Казбека, сказалась и въ гарнизонѣ (надежные севастопольцы), и въ выборѣ коменданта, командира 1-го баталіона Севастопольскаго полка, майора Мирзы Бараганскаго (*) (татарина), стараго кавказца, храбраго, распорядительнаго, хотя и удивительно скромнаго по внѣшности, по манерамъ и по рѣчамъ офицера.

Исполнивъ порученіе, я вернулся къ начальнику артилеріи на участокъ большаго Лѣснаго кургана; было уже значительно тише: турецкая артилерія видимо сдавалась.

Страшный поворотъ по 2-й батарее 19-й бригады былъ безопасенъ для движенія.

Со «Стола» вернулся и другой адъютантъ, поручикъ Разумовскій, и привезъ утѣшительныя извѣстія объ артилерійской борьбѣ и на правомъ флангѣ.

По всей линіи нашъ огонь сталъ рѣже. Вообще результаты нашей артилерійской атаки были слѣдующія: турецкая артилерія молчала на всемъ Каярыке, кромѣ одного мѣста у «бѣжавшаго домика», откуда, впрочемъ очень слабо и уже безъ всякой мѣткости, показывали свое присутствіе два орудія, и крайняго турецкаго праваго

(*) Убитъ впоследствии въ главномъ корпусѣ 30-го сентября.

крыла (горных орудій), откуда огонь былъ безвреденъ и по дальности разстоянїя, и по малости калибровъ. Не молчала «Дегвиская», обратившая весь свой огонь противъ «Стола», и броневосцы.

Такое положеніе дѣлъ указывало, что артиллерія сдѣлала все, что могла, при данной обстановкѣ; даже 3-я батарея 41-й бригады заставила замолчать Амбразурную съ дистанціи 1,375 саж.

Личный составъ на батареяхъ пришелъ въ полное изнеможеніе; прислуга орудій падала отъ усталости; утомились и ищичныя лошади, непрерывно сообщавшіяся съ боевыми запасами.

Организація снабженія дала блестящіе плоды; все ящики были цѣлы и батареи имѣли полный комплектъ. Потери на батареяхъ, благодаря мѣстности, окопамъ и безпорядочному, разбросанному огню неприятельской артиллерїи, были ничтожны.

Молчаніе турецкой артиллерїи, невозможность бить поуртанскими орудїя—все это заставило начальника артиллерїи придти къ убѣжденію, что задача артиллерїи по указанной ей диспозиціи и при данныхъ условїяхъ выполнена: «поѣзжайте къ командующему войсками и доложите ему, что турецкая артиллерія замолчала», обратился онъ ко мнѣ.

Такъ было условлено, и мое прибытіе на Денибековъ курганъ должно было служить сигналомъ для спуска трехъ ракетъ, означающихъ штурмъ позиціи.

Я поѣхалъ съ той скоростью, съ которой позволяла сила лошади и идущая вдоль фронта дорога.

Начиная отъ расположенїя 1-й батареи 38-й бригады, вся дорога вдоль фронта до поворота назъво къ среднему мосту была запружена войсками колонны полковника Гурчина, собравшіяся здѣсь для спуска въ зловѣщую долину р. Кинтыша; тутъ были пластуны, стрѣлки 1-го и 4-го баталїона и кубанцы.

Дорогой частные начальники и офицеры слышали мнѣ вопросы: «неужели вы уже идете съ докладомъ, что турецкая артиллерія сбита и что намъ пора штурмовать?» «Неужели вы думаете, что турецкая артиллерія насъ не встрѣтитъ картечью?» «Будьте увѣрены, что орудїя только свалены и къ штурму опять будутъ поставлены на батареяхъ».

Доказывать, что артиллерія сдѣлала все, что могла, что все бывшее на дистанціи хорошаго выстрѣла сбито и что съ разстоянїя въ 1,400 и болѣе сажень нельзя демонтировать полевыми орудїями неприятельской артиллерїи, помѣщенной за солидными временными пер-

нами, что главная опасность штурмующим предстать отъ ружейнаго огня,—миѣ было некогда и я свѣшилъ своей дорогой.

Нѣкто изъ начальствующихъ лицъ, встрѣтившись со мной, сказалъ: «вы намъ сройте бруствера батарей, тогда мы вамъ скажемъ спасибо!» Все эти вопросы и возраженія впушили миѣ мысль, что частные начальники не очень-то вѣрить успѣху штурма.

Какъ только дорога стала свободной, я пустилъ лошадей въ карьеръ, повернулъ назадъ и сталъ спускаться въ долину р. Кинтришиа къ среднему мосту.

Не добѣжавъ немного до моста, я вдругъ, вправо отъ себя, внизу, совершенно неожиданно, услышалъ сильную ружейную трескотню и неистовые крики, несомнѣнно неприятельскіе; нѣсколько нуль высоко въ воздухъ просияло впереди меня.

Крики и ружейный огонь казались на столько близки, что первая мысль, пришедшая миѣ въ голову, была та, что турки или кобукетцы, наступая внизъ по долинѣ р. Кинтришиа, ударили намъ въ лѣвый флангъ и овладѣли лѣвофланговымъ мостомъ и что, наступая даѣе, они овладѣютъ и среднимъ мостомъ.

Стрѣльба и крики усиливались и приближались.

Проѣхавъ мостъ и не вида еще неприятеля, я продолжалъ невсѣчь выбираться на Хуцу-Убани. Вотъ показался и Денибеконъ курганъ; еще одно усиліе—и я очутился на курганѣ передъ командующимъ войсками; за нимъ стоялъ весь многочисленный штабъ и громадная толпа любовнытныхъ изъ войскъ и прѣхавшихъ въ оградѣ частныхъ лицъ. Я слѣзъ съ лошади и доложилъ генералу Оклобжію, отъ имени начальника артилеріи, что «задача, возложенная на артилерію, исполнена ею въ предѣлахъ возможности и что въ данную минуту турецкая артилерія молчитъ».

«Ну! значитъ все готово, пора штурмовать; я свѣдилъ самъ съ начала боя и вотъ вижу, что черезъ полтора часа почти все батареи замолчали», обратился ко миѣ генералъ. «Ну, а эта горная правофланговая вѣдь не опасна намъ?» продолжалъ меня спрашивать генералъ Оклобжію.

«Не опасна, в. п., какъ по дальности, такъ по малому числу орудій и калибру».

«Ну, такъ спустимъ ракеты и подымаемъ бѣлый флагъ!» И генералъ направился къ ракетнымъ ствѣжамъ и къ казаку, приготовившему бѣлый флагъ.

Ко миѣ между тѣмъ подошелъ полковникъ Краевичъ, начальникъ

штаба войск края: «а что, не пробовали уговорить вот эту?» обратился онъ, указывая на «Дегвинскую».

«Нѣтъ, г. полковникъ, до нея намъ еле-еле добросить».

Надо сказать, что съ высоты Денибекова кургана, какъ разъ съ той площадки, на которой стояли палатки начальника артилеріи и моя и на которой происходилъ теперь весь вышеописанный разговоръ, прекрасно было видѣть весь ходъ артилерійскаго боя.

Пока спускались ракеты и казакъ подавалъ на гребень Самеба знака бѣлымъ флагомъ, генералъ Оклобжіо выразилъ мнѣ свое удовольствіе по поводу дѣйствія нашей артилеріи.

Слѣдившій съ высоты кургана, генералъ Оклобжіо былъ доволенъ обитіемъ «Желтой» и прекраснымъ дѣйствіемъ по Амбразурной.

«А вы не думаете, что въ минуту штурма они снова ввезутъ свои орудія и встрѣтятъ наши войска?» обратился ко мнѣ снова генералъ.

«Ваше превосходительство! Несомнѣнно, что въ минуту штурма они будутъ пытаться поставить орудія, но наша артилерія, уже пристрѣлявшаяся и взявшая разъ верхъ, не позволитъ имъ этого; во всякомъ случаѣ они не поставятъ орудія тамъ, гдѣ ихъ разъ заставили замолчать и откуда они невыгоднѣйшимъ образомъ могли дѣйствовать по войскамъ!» отвѣчалъ я.

«Отдохните немного и потомъ поѣжайте опять къ начальнику артилеріи»; да объявите о моемъ приказаніи и спускѣ ракетъ тамъ, гдѣ этого не знаютъ и не видѣли».

Я подошелъ къ группѣ штаба; всѣ отдавали дань справедливости успѣху артилеріи. Здѣсь же узналъ я, что слышанные мною крики и пальба были дѣйствительно атакой жителей кобулетцевъ, неожиданно бросившихся съ горъ и лѣсовъ внизъ по р. Кинтриши на Самеба, но, встрѣченные огнемъ баталіоновъ 1-го Севастопольскаго и 1-го Ленкоранскаго и артилерію (4 орудія 1-й батареи 41-й бригады), съ большими потерями были отброшены обратно въ свои лѣсистыя трущобы.

Здѣсь я убѣдился въ цѣлесообразности и благоразуміи сомкнутого укрѣпленія на Самеба и солиднаго въ немъ гарнизона, а также и устройства средняго моста, который, на случай занятія лѣваго, хотя бы, конечно, временнаго, могъ бы служить средствомъ сообщенія Денибекова кургана съ Самеба.

Давъ вздохнуть лошади, я поѣхалъ обратно.

Когда я пріѣхалъ къ начальнику артилеріи, онъ находился въ нетерпѣливомъ ожиданіи немедленной атаки непріятельской позиціи:

«что же мы не двигаемся?» говорилъ онъ: «турецкая артилерія успѣетъ оправиться и отъ впечатлѣній, и отъ потерь; долго-ли подобрать новую прислугу; придется снова готовить движеніе, а турки, наученные опытомъ «Желтой», не будутъ болѣе выставляться и долго оставлять орудія на одномъ и томъ же мѣстѣ».

Подполковникъ Фляжмовъ былъ правъ какъ нельзя болѣе. Наступленіе лѣвой колонны только-что начиналось, и хотя послѣ того, какъ я прѣхалъ на курганъ, прошло довольно времени (и возвращался почти шагомъ) и, наконецъ, простоялъ на курганѣ $\frac{1}{4}$ часа, но части лѣвой колонны только еще двинулись къ спуску.

Нѣкоторые частные начальники лѣвой колонны не видали ракетъ и не знали, что пора наступать; я увѣрилъ ихъ, что собственными глазами видѣлъ спускъ ракетъ.

Это медленное движеніе, эти поздніе сборы, по моему крайнему разумѣнію, успѣха не обѣщали.

Какъ ни покажется страннымъ, но наступала второй періодъ дѣятельности артилеріи по подготовкѣ (съ той же самой позиціи), и начальникъ артилеріи далъ знать во всѣ батареи, что сейчасъ начнется наступленіе пѣхоты, а потому батареямъ быть въ полной готовности поддержать это наступленіе, для чего дѣйствовать по траншеямъ и ложементамъ, какія только будутъ видны. Кроме того, было подтверждено батареямъ во-время прекратить огонь, когда наша пѣхота начнетъ показываться на подъемѣ къ непріятельскимъ батареямъ, и тогда стараться перебросить снаряды черезъ батареи, для пораженія резервовъ; но непріятельской же артилеріи, начавшей кое-гдѣ обнаруживать свое присутствіе, начать дѣйствовать теперь же, но не долго и не энергично, помня, что непріятельская артилерія, при принятіи ею теперь способъ дѣйствія, мало опасна; приказано также озаботиться, чтобы всѣ батареи пополняли свои боевые запасы, и чтобы въ нужную минуту не остаться безъ снарядовъ.

Вспорѣ прибылъ на курганъ командующій войсками и расположился при 1-й батареѣ 38-й бригады; тутъ же кругомъ размѣстился штабъ.

Войскъ лѣвой колонны не было уже видно; только издали и видѣлъ хвостъ 5-й батареи 41-й бригады, спустившейся внизъ за войсками колонны полковника Гурчина.

Молчавшая около часа турецкая артилерія заговорила снова; но въ этой новой ея дѣятельности произошла существенная разниця:

1) На выгоднѣйшемъ и выдающемся мѣстѣ «Желтой», имѣвшемъ

прекрасный обстрѣлъ во всѣ стороны (особенно дѣйствіе по дорогамъ), но попало ни одного орудія;

2) также на другихъ мѣстахъ Каврико орудія были далеко отодвинуты отъ гребня;

3) въ общемъ она еще болѣе разбросалась;

4) дѣйствовала энергично, небольшими, короткими періодами, а въ большинствѣ выло и не мѣтко, и

5) постоянно мѣняла мѣста расположенія орудій.

Дѣйствіе непріятельской артилеріи при такихъ условіяхъ, конечно, не было опаснымъ и потерь сколько нибудь серьезныхъ нанести она намъ не могла.

Наша артилерія, въ свою очередь, не могла ее догнать при этихъ условіяхъ, но за то и не давала ей во все послѣдующее время занимать выгодныя позиціи.

Только Амбразурная батарея, какъ бы переродившись, снова повела энергичный огонь изъ своихъ шести орудій, а «Дегвинская», не можавшая съ начала боя, продолжала громить насъ своими бомбами.

Но послѣднюю мы и не трогали, — она была далеко вѣд досягаемости нашихъ полевныхъ орудій.

На 1-ю батарею 38-й бригады посыпалось не мало непріятельскихъ снарядовъ, но, кромѣ шума, треска и моральнаго впечатлѣнія, они ничего не производили; опасны были только бомбы «Дегвинской», бороздившія пространство между 2-й батареей 19-й бригады и 1-й батареей 38-й бригады.

Генералъ Оклобжію приказалъ между тѣмъ командиру 1-й батареи 38-й бригады приостановить огонь; батарея перестала стрѣлять, и тогда турки, стрѣлявшіе только на дымъ, также прекратили стрѣльбу: на батареѣ сдѣлалось тихо, и генералъ Оклобжію выѣхалъ съ 1-й батареи 38-й бригады на 2-ю батарею 19-й бригады и далѣе внизъ къ малому Лѣсистому кургану и Столовой горѣ, послалъ предварительно приказаніе 2-й батареѣ 19-й бригады также приостановить стрѣльбу.

Такими мѣрами, извѣстный въ кавказской арміи своей личной храбростью, генералъ-лейтенантъ Оклобжію думалъ избавить отъ напрасныхъ и вѣрныхъ потерь и свою конвойную сотню, и штабъ.

Какъ только генералъ проѣхалъ объ названныя батареи, онъ сейчасъ же открылъ огонь.

Но напрасно мы ждали криковъ «ура» и появленія войскъ на подъемахъ къ батареямъ: внизу было тихо, и только у князя Чавчавадзе слышна была безпорядочная и пока еще рѣдкая перестрѣлка.

Между тѣмъ войска спустились внизъ къ р. Киятышу, переправившись черезъ эту горную рѣчку и приближались къ цѣлямъ штурма.

Изложимъ постепенно дѣйствія лѣвой и правой колоннъ отъ начала ихъ движенія.

Въ началѣ десятого часа вся лѣвая колонна флигель-адъютанта полковника Гурчина, въ составѣ 8¹/₄ баталіоновъ и 12-ти орудій, поднявшись на линію батарей, стала спускаться въ зловѣщую долину р. Киятыша двумя колоннами: *лѣвая*—князя Чавчавадзе, изъ двухъ дружинъ гурійцевъ и грузинъ,—по направленію на «батарейку подъ дубомъ», и *правая*—подполковника Козелкова, изъ Пластунскаго и двухъ стрѣлковыхъ баталіоновъ и роты саперъ въ первой линіи и баталіона закатальцевъ во второй линіи,— по направленію на «Желтую»; за колонной подполковника Козелкова потянулись 5-я батарея 41-й бригады и дивизионъ горныхъ орудій; за артилеріею слѣдовали два баталіона кубанцевъ, составлявшихъ весь резервъ лѣвой колонны полковника Гурчина.

Одновременно съ движеніемъ лѣвой колонны полковника Гурчина, изъ правой колонны генералъ-майора Шеметьева, дефилируя изъ малаго Лѣсстаго кургана, выдвигалась лѣвая ея половина—колонна подполковника Пригары, изъ четвертыхъ баталіоновъ Севастопольскаго и Ленкоранскаго полковъ (всего два баталіона), по направленію къ нижнему турецкому лагерю, находившемуся вправо отъ «Желтой», въ названной ложницѣ, сохраняя связь съ колонной подполковника Молѣва вправо.

Направленіе движенія этой колонны и вся послѣдующая ея дѣятельность заставляютъ считать ее въ составѣ лѣваго крыла, въ связи съ которымъ она оперировала.

Гребень Самеба спускался въ долину р. Киятышъ крутымъ склономъ, развѣтвляясь на безчисленное множество ложницъ, балокъ и промонъ горныхъ потоковъ, покрытыхъ по всему протяженію густымъ лѣсомъ и еще болѣе густымъ тропическимъ подлѣсьемъ, состоявшимъ по преимуществу изъ вьющихся непролазныхъ зарослей.

Къ довершенію трудностей этого спуска путь колонны подполковника Козелкова пролегалъ по единственной узкой дорогѣ (спускавшейся съ гребня правѣ большаго Лѣсстаго кургана), наकाануть изслѣдованной саперами, а дружинамъ князя Чавчавадзе—по едва-едва пробитымъ тропамъ.

Въ минуту спуска турецкая артилерія, еще не оправившаяся и не замѣнившая послѣ перваго погрома, молчала; молчала и дожемен-

ты, скрытые мѣстностью, а болѣею частью искуснымъ примѣненіемъ къ мѣстности.

Передовые баталіоны перестроились въ строй по-ротно въ дѣйствіи, имѣя разстояніе между линіями отъ 50 до 100 шаговъ, а мѣстами и менѣе 50-ти.

Въ вышеуказанномъ боевомъ порядкѣ, мѣстами скучивался въ узкую кашку, неизбежно теряя тактической порядокъ, съ трудомъ преодолевая мѣстныя затрудненія, спускались баталіоны, перебѣгая по-ротно въ глубокое и обрывистое ложе р. Кинтыша.

Лѣвый берегъ р. Кинтыша, начинался, подобно правому, крутыми подъемами, покрыты отдѣльными группами деревьевъ, между которыми, по открытому мѣсту, круто поднимающемуся къ батареямъ, былъ выстроенъ цѣлый рядъ засѣкъ, насчитанныхъ очекидками до семи траншей, мѣстами блиндированныхъ гигантскими бревнами и занятыхъ турецкой пѣхотой. Къ несчастію для насъ, этихъ нижнихъ ложементовъ, которые огнемъ своимъ могли нанести весьма серьезныя потери перебралывшимся войскамъ, съ артиллерійскихъ позицій на Самеба вовсе не было видно; была видна только небольшая ихъ часть, только на нѣкоторыхъ участкахъ артиллерійскихъ позицій, да и то очень неясно.

Спускъ передовыхъ ротъ совершился быстро и искусно; особенно хорошо примѣнились къ мѣстности, привычные болѣе другихъ къ такого рода природѣ, незамѣнимые пластуны.

До приближенія нашихъ войскъ къ р. Кинтышу, непріятельская пѣхота хранила молчаніе, но лишь только войска подошли къ рѣкѣ, непріятель открылъ изъ траншей самый упреждающій огонь.

У гурійскихъ и грузинскихъ милиціонеровъ бой загорѣлся еще ранѣе; тамъ давно уже трещали выстрѣлы, теперь же ружейный огонь распространился по всей линіи.

5-я батарея 41-й бригады и дивизионъ горныхъ орудій заняли позицію не переходя рѣчку Кинтышъ и съ самаго близкаго разстоянія, находясь сами въ страшномъ огнѣ, открыли огонь по траншеямъ, насколько таковыми были имъ видны.

Горный дивизионъ, по приказанію полковника Гурчина, направился къ колоннѣ князя Чавчавадзе; одна же 5-я батарея слишкомъ мало могла сдѣлать: траншеи тянулись длинными линіями (огонь изъ траншей сыпалъ съ линіи почти трехверстнаго протяженія) и прекрасно были укрыты сладкими мѣстностями и группами деревьевъ, гигантскими столбѣтвыми бревнами и цѣлымъ рядомъ засѣкъ.

Тѣмъ не менѣе молодецкія войска колонны подполковника Ковед-

кова, сбиваясь въ кучу у трехъ мѣсть переправъ, сохраняя по возможности принятое первоначально относительное положеніе частей и тактической порядокъ, но неизбежно узкими фронтами, мѣля во главѣ своихъ офицеровъ, стремительно бросились къ ручью и начали избираться на противоположныя кручи.

Батарея Самебскаго гребня, 1-я и 3-я 38-я бригады и 2-я—19-я бригады, по дымакъ изъ траншей, болѣе удаленныхъ отъ рѣки, и уже по одному тому лучше имъ видныхъ, повели огонь, который, впрочемъ, должны были скоро прекратить изъ опасенія поразить своихъ.

Какъ стремительно ни бросались части къ переправѣ, она прозвонилась медленно до крайности: трудности были немовѣрны. Вабираніе по кручѣ, подъ огнемъ съ близкаго разстоянія, вабираніе поодиночкѣ, переправа черезъ балки и промонны и обходъ плетней, загородей,—и все это подъ огнемъ, ни на минуту не умолкавшимъ.

Вотъ условіа, по словамъ офицера 1-го стрѣлковаго Его Высочества баталіона, при которыхъ приходилось вабираться на противоположный берегъ:

«Мы спустились къ р. Киятышу; интервалъ между линіями образовался менѣе 50-ти шаговъ. День былъ жаркій. Передъ нами были скалы, крутые овраги и лѣсъ, перенутанный вьющимися и колючими растеніями. Перевода духъ, мѣля впереди 3-ю роту, начали подниматься. Узкая тропа, пролежавшая подъ кручей—съ одной стороны, лѣсъ, что стѣна—съ другой: вотъ путь, по которому мы должны были ползкомъ идти на штурмъ; притомъ пришлось подниматься вверхъ гуськомъ, на глазахъ непріятеля, который, по выбору, не торопясь, могъ бы насъ перебить всѣхъ, но, къ нашему благополучію, турецкая горячка оказалась намъ въ руку — градъ пуль пронеслся надъ нашими головами, лишь только сучья насъ осыпали. Съ самебской позиціи части, спускавшіяся за нами, открыли по турецкимъ ложемантамъ ружейный огонь, но онъ былъ болѣе намъ опасенъ, а потому его велѣно было прекратить. Какъ только эта стрѣльба прекратилась, мы продолжали ползти далѣе. Лѣвѣе насъ поднимались пластуны и стрѣлки 4-го баталіона; цѣль ихъ начала вабираться на кручу. Успѣха были напрасны, ихъ были на выборъ».

Ранѣе другихъ переправившись пластуны, которымъ было легче переправиться выше и которые были болѣе способны къ такого рода операціямъ, къ которымъ они приступали умѣло и безъ излишней горячности; затѣмъ, совместно съ стрѣлками 4-го баталіона, сейчасъ же за ними переправившимся, они бросались наверхъ. Ранѣе по-

казались переправившиеся передовые люди 1-го стрѣлковаго баталіона. Встрѣченные сильнымъ ружейнымъ огнемъ съ фронта, цѣпи пластуновъ и стрѣлковъ 4-го баталіона начали подаваться вправо, стрѣлки 1-го баталіона влево; части начали случиваться, инстинктивно сосредоточиваясь.

Хотя баталіоны, спускаясь съ высотъ по тропамъ, и имѣли проводниковъ—кобулетцевъ, указывавшихъ, гдѣ и къ какому пункту пройти, но съ развитіемъ боя проводники эти незамѣтно юркнули въ кусты, и атакующія части предоставлены были собственному усмотрѣнію въ лѣсныхъ тущобахъ.

Тѣмъ не менѣе, войдя въ связь между собой, слыша, что влево подается впередъ князь Чавчавадзе и что вправо поднимается съ боемъ и колонна подполковника Пригары, колонна полковника Козелкова ворвалась въ лѣсъ, густо покрывавшій лѣвый берегъ р. Кинтыша; движеніе лѣсомъ было медленно; на каждомъ шагѣ боролись съ природой, останавливались, ожидая, когда подтянуть отставшіе, и устраниваясь на ходу.

Дойдя на лѣвомъ берегу до перваго гребня, всѣ три баталіона остановились и, выставивъ густыя цѣпи для обстрѣливанія впередилежащей мѣстности, залегли здѣсь на нѣкоторое время.

Между тѣмъ турки усилили до-вольна огонь изъ траншей; на протяженіи 2¹/₂ версты по линіи сыпалъ свинець; противъ сбившихся въ кучу баталіоновъ центра сосредоточили свой огонь и многорусные ложементы, одружавшіе кольцомъ склоны «Желтой» батареи,—пока еще только нижніе ложементы, но и этого было достаточно, чтобы непрерывный дождь свинца наполнял всю впередилежащую мѣстность.

Начались потери, и весьма серьезныя.

Вслѣдствіе трудности ориентированія и управленія части начали смѣшиваться.

Трудность положенія усиливалась неизвѣстностью, гдѣ именно находится ложементы, куда направиться, и невозможностью поддержки сильной артилеріи на Самеба; резервы также еще не подтянулись.

Съ начала движенія съ гребня Самеба прошло четыре часа, но боевая линія еще вся не переправилась.

Бывшая на лѣвомъ флангѣ колонна князя Чавчавадзе, перебравшись довольно скоро черезъ р. Кинтышъ, преодолевая массу затрудненій, ведя все время въ лѣсу ожесточенный бой, штурмуя на каждомъ шагѣ застѣи, хутора и сакли, неся серьезныя потери, тѣмъ не менѣе весьма усильно продвигалась впередъ: отважные и мужественные гурійцы и грузины, предводимые бравымъ княземъ Чавча-

вадье, дрались великодушно. Кизы Чавчавадзе не вступили еще однако въ связь съ колонной полковника Козедова.

Дружины съ фронта встрѣчены регулярными войсками; съ фланга отбиваются отъ кобулетцевъ—бани-бузукловъ.

Но вотъ стрѣлки и пластуны болѣе или менѣе устроились и осмотрѣлись; подъ прикрытіемъ густой цѣпи стрѣлковъ, положенныхъ вдоль гребня и выдвинутыхъ впередъ, рѣшено броситься на слѣдующій впереди гребень и траншея. Оставивъ стрѣлковъ и пластуновъ на этомъ рѣшеніи, обратимся къ сосѣдямъ ихъ справа — къ подполковнику Пригарѣ, направившемуся съ четвертыми баталіонами Севастопольскаго и Ленкоранскаго полковъ на нижній турецкій лагерь и пришедшему въ движеніе немного лишь позже колонны полковника Гурчина. Подполковникъ Пригара велъ свою колонну по двумъ путямъ: впереди и лѣвѣ двигались севастьяпольцы, вправо и нѣсколько свави, уступомъ, — ленкоранцы, поддерживая связь вправо съ колонной полковника Макѣва.

Преодолевая такія же почти трудности, какъ и колонна полковника Гурчина, двигаясь подъ перекрестнымъ огнемъ съ трехъ сторонъ, неся чувствительныя потери, имѣя трудную задачу, занимая выдающееся (en sautoir) положеніе — поддерживать связь и лѣво, и вправо, подполковникъ Пригара переправился черезъ р. Кятышъ и, не теряя связи вправо съ колонной подполковника Макѣва, готовъ былъ уже подать руку лѣво колоннѣ подполковника Гурчина и штурмовать нижніе ложементы, обрамлявшіе «Желтую» и загибавшіе здѣсь нѣсколько фронтомъ къ морю.

Немного спусти, пришла въ движеніе и правая половина колонны генералъ-майоръ Шелеметьева, — колонна подполковника Макѣва въ составѣ 1½ баталіоновъ, команды охотниковъ и горнаго дивизіона.

Еще ранѣ генералъ Шелеметьевъ для подготовки движенія подполковника Пригары выдвинулъ на малый Лѣсистый курганъ 4-ю батарею 41-й бригады, которая стала лѣвѣ 3-й батареи 41-й бригады, занятой исключительно Амбразуриной батареей, и раздѣлилась на двѣ части: пять орудій на гребнѣ кургана, а три — лѣвѣ саженъ на сто.

Мѣсто 4-й батареи 41-й бригады было занято горной батареей, притаившейся за цѣлой системой окоповъ и ложементовъ.

Колонна подполковника Макѣва наступала въ свою очередь двумя отрядами: лѣвый, подъ начальствомъ самого Макѣва, изъ 3½ ротъ стрѣлковъ и горнаго дивизіона, и правый, вѣдъ Цулукидзе (кеман-

дирь Кутавеской пѣшей дружины), изъ двухъ сотенъ дружины, роты стрѣлковъ и команды охотниковъ (*).

Условія мѣстности, на которой предстояло двигаться и дѣйствовать колоннѣ генерала Шелеметьева, пересѣченной глубокими оврагами, поросшими густымъ вѣковымъ лѣсомъ и нерѣзанной лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ узкими и неудобными дорогами, требовали движенія медленнаго, осторожнаго, шагъ за шагомъ, занимая и пользуясь послѣдовательно каждымъ представлявшимся закрытіемъ. Но, не смотря на всѣ крайне неблагопріятныя условія, наступленіе войскъ колонны генерала Шелеметьева было проведено въ полномъ порядкѣ.

Подполковникъ Макѣевъ съ своими 3^{1/2} ротами и четырьмя горными пушками наступала двумя путями: прямо съ Лѣснаго кургана пошла подъ начальствомъ майора Смолка 3-я и 1-я роты стрѣлковъ (поручика Страдовскаго и штабсъ-капитана Дейбеля); 3-я рота шла въ цѣнь и, дойдя до дѣйствительнаго ружейнаго выстрѣла, должна была остановиться; 1-я рота составила ея резервъ. Остальныя 1^{1/2} роты стрѣлковъ, горныя орудія и патронныя выюки, подъ личнымъ начальствомъ подполковника Макѣева (2-я рота штабсъ-капитана Букина и полурота 4-й роты) направились по тропинкѣ, идущей лѣсомъ со Столовой горы, правѣ Лѣснаго кургана, и выходящей на продолженіе хребта Самеба, юго-западнѣ Столовой горы. Роты майора Смолка, занявъ выгодную позицію, остановились и пѣш (3-я рота) открыла огонь.

Роты подполковника Макѣева вышли на Самеба и также остановились: взводъ 4-й роты вышелъ въ цѣнь и открылъ огонь по лежащимъ, находившимся шагахъ въ 800. Въ этомъ мѣстѣ покатошь къ р. Кинтышу была почти безлѣсная; по ней были разбросаны только отдѣльныя деревья, за которыми и залегла цѣнь 4-й роты. Мѣстность противъ малаго Лѣснаго кургана (у майора Смолка) была чрезвычайно пересѣчена оврагами, заросшими лѣсомъ, перелетными выходящими и ползучими растеніями. Правѣ подполковника Макѣева, т. е. на правомъ флангѣ всей боевой линіи, начинавшейся на лѣвомъ дружинниками князя Чавчавадзе, наступали князь Цулукидзе съ двумя сотнями своей дружины, полуротой стрѣлковъ и командой охотниковъ, который спустился со Столовой горы къ р. Кинтышу, повернулъ потомъ назадъ, поднялся здѣсь на конечный отрогъ Са-

(*) Полурота стрѣлковъ и команда охотниковъ были отданы колоннѣ князя Цулукидзе для болѣе устойчивости еще не обстрѣлявшихся молодыхъ сотенъ имеретинъ, далеко уступающихъ въ боевыя качества своимъ соплеменникамъ—гурійцамъ и грузинамъ.

жеба и занял позицию правѣ подполковника Макѣва, занимавшего центр боевого расположенія праваго крыла.

Къ подполковнику Макѣву приѣхалъ вскорѣ и начальникъ всей правой колонны доблестный генералъ Шелеметьевъ, приведшій съ собой баталіонъ Александропольскаго полка, поставленный имъ въ резервъ боевой линіи праваго крыла. Выбрано было удобное мѣсто для горныхъ орудій и открытъ огонь шрапнелью по ближайшимъ ложе-
ментамъ.

Но, повидимому, какъ ружейный огонь, такъ и огонь горной батареи были неэффективны противъ блиндированныхъ траншей непрітеля, откуда сыпался градъ пуль, который, благодаря только хорошимъ закрытіямъ, былъ для насъ почти безвреденъ. Въ лѣвой колоннѣ слышалась жаркая перестрѣлка, и генералъ Шелеметьевъ находился въ нетерпѣливомъ ожиданіи результатовъ ея движенія. Ранѣе, чѣмъ лѣвая колонна полковника Гурчина собьетъ правый флангъ непрітеля, правой колоннѣ генерала Шелеметьева, согласно диспозиціи, нельзя было двинуться впередъ; продолжая составлять неподвижную ось всего захожденія, ей оставалось обезпечивать нашъ правый флангъ и ждать; такъ и сдѣлалъ генералъ Шелеметьевъ, обстрѣливая непріятельскіе ложементы и подготавливая себѣ успѣхъ движенія огнемъ 16-ти орудій со «Стола» и четырехъ горныхъ и цѣпи съ мѣста своего расположенія.

Посмотримъ теперь, что дѣлалось на главной самбской позиціи, что дѣлала артилерія центра (26 орудій) и какія мѣры были приняты для поддержки атакующей боевой линіи? Начнемъ съ лѣваго фланга. Четыре орудія 1-й батареи 41-й бригады (редуть Самба) во время ожиданія рѣшительнаго штурма дѣйствуютъ частью по горнымъ орудіямъ, частью по новымъ орудіямъ, показывающимся правѣ горныхъ, частью по еле-еле виднымъ (около 1,700 и болѣе сажень) ложементамъ, также правѣ горныхъ, направляющихъ свой огонь по колоннѣ князя Чавчавадзе. 26 орудій центра работали снова съ полной энергіей, дѣйствуя частью по орудіямъ, то и дѣло показывавшимся на Квирикѣ, но далеко отъ гребня (угадать ихъ присутствіе можно было только по дыму орудій) и очень быстро скрывающимся; особенно часто показываются они въ участіи «батарея подъ дубомъ» и по сторонамъ «Желтой», затѣмъ временами огонь сосредоточивается по ложементамъ, присутствіе которыхъ опять таки только угадывается по полосѣ ружейнаго дыма. Лучше всего ложементы видны со 2-й батареи 19-й бригады: это именно тѣ, которые были расположены вправо отъ «Желтой» по ея скатамъ и совсѣмъ внизу.

Эта превосходная батарея (полковник Шавровъ), а также два орудія 2-й батареи 41-й бригады подъ командой штабъ-капитана Кислякова (обращаемъ вниманіе читателя, что лучшая по боевымъ качествамъ, старая батарея, имѣющая уже традиціи, и исторію, и опытъ, поставлена на самомъ бойкомъ мѣстѣ всей артиллерійской позиціи, занимая выдающееся положеніе), обстрѣливаемыя съ трехъ сторонъ, не мало способствовали въ этотъ день ослабленію артиллерійскаго и ружейнаго огня непріятеля, имѣя въ теченіе дня самыя разнообразныя цѣли.

Въ разгарѣ боя въ описываемые моменты я стоялъ рядомъ съ начальникомъ артилеріи и слѣдилъ въ бинокль за общимъ ходомъ боя, какъ вдругъ внизу, у подножія горки, на которой мы стояли, я услышалъ знакомый голосъ адъютанта Гурійской дружины князя (Ивана) Макаева; я немедленно спустился къ нему внизъ: князь Макаевъ пріѣхалъ или вѣрнѣе примчался на своемъ бистромъ карабахѣ по весьма важному дѣлу, а именно: оказалось, что по части гурійцевъ, далеко выдвинувшихся впередъ и занявшихъ на лѣвомъ флангѣ (у князя Чавчавадзе) рядъ домиковъ, гдѣ они укрылись отъ орудійнаго и ружейнаго огня и гдѣ сосредоточивались и устранивались для дальнѣйшаго движенія, открыли огонь два или три орудія изъ нашего центра, очевидно принимая ихъ за турокъ. «Помилуйте», говорилъ Макаевъ, «гурійцы не знаютъ, что и дѣлать: спереди такой огонь, что нельзя и носа высунуть, а сзади громить шарожами наши; разломали, разбили всю крышу, дубовыя доски сыплются сверху и одна изъ нихъ сильно разбила ударомъ по головѣ сотеннаго командира князя Чхейдзе». Успокоившись, что, по крайней мѣрѣ, не было другихъ послѣдствій болѣе важныхъ, полковникъ Филимоновъ, крайне раздосадованный, послалъ меня искать виновныхъ. Благодаря указаніямъ того же князя Макаева, виновные были найдены: то были орудія 3-й батареи 38-й артиллерійской бригады.

Отмѣтимъ также дѣятельность 4-й батареи 41-й бригады съ малаго Лѣсистаго кургана частью по горнымъ батареямъ, то и дѣло показывавшимся противъ колоннъ подполковника Пригары и Макѣева, частью по ложеентамъ, неясно видѣннымъ; дѣйствіе ея противъ горныхъ орудій была удачно, но дѣйствіе 4-хъ-фунтовыхъ снарядовъ противъ блиндированныхъ траншей не могло быть удачно. Артилерія Столовой горы, — 3-я батарея 41-й бригады — сосредоточила огонь исключительно по Амбразурной батарее, неоднократно заставляя ее молчать, но энергія этой батареи, вѣроятно снабженной солидными траверсами, не истощалась. Таковъ былъ характеръ дѣятельности артилеріи на

Самеба и Остоловой горі со времени перехода колоннъ въ наступленіе. Четвертый часъ былъ на исходѣ, но напрасно артилерія ожидала рѣшительнаго ура и подъема штурмующихъ на «Желтую» и «Подъ дубокъ».

Продолжительная, не прерывающаяся дѣятельность артилеріи, жаркій день, неопредѣленность положенія боя, томительныя ожиданія рѣшительной минуты,—все это въ общей сложности до крайности утомило личный составъ батарей.

Выпущена была неизмѣримая масса снарядовъ. Передковыя и яничныя лошади какъ 1-го, такъ и 2-го эшелона съ семи часовъ утра подъ жаркимъ солнцемъ совершили не мало длинныхъ рейсовъ къ горѣ и подъ горѣ и еле двигали ногами отъ усталости.

На очереди стоять грозный вопросъ: хватить-ли снарядовъ на всѣ послѣдующіе перипетіи боя и слѣдующіе дни, но приостановить огни невозможно: отовсюду слышатся просьбы — не прекращать огня. Отдыхъ не наступаетъ, пѣхота продолжаетъ скрываться въ иррачной и таинственной долині р. Кивтыша и тамъ же внизу, въ непроницаемыхъ для глаза паводчика тучабахъ, звонко раздаются ружейная трескотня.

На подъемѣ къ Квирикѣ не видно ни нашихъ, ни турецкихъ солдатъ. Вотъ наконецъ кое-гдѣ раздаются не дружные, не громкіе и не одновременные крики ура! Крики стихаютъ. Вотъ снова они раздаются и кое-гдѣ громче, и въ эту минуту, мгновенно, какъ бы зажатая одной невидимой рукой, выдающаяся Рыжая гора, увѣнчанная «Желтой батареей», мгновенно обсыпается въ шесть, семь ярусовъ огненными жѣзьями: нѣтъ сомнѣнія—штурмъ «Желтой»!..

«Скорѣй, скорѣй, огонь!» Все бросилось къ орудіямъ и прислуга снова захлопотала. Больше 20-ти орудій центра открыли огонь по дымлящемуся траншеямъ, но лѣвофланговымъ орудіямъ разстояніе было велико и превышало дальность дѣйствительнаго выстрѣла; стрѣльба вообще велась по дыму. Больше 10-ти минутъ длится возобновившійся огонь, но на подъемѣ Квирикѣ по прежнему не видно ни одного нашего солдата. Ожиданія напрасны.

Огонь изъ траншей прекратился, прекратила огонь и артилерія изъ мгновенно накалившихся орудій. Наступилъ новый переломъ. Уже пятый часъ—опять что то нерѣшительно и неопредѣленно.

Вотъ гдѣ то, въ разныхъ мѣстахъ, раздаются вновь недружные и не громкое ура и трескотня въ невидныхъ лощинахъ усиливается и снова все стихаетъ—и снова ожиданія и надежды, и полная неизвестность.

Мы оставили боевую линію лѣвой колонны на рѣшеніи: собрав-

шись и устроившись на первомъ постѣ р. Киятыша гребнѣ и войдя въ связь колоннѣ между собою, обстрѣлять впередележащую мѣстность огнемъ густой цѣпи и тогда броситься впередъ на слѣдующій гребень и нижніе ложементы «Желтой», а правой колонны—на рѣшеніе: оставаясь на занятой позиціи, обстрѣливая впередележащую линію огнемъ орудій и цѣпи, ожидать рѣшительныхъ дѣйствій лѣвой. Сказанное рѣшеніе въ лѣвой колоннѣ конечно нарушалось ея отдѣльными частями, ибо въ этомъ хаосѣ неровностей и лѣса трудно было сообщить рѣшеніе всѣмъ частямъ (отдѣльные взводы и отдѣленія могли и зарываться, и отставать) и сохранить однообразіе и единство въ дѣйствіяхъ. Колонна князя Чавчавадзе, разсыпавшаяся было въ лѣсу и по саклямъ, остановилась большей частью у подножія гребня, въ мертвомъ пространствѣ, выставивъ по верху гребня цѣпь, и, не смотря на всѣ выгоды ея занятія, особенно горными орудіями, не могла этого выполнить: дождь свинца сметалъ все, что тамъ показывалось, и самъ князь Чавчавадзе, разъязжавшій всюду и полававшій примѣръ мужества и распорядительности, смертью своего великолѣпнаго коня поплатился за попытку хоть на минуту побывать на гребнѣ и взглянуть на турецкія позиціи. Въ линіи боеваго расположенія колонна князя Чавчавадзе нѣсколько выдвигалась впередъ; колонна подполковника Козелкова находилась въ ближайшемъ разстояніи отъ Желтой, хотя и нѣсколько уступомъ назадъ по отношенію князя Чавчавадзе; колонна подполковника Пригары была по отношенію къ колоннѣ подполковника Козелкова тоже нѣсколько уступомъ назадъ; колонна подполковника Макѣева выдвинулась впередъ еще менѣе.

Всего въ боевую линію было введено (считая и частныя ближайшіе резервы): на лѣвомъ крылѣ 10¹/₄ баталіоновъ, на правомъ 2¹/₂ баталіона, въ общемъ 12³/₄ баталіона; кромѣ того, за правымъ оставалось еще въ частномъ резервѣ (на Столовой горѣ) два баталіона.

Въ общемъ резервѣ оставались, по прежнему, не тронутыми четыре баталіона. Два баталіона охраняли оконечность лѣваго фланга и оттуда не могли быть тронуты. Замѣтимъ, что колонна полковника Козелкова (пять баталіоновъ) составляла ядро лѣваго фланга: ей предстояло главное рѣшеніе, главный ударъ; князь Чавчавадзе и подполковникъ Пригара помогали: охраняли фланги и облегчали ударъ.

Турки не могли не замѣтить, слѣдя съ начала движенія, что главное массированіе силъ противъ «Желтой» (у полковника Козелкова). Съ девяти до четырехъ часовъ, и даже можно считать до пяти, они имѣли достаточно времени, чтобы притянуть туда резервы. Колонна

полковника Козелькова готовилась между тѣмъ къ новому движению впередъ. На позиціи, занятой временно передовыми баталіонами колонны подполковника Козелькова, хотя войска и были укрыты складками мѣстности, но потери были серьезны, особенно въ офицерахъ.

Подъ прикрытіемъ огня густой цѣпи, оставленной на первомъ гребнѣ, передовыя роты 1-го и 4-го баталіоновъ стрѣлковъ стали спускаться бѣгомъ съ занимаемой позиціи и, переправляясь черезъ множество глубокихъ овраговъ и прогнвнъ, всходили на послѣдній гребень у самой Желтой батареи.

Эта перебѣжка геройскимъ ротамъ стоила очень дорого; приходилось перебѣгать открытыя поляны, на которыя турки направляли съ трехъ сторонъ ужасный огонь изъ своихъ блиндированныхъ траншей, и тутъ въ 4-мъ стрѣлковомъ былъ раненъ и выбитъ изъ строя командиръ баталіона, безстрашный князь Меликовъ, и поручикъ Поповъ (еще ранѣе былъ раненъ командиръ 1-й роты 4-го стрѣлковаго баталіона капитанъ Полковниковъ); команду надъ 4-мъ баталіономъ принялъ майоръ Терещенко.

Послѣ перебѣжки передовыя роты залегли, ожидая прибытія оставшихся эскадр. Укрыты были плохо. Потери продолжались.

Стрѣлки не безъ большихъ усилій устроились на этой второй позиціи: приходилось выбивать турокъ изъ засѣкъ, раскидывать столѣтнія деревья и массы колючекъ, — и все это подъ убійственнымъ огнемъ; саперной команды прапорщика Карпинскаго, долженствовавшей быть при цѣпи, здѣсь не случилось, и стрѣлки сами разбирали препятствія: такъ, въ 4-мъ баталіонѣ поручику Емануелю, прапорщику Понову и португей-юнкеру Крючкову, наткнувшимся въ различныхъ пунктахъ на такія засѣки, стоило большихъ усилій очистить себѣ путь наступленія, не имѣя подъ рукой ни одного топора.

Вообще движеніе это было богато эпизодами, въ которыхъ проявлялись и находчивость, и мужество стрѣлковъ: такъ, въ томъ же 4-мъ баталіонѣ (*) по выбитіи турокъ съ Лѣсистой гребни, усильнаго препятствіями, нѣсколько стрѣлковъ, отдѣлившись отъ своихъ товарищей, неожиданно натываются на непріятельскую засѣку, изъза которой щедро посыпались пули. Стрѣлки остановились въ нерѣшимости, но волюноопредѣляющійся Кириловъ, сообразивъ всю невыгоду и опасность положенія, обратился къ остальнымъ со словами: «братцы! если мы будемъ заниматься стрѣльбой, отстанемъ отъ своихъ. Кто молодецъ — за мною!» И Кириловъ первый бросился на за-

(*) Описание боевой службы 4-го стрѣлковаго баталіона. Участіе баталіона при штурмѣ Цихисдваря.

стѣку. Турки выбиты и оставшіе примкнули къ ротѣ. Тогда же часть стрѣлковъ, находившихся въ 300 шагахъ отъ цѣли атаки и наступавшихъ подъ сильнымъ огнемъ, ваткнулись на палисадъ. Дальше идти некуда, а турки приняли ихъ в во флангъ. Рядовые 2-й роты, Хараамовъ и Потаповъ (оба самарцы Бузулукскаго уѣзда, села Жидиловка) выдѣлились, легли на землю, поползли на животѣ и скрылись въ траверьсѣ. Остальные ждутъ, что будетъ. У самаго палисада храбрецы встали на ноги, понажали на палисадъ плечами и вмѣстѣ съ нимъ грохнулись о-земь. Проходъ былъ открытъ; рота крикнула «ура!» и ринулась впередъ изъ чащи лѣса. Турки бѣжали.

Передъ стрѣлками 4-го баталіона, расположившимися у перегиба и ряда домиковъ, простиралась гладкая, но круто поднимающаяся къ турецкимъ укрѣпленіямъ площадка, заканчивавшаяся ложементомъ. До турецкихъ ложементовъ было отъ 150 до 200 шаговъ. 4-й баталіонъ ждалъ только, когда подтянутся резервы, чтобы броситься впередъ. Передъ 1-мъ баталіономъ стрѣлковъ, расположившимися у перегиба, простиралась узкая, открытая полянна, также шедшая въ гору и заканчивавшаяся въ 300 шагахъ ложементами; командиры 3-й роты (штабсъ-капитанъ Линдблатъ) и роты Его Высочества (поручикъ Курочкинъ) рѣшили ждать, когда въ цѣли соберется побольше народа, и тогда стремительно броситься на траншею. На правомъ флангѣ была 4-я рота, со взводомъ которой собирався броситься на траншею смѣлый поручикъ Бафталовскій (1).

Между тѣмъ положеніе собиравшихся броситься на ложементы стрѣлковъ 1-го и 4-го баталіоновъ было до крайности тяжело: резервы отстали далеко; части сами сильно пострадали; много убитыхъ и раненыхъ лежало въ лѣсу; не мало было заблудившихся, оставшихъ отъ своихъ ротъ и теперь пробиравшихся шагъ за шагомъ впередъ; баталіоны сильно перемѣшались, укрытія плохи, огонь турокъ лился непрерывной свицовой струей.

Духъ стрѣлковъ передъ атакой ложементовъ былъ прекрасный; только и слышалось: «ваше благородіе, позвольте въ атаку». Реались и офицеры. Наконецъ, подтянулись отставшіе, подошли заднія роты, — и все, что было собравшихся (въ общемъ не болѣе 6—7 ротъ, сильно порѣдѣвшихъ) съ крикомъ «ура!» бросилось на траншею. Закурились шесть ярусовъ «Желтой»; отъ дыма, застлавшаго площадку, ничего не было видно. Но, угадавъ путь мертвыми, ворвались въ ложементы передовыя кучки и взводъ 4-й роты 1-го баталіона,

(1) Убитъ 20-го сентября, при штурмѣ стрѣлками 1-го баталіона высоты Большая Игла.

имѣи во главѣ поручика Бафталовскаго. 3-я и 1-я роты 1-го стрѣльцоваго баталіона наткнулись на новыя засѣки и, потерявъ много людей, отошли назадъ и залегли вновь на перегибѣ. Поручикъ Бафталовскій сидѣлъ въ траншеѣ только съ нѣсколькими стрѣльцами; онъ потерялъ половину людей своего взвода, пробѣжавъ къ траншеямъ 50 шаговъ.

Изъ занятыхъ траншей видна была и «Желтая»; видны были и смуглыя лица турецкихъ солдатъ въ сосѣднихъ ложементахъ. Огонь по занятымъ стрѣльцамъ траншеямъ становился невыносимъ; поддержки нѣтъ, дальше двигаться нѣтъ силъ. Лѣвый флагъ штурмующихъ подвергается обстрѣливанію съ тыла, такъ какъ линія турецкихъ укрѣпленій у «Желтой» далеко выступаетъ впередъ.

Ложементы оставляются и удалцы возвращаются къ перегибу. Тамъ полное смѣшеніе частей. Подтягиваются отставшіе и поддержки. Въ разныхъ мѣстахъ снова раздаются крики «ура!» и вторично новыя попытки занять ложементы и опять малыми частями. Вызваны новыя жертвы и все-таки напрасно...

Вправо и влево отъ стрѣльцовъ князь Чавчавадзе и подполковникъ Прегара также продвинулись впередъ.

Послѣ невозможныхъ затрудненій колонна князя Чавчавадзе на половину обернулась на подъемъ къ батарее «Подъ дубомъ» и здѣсь, продвинувшись вправо и давъ дорогу плавстунамъ, остановилась въ ожиданіи приказаній. Подполковникъ Прегара съ двумя только баталіонами (4-мъ Ленкоранскаго и 4-мъ Севастопольскаго полковъ) занялъ часть турецкихъ ложементовъ, бывшихъ на пути его наступленія и на лѣвомъ берегу Безъимяннаго ручья, впадающаго саба въ Кинтышъ, уперся въ занятые ложементы лѣвыми флангомъ, а правымъ занималъ теченіе рѣчки Кинтыша, войдя въ связь съ колонной подполковника Махтева вправо (1).

Итакъ, войска лѣваго крыла (полковникъ Гурчинъ) находились отъ выступающей къ намъ части Кинрыле, участка «Желтой» батареи, въ разстояніи отъ 150 до 300 и 600 шаговъ; ближе всѣхъ находился 4-й стрѣльцовый баталіонъ; больше другихъ было пройдено колонной князя Чавчавадзе.

Стрѣлки, побывавшіе уже въ ложементахъ, устроившись и опомнившись отъ первой неудачи, готовились къ новой атакѣ; вучки и густая цѣпь, разбѣстившись по перегибу, ожидали только приказанія.

(1) Имя, говоря о движеніи и дѣйствіи колонны подполковника Махтева, мы упомянемъ (со словъ офицера 2-го стрѣльцоваго баталіона) о движеніи подполковника Прегары, насколько оно было въ связи съ движеніемъ колонны подполковника Махтева.

Начальникъ лѣвой колонны, полковникъ Гурчинъ, благоразумно остановилъ эти новыя попытки; трудно было рассчитывать на прочный успѣхъ атаки утомленныхъ, разстроенныхъ боемъ и порѣдѣвшихъ кучекъ. Даже удачный окончательный захватъ вторыхъ и третьихъ ложементовъ далеко еще не обѣщала успѣха. Задача боя, овладѣнiе «Желтой», на столько выяснилась, что не было никакихъ сомнѣнiй, что разстроеннымъ движенiемъ и потерями части наши были бы встрѣчены превосходными резервами, а наши резервы, даже частные, не всѣ еще подтянулись.

Полковникъ Гурчинъ остановилъ всю боевую линiю лѣваго крыла и, давъ приказанiе подтянуться и собраться всему, что оставалось сзади, началъ устраиваться.

Приступлено было къ уборкѣ убитыхъ и раненыхъ и возведенiю ложементовъ поспѣшной профили, въ чемъ много помогли прибывшiе охотники 2-го сапернаго баталiона, подъ начальствомъ (раненаго въ этотъ день въ ногу на вылетѣ) поручика Лазаша.

Посмотримъ, какъ шли дѣла у генерала Шелеметьева на правомъ крылѣ.

Въ виду значительнаго протяженiя гребня высоты, занимаемой подполковникомъ Макѣевымъ, пришлось усилить цѣль высылкой изъ резерва двухъ ротъ 4-го баталiона Александропольскаго полка (оставивъ другiя двѣ роты въ резервѣ), которыя расположились между стрѣлками и Кутанской дружиной. Одновременно съ этимъ былъ выдвинутъ дивизионъ горной артилерiи на высоту, лежащую противъ Лѣсистаго кургана, съ тѣмъ, чтобы обстрѣливать турецкiе ложементы, находившiеся на лѣвомъ берегу р. Кинтыша, и содѣйствовать атакѣ севастопольцевъ.

Около часа пополудни, получая слѣдѣнiе отъ подполковника Пригары, что колонна полковника Гурчина уже приближается къ линiи неприятельскихъ укрѣпленiй клиркскаго позицiи, генералъ Шелеметьевъ, чтобы содѣйствовать штурму «Желтой», приказалъ подполковнику Терiеву придвинуть 2-й и 3-й баталiоны, стоявшiе до того въ резервѣ у 4-й батареи 41-й бригады, на указанную высоту, противъ Лѣсистаго кургана.

Не забывая о себѣ, о будущемъ успѣхѣ своего собственнаго наступленiя, генералъ Шелеметьевъ, оставившiйся въ боевой линiи всего съ 2³/₄ баталiонами, двигаетъ на всякій случай единственный свой резервъ — два баталiона — влѣво, для поддержанiя атаки Клирксъ.

Въ этому времени подполковникъ Пригара сосредоточилъ всю свою колонну на лѣвой сторонѣ Безъимяннаго ручья.

Выбивая последовательно неприятеля из сакель, заваловъ и отдѣльныхъ ложементовъ, расположенныхъ ниже турецкаго лагеря, подполковникъ Пригара занялъ часть ихъ и уперся въ нихъ лѣвымъ флангомъ, а правымъ, нивзъ по теченію р. Кинтыша, вошелъ въ связь съ подполковникомъ Макѣвымъ, колонна котораго продолжала оставаться неподвижною, и составляя ось захожденія боевой линіи лѣвымъ плечомъ впередъ.

Взводъ саперъ, подъ начальствомъ 2-го сапернаго баталіона подпоручика Уптона, двинувшійся съ резервами (два баталіона александропольцевъ) на высоту, лежащую противъ Лѣснстаго кургана, занялся разработкою дороги отъ Лѣснстаго кургана, которую и окончили черезъ два часа, не смотря на убійственный ружейный и артилерійскій огонь.

Со стороны 2-го стрѣлковаго баталіона, въ разныхъ точкахъ занятой имъ позиціи, былъ цѣлый рядъ частныхъ попытокъ занятія ложементовъ; такъ, на лѣвомъ флангѣ нѣсколько звеньевъ (изъ цѣпи 3-й роты) заняли турецкій ложементъ и просидѣли въ немъ до утра слѣдующаго дня, когда присоединялись къ баталіону.

Въ общемъ эти попытки не привели ни къ чему серьезному, да и не въ томъ была задача праваго крыла.

Свое дѣло, а именно: выдвинуться на впередилежащій гребень, демонстративно удерживать неприятеля противъ себя продолжительное время и испознать это съ 2¹/₂ баталіонами и четырьмя горными орудіями—такую задачу генераль Шелеметьевъ исполнилъ прекрасно. Для поддержки успѣха движенія подполковника Пригары, горныя орудія и два баталіона были выдѣлены влѣво, въ районъ дѣйствій лѣвой колонны, что даже противорѣчило диспозиціи по буквѣ, но не по духу, не по идеѣ.

Безпрерывное наступленіе съ боемъ, по мѣстности, доступной только по нѣсколькимъ дорогамъ, подъ страшнымъ огнемъ противника и палачиными лучами солнца, сильно утомило войска.

Генераль Шелеметьевъ пріостановился въ ожиданіи благопріятныхъ извѣстій изъ колонны полковника Гурчина, но таковыя не приходили. Итакъ, вся боевая линія стала неподвижно на своихъ мѣстахъ.

Въ шестомъ часу, долго всматриваясь въ лабиринтъ рѣченъ, зеленыхъ и желтыхъ опраговъ, балокъ и лощинъ и бѣлѣвшихся домиковъ, я увидаль, наконецъ, въ дѣсу, на подъемѣ къ «Желтой», небольшую полянку и небольшой участокъ перегиба съ густой на немъ цѣпью нашихъ; за цѣпью, но совсѣмъ къ ней близко, видны были и черныя кучки резервовъ. Что я видѣлъ стрѣлковъ колонны подполковника Козелкова—въ этомъ не было никакого сомнѣнія.

Вскорѣ послѣ этого начальникъ артилеріи поѣхалъ на Денибеговъ курганъ. Дорогой мы встрѣтили начальника штаба отряда полковника Казбека, которому полковникъ Филимоновъ и сообщилъ свои опасенія на счетъ снарядовъ и послѣдствій, которые могли быть вызваны безостановочной стрѣльбой съ семи часовъ утра до семи часовъ вечера. Далѣе, дорогой мы нагнали лазаретныя фуры, полныя раненыхъ страдальцевъ. Больше всего было стрѣлковъ, гурійцевъ и грузинъ. Наконецъ, мы прибыли на Денибеговъ курганъ. Идя къ своей палаткѣ, я наткнулся на сидѣвшаго у большого чинара командующаго войсками, который, подозвавъ меня, пригласилъ сѣсть на стоявшій около него другой стулъ: «Вы устали, измучились; садитесь и расскажите все, что видѣли и знаете!».

Генераль Оглобляю благосклонно меня выслушалъ.

Полковникъ Филимоновъ, вернувшись, занялся вопросомъ о боевыхъ снарядахъ, который представлялся въ слѣдующемъ видѣ:

1) *Батареи за 12 часовъ артилерійскаго боя выпустили, какъ видно изъ таблицы, огромное количество снарядовъ.*

Выпущено 11-го іюня снарядовъ.

Батарея.	Число орудій.	Обыкновенныхъ гранатъ.	Шрапнелей.
1-я батарея 41-й бригады	4	230	12
1-я » 38-я »	8	508	512
3-я » 38-я »	8	456	456
2-я » 19-я »	8	286	362
2-я » 41-я »	2	76	63
5-я » 41-я »	8	104	100
4-я » 41-я »	8	117	459
3-я » 41-я »	8	443	95
6-я » 41-я »	8	43	94

2) *2³/₄ отдѣленія 41-го дивизионнаго летучаго парка передали батареямъ почти все свои запасы, а для девятифунтовыхъ положительно всё. Въ батареяхъ, правда, было кое-что, но безусловно въ недостаточномъ количествѣ.*

3) *Ящичныя лошади батарей и часть парковъ сильно утомились, дѣлая постоянныя передвиженія.*

4) *Передовой боевой запасъ (подвижной паркъ) находится въ Озургетахъ, въ 27-ми верстахъ (такъ считалось) трудной дороги.*

5) *Время приближается къ ночи, а ночи темныя.*

6) *Какой бы ни былъ исходъ боя, но батареи и паркъ должны были пополнить все свои порожніе ящики.*

На основаніи этихъ данныхъ оставалось рѣшить: какъ пополнить боевые запасы, и полковникъ Филимоновъ немедленно, дабы не терять ни минуты времени, рѣшилъ: собрать всѣ порожніе ящики батарей и, присоединивъ къ нимъ порожніе ящики парка, все это отправить, подъ командой офицера, въ Оазуреты и пополнить тамъ всѣ ящики ночью же и, давъ лошадямъ отдохнуть, сейчасъ же вернуться обратно съ такимъ расчетомъ, чтобы къ утру слѣдующаго дня, 12-го, вернуться къ своимъ батареямъ и къ парку на позиціи.

Изъ оставшихся на позиціяхъ частей артилеріи лучше другихъ были обеспечены четырехфунтовыми и горными орудіями. Для десятифунтовыхъ, на случай большой крайности, можно было взять ящики шести орудій 2-й батареи 41-й бригады изъ Муха-Эстате, вовсе 11-го не дѣйствовавшіе, и четырехъ орудій 1-й батареи 41-й бригады (2-го дивизиона), также мало стрѣлявшихъ; боевые запасы этихъ десяти орудій могли весьма существенно служить, еслибы на слѣдующій день огонь артилеріи былъ бы необходимъ очень рано. Между тѣмъ быстро наступившій вечеръ смѣнился ночью. Денибековъ курганъ былъ полонъ ранеными, которыхъ продолжали еще подвозить. Вездѣ слышны были толки о боѣ; каждый по своему объяснялъ дѣйствія нашихъ штурмовыхъ колоннъ.

Вернемся на передовыя позиціи.

Мы оставили боевую линію: лѣвая колонна полковника Гурчина, удерживая ихъ отъ новыхъ атакъ, занимаетъ центромъ, стрѣлками и пластунами все мертвое пространство у перегиба; подполковникъ Пригара и подполковникъ Макѣевъ—послѣднюю позицію; турки поддерживаютъ ружейный огонь до полной темноты, то ослабляя, то усиливая его. Изъ центральной колонны подполковника Козелкова усмотрѣно исправленіе турками своихъ траншей. Ружейный огонь замолкъ на короткій промежутокъ по всей линіи. Наступила тихая, свѣтлая, лунная ночь. По временамъ, подъ вліяніемъ-ли паническаго страха, или усмотрѣвъ какое-либо движеніе въ нашей боевой линіи, на турецкихъ позиціяхъ то тамъ, то сямъ загорались ружейнымъ огнемъ траншеи; особенно часто повторялось это явленіе на высотахъ Кяврикѣ: вся темная, высоко взгромоздившаяся надъ лѣвой колонной масса Кяврикѣ обоясывалась мѣстами въ два—три яруса длинными линіями мелькающихъ огоньковъ.

Начинало свѣтать. Изъ колонны подполковника Козелкова усмотрѣны были вышки, тянувшіяся къ морю съ Кяврикѣ; также видны были и исправленія турками своихъ траншей, пострадавшихъ отъ дѣйствія артилеріи. Стрѣлки 1-го батальона, давно просившіе позволенія открыть огонь, получили, наконецъ, разрѣшеніе.

Турки, бросивъ работы, начали отвѣчать. Загорѣлась перестрѣлка, длившаяся до часа.

Въ теченіе ночи въ правой колоннѣ генераль Шелеметьевъ произвелъ слѣдующія переимѣненія: колонна подполковника Пригары оставлена до утра на занятыхъ ею позиціяхъ; изъ колонны подполковника Макѣева оставались почевать на занятыхъ позиціяхъ: 2-й стрѣлковый баталіонъ и 4-й баталіонъ Александропольскаго полка; 1-й и 3-й баталіоны александропольцевъ были отведены къ «малому Лѣсистому кургану». Кутансская пѣшая дружина и четыре горныхъ орудія—на «Столовую гору».

Такимъ образомъ правая колонна осадила правымъ плечомъ назадъ; оставшіеся 2-й стрѣлковый и 4-й александропольскій баталіоны продолжали удерживать турокъ на ихъ лѣвомъ флангѣ и поддерживать связь съ лѣвой колонной, чрезъ посредство оставшагося на позиціи подполковника Пригары, а отведенные на малый Лѣсистый курганъ два баталіона александропольцевъ усиляли резервъ центра, такъ какъ съ малаго Лѣсистаго кургана ихъ можно было направить и на поддержку подполковника Пригары, и подполковника Козелкова.

Всю ночь войска колоннъ ожидали только приказанія для немедленнаго перехода въ наступленіе, но приказанія этого не исходило.

Касательно того, предполагалась-ли ночная атака Квирике, мы находимъ указаніе въ описаніи дѣйствій 11-го и 12-го іюня 4-го стрѣлковаго баталіона (*), гдѣ говорится: «Начальникъ колонны, собравъ командировъ частей, спросилъ ихъ мнѣніе, находятъ-ли они возможнымъ сдѣлать ночное нападеніе на турецкія укрѣпленія, или же полагаютъ остаться на занятой позиціи до прибытія подкрѣпленій? Большинство командировъ дало мнѣніе въ пользу послѣдняго соображенія, которое и было принято».

Ночная атака, по нашему разумію, могла бы имѣть успѣхъ (подъ успѣхомъ мы разумѣемъ занятіе только части Квирике, что далеко еще не отдавало намъ не только всей укрѣпленной позиціи турокъ, но даже и всего гребня Квирике): 1) еслибы мы не указывали въ продолженіе цѣлаго дня 11-го, что «Желтая батарея» будетъ составлять главную цѣль нашихъ усилій; 2) еслибы на занятыхъ нами 11-го іюня позиціяхъ у подошвы «Желтой» мы оставались бы болѣе продолжительное время, что дало бы намъ возможность ознакомиться со всѣми къ ней подступами помощью частыхъ рекогносцировокъ и носылки впередъ и въ стороны властунговъ (сведенныхъ, къ несчастію, въ баталіоны, а не разбитыхъ по всей ли-

(*) Описаніе боевой службы 4-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона въ мнѣнію казначія. Пор. Поповъ, стр. 46-я.

ни, для службы имъ свойственной) и охотничьихъ командъ отъ частей, долженствовавшихъ штурмовать; 3) еслибы мы подготовили эту послѣднюю занятую позицію, хотя послѣдно, въ инженерномъ отношеніи и, главное, разработали бы пути сообщенія Самеба на столько, чтобы безпрепятственно и быстро (вспомнимъ, что одна переправа черезъ Кинтышъ потребовала $4\frac{1}{2}$ часа времени) могло происходить сообщеніе передовыхъ бойцовъ съ послѣдней промежуточной базой — гребнемъ Самеба; 4) еслибы сильной демонстраціей на правомъ нашемъ крылѣ привлекли туда вниманіе турокъ; 5) еслибы войска колонны не были такъ утомлены боемъ и разстроены движеніемъ и потерями и 6) еслибы мы имѣли достаточныя силы (въ общемъ резервъ оставались всего четыре баталіона пятигорцевъ).

Невыполненіе всѣхъ этихъ жѣръ, по причинамъ по бѣльшей части независимымъ отъ отряда (насъ торопили кончить скорѣе съ Цихедзири, но силы оставались недостаточныя), повлекло къ тому: 1) что (по свѣдѣніямъ въ главной квартирѣ) противъ колонны полковника Гурчина ($10\frac{1}{2}$ баталіоновъ) находилось уже въ началѣ боя 10 баталіоновъ регулярной пѣхоты и 2,000 баша-бузукъ; теперь же къ этимъ, безъ того значительнымъ силамъ безпрестанно съ развитіемъ боя подходили новыя подкрѣпленія, которыя сосредоточивались на гребнѣ высотъ, въ ожиданіи нашего наступленія; 2) что сообщеніе съ колонной полковника Гурчина продолжало оставаться крайне затруднительнымъ и дѣлало невозможнымъ своевременную поддержку атакующихъ частями резерва (кромя того, сообщеніе это находилось въ разстояніи дѣйствительнаго ружейнаго выстрѣла); 3) войска колонны были сильно утомлены и разстроены боемъ; 4) въ резервъ оставалось свободными, еще не принимавшими участія въ ударѣ, шесть баталіоновъ, если къ четыремъ баталіонамъ Пятигорскаго полка присоединить два баталіона александропольцевъ, отведенныхъ генераломъ Шелеметьевымъ на малый Лѣсистый курганъ.

Ночная атака не состоялась, и войска на занятыхъ позиціяхъ поджидали утра.

Итакъ, 11-го іюня мы были отбиты отъ турецкаго укрѣпленнаго лагеря, расположеннаго на высотахъ Кирике, Дегна и Цихедзири. Въ сущности, въ силу медленнаго и труднаго движенія до подошмы атакуемыхъ высотъ, вслѣдствіе цѣлаго ряда искусственныхъ загражденій, на безъ того уже неприступной мѣстности, мы и не предпринимали серьезнаго удара, такъ какъ рядъ частныхъ, несвязанныхъ попытокъ отдѣльныхъ ротъ и кучекъ не можетъ считаться ударомъ колонны, имѣвшей въ своемъ составѣ до 12-ти баталіоновъ.

Вся операция осталась какъ бы недоведенною до конца, и поэтому можетъ быть отнесена къ рубрикѣ усвоенныхъ рекогносцировокъ. *Бои 11-го іюня*, стоившій намъ 500 человекъ потери (по официальнымъ источникамъ, собраннымъ въ дни 12-го и 13-го), указалъ намъ на силу турецкаго укрѣпленнаго лагеря по мѣстности и по фортификаціоннымъ сооруженіямъ (въ видѣ искусственныхъ загражденій, какъ-то: засѣки, волчьи ямы, проволочныя сѣти), на численность непріятельскихъ войскъ (не мене 30,000), на участіе въ оборонѣ орудій большаго калибра, на отсутствіе дорогъ на пути отступленія, на находженія ключа турецкихъ позицій на высотахъ Дева, прикрывавшихъ путь на Батумъ изъ Цихисдзири, и главное — на крайнюю недостаточность нашихъ силъ.

Еслибы занятіемъ Квирике мы достигали рѣшительнаго успѣха, то, даже и не надѣясь на подрывленія изъ другихъ театровъ войны, мы изыскали бы средства овладѣть этимъ гребнемъ путемъ сосредоточенія въ Самеба превосходящихъ силъ со всего театра военныхъ дѣйствій, а съ Самеба сосредоточили бы эти силы у «Желтой» и «батарея подъ дубомъ», пользуясь для этого всеми средствами (особенно близостью Муха-Эстате, Хуцу-Убани, Самеба и Озургетамъ), ослабивъ временно тылъ и сообщенія. Съ цѣлью сосредоточенія войскъ на Самеба можно бы было, напримѣръ, съ семи часовъ вечера отдать приказаніе: передвинуться двумъ баталіонамъ закатальцевъ и шести орудіямъ изъ Муха-Эстате на Денибековъ курганъ (на Муха-Эстате временно осталось бы около одного баталіона пѣхоты) и далѣе по ту сторону р. Квиртши для образованія общаго резерва; для той же цѣли присоединить къ этимъ двумъ баталіонамъ еще два баталіона александропольцевъ отъ правой колонны генерала Шелеметьева, которому вовсе отступить на Столовую гору и заняться приведеніемъ подступовъ къ ней и Лѣсному кургану въ неприступное состояніе (что было очень легко помощью засѣкъ), крѣпко на ней держаться съ тремя баталіонами (изъ день 12-го держался же генералъ Шелеметьевъ съ тремя баталіонами противъ силъ, превосходившихъ его четверо); всѣмъ свободнымъ силамъ въ Озургетахъ, которыя можно было довести до баталіона и восьми (позиціонныхъ) орудій Озургетской мѣстной батареи, передвинуться на Муха-Эстате, вслѣдствіе чего сила Муха-Эстатскаго гарнизона простиралась бы до двухъ баталіоновъ и восьми орудій; съ лѣвн Лѣснаго кургана у Ачхуа и Денибекова кургана два баталіона левкоранцевъ передвинуть опять-таки къ общему резерву, сила котораго достигла бы шести баталіоновъ (2 закатальцевъ, 2 александропольцевъ, 2

ленкоранцевъ), возложивъ временно прикрытіе операціоннаго пути на четыре сотни кавалеріи, ибо демонстрація на правомъ берегу р. Кинтыша шести сотенъ кавалеріи все равно не веда ни къ чему. Прежній же общій резервъ (четыре баталіона пштыгорцевъ) перевести въ частный резервъ полковнику Гурчину, чѣмъ мы довели бы силы лѣваго фланга, колонны полковника Гурчина, съ 10-ти до 14-ти баталіоновъ, а притянувъ изъ общаго резерва еще два баталіона (хоть александропольцевъ, которымъ было бы ближе всѣхъ идти) до 16-ти баталіоновъ, да въ общемъ резервѣ еще оставались бы отъ четырехъ до шести баталіоновъ. Съ такими силами, послѣ всего сдѣланнаго, мы еще могли бы смѣло пытаться счастья овладѣть Квирике. Но столло-ли того? Бой 11-го выяснилъ значеніе занятія Квирике; опредѣлилось, что со взятіемъ Квирике мы занимаемъ только одинъ, совершенно отдѣльный гребень (т. е. совершаемъ операцію только подготовительную штурму Цихисдзири) и хотя этимъ занятіемъ и отрѣзываемъ отъ крѣпости корпусъ враждебныхъ кобузетцевъ, занимавшихъ позицію и лагерь на крайнемъ правомъ турецкомъ флангѣ, а также и ихъ селенія; но впереди остается еще цѣлая система укрѣпленій, взатіе которыхъ потребуетъ опять новыхъ операцій—совершенно отдѣльныхъ и самостоятельныхъ, которыя аналогичны съ операціями, предшествовавшими взятію Худу-Убани и Самеба и, подобно имъ, должны заключаться, прежде всего, въ прочномъ утвержденіи на Квирике, въ подготовкѣ Квирике въ инженерномъ отношеніи, въ ввозѣ на Квирике артилеріи, въ устройствѣ сообщенія съ Самеба, въ обезпеченіи этой новой продолженной операціонной линіи справа и слѣва, и тогда только (усилившись еще новыми подкрѣпленіями) можно будетъ приступить къ штурму Дегва и Цихисдзирскаго укрѣпленнаго лагеря, который, замѣтимъ, все это время прямо сообщается короткими, безопасными путями (водными) съ Синопомъ, Трапезондомъ, Константинополемъ и Варной.

Условія эти очевидно закрывали намъ дальнѣйшія операція, такъ какъ на развитіе дальнѣйшаго успѣха намъ нужно было два элемента: время и подкрѣпленія въ тѣсной между собою связи; но подкрѣпленій намъ больше не давали, такъ какъ они требовались на главномъ театрѣ, а во времени намъ отказали тѣмъ, что и съ нашими силами торопили кончить возможно скорѣе съ Цихисдзири, ибо часть даже и этихъ силъ требовалась и подъ Варсь, и въ Ардаганъ, и въ Сухумъ, въ которомъ уже хозяйничали высадившіеся турки.

ГЛАВА XI.

Возвращение штурмовых колонн на Самеба. — Переходъ турокъ въ наступление 12-го июня и отступление отряда на Муха-Эстате въ ночь съ 16-го на 17-е июня.

Приказание объ отступлении. — Неожиданное отступление 1-мъ и 4-мъ казачьими стрѣлковыми батальонами. — Маневръ 4-го стрѣлковаго батальона. — Помощь и прикрытіе, оказанная санитарному отряду княземъ Барятинскимъ. — Турецкая артиллерія Кларике снова проявляетъ свою шпань. — Артиллерійскій бой. — Переходъ турокъ въ наступление. — Меры къ отраженію атаки. — Расположеніе войскъ на Самеба и Столовой горѣ для отраженія атаки. — Атака турками нашего центра и на 3-ю батарею 38-й артиллерійской бригады. — Успѣхъ центра ротамъ 1-го стрѣлковаго батальона. — Атака турками нашего правого эланга. — Позыція Малого Зеленятаго кургана. — Начало усиленныхъ атакъ турокъ на Малый Зеленый курганъ. — Меры генерала Шелемetyева. — Дѣйствіе батарей полковника Евреншова. — Штабъ-капитанъ Демитрисъ встрѣчаетъ турокъ вартечью въ упоръ. — Дальнѣйшія атаки турокъ до семи часовъ вечера. — Турки отбиты по всей линіи. — Спокойствіе на всей позиціи. — Значеніе подготовки позиціи въ инженерныхъ отношеніяхъ. — Потери турокъ. — Атака турками нашего крайняго лѣваго эланга. — Обстановка боя 12-го июня. — Впечатлѣніе съ высоты Денибекова кургана. — Ванюшки увидѣли дымъ. — Наши потери. — Количество выпущенныхъ артиллеріей снарядовъ. — Ночь съ 12-го на 13-е июня. — День 13-го июня. — Фальшивыя тревоги. — нравственное состояніе отряда. — Ночь съ 13-го на 14-е июня. — День 14-го июня. — Организациія отступленія. — Инструкція начальнику штаба. — Ориентированіе на старой куха-летатской артиллерійской позиціи. — Прибытіе батарей. — Разстановка ихъ. — Преслѣдованіе кобулетцами нашего аррьергарда. — Обстановка стоянки на Муха-Эстате. — Молебствіе 18-го июня. — Выдѣленіе частей войскъ изъ состава отряда. — Приказъ по отряду генерала Денибекова.

Слѣдало. Войска были полны увѣренности, что съ восходомъ солнца пойдутъ впередъ. Рѣшеніе командующаго войсками изъ еще не было извѣстно. Но вотъ въ шесть часовъ утра получено приказаніе: отступить, — кому вернуться на позиціи Самеба, а кому и на старыя

свои биваки въ долині р. Кинтриши. Предстояло совершить нелегкую операцію: отступить на глазахъ турокъ, сторожившихъ каждое наше движеніе, и, отступая, перенравиться черезъ р. Кинтышъ, что накануне представило столько затрудненій.

Особенной осторожности и ловкости требовало отступление колонны полковника Козедова, предпринятое съ семи часовъ утра. Каждая часть этой колонны принимала свои собственные мѣры для прикрытія отступления, имѣвшаго совершиться болѣе или менѣе одновременно.

Такъ, отступление 1-го и 4-го баталіоновъ кавказскихъ стрѣлковъ произошло при слѣдующихъ условіяхъ: 1-й стрѣлковый баталіонъ отступилъ ранѣе 4-го и, оставивъ для прикрытія своего отступления на прежней позиціи по полувзводу отъ 2-й и 4-й роты (подъ командой прапорщиковъ Кривенцова и Картвелова), тихо спустился къ р. Кинтышу; 4-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ отступилъ позже и, оставаясь на позиціи, какъ бы прикрывалъ отступление большей части колонны полковника Козедова, какъ-то: пѣхотинцы, части дружины, Закавказскаго баталіона и роты ланкоранцевъ.

Для замаскированія отступления стрѣлки 4-го баталіона прибѣгли къ слѣдующему маневру: цѣпи баталіона было приказано производить стрѣльбу рядами, съ промежутками отъ четырехъ до шести минутъ, и такъ до пяти разъ, чтобы дать время частямъ отступить на правый берегъ р. Кинтыша.

Общее командованіе всей цѣнью было поручено штабъ-капитану Горскому. Послѣ пятого раза такой пальбы рядами, отступилъ и 4-й баталіонъ, оставивъ свою цѣнь на прежней позиціи. Цѣнь черезъ 10 минутъ по отступленіи своего баталіона должна была дать послѣдній залпъ и, оставивъ свои шанки на мѣстахъ, гдѣ лежали ящики, бѣгомъ спуститься внизъ, держась дороги къ бревенчатому мосту на р. Кинтышѣ, на правомъ берегу которой должны быть выставлены (вторая позиція для прикрытія отступления), 2-я и 3-я роты 1-го стрѣлковаго баталіона, ранѣе другихъ туда перебранныя.

Все сказанное было исполнено 4-мъ стрѣлковымъ баталіономъ буквально. 1-й стрѣлковый баталіонъ, отступившій ранѣе 4-го, перенравилъ сказанныя 2-ю и 3-ю роты, которыя расположились для прикрытія отступавшихъ уже на правомъ берегу, оставивъ на лѣвомъ свои 1-ю и 4-ю роты, и вотъ по какому непредвидѣнному случаю: подойдя къ р. Кинтышу и собираясь уже покинуть лѣвый берегъ, баталіонъ набрелъ на санитарный отрядъ (молокане-духоборцы г. Тифлиса), устроившій здѣсь свой перевалочный пунктъ, не могшій ни собрать, ни поднять всѣхъ раненыхъ и не думавшій объ отступленіи. Ни минуты не

задумываясь, командир батальона, подполковник князь Барятинский оставляет здесь 1-ю и 4-ю роты своего батальона, приказав не уходить съ мѣста до тѣхъ поръ, пока всѣ раненые будутъ подобраны, подняты санитарями и пока весь санитарный отрядъ съ ранеными не переберется благополучно на ту сторону р. Кинтыша.

Для розыска и отвеса раненыхъ князь Барятинский приказалъ ротамъ отдѣлать по полуротѣ отъ каждой, остальнымъ же частямъ ротъ прикрывать исполненіе этого долга; людей оказалось мало; выдѣланы еще по полувзводу, но и этого было недостаточно.

Изъ счастья для добраго дѣла, предпринятаго княземъ Барятинскимъ, влѣво изъ дѣла оказались послѣднія части (прикрывавшія отступление своей части) грузинской вѣшей дружины и рота Пятигорскаго полка (высланная еще ранѣе для усиленія боевой линіи). Употребивъ гдѣ нужно приказаніе, а гдѣ и просьбы, князь Барятинский заставлялъ эти части также принять раненыхъ и тогда, забравъ всѣхъ раненыхъ, находившихся у описываемаго мѣста, князь Барятинский, прикрывая этотъ транспортъ линіею двумя полувзводами, перебрался черезъ р. Кинтышъ.

Такъ же удачно оставили свою ночную позицію и колонны подполковника Пригары и подполковника Макѣева, ночевавшіе въ 100—300 саженьяхъ отъ ложементовъ и батарей непріятеля.

Для прикрытія отступления правой колонны часть цѣпи 2-го стрѣлковаго батальона оставалась на прежнихъ позиціяхъ и отступила только въ девятомъ часу утра.

Благодаря скрытности исполненія и полному порядку, вся боевая линія благополучно отступила на Самеба и Столовую гору, оставивъ въ созадатію, по ту сторону р. Кинтыша по многочисленнымъ баламъ многихъ раненыхъ (*).

Турки очень скоро замѣтили отступление: повсюду въ дальнихъ линіяхъ ихъ укрѣпленій зазвенѣли рожки, кое-гдѣ цѣпи ихъ уже спустились въ свои нижніе ложементы, но броситься преслѣдовать прикрывавшія наше отступление части не рѣшались.

Одновременно съ этимъ, влозѣть оправившаяся артиллерія турокъ (**).

(*) Еще ночью были попытки подобрать раненыхъ, зрѣвшихъ впереди, но попытки эти выжили только нѣсколько жертвъ; турки рѣшительно сторожили каждое движеніе, и стояло только слышать одну человѣку шагъ впереди изъ лагерьтѣ, какъ на него сыпалась тысяча пуль. Некоторыхъ части давали знать сигналами о своихъ мѣстонахожденіяхъ, но и тутъ на звукъ рожка слышался свистецъ.

(**) Встрѣтившись влозѣтій въ Кутайскъ съ начальникомъ штаба Дервиш-паша, полковникомъ генеральнаго штаба Османъ-беемъ, намъ удалось узнать, что

по всей линии открыла энергичный огонь. По всей позиции показались новые батареи на техъ мѣстахъ, гдѣ вчера не было никакихъ ихъ признаковъ.

Артиллерія наша, вездѣ сохранившая свои вчерашнія позиціи (за исключеніемъ 5-й батареи 41-й бригады, отступившей на Хуцу-Убани), энергично отвѣчала; собственно огонь артиллеріи былъ открытъ нами раньше, для прикрытія отступленія.

Въ распоряженіи турецкой артиллеріи была замѣчена особенность: большая противъ вчерашняго разбросанность, нигдѣ на одномъ пунктѣ не болѣе двухъ орудій, расположеніе далеко назадъ (внутри) отъ гребня; нигдѣ не видно было и дулъ орудій, и угадывать мѣстостояніе можно было только по дыму. (На мѣстѣ «Желтой» батареи и въ этотъ день ничего не показывалось).

Наша горные дивизіоны, отступившіе съ колоннами, находились на гребняхъ Самеба и Столовой, на послѣдней правѣ собственно «Стола».

Между тѣмъ турки, спустивши свои цѣпи въ дѣса и балки, массировали свои силы на берегахъ р. Кинтыша, на лѣвомъ своемъ флангѣ и центрѣ, но массы эти еще не приходили въ движеніе.

Наша артиллерія между тѣмъ чрезвычайно удачно боролась съ турецкой: батареи Кирике значительно ослабили свой огонь подъ сосредоточеннымъ огнемъ 26-ти орудій центра, а къ 9¹/₂ часамъ съ Кирике раздавались только рѣдкіе отдѣльные выстрѣлы. Не унималась по-прежнему Дегвинская батарея. Неравный бой выдерживала 3-я батарея 41-й бригады, которой по прежнему пришлось состязаться съ Амбраурной и вновь съ двумя, въ одну ночь, какъ бы изъ земли выросшими батареями, во къ десяти часамъ всѣ три названныя батареи значительно ослабили свой огонь.

Въ 11-мъ часу (въ исходѣ) изъ цѣпей центръ и правого фланга приходили донесенія, что турки массируютъ значительныя силы, что огонь непріятельской цѣпи усиливается и что цѣпь его спустилась мѣстами къ р. Кинтышу.

Въ 12-мъ часу движеніе на непріятельскихъ позиціяхъ успавлось. Не было сомнѣнія, что турки собираются, подъ впечатлѣніемъ нашего отступленія, атаковать насъ на занятой нами позиціи.

Мы приняли мѣры къ отраженію штурма. Упрощеніе участіями позиціи и вообще начальствованіе войсками, сосредоточенными для отра-

потери въ артиллеріи въ день 11-го были у непріятеля на столько велики, что по дню 12-го на многихъ батареяхъ была видна прослуга, доставлявшая сѣбно въ ночь изъ Ботука.

женія штурма, раздѣлилось слѣдующимъ образомъ: лѣвымъ флангомъ и центромъ до расположенія 2-й батареи 19-й бригады включительно командовалъ командиръ Пятигорскаго полка, полковникъ Бучкиевъ; правымъ флангомъ, начиная съ Малаго Лѣсистаго кургана до нижняго теченія р. Кинтриши, командовалъ генералъ-майоръ Шелеметьевъ.

Полковникъ Гуринъ съ войсками, составившими 11-го июня его колонну, составилъ резервъ лѣваго фланга и центра. Для встрѣчи подвигавшагося впередъ непріятеля, войска были расположены слѣдующимъ образомъ: артилерія занимала всюду прежнія позиціи, и для отраженія штурма расположеніе ея не оставило желать ничего лучшаго, за исключеніемъ развѣ только того обстоятельства, что на Маломъ Лѣсистомъ курганѣ было бы лучше имѣть девятифунтовую батарею, какъ болѣе дѣйствительную, и, кромѣ того, можно было бы между 1-ю батареею 38-й бригады и 2-ю—19-й бригады advance еще цѣлую батарею, что увеличало бы дѣйствіе артилеріи и пораженіе непріятеля. Лѣвый флангъ по прежнему охранялся 3-мъ баталіономъ Севастопольскаго и 1-мъ баталіономъ Ленкоранскаго полковъ при четырехъ орудіяхъ 41-й бригады, подъ командой майора Бараганскаго, да еще подъ командой полковника Бучкіева. На флангахъ 3-й и 1-й батарей 38-й бригады стоялъ поротно 4-й баталіонъ Севастопольскаго полка. На флангахъ двухъ орудій 2-й батареи 41-й бригады стояли двѣ роты Пятигорскаго полка; нѣсколько впереди и правѣ 2-й батареи 19-й бригады, для защиты подступовъ къ этой выдвинувшейся батарее, стояли: 4-й баталіонъ Ленкоранскаго полка (подполковника Пригары) и баталіонъ Пятигорскаго полка (подъ командой майора Педюбина); кромѣ того, два баталіона пятигорцевъ стояли въ частномъ резервѣ вообще, за артилеріею центра, т. е. за Большимъ Лѣсистымъ курганомъ. Итого для защиты центра подъ общей командой полковника Бучкіева находилось шесть баталіоновъ и 30 орудій (изъ нихъ четыре горныя), т. е. изъ боеваго расположенія на 11-е июня для обороны центра были употреблены весь общій резервъ (Пятигорскій полкъ), не бывшій въ дѣлѣ 11-го, и вся колонна подполковника Пригары, уменьшенная въ численномъ составѣ потерями вчерашняго боя и утомленная этимъ боемъ и бдительной ночью на непріятельской позиціи.

Даже, въ вѣдѣніи генералъ-майора Шелеметьева для отбитія турокъ отъ Малаго Лѣсистаго кургана и Столовой горы и для обороны подступовъ къ 2-й батарее 19-й бригады съ запада находились силы въ составѣ пяти баталіоновъ и 20-ти орудій (изъ нихъ четыре орудія горныя), распределенныя генералъ-майоромъ Шелеметьевымъ слѣдующимъ образомъ: 4-я и 3-я батареи 41-й бригады—на своихъ старыхъ по-

зициях; правѣ 3-й батареи 41-й бригада стояла горный дивизионъ, пѣхота стояла: 2-й стрѣлковый батальонъ (по-ротно) между батареями, а также право и лѣво отъ нихъ; даѣе, право отъ стрѣлковъ, — 2-я Кутавская дружина; лѣвѣ стрѣлковъ, по направленію ко 2-й батарее 19-й бригады, противъ лѣсистой долины (откуда былъ произведенъ первый натискъ турокъ), былъ поставленъ 1-й батальонъ Александропольскаго полка; за Лѣсистой и Столовой горой въ частномъ резервѣ стоялъ 3-й батальонъ Александропольскаго полка; въ частномъ резервѣ, за выдвинутымъ впередъ 1-мъ батальономъ александропольцевъ, стояли двѣ роты 4-го батальона того же полка, а другія двѣ роты того же батальона стояли въ частномъ резервѣ за Кутавскою дружиною.

Части лѣвой колонны полковника Гурчина, за исключеніемъ Гурійской дружины, оставлены были въ общемъ резервѣ болѣе за лѣвыми флангомъ и центромъ, на случай, еслибы по ходу обороны понадобилось усилить боевое расположеніе. Въ рукахъ полковника Гурчина было такимъ образомъ три (изъ четырехъ на весь отрядъ) батальона, вооруженныхъ ружьями Бердана (*).

Кромѣ того, для наблюденія за ущельемъ средней Кинтриши, куда могли прорваться кобузеты, у лѣваго моста были оставлены Гурійская пѣшая дружина и рота Пятигорскаго полка.

Сторона низней Кинтриши по прежнему охранялась кавалеріею — Кутавскимъ конно-регулярнымъ и 2-мъ Кутавскимъ дворянскимъ дивизиономъ. Расположеніе войскъ для охраны тыла и сообщенія оставалось прежнее.

Итакъ, всего въ боевой линіи на Самеба и Столовой горѣ было расположено (не считая колонны полковника Гурчина) 14 батарей и 54 орудія.

Въ теченіе 12-го іюня турки бросались и на центръ нашъ, и на правый флангъ; рассмотримъ поочередно каждую изъ атакъ.

Атака центра (съ 9^{1/2} ч. до 11^{1/2} ч. утра). — Начиная съ 9-ти часовъ утра турецкія массы, собиравшіяся въ долину р. Кинтыша, пришли въ движеніе и начали приближаться къ нашему расположенію; но, скрывшись затѣмъ снова въ различнаго рода укрытіяхъ, конки была такъ богата впередъ лежавшая мѣстность, долгое время не были видны нашимъ войскамъ.

Завязался ожесточенный артиллерійскій бой; наши батареи при слу-

(*) Въ живущую напомнимъ только слѣдующія части кавказской арміи были вооружены ружьями Бердана: четыре стрѣлковыя батальона, кавказская грендерская, 39-я пѣхотная дивизія и пластуны; остальная армія была вооружена ружьями Карака.

чаѣ обращали его и противъ непріятельской пѣхоты, если та чѣмъ либо себя обнаруживала.

Прошло полчаса въ ожиданіи; можно было уже думать, что турки на занятыхъ мѣстахъ будутъ ждать оставленія нами Хуцу-Убани, какъ вдругъ приходитъ донесеніе отъ подполковника Пригары, что имъ усмотрѣно движеніе турокъ, дебуширующихъ изъ лѣса по направленію на саклю, лежащую правѣе и ниже расположенія 2-й батареи 19-й бригады, а черезъ 5 минутъ послѣ донесенія внезапно загорѣлся въ нѣсколькихъ мѣстахъ противъ нашего центра сильный ружейный огонь. Не было болѣе сомнѣній, что турки насъ атакуютъ.

Незамѣтно и почти безъ потерь приблизились густыя цѣпи непріятельской пѣхоты къ нашей передовой цѣпи, пользуясь крайне пересѣченной мѣстностью, покрытой густымъ лѣсомъ, и имѣя проводниковъ въ самихъ же войскахъ и офицерахъ.

Уступая многочисленному противнику, цѣпи начали отходить къ своимъ резервамъ, дѣйствуя залпами. Въ 9¹/₂ часовъ съ центральныхъ батарей турки были усмотрѣны въ весьма близкомъ разстояніи. Артиллерія центра повела огонь шрапнелью. Тревожа насъ по всей линіи фронта центрального нашего расположенія, турки тѣмъ не менѣе вели атаку по двумъ направленіямъ: менѣе дѣйствительную, но необычайно дерзкую, на расположеніе 3-й батареи 38-й бригады и болѣе дѣйствительную, предпринятую съ большими силами, — на расположеніе 2-й батареи 19-й бригады.

Первый натискъ турокъ былъ направленъ по долинѣ, отдѣлявшей баталіоны, прикрывавшіе расположеніе 2-й батареи 19-й бригады отъ войскъ генерала Шелеметьева; затѣмъ они постепенно распространились влѣво, вводя послѣ 11-ти часовъ въ сферу своихъ атакъ и правое крыло наше, т. е. Малый Лѣсистый курганъ и Столовую гору. Двигался по названной долинѣ, не доходившей до 1-го дивизиона 2-й батареи 19-й бригады, всего изъ 100—120 сажень, турки явно угрожали этой батарее; если-бы имъ удалось занять участки ея расположенія, то они разрѣзали насъ на двѣ части (прорывъ въ центрѣ), затѣмъ, разливаясь по гребню влѣво и ударивъ на Малый Лѣсистый курганъ съ тыла, ставили насъ въ весьма опасное положеніе.

Надо отдать справедливость, что первоначально они намѣтили для атакъ весьма чувствительное для насъ мѣсто, въ которому добавокъ ихъ выводила долина на весьма близкое разстояніе отъ главнаго предмета дѣйствій — площадка, занятая орудіями названной батареи.

Какъ только въ названной балкѣ былъ усмотрѣнъ непріятель, 1-й

дивизионъ батарей (2-й дивизионъ по названной бахчѣ не могъ дѣйствовать по мѣстнымъ условіямъ) посѣпили бросить туда очередь шрапнелей. Но тутъ сразу оказалось неудобство ската бруствера, возвышавшагося къ сторонѣ непріятеля, для дѣйствій на ближнія дистанціи.

Наъ ложины между тѣмъ на батарею посыпался дождь свинца, но, руководимая своими офицерами, прислуга дивизиона вскакиваетъ на брустверъ и, чѣмъ пошло, даже руками, сбрасываетъ и сгребаетъ, мешавшій дѣйствию, лишний слой земли.

Исполнивъ, сколько возможно посѣпище, эту опасную работу, мужественные чины дивизиона спускаются въ орудія, и въ ложину, полную непріятеля, посылаются шрапнель за шрапнелью съ установкой трубы: сначала на 2 секунды, а потомъ на $1\frac{1}{4}$ секунды. Между тѣмъ турки, съ громкими криками и продолжая на бѣгу стрѣлять, бросились на батарею; другая ихъ часть вправо из оконечности Малаго Лѣвстаго кургана, намѣреваясь взять батарею во флангъ.

Дивизионъ бросилъ въ густую массу враговъ еще нѣсколько очередей шрапнелей, но передовые турки, нацѣленные свѣжими массами сзади, продолжали подвигаться.

Тогда, предвидя непосредственную атаку самой батареи, орудія заряжаются картечью.

Вотъ турецкія цѣпи, кучки и колонны поднялись на площадку гребня; роты пятигорцевъ, денкоранцевъ и севастопольцевъ ударили на нихъ въ штыки, справа атаковали охотники, и полурота 4-й роты 2-го стрѣльцоваго баталіона, подоспѣвшіе съ Малаго Лѣвстаго кургана. Штыковая свалка не была продолжительна.

Турки не выдержали удара и были опрокинуты до названной ложины, провожаемые ружейнымъ огнемъ и шрапнелями 2-й батареи 19-й бригады, вынужденной обратнo свои картечи и усиленной зарядить ихъ шрапнелью. Болѣе или менѣе одновременно съ атакой 2-й батареи 19-й бригады, непріятель атаковалъ и 3-ю батарею 38-й бригады, къ которой подкрался на самое близкое разстояніе совершенно незамѣтно и бросился на нее густыми цѣпями и съ дикими криками.

3-я батарея 38-й бригады встрѣтила валадавшихъ картечью; 1-я батарея 38-й бригады сколько могла дѣйствовала шрапнелью, командиръ 3-й батареи 38-й бригады подполковникъ Басяцкій, не видѣвшій прикрытія, котораго по мѣстнымъ условіямъ и не могъ видѣть, и вдобавокъ поставленный въ затрудненіе обгорѣвшими банниками и считавшій батарею уже погибшей и во власти турокъ, былъ настолько потрясенъ душевно, что къ вечеру того же дня лишился разсудка.

Роты денкоранцевъ и себастопольцевъ выручили между тѣмъ и 3-ю батарею 38-й бригады.

Первая попытка турокъ была такимъ образомъ отбита. Выше было сказано, что 2-й дивизионъ 2-й батареи 19-й бригады не могъ по мѣстнымъ условіямъ обстрѣливать лоцину, изъ которой бросались на батарею турецкіе таборы, но за то на его долю выпало блистательное дѣйствіе по мостамъ черезъ р. Кинтышъ, по которымъ все время толпились непріятельскія массы.

Послѣ первой попытки овладѣть вершиной нашего исходящаго угла (расположеніемъ 2-й батареи 19-й бригады) турки не замедлили возобновить нападеніе.

Первая батарея 38-й бригады вела огонь противъ Квирике, гдѣ снова показались дымки отъ орудійныхъ выстрѣловъ; 2-я батарея 19-й бригады вела огонь: частью по мостамъ черезъ р. Кинтышъ, частью обстрѣливала вдоль лоцину, гдѣ засѣли отбитые турки и откуда они вели перестрѣлку съ нашими стрѣлками.

Въ исходѣ 10-го часа, усиливавшіяся массы непріятеля, предшествуемые еще болѣе густой дѣлѣю, съ громкими криками бросились вторично на 1-й дивизионъ 2-й батареи 19-й бригады, а на лѣвомъ флангѣ—противъ 3-й батареи 38-й бригады.

На этотъ разъ мы распорядились уже лучше: артилерія встрѣтила противника учащеннымъ огнемъ шрапнелей, какъ только передовыя войска непріятеля высыпали изъ лѣса; дѣлѣ залпами, резервы же, подорѣзанные сосѣдними ротами, ожидали, когда турки приблизятся къ гребню, и тогда, выпустивъ въ упоръ нѣсколько залповъ, стремительно ударили въ штыки.

Турки не выдержали и были отброшены вторично съ большими потерями (по официальнымъ донесеніямъ на мѣстѣ боя было насчитано 200 непріятельскихъ тѣлъ).

Разсыпавшись по всѣмъ впереди лежащимъ балкамъ и оврагамъ и собравшись вновь въ указанной лѣсистой лоцинѣ, они открыли сильный ружейный огонь по всему нашему центру.

Артилерія центра обратилась противъ артилеріи Квирике, которая 12-го въ общемъ дѣйствовала уже дурно (*), и потери наши отъ ея дѣйствій были ничтожны.

Послѣ всего описаннаго для центра наступило время отдыха: турки

(* По причинѣ большихъ потерь въ орудіейной прислугѣ 11-го іюня я захватилъ съ собою изъ Батума прибывшихъ людей. (По сообщенію Османъ-бея, начальнаго штаба Дервишъ-наши).

его болѣе не атаковали и ограничились однимъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ.

Между тѣмъ огонь турецкой пѣхоты, хорошо укрытой мѣстностью и засѣвшей, благодаря мѣстнымъ балкамъ, въ самомъ близкомъ разстояніи отъ артилеріи центра и бывшихъ на линіи батарей ротъ прикрытія, начиналъ наносить намъ потери. Дѣйствіе артилеріи по непріятельской цѣли, хорошо укрытой мѣстностью и вовсе не видимой, не могло быть дѣйствительно; соперничество нашей цѣли было неровно, а усилить свою цѣль насчетъ резерва было опасно въ виду ожиданія съ минуты на минуту новой стремительной атаки на батареи.

Для усиленія прикрытія артилеріи и, главное, для болѣе успѣшнаго стрѣлковаго составленія, были вызваны съ бивака 1-й стрѣлковый Его Высочества великаго князя Михаила Николаевича баталіонъ. Встрѣченный на гребнѣ начальникомъ штаба колонны Гурчина, капитаномъ генеральнаго штаба Шатиловымъ, баталіонъ былъ немедленно распределенъ поротно вдоль всей позиціи центра и частью (на небольшой участокъ) лѣваго фланга.

Появленіе въ линіи расположенія четырехъ ротъ стрѣлковъ, вооруженныхъ ружьями Бердана и немедленно открывшихъ огонь, сейчасъ же улучшило дѣло, ослабивъ огонь турецкой цѣли и заставивъ ее отойти на значительно большее разстояніе.

Отбитые отъ центра два раза, турки оставили его въ покоѣ, поддерживая одинъ ружейный огонь до 6-ти часовъ вечера. Главныя усилія турокъ были направлены на правый флангъ; но обнажить центръ отъ резервовъ или ослабить его было все же невозможно, ибо новая атака на центръ была внолнѣ возможна и ожидалась во все время боя, до вечера.

Атака праваго фланга. (Съ 11¹/₂ до 7 части пополудни). Еще во время первыхъ атакъ непріателемъ нашего центра, а именно участка 2-й батареи 19-й бригады, хотя главныя усилія, бросавшихся изъ левины праговъ я были направлены на означенную батарею, тѣмъ не менѣе часть турецкихъ силъ одновременно направлялась и на оконечность Лѣсистаго кургана, но, встрѣчаясь каждый разъ охотниками и полуротой стрѣлковъ 1-го баталіона, была отбрасываема обратно.

Теперь, когда турки рѣшили оставить въ покоѣ центръ, они обратились всей массой противъ Малаго Лѣсистаго кургана и Столовой горы; послѣднюю атаковать они могли только съ юго-западной стороны, ибо съ фронта «Стола» не было ни дорогъ, ни овраговъ, по которымъ они могли бы скрытно подбираться.

Совсѣмъ иначе было дѣло съ Малымъ Лѣсистымъ курганомъ, бой

за который принималъ за это время, съ 11^{1/2} часовъ, не разъ острый характеръ, а потому онъ заслуживаетъ нѣсколько подробнаго описанія.

Позиція «Малаго Лѣсстаго кургана» составляла звено, соединившее высоты Самеба со Столовой горой.

Отъ группы Самеба, а именно отъ ближайшаго къ Малому Лѣсстому кургану выступа, на которомъ была расположена 2-я батарея 17-й бригады (что выходитъ на лѣвомъ флангѣ кургана), позиція Малаго Лѣсстаго кургана отдѣлялась глубокимъ лѣсистымъ оврагомъ, тѣмъ самымъ, который отдѣлялъ расположеніе войскъ, прикрывавшихъ названную батарею отъ войскъ вообще праваго крыла и изъ котораго турки, какъ мы говорили выше, два раза бросались на батарею Шаврова и лѣвую оконечность Лѣсстаго кургана.

Вправо отъ Столовой горы, позиція Малаго Лѣсстаго кургана отдѣлялась неглубокой, но лѣистой котловиной, огибавшей курганъ и спускавшейся въ сторонѣ непріятеля.

Такое расположеніе Малаго Лѣсстаго кургана, какъ бы охваченнаго со всѣхъ сторонъ лѣсистыми балками, давало возможность, непріятелю, подобраться благодаря пересѣченной мѣстности и оврагамъ близко и скрытно и разлившись въ мертвое пространство у его подножья, бросаться на него со всѣхъ сторонъ.

Площадки кургана заканчивались съ фронта и лѣваго фланга довольно крутыми спусками, поросшими самой разнообразной растительностью и образовывавшими мертвые пространства, не фланкируемая ни съ одной изъ нашихъ сосѣднихъ батарей.

Къ этому кургану, со стороны непріятеля, шли двѣ лѣсныя дороги, выходившія одна (по дну сказаннаго оврага) на лѣвый флангъ и частію въ тылъ кургана, другая, справа, во флангъ площадки, занятой 2-мъ дивизиономъ 4-й батареи 41-й бригады.

Позиціи Столовой горы, занятая въ срединѣ «Стола» расположеніемъ 3-й батареи 41-й бригады, была нами неоднократно описана выше (смотри бой 4-го іюня).

Съ 11^{1/2} часовъ утра начались усиленные атаки турокъ на Лѣсистый курганъ и часть Столовой горы, но, встрѣчаемая огнемъ цѣли и резервовъ стрѣлковъ 2-го баталіона и огнемъ 16-ти орудій, онѣ ни разу не доводили атаку до конца.

Настойчивѣе другихъ и предпринятая съ большими силами была третья атака въ 12^{1/2} часовъ, подготовленная турками сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Лѣсистый курганъ былъ мгновенно охваченъ со всѣхъ сторонъ; положеніе было критическое: во 2-мъ дивизионѣ 4-й батареи 41-й бригады раздалась команда «на задья» — и три

орудія этого дивизиона, стоявшія отдѣльно, были свезены внизъ, но, по счастью для обороны этого кургана, командиръ другаго дивизиона, штабсъ-капитанъ Дмитріевъ, оказался человекомъ рѣшительнымъ и давно уже ждавшимъ случая помѣриться съ турками на болѣе близкой дистанціи: не только не думалъ убирать орудій, но обрадовавшись возможности такой дѣйствительной стрѣльбы, онъ сумѣлъ и прислугѣ сообщить одушевленіе и стойкость; онъ бѣгалъ отъ орудія къ орудію, весело бранясь и подбучивая; шраннели за шраннелью съ установкой на самое короткое время горѣнія полетѣли изъ пяти орудій навстрѣчу враговъ, уже вбѣжавшихъ на пригорокъ. Турки не выдержали и, провозжаемые шраннелью, огнемъ цѣпи и сбѣжавшихся кучекъ стрѣлковъ, а также дѣйствіемъ орудій со «Стола», были далеко отброшены въ свои овраги.

Прійхавшій на курганъ генералъ Шежеметьевъ, поблагодаривъ штабсъ-капитана Дмитріева и прислугу пяти орудій, запретилъ остальнымъ тремъ орудіямъ подыматься вновь на курганъ—частію изъ желанія не загромождать курганъ, дабы дать мѣсто прикрытію, частію изъ желанія наказать часть, отказавшуюся отъ чести встрѣтить врага въ упоръ.

Выдержавши первое испытаніе, дивизионъ штабсъ-капитана Дмитріева окрѣпъ духомъ на столько, что во всѣ послѣдующія атаки работалъ съ спокойствіемъ, свойственнымъ практикѣ мирнаго времени.

Самая смѣлая и энергичная атака была поведена турками на Малый Лѣсистый курганъ и Столовую гору въ 1 часъ 30 минутъ пополудни.

Для подготовки этой рѣшительной атаки они открыли по нашимъ батареямъ изъ Амбразурной, двухъ ей сосѣднихъ, Дегвинской и броненосцевъ, самый частый артиллерійской огонь.

Броненосцы, стоявшіе въ устьѣ рѣки Кинтриши, уже съ 9-ти часовъ съ необычайной мѣткостью бросали бомбы изъ своихъ девятидюймовыхъ орудій: иногда бомбы буйвально лонились между орудіями 3-й и 4-й батарей, но, по счастью для насъ, не рвались. Изъ ближнихъ неприятельскихъ траншей, черезъ головы наступающихъ (очевидно турки дѣйствовали, положивъ ружья на бруствера подъ большимъ угломъ возвышенія) сыпался дождь свинца.

Визгъ пулъ, шипѣніе гранатъ, грохъ пальбы собственно оружія, трескъ лопающихся снарядовъ, пронзительные крики «алла», раздававшіеся изъ впереди лежащихъ траншеякъ,—все это сливалось въ какой-то общій гулъ.

Самое смѣлое сердце могло содрогнуться въ этой обстановкѣ.

Чаши батарей, бывшіе свидѣтелями отраженія не одной атаки, видѣвшіе успѣхъ дѣйствія своихъ снарядовъ, а слѣдовательно вѣровавшіе

въ свои орудія, работали уверенно и спокойно, весело поглядывая на своихъ офицеровъ.

Между тѣмъ свонденіе непріятеля противъ Лѣснаго кургана усилилось, а генералъ-маіоръ Шелеметьевъ, самолично присутствуя въ бою и слѣдя за всѣми его перипетіями, спѣшно направилъ на курганъ 1-ю и 3-ю роты 2-го стрѣльцоваго баталіона. Было уже и пора: непріятельскія колонны густыми пестрыми массами съ громкими криками «алла» и «ура», поддерживая свое наступленіе неутомляемымъ ружейнымъ огнемъ, стремительно бросились на курганъ и Столовую гору.

Роты стрѣльцовъ для отпора расположились слѣдующимъ образомъ: 1-я рота на Лѣсномъ курганѣ для непосредственной защиты дивизиона штабсъ-капитана Дмитріева; 3-я рота — правѣ кургана; 2-я заняла ложементы впереди батареи полковника Евреинова и осматривала пущами показавшихся на Самеба турокъ; 4-я рота — въ резервѣ на восточномъ склодѣ Столовой горы. Штурмовыя колонны уже показались близъ гребня занятыхъ нами высотъ.

Какъ только на батареяхъ кургана и «Стола» были усмотрѣны наступающій, — съ обѣихъ названныхъ высотъ открыли самый действительный огонь противъ атакующихъ массъ.

Батареи соперничали въ мужествѣ и находчивости. Полковникъ Евреиновъ (командиръ 3-й батареи 41-й бригады, старый севастополецъ), не обращая вниманія ни на артиллерійскій огонь громившихъ его батарей, ни на ружейный, выкатилъ два орудія изъ-за бруствера къ краю хребта и сперва прапеллею, потомъ картечью сталъ осматривать непріятеля. Штабсъ-капитанъ Дмитріевъ также заслужилъ въ этотъ день, во общему отзыву очевидцевъ, репутацію артиллериста блестящей храбрости и распорядительности: чуть только было имъ усмотрѣно движеніе атакующихъ, какъ онъ встрѣтилъ ихъ улащеннымъ огнемъ прапеллей. Въ это время генералъ Шелеметьевъ самъ прѣхалъ на курганъ.

Одинъ изъ турецкихъ таборовъ вышелъ на чистый пригорокъ всего въ 200 саженьяхъ отъ названнаго дивизиона, и мгновенно посланная три прапелли разорвались въ самой серединѣ противника: въ рядахъ его произошло мгновенное замѣшательство, усиленное палбой стрѣльцовъ, но новыя массы напирали съзади, и турки съ пронзительнымъ крикомъ бросились впередъ и заняли площадку, откуда были свезены три орудія другаго дивизиона.

Не дрогнулъ 1-й дивизионъ, ибо имѣлъ примѣръ своего начальника: турки встрѣчены картечью въ упоръ, но огню. Не заставляли себя ждать и стрѣлки: 1-я рота и прибѣжавшая полрота 4-й роты (пор-

тупей-юнкеръ Воскресенскій) одновременно съ картечью орудій истрѣчаютъ ихъ выдержанными залпами; приближавшая сабля рота панигорцевъ присоединяетъ и свои залпы.

Турки не выдерживаютъ этой массы чугуна и свинца, выпущенныхъ въ упоръ, и съ страшными потерями бросаются назадъ; штабсъ-панитанъ Дмитриевъ посылаетъ имъ въ саблѣ очередь шрапнелой, съ установкой трубки на $1\frac{2}{3}$ секунды времени горѣнія.

Отдѣльные храбрецы, впрочемъ, добыгали до орудій и бросались на 1-ю роту, но разумѣется были поднимемы на штыки.

Отхлынувши массы неприятеля, оставляя за собой черныя саблѣ убитыми и ранеными, разсыпались по балкамъ и открыли ружейный огонь. Но этия бой за обладаніе Лѣсистымъ курганомъ и Столовой горой не кончился. Турки видимо готовились къ новой атакѣ. Генералъ Шелеметьевъ приблизилъ резервы—два баталіона александровцевъ къ Лѣсистому кургану.

До десяти разъ возобновляли турки свои атаки и каждый разъ были отражаемы столь же успѣшно. Войска генерала Шелеметьева были воодушевлены до крайности; послѣ каждой отраженной атаки росла сила защитниковъ и ихъ воодушевленіе.

Два раза 1-я рота стрѣлковъ, послѣ выдержанныхъ, по командѣ ротнаго командира, какъ на смотру, залповъ, бросалась въ штыки. Последняя атака турокъ была произведена въ семь часовъ вечера. Наконецъ, бѣшенныя атаки турокъ противъ нашего праваго фланга прекратились, ослабѣлъ и ружейный ихъ огонь, только Амбразурная продолжала громить Столовую; но наконецъ и она затихла.

Спокойствіе поцѣрилось, наконецъ, на всей линіи. Позіціи Самеба и Столовой горы остались за нами.

День 12-го еще разъ доказалъ значеніе системы дѣйствій на подобнаго рода театрѣ войны; подготовка позіціи въ инженерномъ отношеніи оказала намъ огромную услугу; позіція, завитая на всѣхъ своихъ опорныхъ точкахъ и помѣщенными въ ложементахъ прикрытіями, была вдоль и поперекъ соединена сообщениями, что дало возможность легко и удобно взаимно поддерживать другъ друга атакованнымъ частямъ; турки, перейдя въ изступленіе, наткнулись сами на укрѣпленія, хотя и ничтожной профили, но хорошо примѣненныя къ мѣстности и достаточныя для сохраненія насъ отъ излишнихъ потерь и для придаенія всей оборонительной позіціи извѣстной устойчивости. Нечего и прибавлять о значеніи укрѣпленій: редута Самеба и Денибекова кургана.

Когда бой стихъ окончательно, и мы спустили передовыя цѣпи

ивны впередъ, то убѣдились въ громаднѣхъ потеряхъ, понесенныхъ неприятелемъ: множество убитыхъ и раненыхъ турокъ покрывали собою склоны отъ Самеба и Лѣсвстаго кургана и лежали неубранные. Особенно много ихъ было противъ праваго фланга, но всѣ попытки съ нашей стороны убрать ихъ были тщетны, такъ какъ изъ траншей осыпали градомъ пуль смѣльчаконъ, пытавшихся вытаскивать раненыхъ. Выставляли бѣлый флагъ, но и это не помогало. Только ночью удалось вынести ближайшихъ раненыхъ, но и то подь огнемъ турокъ, такъ что мы должны были бросить остальныхъ на произволъ судьбы, дабы не терять при исполненіи этого долга своихъ людей.

Мы забыли упомянуть, что, одновременно съ атаками регулярныхъ войскъ на центръ и лѣвый флангъ нашего расположенія, въ теченіе того же дня 12-го іюня, враждебныя кобузетцы многократно и усиленно бросались на крайній лѣвый флангъ нашъ съ тыла, наступая внизъ по теченію р. Кинтриши, но мы приняли здѣсь свои мѣры: ущелье Кинтриши, заключенное между двумя возвышенными сомкнутыми укрѣпленіями на Самеба (редуть Бараганскаго) и Денибековомъ курганѣ, было еще преграждено вшау заслономъ изъ Гурійской дружины и роты пятигорцевъ; и здѣсь кобузетцы были отбиты, поражаемые во флангъ артилерією съ редута Самеба и съ Денибекова кургана.

12-е число для кобузетскаго отряда было сушимъ праздникомъ; всѣ поздравляли другъ друга.

Успѣхъ дѣла 12-го іюня принадлежалъ, главнымъ образомъ, руководителю операціи, предусмотрительно завѣсившему основательно послѣдній гребень до Цихисдири и цѣлесообразно расположившему тамъ войска и укрѣпленія, а также стойкости артилеріи и пѣхоты. Успѣхъ наименѣе численнаго праваго крыла и полный порядокъ, тамъ соблюдавшійся, особенно бросается въ глаза. Приводимъ скромное донесеніе доблестнаго начальника праваго крыла.

По донесенію генерала Шележетьева, «успѣшный исходъ дѣла 12-го іюня для праваго фланга», имъ предводительствуемаго, «слѣдуетъ приписать стойкости пѣхоты и артилеріи, а особенно неустрашимости, знанію своего дѣла и удивительному порядку, соблюдавшемуся въ ротахъ 2-го стрѣлковаго баталіона, которыя, будучи раскинуты на большомъ протяженіи, но болѣе важнѣхъ пунктахъ позиціи, дѣйствовали самостоятельно. 3-я и 4-я батареи, не смотря на то, что были положительно осыпаемы съ утра до пяти часовъ вечера гранатами съ батарей каврикскаго позиціи, оказали пѣхотѣ при отраженіи атаки неприятеля

существенную помощь, действуя по штурмовым колоннам противника картечью» (*).

Приводимъ текстъ донесенія командующаго войсками:

«Усиѣхъ вѣреннѣхъ мѣхъ войскъ въ дѣлѣ 12-го іюня самый рѣшительный, и я считаю своей пріятной обязанностью доложить о ихъ мужествѣ, непоколебимой стойкости и способности переносить военные труды. Артилерія не дрогнула передъ наступающимъ неприятелемъ и доводила его до ближней картечи. Пѣхота геройски отстаивала честь своего оружія и нѣсколько разъ ходила въ штыки. Усиѣхомъ дѣла я обязанъ начальнику кобулетскаго отряда, генералъ-маіору Денибекову, и въ особенности хладнокровію и распорядительности командира 1-й бригады 41-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіора Шелеметьева, и командира 151-го пѣхотнаго Пятигорскаго полка, полковника Бучкіева; эти послѣдніе находились самолично въ опаснѣйшихъ пунктахъ и руководили ходомъ обороны».

Что касается нашихъ потерь, то, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній (общая потеря 12-го считалась въ 74 человѣка), а потому и не приводимъ ихъ здѣсь, за исключеніемъ потерь за оба дня, т. е. 11-го и 12-го, въ трехъ стрѣлковыхъ баталіонахъ, которые ниже и представляемъ.

	Убитыхъ.		Раненыхъ.		Контузенныхъ.		Общая потеря.	
	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.
Въ 1-мъ стрѣлковомъ Его Высочества баталіонѣ	—	26	1	53	—	2	1	83
Во 2-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ	—	4	2	23	1	8	1	35
Въ 4-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ	—	18	2	106	1	10	3	137
Итого въ трехъ стрѣлковыхъ баталіонахъ 5 офицеровъ и 255 нижнихъ чиновъ.								Потери 1-го и 4-го стрѣлковаго баталіоновъ относятся только ко дню 11-го іюня, а 2-й стрѣлковый баталіонъ участвовалъ 11-го и 12-го.

Насколько неэффективенъ былъ огонь турецкой артилеріи, доказываетъ, что 3-я батарея 41-й бригады, бывшая два дня подъ непрерывнымъ огнемъ по крайней мѣрѣ 14-ти орудій (считая и огонь бро-

(*). Донесеніе генерала Шелеметьева о дѣлѣ 12-го іюня командующему войсками.

неносцевъ), потеряла всего 9 человекъ прислуги ранеными. Болѣе другихъ изъ батарей потеряла 2-я батарея 19-й артиллерійской бригады. Офицеровъ отрядъ потерялъ достаточное количество, отмѣтимъ: командующаго тремя баталіонами Александропольскаго полка, флигель-адъютанта Его Величества подполковника Заадъ Шавлевича Теріева (*), смертельно раненаго въ животъ; командира 4-го стрѣлковаго баталіона, майора князя Меликова, раненаго въ руку (**), и друг.

Потери непріятеля были весьма значительны.

На другой день, 13-го іюня, командою охотниковъ, посланныхъ подъ начальствомъ подпоручика Виноградова для осмотра поля сраженія на болѣе отдаленномъ разстояніи отъ нашихъ батарей, были найдены въ кустахъ и вынесены 70 непріятельскихъ тѣлъ и 15 раненыхъ, изъ которыхъ 14 вскорѣ умерли, а одинъ отправленъ въ госпиталь. Другой же командой была найдена въ балкѣ, близъ р. Кинтыша, гряда непріятельскихъ тѣлъ, вѣроятно снесенныхъ туда при отступленіи первыхъ отбитыхъ турецкихъ колоннъ; но предать ихъ землѣ не было возможности, такъ какъ турки, при началѣ работы, открыли изъ ложементовъ огонь залпами по нашимъ рабочимъ.

Суди по числу преданныхъ землѣ непріятельскихъ тѣлъ и по показаніямъ раненыхъ турокъ, потери непріятеля убитыми и ранеными были громады и по меньшей мѣрѣ превышали 1,000 человекъ, въ числѣ которыхъ было много арнаутовъ, привезенныхъ Дервишемъ-пашой, командующимъ батумскимъ корпусомъ.

Приводимъ ниже свѣдѣнія о вынужденныхъ батареяхъ 12-го іюня снарадахъ.

(*) Заадъ Шавлевичъ Теріевъ, флигель-адъютантъ Его Величества, кавалеръ пяти георгиевскихъ крестовъ, одного овицкаго и всѣхъ четырехъ степеней солдатскаго, бывшій командиръ 1-й роты 12-го лейбъ-Эриванскаго Его Величества полка, служившій потомъ въ лейбъ-гвардіи Егерскомъ полку и переведенный въ Александропольскій полкъ, раненъ былъ въ ту минуту, когда привелъ свои баталіоны, по приказанію генерала Шелеметьева, къ подошвѣ Малаго Дженстаго курсана въ періодъ направленныхъ на него турецкихъ атакъ, ранговариваясь съ генераломъ Шелеметьевымъ. После сильныхъ страданій скончался 13-го іюня.

(**) Князь Меликовъ оправдался вскорѣ отъ раны, вернулся командовать баталіономъ и въ ночь съ 5-го на 6-е ноября былъ смертельно раненъ подъ Карсомъ, командуя колонной, взявшей фортъ Суваря.

БАТАРЕИ.

	Число орудий.	Обыкновенно-палаточный.	Шрапнелей.	Картежей.	Всего.
2-я батарея 19-й артиллерийской бригады.	8	133	133	—	266
1-я > 41-я > >	4	51	41	—	92
2-я > 41-я > >	2	18	21	—	39
3-я > 41-я > >	8	132	143	—	275
4-я > 41-я > >	8	295	76	12	371
5-я > 41-я > > (*)	2	10	15	—	25
6-я > 41-я > >	8	20	30	—	50
1-я > 38-я > >	8	60	50	—	110
3-я > 38-я > >	8	250	250	8	500

Ночью съ 12-го на 13-е июня на боевых линиях были случаи тревоги, оказавшиеся фальшивыми; кое-гдѣ была поднималась безпричинно ружейная трескотня. 13-го июня въ войскахъ отряда еще не было извѣстно рѣшеніе, что мы предпримемъ дальше. По приказанію начальства, въ войскахъ былъ распространень слухъ, что предпринимается обходъ и ждемъ только разрѣшенія. На боевых позиціяхъ нелѣзно было соблюдать всѣ мѣры осторожности. Подступы къ Деңибекову кургану и самъ курганъ съ восточной стороны и со стороны Кинтриши были обставлены засѣлками. Отразивъ турокъ 12-го июня, мы однако далеко еще не были увѣрены, что они не возобновятъ нападены; на боевой линіи и на восточномъ фронтѣ повсюду были приняты мѣры осторожности; не была оставлена безъ вниманія ни правая сторона нижняго теченія р. Кинтриши, непрестанно освѣщавшаяся сильными разьѣздами, ни оба берега средней Кинтриши (восточный фронтъ), гдѣ заслонъ, обращенный въ сторону верховья, получилъ сильный резервъ въ колоніи полковника Гурчина, въ составъ которой входили 1-я и 4-я Кавказскіе стрѣлковыя батальоны. Колонна полковника Гурчина имѣла характеръ общаго резерва по отношенію къ боевой линіи, и частнаго—для сказаннаго заслона, въ сторону враждебныхъ кобулетцевъ. Кобулетцы, часть которыхъ (сел. Верхніе-Кобулеты) уже изъявила покорность, если и имѣли въ виду передаться намъ въ случаѣ успѣха подъ Цихидири, теперь, послѣ того, какъ мы были отбиты отъ укрѣпленнаго лагеря, естественно оставили свои намѣренія и, какъ

(*) Шесть орудій 5-й батареи 41-й бригады въ день 12-го находились у Деңибекова кургана, а остальныхъ два были непродолжительно на Самеба и въ десятую часть утра присоединились къ батареѣ.

бы предчувствуя, что мы их покинемъ, только усилили свою игру въ руку турецкому правительству. Жители сел. Верхніе-Кобудеты, вследствие явно враждебныхъ отношеній жителей остальныхъ селеній, опасаясь ихъ мести и кары турецкаго правительства, переселились къ намъ въ лагерь и были размѣщены гдѣ-то въ районѣ Денибекова кургана. Цѣлый день въ сторонѣ ихъ селенія, изъ-за моря зелени поднимались къ небу столбы чернаго дыма: то предавались огню ихъ дома и имущество...

Въ числѣ передавшихся намъ жителей селенія были и мѣстный муза, который, еще 12-го іюня, съ серьезнымъ и мрачнымъ лицомъ смотрѣлъ съ высоты Денибекова кургана на кипѣвшій бой и, видимо, опасаясь торжества своихъ единовѣрцевъ. Былъ и одинъ офицеръ турецкихъ регулярныхъ войскъ.

Между тѣмъ на Денибековомъ курганѣ, по приказанію командующаго войсками, были собраны фургоны и полуфурки полковъ 41-й пѣхотной дивизіи для перевозки въ Озургеты женщинъ и дѣтей передававшихся намъ селенія и части захваченнаго ими имущества.

Командующій войсками ревниво охранялъ площадку кургана, гдѣ происходило ихъ усаживаніе, изъ желанія уважить восточный обычай мусульманъ, чтобы мужчина не видѣлъ лица женщины, для чего удалялъ съ площадки всѣхъ любопытныхъ, многимъ изъ офицеровъ удалось взглянуть на красивыхъ представительницъ прекраснаго пола Кобудетин. Онѣ усаживались очень весело, многія улыбались и, повидимому, не особенно горевали переменѣю своего положенія и мѣста пребыванія.

Тотъ же день 13-го іюня былъ наполненъ и чисто артиллерійскими хлопотами по поводу большого процента испорченныхъ орудій, т. е. такихъ, временному дѣйствию которыхъ мѣшала обнаружившіяся прорывъ газовъ; мы говоримъ временному, такъ какъ переменѣю кольца, чистка и пришлифовка запирающихъ плоскостей была достаточна для приведенія ихъ въ полную годность. Къ сожалѣнію, не помню числа орудій, пришедшихъ къ сказанному состоянію послѣ двухдневнаго боя, помнителъ только, что давленіе это встрѣчалось почти во всѣхъ батареяхъ. Въ 3-й батареѣ 38-й бригады былъ случай удивительно изогнутаго и искалеченнаго кольца: надъ нимъ въ раздумьи останавливался не одинъ артиллеристъ. По поводу испорченныхъ орудій работала комсія, созванная начальникомъ артилеріи.

Трудно было навѣрное опредѣлить, что главнымъ образомъ способствовало столь часто повторявшемуся случаю порчи орудій (замѣчавшемуся и на другихъ театрахъ: въ Плевнѣ—въ артилеріи отряда генерала Скобелева 30-го августа, въ бою 20-го сентября въ дѣйствующемъ

корпуса на кавказско-турецкой границе и друг.), какъ только обстоятельства боя требовали частой стрельбы: недостатокъ-ли воды въ бакахъ, недостатокъ-ли количества сальныхъ тряпокъ для протирокъ запыляющихся плоскостей, скорое-ли приведение этихъ тряпокъ въ сухой видъ, вследствие частаго ихъ употребленія и большого количества порохового нагара на запыляющихся плоскостяхъ, недостатокъ-ли тщательной пришлифовки сказанныхъ плоскостей, случай-ли попаданіи въ каналъ орудія песчинокъ или другихъ постороннихъ веществъ, заносимыхъ въ него банникомъ при досылкѣ снаряда, если предварительно № 4-й держалъ банникъ не на носкѣ сапога, а на землѣ, — трудно опредѣлить.

На турецкихъ позиціяхъ весь день 13-го іюня хотя и было покойно, въ смыслѣ активныхъ противъ насъ предпріятій, но за то была замѣчена дѣятельность другого рода: къ устью Кинтриши вдоль всего фронта тянулись вышки, и тамъ происходила или отправка убитыхъ и раненыхъ моремъ въ Батумъ, или же, что вѣроятнѣе, посадка войскъ для отправки ихъ на другіе театры, какъ, напримѣръ, въ Сухумъ, гдѣ уже турки высадились, и куда войска, отразивъ наше движеніе на Батумъ, могли быть переброшены не менѣе чѣмъ черезъ 12 часовъ плаванія моремъ; какъ же перебросить войска на сухумскій театръ военныхъ дѣйствій требовалось не менѣе десяти дней.

Нѣтъ сомнѣнія, что, еслибы на Черномъ морѣ мы имѣли нѣсколько лишнихъ быстроходныхъ крейсеровъ, тогда такого рода транспортировка не могла бы производиться безнаказанно, стоило только судамъ этого типа крейсеровать на путяхъ сообщенія Батума съ Сухумомъ.

Кромѣ того, турки усиливали укрѣпленія крайняго праваго фланга, откуда они спустились на впередилежащій гребень, на которомъ насыпали что-то въ родѣ люнета. По поводу возникновенія этого люнета пришла изъ Денибековъ курганъ жалоба на артилерію; почему она допускаетъ его возвести. Почему и говорить о всей неосновательности этихъ жалобъ, съ чѣмъ согласится всякій сколько нибудь знакомый съ «положеніемъ о службѣ, правахъ и дѣятельности начальника артилеріи корпуса или большого отряда въ военное время»; уже изъ одной предшествовавшей боевой дѣятельности отряда вытекало, что батареи открывали огонь по приказаніямъ начальника колонны, отряда и участковъ позиціи; отчего же тогда, 12-го іюня, артилерія стрѣляла картечью не по приказанію начальника артилеріи, а начальника войскъ известнаго участка позиціи; что же мѣшало теперь, если начальникъ позиціи усмотрѣлъ опасность въ возведеніи люнета, приказать открыть ему огонь изъ орудій, находившихся въ его районѣ. Еслибы такая орудія не были снаб-

жены снарядами или не действовали, тогда можно было бы ввести артиллерийское начальство.

Занятый в данную минуту своим настоящим делом, входившим в круг его обязанностей по званію начальника артиллеріи, полковник Филимоновъ, не вступал ни въ какія пренія, которыя отняли бы у него только время, приказавъ мнѣ немедленно поѣхать на лѣвый флангъ и приказавъ открыть огонь противъ строящагося люнета. Я поѣхалъ и поднялся къ редуту Самеба, гдѣ, кромя четырехъ орудій 1-й батареи 41-й бригады, былъ еще дивизионъ горныхъ орудій.

Офицеры артиллеріи редута, къ которому ближе другихъ спустились турки возведеніемъ люнета, сообщили, что укрѣпленіе это возводится турками ночью, что ночью стрѣлять намъ нельзя, а что днемъ никакихъ работъ не производится, срыть же насыпь съ разстоянія 1,200 сажень—задача не по силамъ орудіямъ полевой артиллеріи. Всѣ эти данныя должны были быть известны начальнику этого участка, тѣмъ не менѣе отъ него пришла жалоба: «что артиллерія бездѣйствуетъ, когда у насъ подъ носомъ (1,200 саж.) насыпается укрѣпленіе, а потому рѣшено было, для очистки совѣсти, обстрѣлять безмолвное укрѣпленіе. На крайнемъ турецкомъ правомъ крылѣ вообще было видно большее противъ прежняго оживленіе; даже большой шатеръ Османа-паша, командовавшаго правымъ флангомъ, былъ выдвинутъ впередъ изъ тѣса.

Въ строящееся безмолвное укрѣпленіе было брошено нѣсколько гранатъ, углубившихся въ насыпь. Турки отвѣтили съ Киврике, наши орудія перенесли огонь на непріятеля, приняли участіе и батареи центра, и въ концѣ концовъ завязалась артиллерійская канонада, конечно безцѣльная, напрасно растревожившая отрядъ и очистившая передки отъ нѣсколькихъ снарядовъ.

Ночь съ 13-го на 14-е не прошла спокойно: были тревоги, оказавшіяся фальшивыми; по временамъ, среди глубокой ночи, поднималась ожесточенная стрѣльба, и крики «ура!» перекатывались по всей позиціи:—явленіе это не было отрядно. Это только доказывало, что мы утратили инициативу, и было естественнымъ послѣдствіемъ стоянки передъ непріятельскимъ укрѣпленнымъ лагеремъ, отъ котораго мы были отбиты. Войска были настроены дурно, въ силу сложившихся обстоятельствъ. Не надо забывать при этомъ, что въ составъ отряда входила главнымъ образомъ самая молодая изъ всѣхъ дивизій Имперіи — 41-я пѣхотная.

Въ общемъ, въ войскахъ отряда произошло неизбежное нравственное перерожденіе: когда мы наступали, туркамъ мерещились и ночныя атаки, и ночныя нападенія, и подкрадыванія; теперь мы отбиты, мы

собираемся отступать, намъ мерещатся обходы, у насъ въ цѣни стрѣляютъ по призракамъ. Это неизбежное перерождение усиливалось скрытою завѣсой лѣсовъ, природою, чуждою и непривычною русскому чело-вѣку, и враждебнымъ настроеніемъ хозяевъ этихъ горныхъ и лѣсистыхъ тущей (¹).

14-го іюня всѣ частные начальники узнали рѣшеніе командующаго войсками: отступить на Муха-Эстате.

Всюду—и на боевыхъ позиціяхъ, и на Денибековомъ курганѣ—дѣлались распоряженія и приготовленія къ отступленію, но, въ то же время, приняты были мѣры къ тому, чтобы это отступленіе нѣкомъ образомъ не было замѣчено неприятелемъ. Между прочими мѣрами отиѣтими: запрещеніе снимать палатки до вечерней темноты во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, откуда онѣ были видны съ турецкихъ позицій; таковыми были, между прочими, палатки нашего артиллерійскаго штаба. До отступленія, цѣни оставались на своихъ мѣстахъ, также и всѣ батареи; цѣни высылались даже въ большемъ количествѣ, напрямѣръ, стрѣлки высылались ежедневно до двухъ ротъ отъ баталіона въ сторожевую цѣнь. Первая бумажка, официально трактованная объ отступленіи и полученная утромъ 14-го іюня, была занисна штаба войскъ кобулетскаго отряда слѣдующаго содержания:

«1) Паркъ и ящики, находящіеся на Хуцу-Убани, а также всѣ испорченныя орудія отправить въ 4 часа дня, сего 14-го числа на Муха-Эстате. Въ этомъ пунктѣ паркъ долженъ остановиться на Очха-Мури и, взявъ съ собою остающійся на Муха-Эстате парковый обозъ, вмѣстѣ съ испорченными орудіями, двигаться къ Озургетѣ. Ящики, принадлежащіе батареямъ, должны быть оставлены на Очха-Мури (тылъ Муха-Эстате, у полешвы высотъ) и сланы полковнику Солтану (командиръ 164-го Закавказскаго полка и начальникъ гарнизона муха-эстатскихъ укрѣпленій); 2) 2-е и 3-е зарядныя ящики всѣхъ девятифунтовыхъ батарей должны быть собраны къ шести часамъ вечера сего же числа у праваго и средняго мостовъ и выстунить: отъ праваго моста въ 6½ часовъ, отъ средняго—въ 7½ часовъ и двигаться прямо на Муха-Эстате, гдѣ присоединиться на р. Очха-Мури къ тѣмъ ящикамъ, кои отправляются съ парками. Артиллерійскій обозъ долженъ быть отправленъ вмѣстѣ съ ящиками. 14-го іюня 1877 г. Полковникъ *Калбекъ*».

(¹) Впоследствии, по окончаніи кампаніи, я не разъ спрашивалъ ишанскихъ чиновъ 1-го и 4-го стрѣлковыхъ баталіоновъ: «что, братья, гдѣ было хуже, подъ Карсомъ или подъ Цихедзерѣ?» и всегда получалъ отвѣтъ, что подъ Карсомъ даже въ ночь его штурма было легче. «Подъ Карсомъ по крайности и своихъ видно было, и его видѣть, и ишанъ и такъ спокойно, а подъ Цихедзерѣ ни днемъ, ни ночью нѣтъ покоя, а въ бою ни своихъ не видѣть, ни его, а бѣжать доль лѣса и не видѣть откуда»; «подъ Карсомъ, если отдыхъ, такъ ужъ дѣлается только отдыхъ, а бой, такъ бой—видюмъ кого бьютъ и какъ бьютъ, а подъ Цихедзерѣ отдыхъ не въ отдыхъ, только измучаешься, а бой не дай-то Господи какой поторошій».

Дни 15-го и 16-го июня провели тревожно, въ послѣднихъ хлопотахъ; по ночамъ то же тревожное ожиданіе, та же иногда стрельба и крики «ура!» по линіи расположенія войскъ. Отступленіе массы войскъ въ 21 баталіонъ, 38 пѣшихъ и 8 горныхъ орудій на правый берегъ р. Кинтриша, на гребень Хуцу-Убани, и съ присоединеніемъ на гребнѣ Хуцу-Убани остальной части отряда, а именно пяти баталіоновъ, 12-ти орудій и шести сотенъ кавалеріи, да еще на Муха-Эстате, должно было быть проведено 16-го июня съ наступленіемъ темноты. Все отступленіе должно было совершиться по тремъ путямъ. Справа движеніе прикрывалось болѣе подвижнымъ выступленіемъ правой колонны генерала Шелевцева; слѣва, гдѣ находилось самое чувствительное мѣсто, были расположены вдоль всего пути, фронтомъ на востокъ, баталіоны левко-ранцевъ и завальцевъ (числомъ отъ четырехъ до шести баталіоновъ). Войска, составлявшія гарнизонъ Денибекова кургана (не исключая и четырехъ орудій), не должны были трогаться раньше, чѣмъ лѣвый мостъ не будетъ пройденъ и разобранъ. Первая войска, переправившаяся черезъ лѣвый мостъ, уже составляли усиленіе Денибекова кургана. Вся тяжесть отступленія правой колонны, какъ и всѣ наиболее delicate операции, легли на 2-й стрѣлковый баталіонъ. Для соблюденія порядка при переправѣ, у всѣхъ трехъ мостовъ должны были находиться специально назначенные офицеры; кромѣ того, для уничтоженія мостовъ послѣ переправы, тутъ находились саперные офицеры. Операция отступленія была не изъ легкихъ: нужно было спуститься съ высокихъ горъ неслышно, съ многочисленной артиллеріей, по крутымъ дорогамъ, въ глубокое ложе р. Кинтриша, пройти мосты и потомъ взбираться снова на возвышенный гребень Хуцу-Убани, откуда опять спуститься къ р. Ачука и потомъ снова подниматься къ Муха-Эстате. Но, во всякомъ случаѣ, разъ мы перебрались на Хуцу-Убани⁽¹⁾, то могли уже легко падохнуть; самая трудная часть дѣла была кончена, — мы занимали крѣпкую позицію, и рѣка своимъ свойствомъ преграды обращалась въ нашу пользу. Опасность оставалась только слѣва, со стороны восточнаго фронта; здѣсь на всемъ протяженіи между Денибековымъ курганомъ и Муха-Эстате оставалась одна опорная точка — высоты лѣваго берега р. Ачука. Еслибы жители сторожили насъ здѣсь зорко и, открывъ наше отступленіе рань-

(1) Еслибы мы радѣвали отступленію на два приѣма: сперва отступить только на Хуцу-Убани, потомъ черезъ нѣсколько дней или на другой день — на Муха-Эстате, то нечего и говорить, что неприятель при совершеніи втораго приѣма легко бы насъ не выпустилъ, такъ какъ изъ перваго приѣма убѣдился бы въ нашемъ намереніи отступить. Отступленіе сразу на Муха-Эстате дѣлаетъ честь рѣшимости начальства; кромѣ того, мы выигрывали такимъ образомъ во времени.

ше, чѣмъ мы перебрались черезъ Киптраши, энергично бы насъ здѣсь атаковали,—они поставили бы насъ въ весьма затруднительное положеніе. Дорога отъ Ачкуа до Муха-Эстате шла лѣсомъ, которымъ жители легко могли овладѣть и, пользуясь имъ, какъ плацдармомъ для своихъ споншигъ, прекратить и движеніе. Ихъ могли бы тогда поддерживать и регулярныя войска.

Ничего не могло быть хуже отступленія при сказанныхъ условіяхъ: темная ночь, крутомъ непроницаемый лѣсъ, страшно пересѣченная мѣстность и тяжелое нравственное чувство чиновъ отряда, оставившихъ мѣста, доставшіяся такимъ трудомъ и съ такими потерями.

Было еще свѣтло, когда я услышалъ голосъ начальника штаба отряда, полковника Калбека, просившаго начальника артилеріи передать мени въ его распоряженіе на все время совершенія предстоящаго отступленія. По приказанію полковника Филимонова я немедленно явился начальнику штаба, передавшему мнѣ на остатокъ дня 16-го и утро 17-го іюня рядъ слѣдующихъ приказаній: «Вы поѣдете, когда стемнѣетъ на Муха-Эстате, и выберете мѣсто для расположенія артилеріи лѣвой колонны, а именно для батарей: 1-я и 5-я—41-я артиллерійской бригады, 2-я—19-я бригады, 1-я и 3-я—38-я бригады; старайтесь держаться позицій, на которыхъ стояла артилерія до 29-го апрѣля, и, выбравъ и расчитавъ расположеніе, ждите у дороги съ Денибекова кургана; здѣсь, по мѣрѣ того, какъ батареи будутъ прибывать, указывайте имъ мѣста расположенія и настаивайте на исполненіи вашихъ указаній. Обратите вниманіе, чтобы за линиями орудій были удобныя мѣста для расположенія передковокъ и зарядныхъ ящиковъ. Артилерія, сосредоточенная на Муха-Эстате, будучи прикрыта полкомъ полковника Буцкіева, будетъ покровительствовать своимъ огнемъ отступленію пѣхоты вообще и особенно арьергардовъ. 3-я батарея 41-й бригады входитъ въ составъ правой колонны, а потому ея не ждите». Затѣмъ, пожелавъ мнѣ успѣха, начальникъ штаба отпустилъ меня покончить съ отправленіемъ нашего артиллерійскаго штаба.

Было уже совершенно темно и отовсюду началось неслышимое отступленіе нашихъ войскъ, когда я выѣхалъ на дорогу, ведущую изъ Денибекова кургана на Муха-Эстате. На дорогѣ нагналъ вьючный обозъ, вѣроятно 4-го стрѣльцоваго баталіона, судя по прикрытію; далѣе тянулись вьюки и другихъ частей. Переѣхавъ въ бродъ р. Ачкуа, проѣхавъ бывшее мѣсто расположенія нашего штаба я вступилъ въ лѣсъ, тотъ самый лѣсъ, занятіе котораго жителями могло намъ надѣлать много бѣдъ. Но въ лѣсу было все покойно; направо отъ дороги, въ мракѣ, съ трудомъ можно было различить поддержки нашей цѣпи, углубившейся

въ дѣсь и его сторожившей: то были части ленкоранцевъ и закатынцевъ. Прошло полчаса ѣзды дѣсомъ, когда влѣво я увидѣлъ слабый огонекъ, на который свернуть съ дороги; у огонька различилъ силуэты лошадей и державшаго ихъ казака.

Здѣсь же кто-то, лежавшій на разостланной на землѣ буркѣ, мгновенно вскочилъ при моемъ появленіи: то былъ начальникъ штаба, полковникъ Казбекъ, который, справедливо опасаясь за этотъ чувствительный промежутокъ дороги и собравъ для его заполнения все, что только было свободного, рѣшилъ самъ находиться здѣсь для немедленныхъ распоряженій. Получивъ еще разъ подтвержденіе данныхъ мнѣ ранѣ инструкцій, я поѣхалъ отъ огонька на дорогу, еле видную въ темномъ дѣсу. По дорогѣ, попрежнему, смутно обрисовывались кучки и поддержки цѣли, обращенной на востокъ. Крутомъ стояла та же тишина, также тихо было и на передовыхъ позиціяхъ: все это доказывало, что турки еще и не подозреваютъ нашего отступленія.

Наконецъ, я добрался до Муха-Эстате, слѣзъ съ лошади и, не выпуская поводьевъ изъ рукъ и прибѣгая подчасъ къ свѣту зажженныхъ спичекъ, началъ разбираться и ориентироваться. Исходнымъ пунктомъ мнѣ послужилъ одинъ хорошо извѣстный дубъ, давшій мнѣ возможность сообразить направленіе линій отъ нашихъ батарей въ эпоху стоянья нашей артилеріи на Муха-Эстате. Скоро отыскалъ я на половину засорившійся ровикъ для артилерійской прислуги, обозначившій расположеніе батарей до 29-го апрѣля. Всего найденнаго было достаточно для составленія окончательнаго плана постановки батарей.

Кончивъ расчетъ, я усѣлся у сказаннаго дуба, завернувшись отъ ночной сырости въ бурку, и, не выпуская поводьевъ лошади, терпѣливо ожидалъ батарей, которыя должны были двигаться близко отъ дерева. Не мало времени просидѣлъ я такимъ образомъ, внимательно прислушиваясь ко всякому впередъ звуку, наконецъ послышался гулъ движенія орудій и лычковъ. Я поѣхалъ навстрѣчу и лицомъ къ лицу встрѣтился съ уноснымъ фейерверкеромъ 1-го орудія 1-й батареи 38-й бригады; за ней тянулись остальные батареи, назначенныя стать на Муха-Эстате. Началась разстановка артилеріи.

Батареи 38-й бригады, еще не стоявшія на Муха-Эстате, подобно остальнымъ батареямъ отряда, а потому вовсе не знавшія мѣстности, только подъ утро могли убѣдиться, что занимаютъ прекрасную артилерійскую позицію.

Во время разстановки артилеріи подтягивались и располагались прибывавшія части пѣхоты.

Полковникъ Бучіевъ, обязанный прикрывать всю линію артилеріи,

разставляя батальоны своего полка, требуя болѣе тѣснаго размѣщенія орудій, что не согласовалось съ удобствами предстоящаго дѣйствія и расположенія артилеріи, почему артилерія и осталась на занятых ею мѣстахъ, такъ какъ удобство ея расположенія, а не прикрытія, было дѣломъ первостепенной важности.

Начинало чуть свѣтать, и вотъ впереди, въ томъ самомъ дѣсу, котораго мы опасались, раздались первые выстрѣлы и неистовые крики, открывшіе наше отступленіе, жителей.

Но теперь открытіе это не могло быть опаснымъ: отступили и прошли дѣсъ обозы, артилерія и большая часть пѣхоты; четыре девятифунтовые батареи уже заняли позиціи; оставалась одна 5-я батарея 41-й бригады, двигавшаяся въ составѣ арьергарда и отступавшая по дивизионно.

Между тѣмъ отдѣльные выстрѣлы жителей и нашей пѣли превратились въ универсальный ружейный огонь, и загорѣлся ожесточенный бой. Перебитая отъ дерева къ дереву съ неистовыми криками, кобуетцы стрѣляли по отступавшимъ съ самыхъ близкихъ разстояній.

Между тѣмъ свѣтало все болѣе и болѣе, и усилѣхъ нашего отступленія становился очевиднѣе.

Ружейные выстрѣлы и крики теперь слышались уже и на Хуцу-Убани: то были опомнившіеся войска укрѣпленнаго циххедирскаго лагеря. Ружейный огонь трещалъ и въ правой колоннѣ, долженствовавшей отступить на свои старыя позиціи у р. Ачузъ, на такъ называемую «сакатмейскую позицію», выдвинувшуюся далеко впереди нашего расположенія на Муха-Эстатѣ, что придавало правой колоннѣ характеръ боюваго правофланговаго сильнаго арьергарда. Начальникъ артилеріи послалъ меня къ 5-й батарее 41-й бригады, на которую насаждала кобуетцы съ особой настойчивостью и которую необходимо было временно закрыть на столько, чтобы дать ей возможность взять на задки безъ большихъ потерь, а для этого было необходимо, чтобы какаа нибудь пѣхотная часть бросилась временно впередъ на жителей, т. е. чтобы закрытіе было бы активное.

Батарея имѣла свое небольшое прикрытіе, которое, въ виду близости насаждавшихъ кобуетцевъ, держалось почти на линіи боевыхъ осей. Выручка должна была быть изъ свѣжей части. Оставалось просить какую-либо изъ сосѣднихъ частей выдвинуться впередъ, и я обратился къ старымъ знакомымъ, а именно къ князю Ивану Макаеву (бывшему адъютанту дружины, теперь командиру 4-й сотни гурійцевъ).

Князь Макаевъ уважилъ мою просьбу и повелъ своихъ гурійцевъ впередъ, а выведя ихъ за батарею, рассыпалъ и открылъ огонь, чѣмъ

отвлечь внимание кобулетцевъ отъ батарей и дать ей возможность благополучно отступить. Батарея заняла мѣсто на лѣвомъ флангѣ общаго расположенія артилеріи.

Между тѣмъ окончательно разсвѣло.

Отступление было кончено, и мы твердой ногой стояли на Муха-Эстате. Трудная операція, благодаря ея организаціи, принятымъ мѣрамъ и прекрасному исполненію, была исполнена блестящимъ образомъ.

Приводимъ ниже кое-какія подробности исполненія отступления въ обихъ колоннахъ.

Послѣдней частью, переправившейся черезъ мостъ, была 4-я рота 1-го Кавказскаго стрѣльцоваго баталіона; послѣ ея переправы мостъ былъ разобранъ.

Средній мостъ чуть-было не былъ разобранъ: когда еще одинъ запоздавшій баталіонъ оставался на томъ берегу, завѣдывавшіе переправой, услышавъ говоръ и шумъ движенія долго спустя послѣ назначеннаго для переправы послѣдней части времени, справедливо опасались движенія уже турокъ; разборка моста была приостановлена не безъ опасенія, но русскій баталіонъ былъ узанъ и запоздавшая часть переправилась.

Въ правой колоннѣ (правый мостъ) вся трудность отступления и переправы легла опять на тотъ же самый 2-й Кавказскій стрѣльцовый баталіонъ, который первымъ шелъ и первымъ переправился тутъ же во главѣ правой колонны въ эпоху наступленія отряда.

Въ 10 часовъ вечера на Столовой горѣ оставался одинъ 2-й стрѣльцовый баталіонъ, который долженъ былъ начать отступление въ 12 часовъ ночи, а до тѣхъ поръ, въ случаѣ, если противники замѣтятъ наше отступление и будутъ преслѣдовать, — стоять до послѣдней возможности, прикрывая отступающія части правой колонны. Вотъ какъ изображены эти минуты въ описаніи боевой службы этого баталіона: «Тяжело было намъ въ эти два часа ожиданія, среди подавляющей тишины, окружавшей баталіонъ. Казалось, что вотъ, вотъ изъ-за этихъ темныхъ массъ деревень сверкнетъ выстрѣлъ, за нимъ другой, и турки наядутъ на насъ. Думалось, что если этому суждено случиться, то поскорѣй бы, потому что невыносимо становилось среди этого гробоваго молчанія. Но, какъ видно, непріятель ничего не подозревалъ, и баталіонъ, въ полночь, составляя арьергардъ правой колонны, отступилъ безъ шума со Столовой горы. Въ арьергардѣ баталіона шла 2-я рота; перейдя мостъ черезъ Кинтриши, она останавливалась: 1-я полурота разсыпалась въ цѣпь по правому уже берегу, а 2-я полурота, составивъ ружья, помогла саперамъ разобрать мостъ. По уничтоженіи моста, 2-я рота двинулась за баталіономъ, который занялъ позицію на курганѣ (эюнетъ № 6-го),

гдѣ стоялъ до 24-го мая—до перехода на Столовую гору. У ливнета № 6-го (который смѣло могъ быть названъ курганомъ Шелемѣева) баталіонъ остановился, выжидая, когда пройдетъ столпившаяся артилерія; отъ 2-й роты была выставлена цѣпь».

Только два часа спустя послѣ ухода артилерія, 2-й стрѣлковый баталіонъ съ арьергардомъ изъ роты и боковыми патрулями, съ трудомъ протѣзавшими въ дѣсу, лежавшемъ по сторонамъ дороги, оставилъ курганъ-ливнетъ № 6-го.

Въ это время въ лѣвой колоннѣ завязывалась перестрѣлка съ кобуретцами. Только къ полудню баталіонъ спустился къ р. Ачуа и присоединился къ колоннѣ, ставшей бивакомъ на правомъ берегу р. Ачуа, гдѣ колонна стояла послѣ 29-го апрѣля.

Колонна только-что развѣстлась, какъ съ противоположнаго берега посыпались пули турокъ, поздно узнавшихъ объ отступленіи правой колонны.

Наша артилерія (3-я батарея 41-й бригады) и цѣпь слабо отступали до вечера. Итакъ, въ концѣ концовъ, къ полудню 17-го іюня, и главные силы, и отдѣльная колонна генерала Шелемѣева, прочно водворились на назначенныхъ имъ позиціяхъ. Весь день 17-го іюня и ночь тревожили одни жители, которые, впрочемъ, стали необычайно дерзки и подбѣрались очень близко къ сторожевой цѣпи.

Во время стоянки главныхъ силъ на Хуцу-Убани и далѣе на Самеба, гарнизонъ Муха-Эстате заключился въ редутъ, занимавшій центральную и наиболѣе возвышенную площадку всей муха-эстатской позиціи, а потому все остальное пространство, всѣ остальные площадки были предоставлены парнямъ, войсковымъ обозамъ и вьючнымъ черводарского транспорта. Понятно, что всѣ эти площадки, шеголявшія когда-то чистотой, кое-гдѣ торчавшія домиками и дубовыми деревьями, теперь были совершенно обнажены и густо завалены навозомъ; не было также прежней чистоты воздуха. Въ общемъ Муха-Эстате представляло крайне непривлекательную стоянку: жара, кучи навоза, отсутствіе воздуха и какой-либо растительности и мухи. Штабъ командующаго войсками и начальниа отряда размѣстился на старыхъ мѣстахъ такъ же, какъ и вѣтъ артилерійскій штабъ. Невиданныя дотогѣ міриады мухъ, порожденные навозомъ, разлагавшимся подъ палящими лучами жаркаго солнца, отравляли еще болѣе и безъ того крайне непривлекательную стоянку: невозможно было ни спокойно отдохнуть, ни закусить. Не замедляя появиться и самый опасный врагъ—лихорадка. Стоя на Хуцу-Убани, нездоровое время года для всей этой полосы еще не было ощутительно, но разъ мы водворились на Муха-Эстате—лихорадки были неизбежны.

Все время движенія вперед люди были здоровы и духомъ, и тѣломъ; теперь же, преисполненные тяжелымъ нравственнымъ чувствомъ неудачи въ главной цѣли, сознаниемъ невозможности дальнѣйшаго наступленія, находясь подъ снѣжкимъ впечатлѣнiемъ ночнаго отступленія, выражающагося уже непременно въ осторожномъ, какъ бы боязливымъ возвращенiи домой, въ защищенное, укрытое мѣсто, люди поднялись невольно инстинкту самосохраненія, который болѣе всего говоритъ при подобныхъ операціяхъ. Человѣкъ же, нравственно подавленный, больной духомъ, легче поддается эпидеміи.

Ободрившіеся козубетны теперь начинали вести съ нами положительно партизанскую войну: среди глубокой ночи они поднимали крики и стрѣльбу, то на лѣвомъ флангѣ, гдѣ они подбирались очень близко, то въ тылу, угрожая нашему сообщенію съ Озургетами.

Противодѣйствіе этихъ дерзкимъ угрозамъ мы скоро нашли въ формированiи охотничьихъ командъ отъ всѣхъ частей, — иѣра известная на Кавказѣ, но которая вспоминалась и прiямъ была всегда иѣсколько позже.

18-го іюня была получена телеграма о переходѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай, преисполнившая отрядъ чувствомъ глубокой радости. Въ войскахъ была отслужена молебенъ.

Во время молебна, турки, видя съ Денибековскаго кургана стройные ряды нашихъ войскъ, стоявшихъ на молебнѣ, открыли артиллерійскій огонь изъ орудій, которыми они втащили на курганъ еще 17-го іюня.

Когда кончился молебенъ, начальникъ отряда, генералъ Денибековъ, поздравилъ войска съ успѣхомъ на Дунаѣ. При крикахъ «ура!» были сдѣланы артилерією три залпа боевыми снарядами изъ всѣхъ орудій, стоявшихъ на позиціи, и Денибековъ курганъ исчезъ въ дыму разрывающихся снарядовъ и въ поднятой имъ пыли. Послѣ этихъ залповъ турки болѣе не стрѣляли изъ орудій. Турецкіе перебѣжчики, явившіеся къ намъ въ этотъ и послѣдующіе дни, рассказывали, что наши неожиданные залпы нанесли большія потери туркамъ, столпившимся на курганѣ. У насъ было ранено иѣсколько артиллерійскихъ лошадей.

Въ отрядѣ стало известно, что изъ его состава выдѣляются въ главные силы слѣдующія части: Пятигорскій полкъ, два баталіона севастопольцевъ, два кубанцевъ, 1-й и 4-й стрѣлковые баталіоны, 1-я и 3-я батареи 38-й бригады, Ижметинская дружина и 4-я батарея 41-й бригады, которыя должны были войти въ составъ ингурскаго отряда, назначеннаго для дѣйствія противъ Сухума.

По случаю переменъ въ характерѣ операцій отряда и выдѣленія изъ его состава сказанныхъ частей, начальникъ отряда, генералъ Денибе-

конь, отдать следующий приказъ, въ которомъ очерчена вся предыдущая дѣятельность отряда (*):

«Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со дня объявленія войны, мы, войска кобулетскаго отряда, понесли трудъ, достойный полнаго вниманія. Въ это время, не говоря о ежедневныхъ перестрѣлкахъ съ кобулетцами, мы соорудили болѣе 70-ти верстъ прекрасныхъ колесныхъ дорогъ, разработанныхъ заново въ чрезвычайно пересѣчной и дѣсовой мѣстности, построили четыре укрѣпленныхъ позиціи значительныхъ размѣровъ, совершили четыре блестящихъ горныхъ экспедиціи и имѣли три крупныхъ дѣла, изъ которыхъ одно двухдневное сраженіе, гдѣ противъ насъ дѣствовала большая часть батумскаго корпуса. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ, не смотря на то, что мы не имѣли никакихъ крупныхъ трофеевъ, мы вели себя героями и оставались побѣдителями. Противники, значительно превосходившіе насъ числомъ войскъ, только одинъ разъ рискнули атаковать нашу позицію и, потерявъ нѣсколько сотенъ лучшихъ своихъ войскъ, снова заперся въ своемъ укрѣпленномъ илхизарскомъ лагерѣ.

«Имѣть, когда высшему начальству угодно, чтобы нѣсколько батальоновъ и батарей изъ состава кобулетскаго отряда посѣщивши на другіе театры военныхъ дѣйствій, вы должны покинуть позиціи, занятыя вашими героическими силами, и отойти нѣсколько назадъ, чтобы исполнить съ прежнимъ героизмомъ новую задачу, предназначенную вамъ начальствомъ. Прощаясь съ частями войскъ, исключаемыми изъ состава кобулетскаго отряда, я принимаю какъ имъ, такъ и оставшимся со мною генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ мое душевное спасибо за ихъ честную и героическую службу въ составѣ кобулетскаго отряда».

Наступательныя операціи отряда прекратились надолго. Командующій войсками, находившійся всѣ эти дни временно въ Озургетахъ, долженъ былъ со своимъ штабомъ окончательно переехать въ Кутаисъ, занимающій центральное положеніе по отношенію обороны побережья Чернаго моря отъ Муха-Эстате и Николаевска до Сухума. На Муха-Эстате сосредоточенъ былъ кобулетскій отрядъ, значительно (почти на половину) уменьшившійся въ своемъ составѣ. Начальникомъ отряда (теперь уже дѣйствительнымъ) оставался любимый войсками генералъ Денибековъ, начальникомъ его штаба — полковникъ Казбекъ.

Съ оставшимися частями отрядъ долженъ былъ крѣпко стоять на Муха-Эстате, прикрывая пути въ единственную Гурію. Расположеніе на Муха-Эстате, кромѣ того, упрочивало обладаніе нами Николаевскимъ, положеніе котораго теперь не выходило изъ виду.

Насколько отрядъ при сказанной обстановкѣ честно, стойко и му-

(*) Приказъ по кобулетскому отряду отъ 17-го июля, за № 18-мъ.

жестокости исполнить свою задачу, какие труды выпали на его долю и что было поучительного для военного дела во время шестимесячной стоянки, — об этом мы расскажем в другой раз, а пока попросим у читателей извинения за несколько субъективный характер нашего рассказа и за массу въ воспоминаніяхъ мелочей; но всякая мелочь, пережитая въ русской военной семьѣ при боевой обстановкѣ, кажется чѣмъ-то особенно дорогимъ и при воспоминаніяхъ съ ней трудно разстаться.

Глава XII.

Заключенія и выводы.

Характеръ и способъ дѣйствій, которые слѣдовало намъ принять на при-рюнскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій.—Четыре представлявшіяся способа дѣйствій.—Значеніе Черваго моря для воюющихъ сторонъ.—Значеніе дружельнаго отношенія жителей Лансавскаго санджака для успѣха нашихъ операцій въ 1829 г., 1855 и 1856 годахъ.—Характеръ нашихъ наступательныхъ операцій въ послѣднюю войну.—Дожди, распутица, бездорожное и упорное сопротивленіе жителей.—Средства сообщенія съ источниками веденія войны главными базами, обѣими воюющими сторонами.—Что могли мы предпринять на случай успѣшнаго занятія Цихведзири и Батума.—Значеніе гурійскихъ княздей въ составѣ вооруженныхъ силъ при-рюнскаго театра.—Лучшій способъ дѣйствій въ при-рюнскомъ театрѣ въ виду данныхъ условій.—Необходимость широкой организаціи княздей.—Что необходимо для успѣха нашихъ будущихъ операцій на прибрежномъ театрѣ.—Возрожденіе черноморскаго флота.—Военное устройство Батума.—Организація отряда, строго сообразенная съ природою края.—Типы артиллеріи для при-рюнскаго и при-чозовскаго театра.—Организація парковъ, обозовъ и снаряженіе войскъ.—Охотники.—Партизанскія команды.

Описанныя событія—операціи кобулетскаго отряда, окончившіяся безрезультатно, кромѣ развѣ утверженія на Муха-Эстате и прикрытія Гуріи—естественно вынуждаютъ вопросъ: какой же характеръ и какою способъ дѣйствій слѣдовало принять намъ въ при-рюнскомъ краѣ, въ виду данной обстановки? Такихъ способовъ могло быть четыре: 1) рѣшительное наступленіе противу предмета дѣйствія—Батума, что необходимо вызвало и операціи противъ Цихведзири; 2) рѣшительныя дѣйствія только противъ Цихведзири, съ цѣлью захвата Кинтрашской поланы, прикрытія путей изъ Батума въ Гурію и отрѣзанія враждебной Кобулетія отъ моря; 3) активно-оборонительныя, которыя могли состоять въ захватѣ Муха-Эстате и лѣваго берега Чозока; 4) строго (ваз-

сивно) оборонительныя, которыя въ районѣ Гуріи заключались въ укрѣпленіи г. Озургети и горы Экадіо.

Опытъ прошлаго и стратегическая оцѣнка совершенно ясно указываютъ и тотъ характеръ, и тотъ способъ дѣйствій, который былъ бы самымъ желательнымъ не только для усиленныхъ дѣйствій на ріонскомъ же театрѣ—частномъ, второстепенномъ,—но и для достиженія рѣшающаго усѣха на главномъ театрѣ, въ турецкой Арменіи, противъ рѣшительныхъ предметовъ дѣйствій—Ардаганъ-Барсъ-Эрзерумъ, съ обладаніемъ которыхъ рѣшалась участь войны на всемъ вало-азіатскомъ театрѣ.

Главная сущность вопроса заключалась прежде всего въ значеніи Чернаго моря, берегъ котораго, не смотря на всю свою важность для Россіи, не можетъ составить ни предмета дѣйствій турецкой арміи, въ силу географическихъ условій, ни базиса для нашихъ наступательныхъ дѣйствій въ Турцію, по причинѣ неимѣнія нами морскихъ средствъ на морѣ.

Съ потерей русскаго флота, затопленнаго въ 1855 году, черноморскій берегъ Европейской Россіи пересталъ быть стратегической цѣлью для ея враговъ, и Черное море, бывшее до предшествовавшей войны столь опаснымъ для турокъ, теперь служитъ для нихъ лишь гигантскимъ укрѣпленіемъ, защищающимъ безопасность анатолийскихъ береговъ, и путемъ, дающимъ турецкой арміи средство безопасно транспортировать всѣ свои вооруженныя силы къ любому пункту прибрежья Чернаго моря.

Батумъ имѣлъ, главнымъ образомъ, значеніе удобнаго пункта дебаркаціи и, какъ безопасная стоянка для судовъ, давалъ Портъ возможность сосредоточить сюда громадныя военныя силы и запасы не только до войны, но и въ теченіе самой войны, на случай опасности, угрожающей Батуму, какъ это и было въ минувшую кампанію, 9-го, 10-го и 11-го іюня.

Итакъ Портъ, пользуясь моремъ, на случай нашихъ наступательныхъ операцій располагалъ короткими, лучшими и вполнѣ безопасными линіями сообщеній и имѣла, такимъ образомъ, возможность дѣйствовать по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ, особенно удобнымъ въ силу ихъ полной безопасности (значеніе морскихъ средствъ на водномъ пути).

Что касается до Батума, какъ предмета дѣйствія для нашихъ отрядовъ, то, по словамъ полковника Казбека (1), занятіе Батума, какъ самостоятельная операція, никогда не составляла стратегической цѣли для русскихъ войскъ. Въ войну 1829 года, графъ Паскевичъ приказалъ генераламъ Гессе и Остенъ-Сакену двинуться въ Аджару, Кобулеты и Батумъ, сперва для отвлеченія вниманія мѣстнаго населенія отъ Ахалиха

и Карса, а потомъ для наказанія аджарскаго бека за нежеланіе быть съ нами въ союзѣ.

Наступленія эти кончились неудачей, и эти давнишніе опыты показали, съ какого рода трудностями придется бороться нашему солдату, если обстоятельства вновь приведутъ насъ къ необходимости вторгнуться въ гурицкую Гурзію; опытъ генерала Гессе въ 1829 году позволяетъ вывести слѣдующее: 1) со стороны Гуріи къ Батуму есть только одинъ доступъ — по берегу моря; 2) Кинтришская поляна и Цихисдаири составляютъ ключъ къ обладанію этимъ путемъ; 3) *«по мѣстнымъ условіямъ и по воинственному характеру населенія, успѣхъ похода зависитъ болѣе отъ дружескихъ отношеній къ жителямъ, чѣмъ отъ численности войскъ»*.

Война, тянувшаяся съ 1853 по 1856 годъ, только подтвердила опытъ войны 1829 года. Правда, въ предвослѣдную войну 1855—1856 годовъ, мы не мечтали занять Батума, но враги наши, пользуясь численнымъ превосходствомъ войскъ, изступали по той же дорогѣ, по которой они шли въ 1829 году. Турки въ 1853 и 1854 годахъ, также какъ и въ 1829 году, собрались на той же Кинтришской полянѣ; устроившись здѣсь, они рѣшились перейти въ наступленіе и послали Нигонтеваго дѣла отступали на эту же поляну, чтобы, устроившись, опять перейти въ наступленіе. Но въ 1854 году мы были счастливѣе, чѣмъ въ 1829 году: князь Андрониковъ наголову разбилъ турокъ на лѣвомъ берегу Чолока, т. е. почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ сражался Гессе въ началѣ 1829 года (когда его дѣйствія носили характеръ обороны), и если-бы наступленіе на Батумъ входило въ наши соображенія, то войска наши неминуемо должны были бы идти по берегу моря и встрѣтить тѣ же затрудненія при Цихисдаири и, главное, тотъ же вооруженный народъ, который въ 1829 году составлялъ всю силу мѣстной обороны».

Далѣе, входя въ оцѣнку путей къ Батуму, полковникъ Казбекъ указываетъ, что Батумъ доступенъ для нашихъ войскъ какъ со стороны Озургетъ черезъ Нижніе-Кобулеты, такъ и со стороны Ахалциха, черезъ Аджару и Шависетъ.

О невозможности движенія къ Батуму береговой дорогою уже говорилось нами выше; что же касается до аджарскихъ дорогъ, то, по сло-

(*) «Военно-статистическій и стратегическій очеркъ Дагестанскаго санджака», Полк. Казбекъ, стр. 58.

намъ г. Казбека, онъ всё болѣе или менѣе доступны для движенія только небольшихъ отрядовъ, примѣрно до четырехъ батальоновъ, съ горной артилеріею и выучнымъ обозомъ, а какъ операционный путь удобнѣе другихъ—средняя, т. е. та, по которой шель въ 1829 году баронъ Остенъ-Сакенъ во время первой экспедиціи въ Аджару.

Но, какую бы дорогу мы ни выбрали для движенія на Батумъ, для успѣха операціи, говоритъ полковникъ Козбекъ, «нужно принять за *неизмѣнное условіе, чтобы населеніе турецкой Грузіи или было бы сполнъ за насъ, или же, по крайней мѣрѣ, оставалось нейтральнымъ*». Къ этому убѣжденію легко вѣрять какъ изъ военного описанія Лазикстанскаго санджака, такъ и въ особенности изъ приведенныхъ краткихъ свидѣній о походахъ генераловъ Гессе и барона Остенъ-Сакена въ 1829 году. Предисловія восточная война подтвердила выводы, приведенные выше изъ примѣровъ 1829 года: едва только выяснилась неминуемость войны 1853 года, и турецкія войска стали собираться на Кинтришскую поляну, какъ кобулетцы уже вырѣзали гарнизонъ укрѣпленія св. Николая и принудили начальника гурійскаго отряда очистить Озургеты. Душою наступательныхъ дѣйствій былъ кобулетскій бекъ Хасагъ—бекъ Ганджериде, убитый въ сраженіи при Нигонти.

На сколько было дѣйствительно вліяніе аджарцевъ и кобулетцевъ, или, вѣрнѣе сказать, ихъ бековъ на успѣхъ турокъ въ 1853 и 1854 годахъ, видно изъ того, что, по мнѣнію турокъ, они потеряли Чолокское сраженіе, между прочимъ, потому, что мѣстные беки не симпатизировали Селиму-пашѣ, навлекшему неудовольствіе за свое корыстолюбіе. Другой эпизодъ 1854 года еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль: часть гурійскаго отряда была двинута по левской дорогѣ, чтобы привлечь вниманіе турокъ на эту сторону; русскій отрядъ безпрепятственно дошелъ до д. Левва, не встрѣтивъ ни одного регулярнаго солдата, но здѣсь начальникъ отряда узнавъ, что кобулетцы отрѣзали ему путь отступленія, и, не рѣшаясь возвратиться по старому пути, онъ долженъ былъ просѣкать новую дорогу по лѣсу, ведущему къ Богъизскому посту, на р. Чоловъ.

Всѣ эти примѣры въ связи съ характеристикой населенія даютъ намъ поводъ думать, что безъ содѣйствія населенія Лазикстанскаго санджака турецкая армія, дѣйствующая со стороны Батума, никогда не будетъ въ состояніи достигнуть серьезныхъ результатовъ; а если это населеніе будетъ за насъ, турецкая армія, быть можетъ, не посмѣетъ даже содѣлать высадку въ Батумъ.

Слѣдовательно, лучшимъ средствомъ для парализированія значенія Батума для турокъ и для облегченія его защитѣ нашими войсками будетъ привлеченіе мѣстнаго населенія на нашу сторону. Выполнить эту важную мѣру во время войны, или непосредственно передъ ея началомъ, какъ показали опыты—немыслимо. За то въ мирное время, и именно послѣ 1856 года, когда въ слѣдствіе разныхъ социальныхъ и административныхъ причинъ въ Турецкой Гуріи жила духъ оппозиціи, мы могли легко подготовить почву для будущей войны.

Однако слѣдуетъ помнить, добавляетъ полковникъ Казбекъ, въ заключеніе своей мысли, «что взять Батумъ гораздо легче, чѣмъ удерживать его за собой безъ помощи военнаго флота».

Обладаніе Батумомъ желательно только на столько, на сколько это необходимо для того, чтобы мѣшать высадкамъ а главное господство вать надъ умами жителей, которымъ мы должны будемъ оказывать помощь вооруженной рукой въ томъ случаѣ, если они выразятъ свое тяготѣніе къ Россіи.

«Если это тяготѣніе проявится, повторимъ,—захватить Батумъ не трудно; если же главный факторъ въ нашемъ предположеніи, т. е. населеніе Давидстанскаго санджака, будетъ противъ насъ, мы никакимъ образомъ не должны пытаться занять Батумъ».

Такъ говорили въ своемъ военно-статистическомъ и стратегическомъ очеркѣ предстоящаго театра военныхъ дѣйствій, задолго еще до войны, будущій начальникъ штаба кобулетскаго отряда, и событія кампаніи какъ нельзя болѣе оправдали правильный взглядъ полковника Казбека на систему предстоящихъ военныхъ дѣйствій.

Опыты минувшей кампаніи, очерченной нами въ приведенныхъ воспоминаніяхъ операціи кобулетскаго отряда, доказали всю трудность наступленія при данныхъ условіяхъ; прежде всего, надо замѣтить, что дѣйствія кобулетскаго отряда носили совершенно отличный характеръ отъ таконныхъ дѣйствующихъ корпусовъ на Кавказско-Турецкой границѣ: хотя отрядъ отъ родной границы отошелъ всего какихъ нибудь 30 верстъ—самое большое, тѣмъ не менѣе на его долю выпало не малое количество кровопролитныхъ боенъ и сраженій, въ слѣдствіе упорной мѣстной обороны воинственнаго населенія, а также громадныхъ лишеній и трудности, въ слѣдствіе физическихъ свойствъ края; упорное сопротивленіе кобулетцевъ придавало адѣсь военнымъ дѣйствіямъ партизанскій харак-

терь. Мы двигались въ странѣ, густо населенной враждебнымъ намъ племенемъ, защищавшимъ свои семьи, родные очаги, свои поля и сады, племенемъ воинственнымъ отъ природы, выросшимъ въ своихъ горныхъ и лѣсистыхъ трущобахъ, едва признававшимъ и турецкое владычество и, въ добавленіе всего, фанатическимъ, вооруженнымъ скорострѣльнымъ оружіемъ.

Наконѣцъ, самая страна представляла край, изобилующій весьма значима для упорной обороны.

Причина лишеній и трудностей заключалась въ физическихъ свойствахъ края—глинистой и скважинистой почвѣ, насыщенной водой, превращающейся въ неимоверную грязь, въ которой люди и лошади тонуть; весной дождь идетъ иногда около двадцати дней безъ малѣйшаго перерыва, промачивая одежду до костей и пронизывая почву, пока она не обратится въ насыщенную губку; наконецъ, въ крайне пересѣченной мѣстности, заросшей тропическимъ лѣсомъ, и въ убійственныхъ лихорадкахъ лѣта и осени.

Эти лихорадки составляютъ естественныя послѣдствія накопленія стоячей воды и разложенія органическихъ веществъ.

Самая лѣса отъ избытка влаги гнилы и мягки.

Отрядъ подвигался впередъ крайне медленно и осторожно, кровью и потомъ овладевая лѣсистыми трущобами, предѣлывая къ нимъ просѣки и дороги, съ трудомъ втаскивая на нихъ артилерію и обозъ. Великому новому движенію впередъ, хотя бы на одну или двѣ версты, предшествуетъ прежде укрѣпленіе на старой позиціи, подготовка ея въ инженерномъ отношеніи и вообще основательное устройство своей промежуточной базы.

Разъ на этой позиціи все готово,—двигаемся впередъ, овладеваемъ, при помощи артилеріи, дѣйствующей со старой позиціи, новымъ гребнемъ, и опять начинается проведеніе дорогъ и просѣки къ новой позиціи и устройство ея.

Все вышесказанное, въ соединеніи съ обиліемъ дождей, превращающихъ все эти, съ трудомъ проведенныя, грунтовыя дороги въ невылазныя массы грязи, все ложементы и траншеи въ лужи съ водой, можетъ хотя отчасти изобразить картину тѣхъ лишеній и трудностей, которыя выпали на долю отряда, и систему наступательной войны при этихъ условіяхъ.

Если эти физическія особенности тяжело ложились на пѣхоту и немногочисленную кавалерію отряда, то можно себѣ представить, въ какой степени ложились они на артилерію.

Всадники, пѣхотянецъ и обозъ, состоявшій изъ вѣчныхъ, преимущественно терводарскихъ транспортовъ, — все это могло, хотя и съ трудомъ, пробираться черезъ это море грязи; но девятифунтовыми пушками и четырех-колесными зарядными ящиками это было подчасъ невыполнимой задачей. Тутъ не могло быть и рѣчи о правильномъ и быстромъ выѣздѣ батарей на позицію, какъ это практиковалось на плоскостяхъ Арменіи. Лошади нужны были только для передвиженія и для заблаговременнаго доставленія орудій и ящиковъ съ одной позиціи на другую, и даже эти «перезѣды въ смыслѣ доставки» въ дождливые дни были минутами тяжелыхъ испытаній для чиновъ батарей и лошадей.

Интересно также привести сравненіе, кому было удобнѣе, легче и кто могъ быстрѣе доставлять средства для веденія войны — въ смыслѣ снабженія боевыми и продовольственными запасами: мы или турки?

Турки изъ своего большаго центра — Константинополя (основная — главная база) совершали переѣздъ въ Батумъ моремъ въ 68 часовъ, мы же изъ своего относительно малаго центра — Тифлиса, производили доставки сначала по поти-тифлисской желѣзной дорогѣ, въ 18 часовъ, до станціи Самтреди; затѣмъ, по дурному (въ дни распутицы) шосейному пути, до Озургеть 70—80 верстъ, да отъ Озургеть верстъ 25—30—35 по грунтовымъ (въ дни распутицы невозможнымъ), войсками проложеннымъ, дорогамъ.

Наступленіе кобулетскаго отряда съ цѣлью достиженія рѣшительныхъ дѣйствій противъ Цихисдзири и Батума требовало, въ виду не разъ высказанныхъ соображеній, значительныхъ силъ, сопряжено было, какъ мы видимъ, съ огромной затратой времени и, въ виду стратегическихъ соображеній, не было ручательствъ за успѣхъ, ибо въ средствахъ къ веденію войны турки имѣли явное преимущество.

Самый большой успѣхъ, какового только мы могли бы достигнуть при наибольшемъ напряженіи силъ и тратѣ времени, заключался бы въ овладѣніи Батумомъ и Цихисдзири, во утвержденіе наше на занятыхъ пунктахъ и по охраненію сообщеній съ ними потребовало бы также силъ, которыя едва-ли могла бы выставить кавказская армія, безъ нанесенія крайняго ущерба успѣху операціи противъ Каръ-Эрзерума.

Наше движеніе отъ Чолоха до Цихисдзирскаго лагеря на протяженіи 35-ти верстъ потребовало два мѣсяца времени, и если мы и атаковали эти верки 11-го іюня, а не позже, то только потому, что настѣ торопили, ибо часть нашихъ силъ потребовалась настоятельно на глав-

номъ театрѣ войны въ Малой Азіи; только къ 11-му іюня мы, усиливъ себя значительно подкрѣпленіями, и не безъ опасенія за свои сообщенія слѣва и справа, приступили къ атакѣ передовыхъ верховъ.

Предположимъ, что попытка наша увѣнчалась бы успѣхомъ, и мы сдѣлались бы обладателями высотъ Квирикѣ, Дегва и Цихедзири (что стоило бы намъ громадныхъ потерь),—то, для прочнаго утвержденія на занятыхъ позиціяхъ и для движенія на Батумъ, какія силы потребовались бы вновь? При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что море оставалось бы въ рукахъ турокъ и что, пользуясь имъ, они могли подвезти изъ Константинополя, Трапезунда, Варны и др. пунктовъ большія силы сосредоточить ихъ у Батума и, занявъ любой гребень передъ Батумомъ и сдѣлавъ его недоступнымъ, поставить новое прештствие, или же, высадивъ ихъ въ любомъ мѣстѣ отъ Батума до Поти, угрожать нашими сообщеніямъ съ базой—Озургетами и, при помощи жителей Кобулетин, совершенно насъ отрѣзать отъ Гуріи.

Вотъ чѣмъ рисковали бы мы по взятіи Батума, притягивая къ нему превосходныя силы и обрекая ихъ на долгую бездѣятельность.

Слѣдовательно самый рѣшительный успѣхъ на театрѣ Кобулетин не окупили бы жертва времени и боевой дѣятельности многочисленнаго отряда.

Если же Батумъ не могъ быть окончательной цѣлью операціи отрада, то дѣйствіи противу одного только Цихедзири, по нашему крайнему разумію, казалось бы намъ, имѣли уже слишкомъ мало основанія, тѣмъ болѣе, что наше присутствіе на Цихедзири, купленное цѣной дѣятельности опять-таки весьма числительнаго отряда, все же не лишало Батума значенія пункта дебаркаціи. И мимо Цихедзири, нами занятаго, безпрерывственно совершалась бы транспортировка турецкихъ войскъ въ Сухуму и куда угодно, въ районѣ побережья Кавказа.

Наложивъ всѣ доводы въ пользу оборонительнаго характера дѣйствій, въ виду достиженія рѣшительнаго успѣха на главномъ театрѣ и успѣшныхъ дѣйствій на рѣнскомъ же театрѣ, я позволю себѣ сказать два слова о томъ, какова должна была бы быть организація обороны края и въ чемъ заключались бы для насъ мѣры для достиженія возможности ограничиться при оборонѣ наименьшими силами и для ослабленія вліянія чуждой и непривычной для нашего солдата природы края.

Все это разрѣшалось однимъ путемъ,—путемъ организаціи многочисленной гурійской милиціи.

Если турки сумѣли всю силу мѣстной обороны построить на воору-

женнои населеніи грузинъ-магометанъ, эксплуатируй ихъ прекрасная боевыя качества, то и мы, имѣя ту же природу и такихъ же прекрасныхъ воиновъ въ гурійцахъ православныхъ (давнишнихъ и заклятыхъ противниковъ своихъ соплеменниковъ-мусульманъ), не уступавшихъ кобулетцамъ ни въ умѣнїи драться, ни въ личнои мужествѣ, могли построить и свою оборону на ихъ вооруженныхъ массахъ, подрѣзать ихъ горныи орудіями и самымъ ограниченнымъ числомъ регулярной пѣхоты.

Полковникъ Казбекъ, въ томъ же очеркѣ, говоритъ, что въ день ванги турками форта св. Николая (съ 15-го на 16-е октября 1853 года) мы едва успѣли ступить въ Гурію 2^{1/2} батальона съ 4-ми орудіями, имѣя противъ себя почти 15,000-ный корпусъ Селима-паша.

Вслѣдствіи составъ гурійскаго отряда значительно увеличился, но все-таки до половины 1854 года оборона страны всей тяжестью легла на мѣстную милицію, которая съ честью вышла изъ борьбы.

Мы не безъ умысла остановились на значеніи милиціи во время прошлыхъ войнъ, прибавляетъ Казбекъ; надо думать, что для насъ было бы выгодно воспользоваться ею въ широкихъ размѣрахъ и при будущей войнѣ въ Ріонскомъ край.

Для рекрутовъ изъ внутреннихъ губерній Россіи здѣсь нѣтъ почвы: природа страны съ ея рѣзкими климатическими условіями и переѣздами пагубна для нихъ.

Здѣсь нужно организовать оборону на вооруженномъ народѣ, преданность котораю Россіи испытана. Вопросъ о милиціяхъ изъ туземцевъ особенно умѣстенъ теперь, когда на очереди стоитъ вопросъ о воинской повинности Закавказья.

Генералъ-маіоръ Краевичъ (1) въ своемъ «Военномъ обзорѣніи Ріонскаго края» издаиномъ въ 1870 году, упоминая о средствахъ для веденія войны, какія встрѣчаются въ самихъ жителяхъ, указываетъ на способность населенія къ образованію милиціи и описываетъ характеръ ея.

По его словамъ, «способность къ авантюристской службѣ и дѣйствіямъ малой войны, воинственный духъ, привычка и умѣнье обращаться съ оружіемъ, знаніе и привычка къ горной мѣстности—дѣлають изъ милиціи превосходное войско для выполненія всѣхъ дѣйствій до рѣшитель-

(1) Бывшій начальникъ штаба войскъ при-Ріонскаго края.

ной встрѣчи съ непріязелью; но и при столкновеніяхъ въ открытѣмъ бою, по крайней мѣрѣ съ турками, милиція, не смотря на неправильность строя, отсутствіе военного образованія, малого знакомства съ требованіями дисциплины и, вообще, не смотря на свой главный характеръ, какъ войска ирегулярнаго, одерживала блестящія побѣды; примѣромъ можетъ служить Нигонтское дѣло.

Нужно воспользоваться военными способностями населенія, которое еще не отвыкло отъ оружія и радостно откликается на военный призывъ. Главный недостатокъ туземной милиціи—дурное оружіе (*).

При вооруженіи современными ружьями изъ милиціи легко можно было бы образовать въ короткій срокъ корпусъ стрѣлковъ, который съ большими усѣхомъ могъ бы быть употребленъ не только для одной малой войны и аванпостной службы, но и въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ, наравнѣ со стрѣлками регулярныхъ войскъ.

Нельзя сомнѣваться въ огромной пользѣ, которую туземная милиція можетъ принести при дѣйствіяхъ на пересѣченной и дѣистой мѣстности и въ особенности въ горной войнѣ.

Было бы очень жаль, если-бы, при будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Ріонскомъ краѣ (генераль Краевичъ говоритъ за шесть лѣтъ до минувшей кампаніи 1877—1878 годовъ) мы не воспользовались бы вполне этимъ важнымъ средствомъ, представляемымъ страной для веденія войны. Въ кампанію 1854—1856 годовъ милиція относительно вооруженія довольствовалась собственными средствами; правда, не смотря на то, милиція всегда блистательно выходила изъ дѣла, но она нѣмла противъ себя только турокъ, не пренеосходившихъ ихъ достоинствами своего вооруженія.

Другой недостатокъ милиціи—отсутствіе дисциплины.

Для ознакомленія милиціонеровъ съ дѣйствіемъ ихъ варѣзнаго оружія и обращенія съ нимъ, для приученія ихъ къ правильности въ дѣйствіяхъ, введенія и поддержанія въ нихъ строгой дисциплины, необходимо предварительно поручить дѣло военного образованія ихъ опытнымъ, хорошо знакомымъ съ дѣломъ, строевымъ офицерамъ, которые впоследствии заняли бы мѣста дружинныхъ и сотенныхъ командировъ.

Исправное и своевременное довольствіе всѣмъ опредѣляемымъ по подожжію, составляющее важное условіе для сохраненія постоянно бодрого нравственнаго духа, даже въ войскахъ регулярныхъ, дѣлается предметомъ первостепенной важности въ милиціонерныхъ войскахъ.

(*) Въ минувшую кампанію 1-я дружина была вооружена винтовками Караи, а остальныя дружины, сформировавшіяся въ концѣ войны,—винтовками.

Качественное содержание составляет важную причину поступления в милицию, по крайней мере для большинства.

Как бы хорошо ни была милиция вооружена и обучена, она далеко не принесет всей той пользы, которую от нее можно ожидать, если из нее не будет введено строжайшего контроля за тем, чтобы все отпускаемое от казны доходило до милиционерской совести.

Неисправное получение содержания, как ясно доказывает опыт, будет иметь прямое влияние на дисциплину и сбавляет милицию, при всех ее достоинствах, слабой темпью того, чѣм она могла бы быть при другихъ условіяхъ.

Все причины деморализации вообще дѣйствуютъ въ милиціи сильнее, чѣмъ въ регулярныхъ войскахъ, и потому, темъ болѣе, нужно озаботиться принятіемъ дѣятельныхъ мѣръ къ устраненію этихъ причинъ.

При формированіи милиціи необходимо различать два ея рода: постоянную милицію, правильно организованную, хорошо вооруженную, и, насколько то возможно, обученную правильнымъ дѣйствіямъ; она должна постоянно находиться въ составѣ арміи; другую милицію—мѣстную, составленную изъ жителей тѣхъ мѣстностей, въ которыя вошелъ неприятель, или куда можно ожидать его вторженія, и формируемую, главнымъ образомъ, для защиты этихъ мѣстностей. Снабженія этого рода милиціи отъ казны могутъ быть ограничены отпускаемъ огнестрѣльныхъ припасовъ и отчасти оружія.

Польза употребленія хорошо устроенной милиціи дѣлается ощутительной съ первыхъ моментовъ войны.

Значительное протяженіе нашей вѣншей границы и необходимость обезпеченія страны отъ вторженія неприятельскихъ партій и малыхъ отрядовъ, съ цѣлью грабежа и увода плѣнныхъ, будутъ причиной растянутаго нашего первоначальнаго расположенія.

Очевидно, что такое расположеніе въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ милиціи, постоянной и мѣстной, будетъ шлодѣмъ сообразно съ обстоятельствами. Если эти милиціи будутъ правильно организованы, снабжены варѣннымъ оружіемъ и вѣрены избраннымъ офицерамъ, то можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что онѣ прекрасно исполнятъ свое назначеніе.

Такимъ образомъ, на долю регулярныхъ войскъ выпадетъ занятіе лишь въ некоторыхъ центральныхъ пунктахъ на главныхъ путяхъ, по которымъ съ болѣею или меньшею вѣроятностью можно ожидать наступленія неприятеля.

Тѣ изъ мѣстныхъ собственниковъ-землевлддльцевъ, которые, по своему положенію, происхожденію и клянію въ край, изначалась, въ силу обычая, начальниками дружинъ, далеко не были на высотѣ своего призванія и желательнo было бы, чтобы въ головѣ дружинъ хотя и становились грузины (въ обширномъ смыслѣ слова), но люди военные и по образованію, и по службѣ, а такихъ въ корпусѣ офицеровъ-грузинъ болѣе тѣмъ достаточно, и ничто не обязываетъ, чтобы во главѣ дружинъ были непременно мѣстными клянтельными (гурійскія) лица. Конечно, если послѣдніе обнаружатъ и военное образованіе, и знаніе службы, то дѣло можетъ еще болѣе выиграть; но если ничего этого не будетъ, то тогда традиціонное назначеніе таковыхъ лицъ будетъ просто то же старинное мѣстничество, и прекрасныя военныя качества гурійскихъ дружинъ окажутъ сравнительно ничтожную услугу.

Въ войнахъ 1829—1853—1855 годовъ, сравнительно съ минувшей кампаніей, организація милиціи являлась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; такъ, *въ 1829 году въ отрядѣ генерала Гессе милиція составляла болѣе половины всего отряда* (*).

Въ минувшую войну мы имѣли до 12-го іюня одну 4-хъ-сотенную дружину, составившую $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{12}$ часть всего отряда, вооруженную вдобавокъ ружьями Карле.

Послѣ 12-го іюня сформирована была 2-я дружина, оставшаяся при своихъ кремневыхъ ружьяхъ, и которая ни по эпохѣ своего сформированія, ни по степени готовности, ни по вооруженію никакой существенной пользы принести не могла.

Что касается до характера самыхъ оборонительныхъ дѣйствій, то въ томъ же «Военномъ обозрѣніи Русскаго края» генерала Краевича указаны и средства, и способы.

По словамъ автора, по незначительности нашихъ морскихъ средствъ, отсутствію укрѣпленныхъ пунктовъ на морскомъ берегу и возможности обстрѣливанія этого послѣдняго по всему его протяженію съ моря изъ орудій большаго калибра, мы не можемъ съ успѣхомъ противодѣйствовать высадкѣ непріятельскихъ войскъ.

Съ появленіемъ непріятельскаго флота на Черномъ морѣ, мы должны будемъ отказать отъ обороны какой бы то ни было части морскаго берега.

Наибольшее значеніе въ военномъ отношеніи имѣютъ для насъ тѣ пункты морскаго берега, къ которымъ выходятъ дороги изнутри

(* При 1216 человекъ регулярной клянты было 1315 человекъ милиціи, да такое же ея количество было размѣнено по границѣ.

страны, такъ какъ эти послѣднія не многочисленны и, пролегая по мокро лѣсистому, частью болотистому, пространству передней части большой равнины, представляютъ единственные пути для наступленія непріятеля.

Пути эти слѣдуютъ теченію рѣкъ и всѣ имѣютъ характеръ дефиле. Такіе пункты, начиная съ сѣвера: м. Анаклія, при устьѣ: Нигура, Редуть-Кале, Хони, Поти, Ріона, Молтавы, м. Григорети, при устьяхъ: Супсы, Сема, Николаевскъ и Натанеби.

Такимъ образомъ, непріятель можетъ безпрепятственно занять любой пунктъ на Черноморскомъ побережьи, но дальнѣйшее движеніе его въ страну обставлено неблагоприятными обстоятельствами, такъ какъ оно должно производиться по немногимъ болотисто-лѣснымъ дефиле, представляющимъ весьма важную выгоду для обороны.

Резюмируя все сказанное въ воспоминаніяхъ и приведенныхъ вынодахъ и заключеніяхъ, мы позволимъ себѣ высказать слѣдующія положенія:

Лучшій способъ дѣйствій на ріонскомъ театръ, въ виду данныхъ условій, былъ бы чисто оборонительнымъ, и оборона должна была бы быть построена на самооборону вооруженнаго народа, которому надлежало придать только саперъ и горную артилерію и въ самомъ ограниченномъ числѣ регулярную пѣхоту. Милиціи должны были бы имѣть во главѣ своихъ дружины хорошихъ стрелковыхъ начальниковъ и всѣ поголовно вооружены ружьями Бердана. Также полезна была бы организація позиціонной полевой артилеріи на подобіе Огузетской мѣстной батареи, но только въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Значеніе милиціи изъ православныхъ христіанъ туріицевъ имѣетъ особенное значеніе теперь, когда, съ присоединеніемъ Батумской области, мы имѣемъ на порубежной границѣ нашихъ владѣній съ Турціей, на своей территоріи, воинственное, полное воспоминаніями о прошлой независимости, мусульманское населеніе.

Для успѣха будущихъ нашихъ операцій на Черноморскомъ побережьи, необходимо: во-первыхъ, обладаніе моремъ; содѣйствіе флота упростить, удешевить и обезпечить успѣхъ операцій самымъ надежнымъ образомъ. Владѣющій моремъ пользуется кратчайшими, удобнѣйшими, безопасными и всегда исправными путями сообщеній (дѣйствуя какъ бы по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ, кратчайшимъ иногда уже только въ смыслѣ времени и удобства); во-вторыхъ, устройство въ Батумѣ сильнаго опорнаго пункта—основанія дѣйствій (базы), путемъ сосредоточенія туда значительныхъ запасовъ; въ-третьихъ, стратегическая подготовка театра

войны, устройство многочисленных сообщений, надежных — шоссе и складочных пунктов (магазинов) на узлах сообщений, соотносаясь съ богатством сельского хозяйства того или другого участка (въ Гуріи есть мѣста, гдѣ богато родится по преимуществу кукуруза; въ Кобулетіи — мѣста, гдѣ родится ячмень и сѣно, тоже и въ Аджаріи); въ четвертыхъ, организация отряда въ обширныхъ значеніи слова и во всѣхъ ея отдѣлахъ должна строго соотноситься съ природою края, мѣстными требованіями и характеромъ предстоящихъ военныхъ дѣйствій, а потому при организации отряда должны быть приложены слѣдующія положенія: а) отрядъ долженъ состоять, по преимуществу, изъ людей, привычныхъ къ природѣ края, т. е. изъ туземцевъ Гуріи, Мингреліи и Имеретіи и черноморскихъ племениковъ; б) въ составѣ отряда первостепеннымъ элементомъ должна явиться пѣхота, — легкая, привычная къ мѣстности; в) организация артиллеріи должна строго отвѣчать мѣстнымъ требованіямъ. Въ край колесный обозъ нигдѣ не употребляется; транспортировка всякихъ тяжести производится на вьюкахъ, не только вслѣдствіе отсутствія дорогъ, или преимущества горныхъ дорогъ (тропъ), а вслѣдствіе постоянной распутицы. Но это не исключаетъ колесный обозъ вовсе изъ употребленія: таковой можетъ двигаться по шоссе и по грунтовымъ дорогамъ, но *только въ известное время года*. На основаніи всего вышесказаннаго, по нашему разумію, артиллерія должна быть двухъ типовъ: первый типъ артиллеріи долженъ отвѣчать требованію, сопровождать нѣкоторыя колонны и команды вьюку, во всякаго рода мѣстности и во всякое время года; такому требованію отвѣчаютъ вьючная, горная артиллерія, которая должна явиться преобладающей (отъ четырехъ до пяти батарей въ бригадѣ); горная артиллерія для всѣхъ операций играетъ роль полевой. Обратимъ вниманіе, что лишки горной артиллеріи могли бы возиться также на черводарскихъ лошадяхъ, вполне приспособленныхъ и прирочкованныхъ къ перевозкѣ всякихъ тяжести, а сами черводары искусны ко всякаго рода вьючкѣ. Былъ бы весьма интересенъ опытъ комплектованія горной батареи изъ туземцевъ; среди гурійцевъ не рѣдкость люди съ замѣчательно острымъ зрѣніемъ — прекрасный элементъ наводчиковъ. Смѣливость, природный умъ, способности, хорошее зрѣніе, умѣнье съ дѣтства обращаться съ вьюками дѣлала-ли бы изъ гурійцевъ, да и вообще изъ грузинъ, прекрасныхъ горныхъ артиллеристовъ. Офицеры, артиллеристы изъ грузинъ ищутся въ кавказской арміи болѣе, чѣмъ въ достаточномъ количествѣ; второй типъ артиллеріи назначается для мѣстной службы — усиленія важнѣйшихъ пунктовъ или подвижной (условіемъ такъ называть этотъ типъ), т. е. для сосредоточенія (по времени года и обстоятельствамъ)

на пунктах, откуда потребуется действие или по неприятельскому флоту, или по неприятельскому укреплению. Поясним это примером из прошлой кампании. Горная артиллерия могла сопровождать колонны и 12-го, и 13-го апреля, и если-бы въ составъ колоннъ была многочисленная горная артиллерия, или, вѣрнѣе, если-бы сопровождавшая ихъ артиллерія была горная, то колонны утромъ 13-го овладѣли бы Муха-Эстате, а 14-го, поддерживаемыя многочисленными горными орудиями, могли бы двигаться и на Хуну-Убани, но съ полевой (полевой) артиллеріей такія быстрыя движенія невысмыслимы. 12-го апреля полевая артиллерія отряда застряла у Ботильской топи, весь день 13-го она только переправлялась и только 14-го состоялось трудное движеніе на Муха-Эстате, но втащить эту артиллерію туда можно было по дорогамъ, которыя носили только къ 16 апреля. Выходило, что мы воюемъ съ полевой артиллеріей, какъ обыкновенно воюемъ съ осадной. Сама горная природа края, въ своихъ требованіяхъ, раздѣляла нашу артиллерію на двѣ группы: на горную, сопровождавшую войска, и полевую, постоянно и сильно отстававшую и нарушавшую въ концѣ концовъ, быстроту и успѣхъ операций. г) *Организация снабженія войскъ боевыми припасами вообще и организация парковъ въ частности* сводится къ самому широкому употребленію вьючного способа перевозки, т. е., что возка патроновъ въ войскахъ и патроновъ и снарядовъ въ паркѣ должна производиться на вьюкахъ, но скажемъ — не исключительно; еще лучше было бы, чтобы колесный паркъ заключалъ въ себя всѣ средства для превращенія въ вьючный, оставши лишни на главной базѣ или одной изъ промежуточныхъ базъ, что сводилось бы къ дѣленію нормального парка: на летучій (вьючный) и временно-подвижной; хотя при этихъ условіяхъ наличный составъ лошадей заберети съ собой всего только извѣстную часть снарядовъ, которые они носить «на ходахъ», но можетъ за то дѣлать нѣсколько рейсовъ, а главное, что никакимъ распутиемъ и никакимъ вьючнымъ трономъ не остановить тогда снабженія. Надо помнить, что при операціяхъ на подобнаго рода мѣстности бывають эпохи, когда колесная сообщенія прекращаются надолго, и тогда лошади остаются на мѣстѣ безъ всякой пользы, въ ожиданіи или устройства дорогъ, или перемены погоды. Последнее обстоятельство особенно надо помнить также и при организации обозовъ. д) *Организация обозовъ* также должна быть применительна къ вышеизложеннымъ мѣстнымъ требованіямъ и способамъ, вѣками здѣсь практикующимся. Вьючный обозъ весьма легко и охотно составляется населеніемъ и въ какомъ угодно количествѣ. Обширное примененіе черводарскихъ транспортовъ не исключаетъ однако употребленія и колеснаго обоза, такъ какъ въ извѣстное время года или при слу-

чайномъ сухомъ времени помощью колеснаго обода можно разомъ подвезти съ базы большое количество запасовъ. Въ-пятыхъ, при организаціи войскъ, коимъ вѣдряется служба въ тылу, надо воспользоваться опытѣмъ тѣмъ же единообразнымъ населеніемъ, формируя дружины изъ семейныхъ и старыхъ туземцевъ. Вообще широкое употребленіе милиціи дало бы возможность вѣрить и въ охрану и тыла, и сообщеній, — послѣднихъ въ широкомъ значеніи слова. Въ-шестыхъ, снаряженіе войскъ слѣдовало строго подчинить жѣсткимъ условіямъ, явля образцы въ снаряженіи гурийскаго милиціонера по вѣковому опыту. О деталяхъ снаряженія мы неоднократно упоминали въ воспоминаніяхъ. Въ-седьмыхъ, отмѣтимъ, что въ устройствѣ биваковъ и лагерей надо ввести въ обычай строгій порядокъ и чистоту, особенно отхожихъ мѣсть; наши биваки и лагеря въ самое непродолжительное время превращаются въ мѣста съ воздухомъ, зараженнымъ аловоніемъ. Турки, и особенно кобулеты, напротивъ, поддерживаютъ на своихъ стоянкахъ образцовую чистоту и порядокъ и нигдѣ даже въ сторонѣ отъ биваковъ ихъ не увидишь и слѣда нечистоты, производимыхъ человекомъ; каждый снабженъ маленькой лопаткой, которой и зарываетъ изверженіе. Тотъ же обычай чистоты соблюдается и гурийцами.

Для южнаго князата это обстоятельство имѣетъ первостепенное значеніе.

Отмѣтимъ также и необходимость формированія изъ частей охотничьихъ партизанскихъ командъ, параллельныхъ вредное значеніе скрытой и пересѣченной мѣстности. Нечего и говорить, что команды изъ людей охотничьихъ, расположенныхъ бродить въ лѣсу, сторожить ночью и т. д., гораздо лучше исполнятъ свое дѣло, чѣмъ выдѣленные для этого специально цѣлыя части, уже только потому, что первые сами охотно выносятся на такую службу, а слѣдовательно въ этого рода дѣятельность приложить сердце.

Замѣтимъ также и въ дѣятельности пластуновъ отряда, въ операціяхъ нецѣлесообразное ихъ употребленіе цѣлымъ батальономъ.

